

НЕВРОТИК:
ЕГО СРЕДА И
ВНУТРЕННИЙ МИР

Джозеф Б. Фурст

Джозеф Б. Фурст

НЕВРОТИК

ЕГО СРЕДА И ВНУТРЕННИЙ МИР

Перевод Я.Г.Бронина и Е.Н.Марциновской

J.V.Furst. The Neurotic: His Inner and Outer Worlds. N.Y.: The Citadel Press, 1954

М.: Издательство иностранной литературы, 1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть Первая ОСНОВА НЕВРОЗОВ	3
Глава I ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ.....	3
Глава II КОРА ГОЛОВНОГО МОЗГА И ИСТОКИ ЛИЧНОСТИ.....	27
Глава III ВЗАИМООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ.....	39
Глава IV РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТА.....	50
1. ЭЛЕМЕНТЫ ЛИЧНОСТИ.....	50
2. МОТИВАЦИЯ.....	59
Глава VI ФОРМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ	70
Глава VII ВЛИЯНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ НА ПОВЕДЕНИЕ И СОЗНАНИЕ	91
Глава VIII ПРОБЛЕМЫ БРАКА	112
Глава IX ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ.....	123
Глава X ВОЗМОЖНЫ ЛИ КОРЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО?.....	137
Часть Вторая НЕВРОЗ И ЕГО ЛЕЧЕНИЕ	149
Глава XI ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕВРОЗОВ.....	149
Глава XII НЕВРОТИЧЕСКИЕ ИЗВРАЩЕНИЯ СОЗНАНИЯ	171
Глава XIII НЕВРОЗ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ НЕВРОТИКА.....	200
Глава XIV ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	210
Глава XV ЭТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ	221
Глава XVI ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА	233
Глава XVII ОСМЫСЛЕНИЕ И ИСТОЛКОВАНИЕ НЕВРОТИЧЕСКИХ СИМПТОМОВ....	245
Глава XVIII СВОБОДНЫЕ АССОЦИАЦИИ	256
Глава XIX ПРОБЛЕМА СНОВИДЕНИЙ	265
Глава XX ПОВЕДЕНИЕ ПАЦИЕНТА В ПРОЦЕССЕ ПСИХОТЕРАПИИ	279
Глава XXI ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЛЕЧЕНИЯ	293

Часть Первая
ОСНОВА НЕВРОЗОВ

Глава I

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

Рядовой человек, неспециалист, имеет довольно смутное представление о действительном значении термина "невротик" – вероятно, потому, что психические заболевания все еще окружены множеством предрассудков, а также потому, что сугубо эзотерические писания психоаналитиков отнюдь не способствовали прояснению данного вопроса. По этой причине термин "невротик" применяется для характеристики всяческих – больших и малых – странностей и безрассудных поступков в поведении человека. Кроме того, этот термин приобрел уничижительный смысл, и многие думают, что невротики – это лишь запутавшийся, не замечающий своих слабостей человек, который мог бы преодолеть встающие перед ним трудности простым усилием воли, "отбросив их". Налицо, следовательно, широко распространенная тенденция недооценки невроза как серьезного, тяжелого заболевания. Такое поверхностное и нетерпимое отношение к человеческим страданиям прежде всего неверно, ибо невротики – это человек, который сильно страдает и в то же время чувствует свою беспомощность перед лицом встающих перед ним субъективных и объективных трудностей. Нет такого невротика, который в то или иное время не сделал бы самых серьезных и напряженных усилий, чтобы преодолеть такие трудности. Однако он снова и снова испытывает неудачи и не может решать встающие перед ним проблемы по очень сложным и тонким причинам, которые так легко отбрасываются его более счастливыми собратьями. Невротика терзают сомнения, страхи, заботы, чувство неполноценности, тревоги и многие логически не оправданные навязчивости в мышлении и поведении – все то, что представляется почти невероятным человеку, самому не испытывавшему их или не имевшему случая близко ознакомиться с подлинными чувствами невротика. Страдания последнего не устраняются с помощью логики или самовоспитания. Фактически самовоспитание, непрерывно, изо дня в день проводящееся многими невротиками, невзирая на всевозможные сильные страхи, усталость и болезненные ощущения, посрамит усилия многих из тех самых людей, которые с нетерпимостью осуждают невротиков за их "слабость".

* * *

Вначале я намеревался посвятить настоящую книгу исследованию отношений, существующих между невротиком и теми разнообразными материальными и общественными условиями, в которых он находится. Это, конечно, не совсем новый для психиатрии вопрос, и дискуссия по нему была длительной и оживленной. Тем не менее я счел необходимым вновь поставить этот вопрос, поскольку психоаналитическое его понимание содержит определенные грубые ошибки и является неясным.

Путаница берет свое начало от Фрейда, который дал противоречивые и неудовлетворительные ответы на этот вопрос. Фрейд, по крайней мере внешне, без устали утверждал, что невроз – результат вызванного цивилизацией нарушения инстинктивной деятельности, что чем больше развивается цивилизация, тем больше возникает неврозов. Однако он не выделил и не указал те факторы цивилизации, которые порождают психические болезни. Как показывает более глубокий анализ его теорий, Фрейд считал, что цивилизация оформляется под воздействием противоречивых психических и инстинктивных свойств, биологически присущих человеческой природе. Сущность фрейдистских взглядов сводится к тому, что наша цивилизация со всей ее борьбой и вызываемой ею неудовлетворенностью в основном определяется состоянием ума человека, то есть его агрессивными и противоречивыми психическими влечениями. Хотя Фрейд, строго говоря, никогда не утверждал, что невроз – это причина общественного развития, тем не менее он писал, что не невротические психические силы определяют формы и развитие общественных институтов. Структура семьи, формы общества, деловые и политические конфликты, войны и даже общий ход исторического развития – все это, согласно теории Фрейда, определяется влечениями и чувствами, порождаемыми "инстинктами жизни и смерти".

Таким образом, с точки зрения Фрейда общественная среда, внешняя по отношению к индивиду, формирующая его личность и порождающая невроз, представляет собой лишь продукт тех же влечений и чувств, которые находят более непосредственное выражение в самой личности.

По-моему, фрейдистская теория содержит здесь вопиющую тавтологию. Эта формула в действительности ничего не объясняет, ибо все выводы уже содержатся в предпосылке Фрейда, что поведением человека управляют определенные инстинкты.

Поскольку Фрейд по-своему утверждает, что эти инстинкты непознаваемы и нам известны лишь их психические проявления, то тем самым он утверждает, что мысли, чувства, стремления, желания и т.д. образуются не чем-либо значительным, существующим помимо их самих, а ими самими. По существу, Фрейд описывал и объяснял психические явления, не выходя за пределы психических же явлений; следовательно, фактически он их никак не объяснил.

Другим следствием фрейдистских воззрений является то, что связь невротика с его средой рассматривается не как отношение с конкретно существующими вещами и объективно определенной ситуацией. Вместо этого все в основном сводится к отношению между эмоциональными влечениями невротика и эмоциональными влечениями других людей. Если эти идеи Фрейда довести до их логического конца, то мы можем даже увидеть, что отношение невротика к его социальной среде есть лишь отношение к самому себе, то есть что та социальная среда, на которую реагирует невротик, сама по себе, видимо, движется эмоциональными же силами, существующими во внутреннем мире невротика. Таким образом, для практических целей реальная социальная среда исчезает, и невротиком руководят те же самые стихийные внутренние силы, которые формируют его поведение, как и поведение прочих людей.

Больше того, из аргументации Фрейда вытекает, что у личности могут образоваться такие атрибуты, которые могут существовать совершенно независимо от объективной социальной среды, ибо эти атрибуты создают среду и поэтому являются ею. Однако социальная среда – это нечто существенное и объективное; нельзя так просто отделаться от общества, сводя его к каким-то пучкам мыслей и чувств. О неудовлетворительности ответов Фрейда на вопрос об отношениях между невротиком и его средой можно судить хотя бы по той регулярности, с какой этот вопрос встает все снова и снова.

В США д-р Карен Хорни является одной из наиболее известных представительниц теории, согласно которой неврозы – продукт культуры. Это явилось основной идеей ее первого труда "Невротическая личность нашего времени". В нем она подчеркивает, что аномальные реакции личности вызываются социальными, а не инстинктивными силами.

Хотя это кажется определенным прогрессом по сравнению с фрейдистскими теориями инстинктов, считавшихся причинами и неврозов и общества, однако очевидный недостаток произведения д-

ра Хорни состоит в том, что она не дала четкого анализа соответствующих культурных сил, воздействующих на невротика, и способа их воздействия. Д-р Хорни упоминает определенные социальные силы, порождающие стремления к власти и конкуренции; однако на это уже было указано другими авторами, в частности Ницше и Альфредом Адлером. Д-р Хорни не анализирует источник этих влечений, который находится в самой структуре капитализма, и весьма неопределенно говорит о специфических патогенных элементах капиталистического общества. Вместо того чтобы заняться специальным критическим анализом капиталистического строя, она абстрактно и общо ссылается на "культуру". В конечном итоге Хорни попадает в ту же ловушку, что и Фрейд, проявляя немало тенденций дать психологическое объяснение самой "культуре", которая, по ее предположению, определяет психику¹. Стремление Хорни избежать специального анализа капиталистического общества особенно четко выступает в ее последнем произведении – "Невроз и развитие человека". В нем она сосредоточивает свое внимание исключительно на внутриспсихических процессах невротика, а его общественные отношения и те объективные материальные условия, в которых он живет, совершенно игнорируются. По существу подход Хорни не отличается от фрейдистского.

Эрих Фромм² рассматривает известные стороны капиталистического общества, пытаясь показать, какое влияние они имеют на те или иные черты характера личности. Но данный Фроммом анализ капитализма имеет тенденцию изобразить его таким, каким он был в начале XIX века. Фромм пытается пройти мимо явлений, присущих веку империализма: роста гигантских картелей, насилия и массовых войн, экономических кризисов и роста социализма. Даже в трактовке ранних этапов развития капитализма Фромм стремится сосредоточивать внимание на таких вопросах, как "рынок", купля, продажа и конкуренция. Он игнорирует великие классовые битвы, бесчеловечную эксплуатацию простых людей, нищету рабочего класса; он не анализирует внутреннюю природу капиталистического строя и не показывает, как этот строй влияет на отношения между людьми.

Кроме указанных пробелов в его теории, на подход Фромма к проблеме связи невроза с общественными условиями отрицательно влияет другая тенденция, которая может быть проиллюстрирована основным положением из его книги "Бегство от свободы". Изложив то, как капитализм освободил людей от всех феодальных пут и

ограничений (утверждение само по себе весьма спорное и сомнительное), Фромм говорит, что наступившее состояние "свободы" оказалось психологически настолько нестерпимым, что современный человек не мог его вынести и, чтобы избежать мук этой "свободы", спасался в суровом комфорте тоталитарной диктатуры.

Таким образом, идя отличным от Фрейда путем, Фромм приходит к взглядам, аналогичным фрейдистским. Он распространяется о влиянии "культуры" на личность, но к тому же психологизирует историю и общественные силы, ибо основная идея его работы заключается в том, что подъем фашизма был обусловлен прежде всего *психическими* силами. Он не замечает классовых сил, борющихся за материальные блага, экономических битв, картельных соглашений и той антисоветской борьбы, которая породила фашизм. В сущности, Фромм повторяет ту же тавтологию, начало которой было положено Фрейдом: культура влияет на психику, а сама культура обуславливается психикой. Хотя у Фромма немало двусмысленных положений и можно найти отдельные положения, в которых выражены более правильные взгляды, я уверен, однако, в том, что все вышеизложенное точно передает основные установки Фромма. Имеется еще одно психоаналитическое течение в изучении невротика и его среды, представленное произведениями Кардинера, Линтона, Мида и др. Эти деятели науки занимались изучением культуры других народов, ставя себе целью выяснить соотношение между развитием личности и культурных сил. Это похвальная попытка, но ее эффективность снижается сделанным отбором соответствующих социальных сил, а также некоторыми другими ошибками. В их исследованиях внимание уделяется главным образом тому, какой уход получает ребенок, когда его отнимают от груди, как обучают его одеваться и как кормят, причем эти факторы рассматриваются как важнейшие, определяющие личность взрослого. Экономические факторы, классовые конфликты, историческое развитие и даже образ жизни взрослых едва достаиваются внимания. Например, Кора Дюбуа существенное внимание уделяет методам воспитания ребенка, искусным ритуалам, похоронам, а также обычаям приема пищи³. Но она уделяет слишком мало внимания тому, что едят люди, что производится и кому принадлежит произведенное. Далее, в книге объемом свыше шестисот страниц лишь вскользь упоминается тот факт, что народ Алора живет в условиях голландской колониальной эксплуататорской системы. Этот фактор, столь важный в формировании алорийской культуры, почти совершенно

игнорируется; не исследуется реальное воздействие голландского империализма на алорийский народ. Д-р Дюбуа не изучила, следовательно, главную социальную силу, которая, несомненно, многое определяет в образе мыслей алорийца, в его отношении к явлениям, в его оценочных суждениях, стремлениях и недостатках.

Все эти пробелы и упущения не случайны. Они присущи взглядам этой психоаналитической школы, которая, отвергая фрейдистскую теорию инстинктов, в действительности придерживается ее на практике. Эти психоаналитики, как и Фрейд, считают, что подход к биологическим потребностям ребенка является решающим элементом культуры. Вслед за Фрейдом они утверждают также, что ранние годы детства имеют решающее влияние на формирование личности взрослого. Этот явно статический взгляд на личность неизбежно приводит его приверженцев к тому, что они игнорируют материальные условия жизни взрослых людей, имеющие столь важное значение в определении их поведения и психологи".

Короче говоря, по-моему, можно достаточно хорошо показать, что психоаналитики наших дней, несмотря на все их разговоры о "культуре", не дали исчерпывающего анализа социальных сил и продемонстрировали растущую тенденцию изучать психические процессы у невротика в отрыве от окружающего его реального мира. В действительности эти психоаналитики никогда не отступали от исходной позиции Фрейда. Это весьма наглядно выступает в теоретической ориентации трудов Кардинера, но то же самое можно увидеть и в трудах Хорни и Фромма. Пытаясь объяснить отношения между невротиком и социальной средой, психоаналитики не выходят за рамки по существу биологического или психологического подхода к окружающей среде. В практике психоаналитиков общество представляется не более материальным, чем психика людей. Психоаналитики никогда не отказывались от исходной фрейдистской тавтологии: инстинкты (или биология) создают психику, психика определяет общество, общество определяет психику. Хотя некоторые из психоаналитиков отвергают фрейдистские формулировки об инстинктах, они тем не менее сохраняют сущность указанной тавтологии, а именно – утверждение, что психика создает психику.

Чем объяснить, что психоаналитики неизменно оказываются неспособными выяснить действительные отношения между невротиком и обществом, в котором он живет? Почему они ограничиваются по существу бесплодными, отвлеченными психологическими умозрениями?

Я думаю, что ответ на этот вопрос надо искать в коренной проблеме, встающей в настоящее время перед всеми американскими психиатрами, в том числе и перед психоаналитиками. Невроз фактически является социальной болезнью; но если многие психоаналитики и хотят абстрактно признать эту истину, они все же или не желают, или не способны заняться изучением тех элементов нашего общества, которые порождают эту болезнь. Провести такое исследование – это значит провести критическое, бескомпромиссное исследование капитализма с точки зрения влияния, которое он в настоящее время оказывает на народ, но я думаю, что в целом психиатрия связана с существующим строем слишком тесными узами, чтобы быть в состоянии предпринять подобное исследование. Хотя в ходе дальнейшего изложения и будут даны примеры таких тесных связей с установившимся порядком вещей, следующие выдержки о психиатрах и их связях с промышленностью могут сделать достаточно ясным это положение:

"Предупредительные функции (индустриальных) психиатров имеют множество аспектов, причем постоянно исследуются и развиваются новые сферы. Наиболее перспективной функцией психиатра представляется его *служба в качестве консультанта у тех, кто имеет дело с наемной рабочей силой* (курсив мой. – Д.Б.Ф.).

Психиатр должен уметь приспособляться к работе в рамках данной организации и постоянно помнить, что существует определенная политика промышленных компаний, которую надо учесть, прежде чем что-либо предпринять.

Поскольку моральная обстановка в любой организации в весьма значительной степени определяется в верхах, психиатр, если он хочет эффективно работать, нуждается в одобрении, симпатии, сотрудничестве и понимании со стороны этой верхушки. Психиатру действительно необходимы прекрасные отношения с администраторами...

Другой причиной упорного нежелания рабочих обращаться к психиатрам за помощью в разрешении своих трудовых проблем является тот факт, что почти все без исключения психиатры и психологи на производстве считаются связанными с администрацией; их подозревают в том, что свое умение они используют скорее во вред, чем на пользу рабочих"⁴.

Приведенные нами заявления комитета, авторитетно представляющего главные течения внутри Американской федерации психиатров, ясно указывают на тесную связь психиатрии с администрацией в промышленности. Эта связь неизбежно приводит психиатров к определенной общественно-политической ориентации, которая оказывает весьма сильное влияние на их взгляды. Психиатры не берутся за тщательный анализ нашего общества, ибо это идет вразрез с их приверженностью к существующему порядку вещей. Я думаю, что эта классовая ориентация – сознает ли ее тот или иной психиатр или нет – является основной причиной того, почему современная психиатрия оказалась неспособной дать критический анализ современных социальных условий и их влияния на психические заболевания.

Основная дилемма, стоящая перед психиатрами и психоаналитиками, может быть разрешена только в том случае, если мы доберемся до ее истоков, то есть если сумеем преодолеть неспособность к проведению бескомпромиссного, критического исследования социального происхождения невроза. Вначале такое изучение должно будет разветвляться по двум главным направлениям. Во-первых, это исследование тех сторон нашего общества, которые имеют наиболее непосредственное влияние на возникновение неврозов. Во-вторых, это изучение способа воздействия данных социальных сил на индивида и изучение того, как они калечат его психику. Чтобы исследование, ведущееся в том или ином направлении, имело какую-либо ценность, оно должно проводиться с точки зрения, учитывающей общие условия существования и повседневные нужды простых людей Америки, причем следует честно показать, как наше общество воздействует на их жизнь.

Научный подход к проблемам личности наших американских соотечественников должен начаться прежде всего с признания того, что мы живем в условиях определенной экономической системы – капиталистической системы, для которой в настоящее время характерны раздоры, беспорядок и сумятица. Соединенные Штаты ведут "не совсем холодную войну" с третьей частью человечества. Пока писалась большая часть данной книги, Америка фактически вела настоящую войну в Корее – войну отнюдь не малую, если судить по спискам потерь и по участию в ней свыше 500 тысяч американцев. Соединенные Штаты тратят невиданные суммы денег на подготовку новой войны, в том числе ее атомного, бактериологического и химического вариантов. Несмотря на эти огромные военные расходы,

состояние нашей экономики нельзя считать особенно стабильным. В течение лета 1952 года⁵ у нас было больше девяти миллионов полностью или частично безработных, налицо отчетливые признаки перепроизводства и нависшего экономического кризиса. Так, например. "Нью-Йорк гарантс траст компани" пишет в своем "Мансли ревью" за ноябрь 1952 года:

"В области экономики нет, пожалуй, в настоящее время более важного вопроса, чем позиция правительственных органов в случае наступления или угрозы наступления спада деловой активности.

Эта проблема сейчас более актуальна, чем в какой-либо другой момент со времени принятия закона [о занятости рабочей силы от 1946 года]. По общему признанию, теперешнее процветание держится на временном фундаменте. Программа перевооружения подняла правительственные расходы до рекордного для мирного времени уровня, а капиталовложения – до наивысшей точки... Имеющиеся симптомы говорят о том, что это движение вверх прекратится в не столь отдаленном будущем и что, возможно, наступит спад, который внесет значительные изменения в общую картину деловой активности... Все эти перемены могут произойти в течение ближайшего года; может быть, они будут отодвинуты года на два или больше. Судя по всему, это произойдет в течение срока полномочий очередной федеральной администрации [то есть администрации Эйзенхауэра]".

"Нью-Йорк таймс" от 19 ноября 1952 года так передает речь мистера Эллиота В. Белла, редактора и издателя журнала "Бизнес уик" перед 1200 членами Нью-Йоркского экономического клуба:

"Признаками того, что "величайший бум в истории" заканчивается, – сказал мистер Белл, – являются "сжимающийся" денежный кредит, "сужающаяся" норма прибыли, избыточное предложение на рынке новых домов, приближение к максимальному пределу военных расходов, распространившаяся на весь мир "неустойчивость" цен на товары и растущие затруднения в области внешней торговли.

Продлится ли бум еще шесть месяцев или два года, – продолжает редактор, – республиканской администрации все равно придется иметь дело со значительным экономическим регрессом еще до того, как истечет срок ее полномочий. Возможно, что она окажется перед лицом этих проблем еще до конца будущего года".

Годом позже сомнения почти исчезли, и газеты, журналы, а также отдельные экономисты свободно признавали, что мы вступили в период депрессии; некоторые, правда, утешали себя тем, что назвали последнюю "закономерной паузой".

В капиталистических странах Европы симптомы наступающей экономической депрессии еще более заметны. "Ежемесячный статистический бюллетень Организации Объединенных Наций" за октябрь 1952 года указал, что промышленное производство Англии во втором квартале 1952 года было на 7 процентов ниже, чем за тот же период 1951 года; в Бельгии, Канаде, Дании, Голландии и Швеции сокращение производства за то же время составляло от 1 до 7 процентов. Индекс мирового промышленного производства, исключая СССР, показывает падение на 3 процента, несмотря на включение в общий итог социалистических стран Восточной Европы с их значительным ростом промышленного производства. После окончания второй мировой войны это первый случай падения годового индекса.

Хотя депрессия еще не наступила, мы обременены колоссальными налогами, а уровень цен – самый высокий в истории Америки. Недавнее расследование, проведенное комиссией Кефопера, и сенсационные разоблачения о прямых связях между нью-йоркской городской полицией и различными жульническими игорными предприятиями показывают, что коррупция проникла во многие поры нашей политической и экономической жизни. Для общественной жизни США в настоящее время характерны такие явления, как запугивание красной опасностью, политическая охота за ведьмами, потеря традиционной академической свободы⁶, заключение в тюрьму за политические убеждения и строительство концентрационных лагерей.

Соединенные Штаты все еще производят продукции на душу населения больше любой другой страны, но мы не должны, как это обычно делают апологеты нашей экономической системы, лишний раз сослаться на этот факт и на том успокоиться. Во-первых, достигнутый нами уровень богатства следует сравнивать не с тем, что сделано в других странах, а с тем уровнем, которого мы потенциально могли бы добиться, если бы наша производственная мощность была использована до предела. Во-вторых, надо изучить, как на деле распределяются наши богатства.

Что касается первого пункта, то за десятилетие с 1930 по 1939 год включительно потери, понесенные нашей страной в результате депрессии, исчисляются приблизительно в 271 млрд., или больше чем в четверть биллиона долларов⁷. Это почти равно общей сумме расходов США за весь период второй мировой войны⁸.

Даже тогда, когда общая деловая активность удерживалась на высоком уровне, производственная мощность Америки в значительной степени оставалась неиспользованной вследствие колебаний рыночных цен на те или другие товары. Это особенно относится к товарам широкого потребления за последние годы. Так, например, производство текстильных товаров и одежды сократилось за период с первой половины 1951 года по первую половину 1952 года на 19 процентов, производство бумаги и изделий из нее – на 11 процентов, товаров широкого потребления длительного пользования – на 27 процентов. Строительство жилых домов за тот же период сократилось на 4 процента, а за период с первой половины 1950 года по первую половину 1952 года – на 20 процентов⁹.

Вдобавок к указанным потерям производственной мощности наблюдаются настойчивые тенденции ограничить искусственными мерами дальнейшее производство определенных продуктов или же уничтожить то, что уже произведено.

Газета "Уолл-стрит джорнел" от 21 марта 1952 года в связи с этим писала:

"Вонь поднимается от богатого Среднезападного кукурузного пояса – запах гниющего зерна. Сколько миллионов бушелей понемногу приходит в негодность, никто не знает; меньше других знает это департамент земледелия, хранитель каких-нибудь 400 млн. бушелей".

А в "Нью-Йорк таймс" от 17 июля 1952 года можно прочесть:

"Министр земледелия Чарлз Ф. Бреннан предложил сегодня фермерам путем сокращения озимых посевов уменьшить урожай пшеницы примерно на 170 млн. бушелей".

Производство главных сельскохозяйственных культур в течение ряда лет сдерживалось большей частью правительственными ограничениями посевных площадей. В 1950 году эти ограничения были на 30 млн. акров* больше, чем в 1949 году, а именно: пшеница

- на 11,4 млн. акров, кукуруза - на 11,4, хлопок - на 6, земляные орехи - на 0,4, рис - на 0,3, картофель - на 0,1 млн. акров¹⁰.

* 30 млн. акров достаточно, чтобы обеспечить питание для 12 млн. людей.

Ограничения в производстве фруктов и овощей часто еще более заметны. Так, например, фермеры Калифорнии, выращивающие персики, были принуждены уничтожить 15 процентов урожая 1952 года¹¹. Только 50 процентов урожая винограда 1952 года были классифицированы как "свободные", то есть как допущенные к продаже на рынке; остальные 50 процентов были определены как "резерв" или "избыток".

Роберт Бриттейн так высказывается в своей книге "Да будет хлеб", опубликованной в 1952 году:

"Мы устраиваем отвратительное зрелище сознательного уничтожения продовольствия, в то время как люди испытывают в нем крайнюю нужду. В наших газетах неоднократно появлялись фотографии, на которых изображены горы весьма доброкачественного картофеля, подвергающегося систематическому отравлению. За подобные преступления перед человечеством мы еще будем призваны к ответу... В настоящее время вошло в моду не открыто уничтожать запасы картофеля, а складывать их в любом заброшенном амбаре, в пещерах, в имеющих течь пароходах или отслуживших свой век товарных вагонах, с тем чтобы картофель лежал себе спокойно и незаметно, пока не сгниет"¹².

При всем этом население не получает достаточного количества пищи. Согласно индексу департамента земледелия, продовольственное потребление на душу населения с 1946 по 1951 год снизилось на 7 процентов. *В среднем американец потреблял в 1951 году меньше, чем в 1946 году: мяса - на 16 фунтов, жидкого молока - на 28, свежих фруктов - на 16, свежих овощей - на 18, пшеничной муки - на 23 фунта в год.* Годичное потребление сливочного масла на душу упало с 16,7 английского фунта за 1935-1939 годы до 9,6 фунта в 1951 году, причем это снижение только частично было возмещено повысившимся потреблением маргарина. Следовательно, налицо и количественное и качественное ухудшение питания населения¹³. Ту же тенденцию мы наблюдаем и в жилищном вопросе. Проведенная в 1950 году жилищная перепись показала, что из 44 млн. жилых домов примерно 16 млн., или 37 процентов, были ниже стандарта по качеству; 14 млн. не имели холодной и горячей водопроводной воды,

13 млн. лишены частных ватерклозетов, а у 14 млн. не было частных ванных комнат, 4 млн. домов признаны "ветхими", то есть для жильцов здесь не обеспечен надлежащий кров или даже ставится под угрозу их безопасность. 2,5 млн. жилых домов были определены как крайне перенаселенные¹⁴.

При колоссальной производственной мощности США можно было бы легко справиться с нехваткой продовольствия, жилищ и т.п. Федеральная научно-исследовательская информационная служба в 1951 году подсчитала, что на 65 млрд. долларов, расходуемых сейчас на "национальную безопасность", можно было бы построить за 10 лет 20 млн. жилых домов, за 5 лет – 900 тысяч больничных коек, осуществить такую программу ирригационных работ и субсидий фермерам, которая обеспечила бы весьма значительное увеличение производства продуктов питания – и все это в дополнение к законченной образцовой системе социального обеспечения, охватывающей жизнь человека от колыбели и до могилы¹⁵. По осторожным подсчетам, производительность труда у нас ежегодно повышается на 3 процента. Если бы это достижение систематически использовалось для повышения благосостояния населения, то общий уровень жизни возрастал бы в два раза каждые двадцать лет!

Таким образом, хотя в производстве на душу населения США достигли более высокого уровня, чем какая-либо другая страна, можно было бы добиться значительно больших результатов, если бы наш производственный аппарат был использован до предела. Но этого не происходит *потому, что это невыгодно*. Мы видели, как искусственно ограничивается производство и в сколь больших масштабах уничтожаются продовольственные и другие продукты, для того чтобы укрепить общественную систему, движущей силой которой является стремление к прибыли.

Внимательно присмотримся теперь к реальным условиям, в которых живут массы народа при нашей, наиболее высокоразвитой, капиталистической системе, и подойдем ко второму поставленному выше вопросу – как практически распределяются и используются произведенные в стране богатства. Перепись населения 1950 года показала, что на 20 процентов населения с низшим заработком приходилось лишь 3 процента национального дохода, в то время как на 20 процентов населения с высшим доходом падает 47 процентов, или в 16 раз больше¹⁶.

Согласно данным "Бюро статистики труда", в 1950 году "скромный, но достаточный" бюджет семьи в 4 человека по 34 крупным городам колебался от 3453 до 3933 долларов в год¹⁷. Но в этом же году 54,4 процента всех семей в стране имели меньше 3500 долларов дохода! Меньше этой суммы получали: приблизительно половина всех рабочих, три четверти всех фермерских семей и почти девять из каждых десяти семей сельскохозяйственных рабочих¹⁸. 10 млн. семей, то есть четвертая часть общего числа населения, имели доход ниже 2000 долларов в год.

В недавно опубликованном докладе комитета конгресса под названием "Как сводить концы с концами при доходе ниже 2000 долларов" описываются фактические условия жизни ста типичных семей из этих 10 млн.:

"Когда знакомишься с жизнью этих людей, то индивидуальные особенности судьбы той или иной семьи нивелируются на общем фоне все тех же неизменно повторяющихся явлений: низкие заработки, плохая работа, плохое здоровье, плохие дома, затруднения с получением образования, трудности в применении своих способностей и мастерства, нехватка питания и жилья...

Наиболее распространенный способ сократить продовольственный бюджет – это отказ от употребления мяса и молока (за исключением маленьких детей).

Однако недостаточное питание – это только один из факторов, который может неблагоприятно сказаться на здоровье семей с очень низким доходом. Наряду с этим плохие жилищные условия, скученность, недостаток теплой одежды подрывают физическое состояние и жизненные силы взрослых и вредно отражаются на ребенке в процессе формирования его организма"¹⁹.

Главное бремя бедности в Америке падает на плечи негритянского народа и подвергающихся сегрегации меньшинств (мексиканцев, пуэрториканцев, индейцев). Перепись показывает, что только 14 процентов "небелых" семей имело в 1950 году доход в 3500 долларов и больше, то есть достаточные или почти достаточные доходы. Шесть семей из семи имели явно недостаточные доходы, а 53 процента, или большинство, испытывало крайнюю нужду, получая меньше 2000 долларов.

С точки зрения заработков, жилья и любых других материальных сторон жизни негры не только поставлены в самые худшие условия, но их особое положение крайней бедности продолжает ухудшаться²⁰. Такое бедственное положение негритянского народа влияет на уровень жизни целого района страны – ее Юга. Известный бразильский экономист Жозуэ де Кастро в своей недавно вышедшей книге "География голода" пишет:

"Кажется парадоксальным, что голод существует в такой стране, как Соединенные Штаты, где всегда были вынуждены бороться с излишками сельскохозяйственной продукции... 73 процента населения Юга, то есть более двух третей, питается явно недостаточно"²¹.

Условия в Пуэрто-Рико даже еще хуже. Согласно данным правительственных органов, фабрично-заводские рабочие в Пуэрто-Рико, несмотря на более высокую, чем в США, стоимость жизни, зарабатывали в 1947 году в среднем 749 долларов в год по сравнению с 2538 долларами в США, то есть получали 30 процентов ставок американских рабочих. В своей книге "Бедствующая страна" бывший губернатор Пуэрто-Рико Рексфорд Гай Тагвелл говорит: обследование "примерно 100 000 детей в возрасте до семи лет в Пуэрто-Рико" показало, что "они в среднем отстают в своем физическом развитии" против нормы на 20-25 процентов, "потому что не получают достаточного питания, необходимого для роста".

Набросанная нами картина тех особых условий, в которых фактически живет масса людей в США и в зависимых от нее странах, не очень привлекательна. Невозможно, конечно, перескочить от указанных общих условий непосредственно к психике того или другого индивида; но отсюда лишь следует, что психиатрам крайне необходимо продолжать изучение этих условий, а не проходить мимо них молча, как это до сих пор делалось школой "культурного" психоанализа. Эти условия создают фон таких явлений, как нищета, крушение надежд, плохое здоровье, неудовлетворение культурных запросов, социальная необеспеченность, переутомление, страхи и тревоги, а это все должно прямо или косвенно отразиться на взглядах каждого мужчины и каждой женщины в США. Если все это наиболее тяжело отражается на простых людях, то и высшим классам, хотя и в других формах, приходится испытывать на себе влияние данных факторов, ибо и они живут в тех же общих и специфических условиях капиталистической системы. То, каким образом общие экономические условия жизни оказывают влияние на всякую данную

личность, зависит от классовой позиции, экономических и материальных условий, принадлежности к американской нации или к национальным меньшинствам и, наконец, от индивидуального жизненного опыта данного человека. Этот вопрос требует дальнейшего серьезного изучения, и здесь он поднят лишь в предварительном порядке. Не упуская из виду эти общие условия, необходимо, далее, сделать более тщательный анализ внутренних процессов, присущих нашей социально-экономической системе. Эти внутренние процессы не только создают указанные выше общие экономические условия, но и определенным образом формируют отношения людей друг к другу.

На первый взгляд отношения между людьми в условиях социально-экономической системы США могут быть подразделены на два типа. Первый тип отношений, кажущийся более важным, – это те близкие отношения, которые мы наблюдаем между членами семьи, друзьями – между людьми, любящими друг друга. Второй тип – это те более или менее безличные, кажущиеся даже случайными отношения, которые преобладают в общей экономической и политической жизни нашего общества; например, сюда входят отношения между рабочими на предприятиях, между нанимающимися и работодателями, между покупателями и продавцами. Внешне по крайней мере отношения второго типа выглядят менее важными; может даже казаться, что отношения второго типа обусловлены отношениями первого типа; то есть если приказчик в магазине – личность весьма приятная, то в плане его отношений с хозяином этот факт может представляться нам более весомым, чем те общие, экономически обусловленные отношения, которые сложились между лицами наемного труда и их хозяевами.

Принять видимость за существо проблемы – к этому сводится общепринятый подход психиатров и психоаналитиков. Со времени Фрейда стали утверждать, что любовные, половые и семейные отношения являются наиболее важными в общении людей между собой и что эти отношения определяют личность взрослого. Мы здесь, между прочим, отметим лишь, что психоаналитики не потрудились выяснить, почему любовные, половые и семейные отношения приняли именно ту форму, которую они имеют сейчас в нашем обществе. Психоаналитики считали, что все это обусловлено биологическими факторами, тогда как на деле романтическая любовь – продукт относительно недавнего времени, а семья является экономической ячейкой, чья конкретная форма

определяется экономической организацией того общества, в котором находится данная семья. Таким образом, самые интимные отношения между людьми создаются теми экономическими, классовыми и политическими отношениями, которые составляют базу общества и дают направление всему остальному.

Следовательно, в действительности сущность этого вопроса противоречит кажимости; близкие, "личные" отношения на деле обусловлены более "безличными" социально-экономическими отношениями. Если вернуться к упомянутому примеру с приятным приказчиком из магазина и если от внешне приятельских отношений его со своим нанимателем мы перейдем к их сущности, то увидим, что они – не в одинаковом положении: хозяин эксплуатирует приказчика, причем у них прямо противоположные экономические интересы, которые неизменно возбуждают взаимный антагонизм, подозрительность и другие недружественные отношения. То обстоятельство, что такие отношения не всегда удается обнаружить сразу в ходе исследования, не опровергает и не меняет того факта, что, будучи скрытыми, подобные отношения в реальной ситуации существуют в латентном состоянии, ибо один из этих людей – хозяин, а другой на него работает, один командует, а другой подчиняется, один извлекает прибыль из труда другого, один принадлежит к средним или высшим слоям общества, а другой – к рабочему классу. В конечном итоге – и это касается всех людей – экономически обусловленные "безличные" отношения между работодателями и лицами наемного труда являются тем решающим фактором, который в действительности определяет существующие между ними "личные" отношения.

Различные производительные силы и те отношения, в которые люди вступают друг с другом в процессе производства, – это те элементы, которые определяют все отношения между людьми в обществе. Точнее, такими элементами являются: технические средства и рабочая сила, собственность на средства производства и его организация, а также способ распределения товаров. Это позволяет рассматривать экономическую структуру общества через призму человеческих отношений, а не абстрактно экономически, и мы можем видеть, что именно эти экономически обусловленные человеческие отношения создают базу для всех других отношений между нами.

Одной из наиболее характерных черт нашей общественной системы является то, что денежно-трудовые или товарно-денежные отношения как бы становятся на место отношений между людьми.

Вещи, которые произвел рабочий, принадлежат не ему, хотя они и сделаны им, а принадлежат владельцу предприятия или корпорации. Эти вещи потом поступают на рынок для продажи, и когда мы покупаем их как потребители, то тем самым мы вступаем в определенные отношения с торговцем, владельцем предприятия и рабочими, которые произвели данные товары. Хотя эти отношения действительно имеют место, они кажутся безличными, принимая форму отношений между нашими деньгами, с одной стороны, и трудом или товарами каких-то людей – с другой. Этот товарно-денежный обмен является безличным посредником, при помощи которого в сфере производства и распределения осуществляются многосторонние связи между людьми. При рассмотрении капиталистического строя в целом мы приходим к очевидному заключению, что товарно-денежные отношения являются посредником, благодаря которому люди обменивают друг с другом продукты своего труда. В своей основе товарно-денежные отношения суть отношения между людьми, но внешне они представляются лишь как финансовые операции по обмену.

В нашей экономической и общественной жизни эти денежные отношения скрывают, замещают и затемняют непосредственные, личные отношения между людьми, набрасывая на все покров безличной путаницы. Так, например, рабочие на заводе или бригада железнодорожного поезда кажутся нам работающими за деньги, причем каждый из них трудится индивидуально, для своих личных потребностей. В действительности же их связывают отношения сотрудничества, в противном случае завод не функционировал бы, а поезд не двигался бы. Фактические отношения между этими рабочими отличны от кажущихся отношений между ними.

Таким образом, в результате наличия товарно-денежных и денежно-трудовых отношений (ибо труд – тоже товар, который продается за деньги) нелегко распознать и понять подлинные связи между людьми. Не разобравшись в этих отношениях между людьми, мы не сможем также понять источники и природу человеческих влечений, эмоций и тех реакций, которые одни люди вызывают у других.

Далее, поскольку ввиду сложности товарно-денежного обмена в нашем обществе нелегко разобраться в характере подлинных отношений между людьми в целом, поскольку во многих случаях сущность этих отношений противоречит их внешней видимости, кажется, что общественные процессы совершаются таинственно. Социальные процессы кажутся всецело зависимыми от влияния

случайных событий, иррациональных сил и от воли отдельных людей. Это и создает почву для всех философских, социологических, психиатрических и психоаналитических теорий, которые говорят, что люди в своем поведении побуждаются неизвестными, внутренними силами либо духовного, либо биологического характера. Согласно психоаналитической теории, движущие силы отдельных людей и нашего общества исходят из непознаваемого бессознательного. Мне думается, что нарисованная Фрейдом картина этого бессознательного со всеми его иррациональными, противоречивыми и разрушительными силами лишь отражает смутное понимание им самим капиталистического общества и тех сил, которые им движут.

Другой основной чертой нашей экономической системы является глубочайшее противоречие, коренящееся в самой ее сердцевине. Общественно-объединенный труд, составляющий основу всякого производства, совершается в специфических, противоречивых условиях, когда все орудия производства, фабрики, рудники, железные дороги и т.д. являются частной собственностью различных людей. Производство по характеру своему общественно, но им владеют и управляют лица, которые используют его в своих целях, ради извлечения прибыли. Таким образом, с одной стороны, мы видим множество отношений сотрудничества, складывающихся в процессе производства, с другой стороны – конкуренцию между отдельными лицами, собственниками средств производства и торговых дел.

С точки зрения связей между людьми это значит, что между нами, американцами, ныне имеется две системы отношений, взаимопроникающих и в то же время противоречащих друг другу. Мы вместе вступаем, иногда сами того не сознавая, во множество отношений, объединяющих людей. В то же время мы вынуждены активно конкурировать друг с другом. При этом оба указанных типа деятельности настолько перемешаны, что часто мы не только с одними сотрудничаем, а с другими конкурируем, а нередко одновременно сотрудничаем и конкурируем с одними и теми же лицами!

Как бы ни были скрыты или приукрашены эти два основных ряда противоречивых отношений безличными денежными отношениями и как бы они ни отрицались апологетами существующего строя, они представляют главную деятельность людей вообще. Эта противоречивая деятельность неизбежно находит свое отражение в

нашем сознании в виде противоречивых идей, оценочных суждений, влечений и эмоций. *Это и является подлинным источником конфликтов в "человеческой природе", как мы сами их испытываем.*

Если мы не будем упускать из виду указанный факт, то не забудем, что свойственные человеческой природе конфликты имеют внешний, объективный, а не внутренний, субъективный, или биологический, источник. Мы узнаем, далее, что эти конфликты могут быть сознательно изучены и разрешены; мы можем распознать их границы и специфические качества. Нам нет больше нужды подходить к этим конфликтам с субъективистской, мистической или прагматистской точки зрения.

Мы, американцы, и особенно те из нас, кто принадлежит к средним слоям общества, несомненно, крайне склонны к конфликтам и противоречиям. Но позвольте мне повторить, что основные конфликты в нашем сознании коренятся не в противоречиях между мышлением и чувством, между "Я", "сверх-Я" и "Оно" или между биологическими потребностями личности и ее совестью и разумным сознанием. Такова была точка зрения Фрейда – и она неправильна. Мы, далее, не можем согласиться и с Хорни, что основные конфликты коренятся в различных путях, которые избираются тем или иным человеком, чтобы справиться с проблемой "исходного страха". *Основные известные нам противоречия между людьми создаются их противоположной деятельностью, противостоящими друг другу отношениями, взглядами, оценками и умственными качествами, которые отражают противоречивые человеческие отношения, неизбежно порождаемые системой, где общественное производство ведется ради частной прибыли.*

Вероятно, наличие этой крайне противоречивой практики и ее в равной степени противоречивых ценностей может объяснить замешательство, чувства виновности, беспокойства и самоупреков, которые мы наблюдаем у многих людей, смутно сознающих, что они не настолько дружелюбно настроены и добры к другим, как это им хотелось бы. Объективные условия нашей жизни не позволяют нам этого. Чувства виновности поэтому чрезвычайно распространены, особенно среди людей из средних слоев общества. Фрейд считал, что эти чувства – полового происхождения, утверждая, что наше "сверх-Я", наша совесть, истязает нас ввиду аморальности и

антисоциальности желаний, которые поднимаются из нашего бессознательного "Оно". В действительности же эти чувства виновности происходят из противоречивой морали, которая неизбежно присуща нашей экономической системе, где эксплуатация и конкуренция противостоят сотрудничеству как два различных образа жизни. Такая противоречивая практика, противоречивая мораль и связанные с ними психические качества, несомненно, нарушают единство цели и душевный покой многих или даже большинства индивидов. Это в особенности имеет место тогда, когда люди не признают внешнего источника своих конфликтов. У людей чувствительных, неуравновешенных и замкнутых эти вызываемые внешними причинами конфликты могут вызвать острое напряжение, сомнения, страхи и парализовать их активность.

Обе стороны этого социального конфликта мы рассмотрим немного ниже. В суматохе нашей экономической и политической жизни в настоящее время отношения конкуренции, эксплуатации и эгоизма значительно легче заметить, чем отношения сотрудничества. Но последние обязательно должны быть наряду с отношениями конкуренции, в противном случае ничто не могло бы быть создано и ничто не могло бы функционировать. Конкуренция может контролировать, лимитировать, модифицировать деятельность сотрудничающих лиц или противостоять ей, но сотрудничество является базисом всего прочего. Можно представить себе предприятие, функционирующее на основе "чистого" сотрудничества, но невозможно представить себе предприятия, существующего на основе "чистой" конкуренции.

Сущность сотрудничества сводится к тому, что люди стали абсолютно и относительно необходимы друг другу. В процессе непрерывной, тесной и совместной практической деятельности людей как в семье, так и в обществе неизбежно сложились формы близости их друг к другу, что отразилось в сознании людей. Эти объективные общественные отношения нашли свое отражение в мыслях и чувствах людей друг к другу. Люди так нуждаются друг в друге и настолько близки друг другу, как это никогда не бывало в мире животных. Люди нужны друг другу, доверяют друг другу, удовлетворяют потребности друг друга как субъективно, так и объективно. Значит, они начинают любить друг друга, дорожить друг другом, ибо эти чувства выражают сущность их конструктивной, совместной, взаимозависимой деятельности.

В процессе совместной жизни и труда возникают те качества сознания, которые решительно отделяют нас от животных делают нас *человеческими существами* в подлинном смысле этого слова. Благодаря этой совместной производственной деятельности в отношениях между людьми возникают дружелюбие, привязанность, любовь, сердечность, доверие, доброта, внимательность, самопожертвование и т.д. И действительно, все чувства и соответствующие им психические качества, которые выражают сердечность, положительность и любовь, могут быть выведены исключительно из этой деятельности сотрудничества. Такие душевные качества явно отсутствуют, например, у детей, выращенных животными, так же как и у людей, выросших в условиях действительной изоляции от общества.

Так как Фрейд не понял социального происхождения любви и чуткости, он вынужден был постулировать половой инстинкт и соответствующее ему либидо как источник всякой сердечности, привязанности и всех конструктивных элементов человеческой природы. Но при этом Фрейд упорно отбрасывает то, что является специфически человеческим, а именно – элементы совместной производственной деятельности людей. Таким образом, он низводит, как мы это подробнее покажем дальше, поведение человека и тончайшие побуждения его сознания до уровня и этики животных, до уровня зверей!

Совместный труд и общественное устройство жизни присущи человеку с самых ранних пор, благодаря чему мы и поднялись до того положения, которое мы занимаем теперь в мире животных. При этом следует отметить, что те *качества человеческих отношений, которые характерны для любого общества, принимают различные формы в зависимости от типа экономической организации.* На современном этапе исторического развития отношения сотрудничества между людьми количественно и качественно отличны от тех, которые существовали в прежние времена, в условиях других экономических систем. Формы организации, размах, качество, цели и сознательное понимание сотрудничества – все это в огромной степени разнится в зависимости от того, в каких условиях имел место труд – в условиях ли первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического или социалистического строя. Эти главные различия в качестве и результатах совместного труда при разных типах экономического производства неизбежно находят свое

отражение в различных психических свойствах людей, живущих в тех или иных условиях. Сотрудничество и качества товарищеского поведения людей приобретают весьма различные свойства при различных экономических системах!

Неправильно заниматься абстрактным исследованием качеств человеческого поведения людей, живущих в одной экономической системе. Только крайне малый процент американцев окажется вовсе неспособным к сотрудничеству, однако качества сотрудничества будут совершенно не одинаковы у нас. *Решающим моментом для определения качества сотрудничества, так же как и для любой другой стороны поведения, является то, о какой общественной группе идет речь.* В нашем обществе материальные условия и социальные отношения различных людей далеко не одинаковы. Чтобы разобраться в том, каков характер сотрудничества данного человека, мы должны знать тех индивидов и особенно те общественные группы, с которыми он сотрудничает. Мы должны знать, при каких обстоятельствах и с какими целями он вступает в эти отношения. Мы должны также знать, насколько сознательно данный человек участвует в совместном труде, – сознает ли он по крайней мере его необходимость; мы должны также знать, как он себя при этом чувствует, то есть делает ли он это по доброй воле или против воли. Иными словами, мы должны установить, каково сотрудничество данного человека в общих рамках классовых отношений при капитализме. Учитывая изложенное, мы можем сказать, что любое абстрактное качество поведения – например, агрессивность – само по себе не является ни хорошим, ни плохим, ни вообще даже понятным! Чтобы вынести суждение об этом качестве, мы должны знать, против кого направлена эта агрессия, какими общественными отношениями она вызвана, какими социально-экономическими условиями порождена и при каких конкретных обстоятельствах она имеет место. В конечном итоге именно экономическая и социальная деятельность тех общественных групп, составным элементом которых является данный человек, обуславливает характер и качество его действий и, следовательно, качества его сознания.

Для всестороннего понимания психики необходимо глубоко изучить природу нашего общества. Такое исследование должно включать вопрос о том, как влияют на психику людей общие условия их жизни, а также то, как воздействует на них товарное производство и глубокое противоречие между совместным характером труда и

частной собственностью в промышленности. Нужно было бы изучить также разделение труда в производстве, вопросы об эксплуатации человека человеком, о влиянии классовой принадлежности людей, о последствиях насилия в нашем обществе, о современной стадии развития капиталистической системы.

Некоторые из приведенных вопросов были поставлены здесь в предварительном порядке. Углубляться в них в данный момент не представляется возможным по разным причинам. Одной из них является то, что мы не можем ответить на все вопросы, касающиеся связи между неврозом и обществом, если будем ограничивать наше исследование лишь областью политической экономии. Признавая, что последняя является основным элементом исследования, мы в то же время не можем пройти мимо очень важного вопроса о самой природе человека. Насколько она в действительности меняется под воздействием различных экономических и политических условий? В какой мере биологическая структура человеческого организма и мозга непосредственно воздействует на психику? Существует ли нечто такое, как инстинкты? Порождают ли биологические особенности индивида определенные мысли и чувства? Каково значение сексуальности в отношении поведения человека и его психики?

При попытке ответить на эти вопросы встают и другие проблемы. Необходимо изучить, каково отношение между переживаниями детства и личностью взрослого. Встает также вопрос, может ли психика человека меняться, а если да, то может ли она претерпеть коренные изменения?

Нельзя, далее, исследовать влияние определенных социально-экономических условий на личность без правильного понимания того, что такое личность. Для решения этой трудной основной проблемы требуется определить природу и структуру человеческого сознания и характер отношения сознания к объективному, существующему вне мозга миру.

Как подойти к этим проблемам, мы разберем в следующих главах.

КОРА ГОЛОВНОГО МОЗГА И ИСТОКИ ЛИЧНОСТИ

Целостная человеческая личность, вершина нервно-психического поведения, стала физически возможной благодаря исключительному развитию высокоорганизованной чрезвычайно пластичной коры головного мозга. Головной и спинной мозг человека, а также различные нервы, всевозможные рецепторы и железы внутренней секреции составляют единственный в своем роде, в высшей степени специализированный аппарат, называемый центральной нервной системой. Взятая в целом, эта динамическая система является одновременно и органом мышления и органом, управляющим всем телом человека.

Однако даже в самом мозге можно усмотреть наличие весьма различных функций. Нейрофизиологические исследования Павлова и других показали, что кора головного мозга оказывает доминирующее и интегрирующее влияние на все другие отделы нервной системы. Тем самым было показано, что кора головного мозга имеет функции управления, которые распространяются на все, до последней, клетки организма. Хотя кора головного мозга и является частью организма и на нее неизбежно влияют изменения, происходящие в органах нашего тела, мы не можем рассматривать отношения между корой и другими органами просто как отношения взаимовлияния. Кора головного мозга – это господствующий и управляющий орган; в конечном итоге он определяет функции всех других органов¹.

Рассматривая центральную нервную систему с ее нервами, рецепторами и вспомогательными железами как нечто целое, мы устанавливаем, что сложные функции этой единой системы осуществляются путем непрерывных модификаций в физиологии и функциях различных нервных клеток, происходящих как в отдельных клетках, так и в их постоянно меняющихся отношениях друг к другу. Очевидно, что из всех органов, которыми наделен человек, мозг, ввиду его связи с рецепторами, является тем органом, чья физиология подвергается наиболее непосредственному, быстрому и непрерывному воздействию со стороны событий, происходящих вне мозга, – будь то события, имеющие место внутри организма или во внешнем мире. На изменение условий внутри организма или во внешней среде другие органы нашего тела также реагируют соответствующими изменениями в интенсивности и характере своей деятельности. Однако это процесс не

непосредственный, то есть данные изменения опосредованы и вызываются теми изменениями, которые сперва происходят в деятельности центральной нервной системы, прежде всего в коре головного мозга. Желудок, например, не может функционировать сколько-нибудь нормально, если уничтожены его прямые и косвенные связи с мозгом. Иными словами, те постепенные изменения, которые происходят в физиологии органов нашего тела в ответ на изменения внутри организма или во внешней среде, почти полностью вторичны по отношению к импульсам, получаемым от нервной системы. Нервная система быстро, прямо и непрерывно отвечает на изменения во внешней среде. Изменения, происходящие в коре головного мозга, управляют изменениями, происходящими в других органах.

Условия внешней среды имеют такое детерминирующее влияние на характер функций коры головного мозга, что точное знание его физиологии невозможно, *если не учтены эти внешние по отношению к мозгу условия*. Например, алкоголь – анестезирующее средство: он тормозит функции определенных мозговых клеток. Если человек находится один и в спокойном месте, то употребление им соответствующего количества алкоголя всегда приведет его ко сну. Если же человек находится в обществе, то алкоголь всегда окажет на него в течение известного времени прямо противоположное действие. В обществе алкоголь вообще устраняет торможение, ослабляет чувство робости и вызывает временную вспышку более интенсивной психической и физической деятельности. Таким образом, алкоголь, в зависимости от конкретных условий общественной среды, в которых он воздействует на мозг, оказывает противоположные влияния на мозговую функцию в целом.

Стимуляция, исходящая от внешней среды, меняет функцию мозговых клеток и в конечном счете должна вызвать изменения во внутренней структуре этих клеток. Физиологическая основа мышления, рассматриваемого как нечто целое, неизбежно должна изменяться в той же мере, в какой само действительное мышление меняется в ответ на события внешнего по отношению к этому мозгу мира. Поэтому в природе нет такой вещи, как абстрактная или "основная" физиология человеческого мозга, которую можно было бы отделить от исторического, общественного опыта, приобретенного этим мозгом. Значит, структура и физиология мозга – продукты исторического развития, и это в одинаковой мере относится и к индивиду и к человеческому роду в целом.

Помимо всего прочего, это значит, что мы не в состоянии будем решить загадки личности при помощи лабораторного химического или электрического анализа мозговой ткани. За решение этих проблем можно взяться, только применяя комплексный метод, изучающий личность в целом на основе ее реакции на определенный раздражитель. Таким методом является павловский метод условных рефлексов, и я уверен, что дальнейшее применение и усовершенствование этого метода обеспечит объективную основу для подлинно научной психологии.

Здесь следует подчеркнуть, что *психические явления, такие, как мысли и чувства, не являются основными свойствами нервных клеток.* Эти более высокие психические явления возникают лишь как результат целостной деятельности всего мозга и могут возникнуть лишь тогда, когда деятельность мозга, в особенности деятельность его коры, определенным образом формируется, организуется и обуславливается активным социальным опытом. Таким образом, нельзя понять, что такое мышление, если подойти к вопросу лишь с абстрактно-физиологической точки зрения; законы мышления нельзя сводить к законам мозговой физики и химии, абстрагированным от социальных условий. По этой же причине не приходится рассчитывать, что удастся найти такое химическое вещество, которое, будучи введено в мозг, сможет заставить человека испытать определенную эмоцию или обдумать определенную мысль.

Подходя к вопросу с более широкой точки зрения, мы можем сказать, что мозг – орган мышления, но последнее не является продуктом одного лишь мозга. Мышление является результатом и выражением всей человеческой практики, включая как прошлые исторические события, так и современные условия. Общественное поведение человека и его практическая деятельность – вот что создает как содержание, так и формы мышления. Мы, конечно, не должны игнорировать значение анатомического и физиологического субстратов, которые делают возможным мышление, но именно воздействующие на человека условия внешнего мира являются решающими в создании и формировании мышления.

Две главные причины затрудняют понимание того, что содержание и формы психической деятельности своеобразно и в конечном счете *всеобъемлюще определяют* отдельными сторонами и событиями внешней действительности. В первую очередь этот факт был затемнен религиозными учениями, многими философскими теориями и почти всеми направлениями в области психиатрии и

психоанализа. Все эти идеологии представляли мышление как специфическую вещь в себе: они изображали мышление как существующее независимо от материальной реальности внешнего мира. "Разум", "дух", "душа", "бессознательное" – все эти понятия были использованы, чтобы доказать, что главенствующее значение имеет некая психическая, духовная сила или сущность, которая фактически управляет всеми нашими внешними движениями. Эти идеологические учения утверждают, что нашими действиями управляют наши мысли и желания, что последние представляют собой не отражение объективно существующих в мире вещей, а, наоборот, источник наших мыслей и желаний мы должны искать во внутренней природе нашего существа – в самом разуме, в духе, в душе или в бессознательном.

В самом деле, религиозные учения и многие философские школы свели осязаемый мир к некоей "духовной", концептуальной сущности; немало есть людей, которые отрицали вообще существование объективного мира², доказывая, что он существует лишь как психическое понятие. Если здравый смысл и повседневный опыт обычного индивида предохранит его от принятия подобного вывода, то он все же находится под общим влиянием таких взглядов.

Они воздействуют на него многими путями – через воспитание, религиозное обучение и т.д. Этот человек может не подвергать серьезному сомнению наличие вокруг него конкретного, материального мира, но он может быть вполне убежден, что его собственные мысли и желания могут иметь место совершенно независимо от этого мира, будучи направляемы присущими нам духовными, психическими силами.

Во-вторых, подлинное отношение между мышлением и реальной действительностью трудно понять потому, что в этом вопросе видимость весьма отлична от своей сущности.* Свои действия люди совершают сознательно. Мы ничего не предпринимаем без сознательного намерения, и мы составляем планы для исполнения наших желаний, которые нередко успешно проводятся в жизнь. Действительно, человеческая жизнь была бы невозможна без сознательного планирования и стремления к тому, что должно произойти. Правда, дела часто оборачиваются не так, как мы ожидали и как нам хотелось, но это лишь значит, что планирование было сделано плохо или не опиралось на достаточное знание фактов. Это не опровергает того положения, что мы сознательно хотим, чтобы что-то произошло, и поэтому прилагаем усилия, часто успешные, для

достижения намеченных целей. Отсюда кажется, что наше мышление диктует ход событий.

* Видимость предмета может быть весьма отличной от его сущности и даже противоречить последней. Так, например, по видимости Солнце вращается вокруг Земли, в то время как в действительности Земля вращается вокруг Солнца. Отделение видимости от сущности – первейшая задача науки.

Подлинное отношение между мышлением и реальной действительностью трудно понять потому, что мы в состоянии направлять ход наших мыслей, нацелить их на любой желаемый предмет, – более или менее так, как мы двигаем своими руками и ногами. Эта способность направить ход нашей психической деятельности плюс тот факт, что психическая деятельность является неременной предпосылкой успешных человеческих действий, а также и тот факт, что прямая связь между психической деятельностью и внешним миром пока что выступает малозаметно и не понята, – все это создает иллюзию, будто мы мыслим по собственному усмотрению, будто мыслительные процессы независимы от внешнего по отношению к нам мира.

Ничто не может быть дальше от истины, чем подобный взгляд. Если наши мыслительные процессы точны, то это лишь значит, что они правильно отражают истинное положение вещей, внешних по отношению к уму. Мыслительные процессы могут привести к открытию новых фактов, новых свойств действительности, новых данных для работы с нею. Мы даже можем оказаться способны синтезировать эти открытия в виде новых изобретений или новых форм социальной организации, *однако сама возможность таких новых вещей должна объективно существовать вне нашего ума – либо в социальной, либо в материальной действительности. Если ее в действительности не существует, то мы не могли бы об этом и думать*³.

Фридрих Энгельс, явившийся наряду с Карлом Марксом основоположником научного социализма, ясно указал, что люди не могли создать правильную, точную теорию социалистического государства, пока не возникли материальные и социальные предпосылки этого государства. Впервые в истории человечества такие предпосылки сложились в экономической системе капитализма, и только с развитием капитализма могла сформироваться сама мысль о подлинном социализме. До этого налицо были лишь вдохновенные догадки и более или менее

фантастические умозрительные предположения о будущем общественном устройстве людей. Но и эти предположения были взяты не с потолка. Объективные факты совместной жизни и совместного труда с самых ранних пор создали прочную материальную базу для мысли о том, что когда-нибудь люди будут жить в мире, организованном на началах подлинного сотрудничества.

Может *показаться*, что мы мыслим не под воздействием внешнего мира, свободно от его непреодолимого влияния. По крайней мере нам постоянно говорят, что с помощью силы воли или благочестия мы можем формулировать свои суждения и строить свое счастье, вообще игнорируя материальные условия жизни. Однако вопреки тому, что кажется, и несмотря на то, что нам говорят в некоторых кругах, подлинные факты совершенно отличны от этой точки зрения. Все имеющиеся у нас идеи и все те образы, которые объединяются в наших мыслях и чувствах, возникают в результате соприкосновения нас самих или других людей с фактами существования. Даже сам способ объединения наших мыслей более или менее точно соответствует способу объединения вещей в реальных процессах. Другими словами, движение понятий в нашем уме усвоено нами из движения несубъективных вещей, находящихся вне нашего ума. Это движение отражается в движении наших мыслей.

Но как же насчет фантазии? – может поинтересоваться читатель. – Можно ли дикие, фантастические, неправильные представления рассматривать как выводимые из реальности или ее отражающие?

Ответом на этот вопрос является то, что даже самая дикая фантазия представляет собой просто искажение какой-нибудь стороны действительности. Если бы мы ничего не знали о действительности, то мы не могли бы даже фантазировать о ней. *Элементы фантазии могут быть взяты лишь из фактов реального существования.* Если бы не было никаких известных нам фактов, их нельзя было бы исказить в фантазии или воображении. Таким образом, логика такова, что фантазия не может существовать без знаний, что знания определяют фантазию. Народы, отсталые в научном и культурном отношении, не фантазируют о жизни на Марсе, о войнах в мировом пространстве и других измышлениях "научной беллетристики". Фантазии и легенды этих народов весьма различны, но все они базируются на данном уровне их знаний и производственной техники.

Предоставленный самому себе и лишенный всякого контакта с социальной действительностью человеческий мозг не способен был бы думать почти ни о чем. Это исчерпывающе доказано на примере слабоумия и психической недоразвитости изолированных или выращенных животными детей, имевших лишь физический контакт с жизнью. Эти дети не обладают способностью к абстрактному мышлению или эмоциями и побуждениями, которые напоминали бы наши. Крайне отсталые формы их психики почти непостижимы для нас, точно так же, как наша психика абсолютно непонятна им, по крайней мере до тех пор, пока они не получили длительного воспитания; при этом многие из них вовсе не поддаются воспитанию в сколько-нибудь значительной степени.

Поскольку человеческий опыт означает социальный опыт, то ясно, что не может быть человеческой психики, которая одновременно не являлась бы социальной психикой. Специальный учебник по "социальной" психологии, особая область "социальной" психологии – это абсурд, неправильное употребление терминов. Человеческая психика или является социальной, или она вообще не психика.

Если верно, что нет такой человеческой психики, которая не являлась бы социальной, *то отсюда также следует, что человеческая психика единственна в своем роде.* Она не имеет ничего подобного в животном мире, поскольку у животных нет такой социальной организации, которая была бы действительно похожа на нашу. Существующие колонии животных представляют собой не что иное, как биологические сообщества.

Если человеческая психика единственна в своем роде, если физиология человеческого мозга не может изучаться абстрактно, в отрыве от определенной социальной среды, то это значит, что результаты исследовательской работы над животными только в редких случаях могут быть применены непосредственно к людям. *Хотя исследования над животными и могут указать путь решения вопроса, но в огромном большинстве экспериментов работа должна быть повторена и проверена на людях, чтобы признать правильность ее выводов по отношению к ним.* Это относится не только к высшим психическим явлениям, но и к таким явлениям, как восприятие, безусловные и условные рефлексы, поскольку было доказано, что у людей даже более простые психические и рефлекторные явления находятся под доминирующим влиянием коры головного мозга.

Если вся человеческая психика является социальной психикой, то отсюда также следует, что мы не можем дать такое абстрактное и всестороннее описание и анализ личности, которые были бы годны для всех времен и народов, для всех социальных систем. Социальные системы различаются радикально, и поэтому поведение, мысли, чувства и влечения живущих в них людей меняются также радикально. И в данном случае видимость не соответствует сущности, ибо на всей земле люди одинаково носят одежду, живут совместно, становятся счастливыми или несчастными и т.д.

Тем не менее при кажущемся сходстве людей между ними имеются огромные качественные различия как в силе, так и в характере эмоций, мотиваций и оценочных суждений. Некоторые эмоции, весьма распространенные у нас, неизвестны другим народам. Более того, внешне одинаковая эмоция, как например гнев, может в различных обществах иметь далеко не одинаковое происхождение и может вызвать у людей весьма различные действия. Даже в нашем современном обществе мы не можем решить, что *такой-то является порядочным человеком, исходя из того* лишь факта, что у него приятная наружность, что он улыбается при встрече, а в обществе является очаровательным собеседником. Возможно, что он является членом Ку-клукс-клана и осуществляет злостную дискриминацию и насилие против негров и представителей других национальных меньшинств. Или же, в более обычном случае, наш человек может оказаться предпринимателем того типа, который при ведении своих дел способен на самое безжалостное и беспринципное поведение и жестоко эксплуатирует тех, кто на него работает. В приведенных случаях речь шла о людях, которые, если рассмотреть все их поведение в целом, значительно отличаются от обычного порядочного человека.

Одна из главнейших ошибок фрейдизма состоит как раз в том, что из-за своего биологического подхода к человеку это учение затемняет и упускает из виду решающие различия между людьми. Фрейд считал, что человеческая личность по существу одинакова во все времена и при всех общественных системах; он считал, что формы поведения могут различаться, но основное его содержание остается одним и тем же.

В противовес Фрейду, я считаю, что изучение личности, если мы хотим, чтобы оно было в какой-то мере достоверным, должно быть

ограничено изучением определенных людей, живущих в условиях определенных общественных отношений, в определенный период их исторического развития. Применение такого принципа означает, например, что данные анализа психики средних слоев общества в современной Америке никоим образом не могут быть распространены на средние слои общества периода Революции и даже Гражданской войны. Конечно, налицо будут черты сходства, но будут и значительные различия. Эти различия в мотивации, взглядах и складе ума отражают изменения в экономической обстановке, в исторических условиях и общих перспективах, которые имели место в положении средних слоев в течение последних семидесяти пяти лет.

Хотя современные школы психоанализа заявляют, что невроз – продукт общества, и хотя это кажется определенным шагом вперед по сравнению с биологическими взглядами Фрейда, однако подход этих школ к рассматриваемым проблемам являлся по существу описательным и прагматическим. Они чисто эмпирически выбрали известные стороны личности невротика и указали, что последние связаны с "культурой". Но не был разъяснен характер этой связи, – "культурные" психоаналитики описывают средние слои, борьбу невротика со своими недугами, но они не дают нам ни подлинной теории, ни объяснения всего этого. В конечном счете эти психоаналитики возвращаются к исходящим из самой личности психическим, биологическим или мистическим ее детерминантам. Фрейд говорил об инстинктах, Фромм – об "экзистенциальных дихотомиях", а Хорни теперь пишет о "реальном я" и о необходимости "самосознания". Все это лишь различные способы выражения той точки зрения, что внутренние силы личности являются главными детерминирующими факторами ее поведения.

Если мы изучим существо взглядов современных психоаналитиков, то убедимся, что эти взгляды в основном не отличаются от точки зрения Фрейда. "Культурные факторы", о которых они так часто упоминают, растворяются в людских действиях, продиктованных внутренними биологическими и психическими силами. Хорни, Фромм, Кдрдинер и др. в действительности пишут не об общественном человеке, а трактуют об индивидуальном человеке, действующем под влиянием своих собственных биологических раздробленных внутренних сил. Например, одним из основных положений Фромма в его книге "Человек для себя" является лишь то, что люди недостаточно дорожат самими собой, недостаточно заботятся о своих индивидуальных я. Главный тезис Хорни в ее книге

"Невроз и развитие человека" сходен с предыдущим, если не идентичен с ним: невроз происходит оттого, что мы покидаем наши "реальные" я и не даем расти и развиваться нашим внутренним, одним нам присущим качествам.

Таким образом, современные психоаналитики продолжают основные тенденции фрейдизма, но эти психоаналитики, на мой взгляд, представляют большую опасность для прогресса научной психологии, чем Фрейд. В конце концов ошибки Фрейда в вопросах биологии, инстинктов и психики совершенно ясны, в писаниях же современных психоаналитиков эти ошибки сохранены, но прикрыты и замаскированы фасадом научного социологического исследования.

Человеческий опыт и детерминирующие отношения между индивидами, порождающие наши влечения, наши качества и эмоции, словом, наши психические качества, формируются экономическими условиями, политическими событиями и классовыми отношениями, которые, будучи взяты как целое, имеют свои собственные законы развития, причем последние не могут быть сведены к законам биологии и психики или ими объяснены.

Для иллюстрации нашей мысли рассмотрим случай с приятным благонамеренным человеком – владельцем небольшой фабрики с десятью-двенадцатью рабочими. Этот человек знал каждого из своих рабочих, они ему нравились, ему хотелось хорошо с ними обращаться, и он каждому давал достаточный для жизни заработок. Он сумел вести свое дело на таких принципах до момента наступления депрессии. Через некоторое время, оказавшись перед фактом падения спроса на свои товары и сокращения прибылей, он был вынужден уволить кое-кого из тех, кто у него работал, хотя и хорошо знал, что им нелегко будет найти другую работу. Несколько месяцев спустя он вынужден был резко сократить ставки оставшихся у него рабочих. В связи с вопросами о продолжительности рабочего дня и о заработной плате он оказался вовлеченным в конфликт с профсоюзной организацией, к которой он раньше относился терпимо и которую даже поддерживал. Была объявлена забастовка, и фабрика стала пикетироваться. Чтобы сохранить свое положение в деловом мире, поддержать уровень жизни семьи и сохранить фабрику, в которой были сосредоточены его многолетние усилия и интересы, он вынужден был вступить в борьбу с профсоюзом и сорвать забастовку. Как видим, он вынужден был занять непримиримую позицию в отношении людей, которые ему раньше нравились; таким путем возникло много антагонистических чувств; в течение длительного

времени наш человек в связи с ситуацией находился в состоянии тревоги и конфликта. В конечном итоге он ожесточился, его отношения с рабочими коренным образом изменились.

Этот пример, отнюдь не вымышленный, показывает, что железные законы экономики и личное ведение дела тем или иным предпринимателем не могут быть сведены к проблемам психики, не могут быть объяснены с точки зрения психологии, с точки зрения внутренних факторов – личных симпатий и антипатий. То же можно сказать о законах политики, о деятельности разных общественных групп, классовых конфликтах и других важнейших явлениях нашего, капиталистического, мира. Вторая мировая война имела глубокое влияние на наши эмоции и идеи, но это было вызвано не ненавистью, не пропагандой и не инстинктами смерти. В основном и главным вторая мировая война была продуктом сугубо конкретных, фактических столкновений между капиталистическими державами за контроль над промышленностью, источниками сырья, территориями и массами населения. Те же материальные причины, которые создали социальные предпосылки фашизма и войны, обусловили такие соответственные психические явления, как страх, ненависть, патриотизм, профашистские и антифашистские настроения.

Изучая воздействие общественных факторов на людей, мы должны понять, что социальная позиция и социальный опыт имеют куда более глубокие последствия, чем просто ту или иную модификацию биологических влечений, психических свойств или "внутренних сил" данного человека. В действительности социальная деятельность и практика формируют всю личность и в первую очередь ее психические качества. Эти качества могут быть лишь отражениями объективных отношений и условий, существующих вне нашего ума; они не могут происходить от внутренних, субъективных сил. Учитывая наличие взаимодействия, а именно того, что субъективные силы, поскольку они соответствуют реальностям внешнего по отношению к мозгу объективного мира, могут оказать влияние на этот мир, психиатр тем не менее не должен забывать, что условия внешнего мира являются первичными, решающими и определяющими в создании человеческой психики. Они создают эту психику, воздействуя на кору головного мозга и модифицируя этот орган, управляющий и человеческим организмом и человеческим поведением вообще. Нужно выявить соответствующие социальные условия, а также точно выяснить то, каким образом они взаимодействуют с корой; это будет сделано с помощью

экспериментов, которые, по моему убеждению, будут проводиться на основе работ Павлова.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ

Люди, как животные организмы, рождаются с определенными биологическими потребностями. Таковыми являются потребности в: 1) дыхании – потреблении кислорода и выдыхании углекислоты; 2) пище; 3) воде; 4) укрытии и поддержании определенной температуры тела; 5) отдыхе и работе; 6) мочеиспускании и дефекации; 7) освобождении груди женщины от молока после рождения ею ребенка и 8) половой деятельности (под последней подразумевается периодическое удовлетворение полового влечения. С биологической точки зрения размножение – явление, сопутствующее половой деятельности; размножение можно рассматривать как биологическую потребность человеческого рода в целом, но оно не является необходимым для сохранения и поддержания жизни отдельного человека).

Эти основные потребности организма должны быть удовлетворены для продолжения жизни отдельного человека. Они, несомненно, влияют на человеческую психику. Однако основной проблемой, интересующей нас в данном случае, является степень этого влияния и то, каким образом оно осуществляется.

Раньше в психологической науке ответ на эти вопросы давала теория инстинктов. Тогда имела место тенденция исходить непосредственно из биологических потребностей человека и постулировать наличие определенных действий, мыслей, чувств и влечений, которые якобы вызываются этими потребностями. Таким образом, основой теории инстинктов является концепция, что психическая жизнь человека непосредственно вызывается его биологическими потребностями.

Исходя из убеждения, что инстинктивные, неприобретенные отношения доминируют в психике животных, и, вдобавок, перенося это положение непосредственно на человека, различные психологи и философы составляли длинные списки возможных инстинктов. Называя лишь некоторые из последних, укажем, что людям приписывались инстинкты общительности, материнской любви, агрессии, эгоизма, любопытства и капиталистического накопления¹. Фрейд все эти инстинкты свел к двум – инстинктам жизни и смерти. Эти инстинкты и управляют личной, психической, социальной и политической жизнью человека во всех ее аспектах.

Фрейд представлял себе инстинкт как основную, неделимую психическую силу, непосредственно вытекающую из физиологических процессов, происходящих в человеческом организме; при этом инстинкт жизни возникает из стремления жить и расти, а инстинкт смерти – из того факта, что протоплазма в конечном счете умирает. Фрейд считал, что инстинкт жизни является причиной действий, мыслей, чувств и влечений, связанных с самосохранением, сексуальностью, любовью, привязанностью, удовольствием, энтузиазмом и всеми другими положительными интересами и влечениями людей. Инстинкт смерти является предположительной причиной действий, мыслей, чувств и влечений, влекущих за собой агрессию, убийство, разрушение, ненависть, бесчеловечность, жестокость и тому подобные стремления, наблюдающиеся в поведении современного человека.

Против теории инстинктов может быть выдвинут ряд серьезных возражений, основанных как на наблюдаемых фактах, так и на теоретических соображениях.

Во-первых, концепция, согласно которой поведение животных управляется неприобретенными, ненаследуемыми рефlekсами и инстинктивными силами, стала подвергаться критике со стороны многих ученых². Короче говоря, мы нашли, что даже поведение животных, стоящих на низшей ступени эволюционной лестницы, таких, как пресмыкающиеся и птицы, не так строго, как это предполагалось раньше, детерминируется ненаследуемым биологическим механизмом. Доказано, что процессы обучения имеют весьма важное значение в детерминировании индивидуального поведения этих животных.

Увеличивается и количество данных, подтверждающих следующее положение: чем выше развиты животные, тем больше их деятельность определяется тем, чему животное научилось от других животных своего вида или на собственном опыте³. Наконец, данные наблюдения показывают, что фактор обучения становится абсолютно преобладающим в детерминировании поведения тех животных, которые по уровню эволюционного развития наиболее близки к человеку. Если, например, маленького самца-шимпанзе отделить от его сородичей и выращивать в изоляции, то, повзрослев, это подопытное животное оказывается способным на половое возбуждение, но не знает, как вступить в половые отношения! Водворенное обратно к другим шимпанзе, это животное должно пройти длительный процесс обучения путем проб и ошибок, прежде

чем оно будет в состоянии совокупляться удовлетворительным образом⁴. Если бы его поведение и психические реакции управлялись хорошо развитым половым инстинктом, то, очевидно, не было бы нужды в подобном периоде обучения путем проб и ошибок.

Во-вторых, если обратиться к изучению людей, то можно увидеть, что человек от рождения способен к известной рефлекторной деятельности, не являющейся результатом обучения. Сюда входят глотание, чихание, дыхание, сосание и дефекация. Однако и дети и взрослые способны на значительно более разнообразную деятельность, чем указанная; факты таковы, что подавляющая часть человеческой деятельности является прямым продуктом опыта и обучения. *Человеческая деятельность, включая мышление и ощущение, не является по характеру своему врожденной, инстинктивной; это – нечто, чему каждый в отдельности человек должен сам научиться.*

Доказать это нетрудно. У детей, выросших в условиях действительной изоляции от других людей, не развиваются признанные характерными для человека черты и способности. Это мы наблюдаем у детей, которые выросли где-нибудь в чулане, на необитаемом острове, у детей, выращенных животными, или же у тех, которые живут среди нормальных людей, но родились слепыми и глухими⁵; для последних наследство нашей культуры остается недоступным, потому что до недавнего появления специальной техники не было эффективного способа научить чему-нибудь ребенка, если он не видит или не слышит.

У таких детей мы не обнаруживаем следов человеческих нравов, вкусов и обычаев. Они не проявляют характерных для человека чувств, таких, как привязанность, дружба, любовь. У них отсутствует даже язык. Если такие дети в раннем возрасте изолируются хотя бы на полтора-два года, *то мозгу наносится очевидный вред на всю жизнь*. Когда они возвращаются в обычные условия, из них уже, несмотря на самое интенсивное обучение, невозможно сделать нормальных людей; они в этом отношении напоминают умеренно слабоумных людей, нередко бывают эксцентричными и обнаруживают дефекты характера. При вскрытии часто устанавливается, что их мозг физически менее развит, чем у нормального человека⁶.

Есть и другой путь исследования проблемы инстинктивных мыслей, чувств и типов человеческого поведения: изучать привычки, обычаи,

взгляды, особенности личности и типы отношений, как они складываются у людей, живущих в условиях различных общественных систем. Если бы человеку были присущи врожденные установившиеся инстинктивные черты личности, предопределяющие его поведение, то при всех общественных системах, исследованных антропологами, обычаи людей должны были бы быть почти одинаковыми. Между тем, даже краткое сравнительное изучение разных культур показывает, что люди далеко не одинаково организуют свои семьи, живут в разных социальных условиях и применяют различные способы добывания или производства средств существования⁷. Народы в огромной степени отличаются также друг от друга в своем подходе к вопросам питания, взаимоотношения полов, семейных отношений, выделительных функций, болезни, смерти и к другим биологическим явлениям и потребностям⁸, хотя сами по себе эти потребности являются общими для всех людей. Разные народы сильно различаются по свойствам, мотивациям и общей характеристике личности. Мы находим такие формы общества, при которых крайне большое значение придается "спасению лица", в других же общественных условиях этой проблемы не существует. Мы знаем такие общества, где правилом являются эгоизм и самовозвеличение, и другие, где групповые действия и групповое распределение настолько прочно вошли в быт, что отдельный человек откажется есть продукты, добытые им на охоте или произведенные собственным трудом, если он не поделится с другими. Порой это бывает равносильно добровольной голодной смерти⁹. Мы знаем также общества, где любовь и привязанность являются выдающимися чертами характера народа, и другие общества, где такие черты личности, видимо, неизвестны¹⁰.

Исследования профессоров Рут Бенедикт и Джин Велтфиша окончательно доказали, что нет никаких данных, говорящих о наличии расовой личности или врожденной, расовой памяти¹¹. Многочисленные исследования способности человека к обучению ясно показали, что она является продуктом общественной среды, а также тех возможностей, которые предоставляются уровнем развития культуры; способность эта меняется в зависимости от изменения указанных двух факторов¹². Люди обладают, видимо, безграничной способностью к обучению. Дети одной этнической группы или национальной культуры могут усвоить мастерство, деятельность, интересы и особенности личности взрослых из другого общества, просто воспитываясь в условиях этого общества, участвуя как равные в его деятельности и вступая в отношения со всеми

остальными членами общества¹³. С точки зрения умения развивать в себе, при условии воспитания в однородных условиях, любые способности и качества личности взрослого дети всех без исключения групп людей практически являются равноценными. Это служит окончательным доказательством того, что нет такой вещи, как инстинктивная, биологически установленная "человеческая природа".

Третье возражение против теории, которая выводит человеческие мысли, чувства и деятельность непосредственно из биологических потребностей человека, имеет своим основанием тот факт, что люди ведут отнюдь не чисто биологическую жизнь. Люди имеют много таких потребностей, которые никак не могут быть сведены к проявлениям основополагающей потребности протоплазмы в продолжении своей жизни. Решающей характеристикой человеческих нужд в отличие от нужд животных является то, что многие потребности человека порождаются организацией людей в непрерывно меняющиеся общественно-экономические формации. На современной стадии исторического развития люди имеют всевозможные потребности, исходящие непосредственно из их социальной организации, а не из их тела. Есть потребность в различных формах связи между людьми, включая искусство, музыку и литературу. Есть потребность в средствах транспорта, в воспитании, культурной деятельности и многих других вещах, не связанных непосредственно с прямой биологической необходимостью. Все эти социальные потребности отражаются в вызванных ими действиях, чувствах, мыслях, влечениях и настроениях. Тем не менее среди психиатров, особенно со времен Фрейда, господствует тенденция делать упор на биологические потребности, главным образом на половое влечение, как имеющее якобы решающее, детерминирующее влияние на склад ума и характер, а также другие особенности личности.

Нет доказательства даже того, будто мы от рождения наделены специфическими эмоциями и мыслями, порожденными биологическими потребностями¹⁴. Возьмем, например, потребность в пище. После того как человечество в течение полумиллиона лет накапливало опыт, нам приходится каждое новое поколение заново мучительно обучать тому, что опасно и что можно употреблять в пищу. Ребенок будет есть всевозможные ядовитые и даже неприятные на вкус и едкие вещества, вроде технического спирта, препаратов для чистки и красок. Табу в еде – вроде отвращения к потреблению человеческого мяса – не являются врожденными, а

также не является наследуемой и манера еды. Больше того, не каждый человек рассматривает еду как приятное и даже важное дело. Психиатрам приходится изредка иметь дело с людьми, которым пища противна и которые могут довести себя до голодной смерти, если им не помешает больничный персонал.

Те же наблюдения можно сделать и в отношении других биологических потребностей человека. Нет данных, говорящих о наличии врожденных, инстинктивных мыслей и чувств у какого-либо индивида. Напротив, приведенные выше данные (и многие другие) свидетельствуют о наличии массы доказательств того, что в различных обществах человек далеко не одинаково удовлетворяет свои биологические нужды и совершенно по-разному о них думает и их ощущает. Налицо убедительные доказательства того, что дети одинаково хорошо научаются обычаям любого общества. Доказано также, что психическая деятельность даже взрослых людей быстро деградирует, если их несколько лет держать в изоляции от общества¹⁵.

Биологические потребности и свойства оказывают влияние на личность, то есть на мысли, чувства, действия и влечения людей, но это влияние осуществляется большей частью косвенно – в зависимости от того, как данное общество организовано для удовлетворения таких потребностей. Решающим фактором в определении характера и качества отношений между людьми являются способ производства и собственность на средства производства, а не просто тот факт, что все люди имеют биологические нужды. Собственность на землю, тип сельскохозяйственной техники, достаточность произведенного продовольствия и классовое устройство общества – то, что определяет, кто и сколько ест, – все это куда больше сказывается на наших связанных с потреблением пищи мыслях, чувствах, влечениях и обычаях, чем какой-либо гипотетический инстинкт пищи.

Мнения, обычаи и эмоции, связанные с принятием пищи, не одинаковы у различных классов одного и того же общества, и, рассматривая все эти факты в совокупности, мы убеждаемся, что не отношение к пище (или любой другой биологической потребности) представляет собой фактор, первично детерминирующий личность. *Именно характер отношений между людьми – а эти отношения определяются политическими, экономическими и историческими силами – детерминирует влечения, мысли, достоинства и конфликты людей.*

Четвертое важное возражение против теории инстинктов вызвано тем, что она сводит человеческую личность и ее поведение к биологическим элементам. Это имеет место тогда, когда чувства, побуждения и другие психические явления изображаются как происходящие непосредственно от физиологических потребностей организма, вроде полового влечения, потребностей в пище и др. Важнейшим принципом науки является то, что целое отличается от суммы составляющих его частей. Материя организована таким образом, что у нее имеются различные уровни сложности; на каждом данном уровне организованная материя имеет свои законы, которые не могут быть объяснены исключительно законами, действующими на более низком уровне ее организации, не могут быть сведены к ним¹⁶. На каждом уровне организации материи – физико-химическом, биологическом, социальном и психическом – действуют особые законы, которые не могут быть сведены к законам, действующим на других уровнях. Нельзя понять человеческую личность, сводя ее к немногим животным или инстинктивным влечениям, точно так же, как нельзя понять симфонию Брамса, сводя ее к физике звука.

Другим результатом таких аргументов, сводящих высшее к низшему, является то, что человеческая психика сводится к инстинктам и потому – к уровню животных. Фрейд проглядел решающую роль коры головного мозга, эволюционировавшей в процессе общественного развития, и своей теорией инстинктов дал чисто биологическое объяснение социальной и психической деятельности человека. Этим самым Фрейд отбросил и свел на нет все, что есть в людях подлинно человеческого. Он отбросил все положительное – социальные достоинства, любовь, мужество, преданность и порядочность он свел к сублимированным проявлениям животных влечений, которые по природе своей совершенно антисоциальны и абсолютно эгоцентричны. Фрейд проглядел также и то решающее влияние, которое имел совместный труд на создание человека таким, каким мы знаем его теперь.

Последнее время стало модным осуждать жестокость и некоторые из наиболее очевидных заблуждений теории инстинктов. Против нее выступают различные приверженцы современных "культурных" школ психоанализа. Мы должны, однако, поставить серьезный вопрос: действительно ли эти передовые психоаналитики отказались от теории инстинктов?

Очевидны две тенденции. Первая тенденция, как она изложена в трудах Кардинера, Дюбуа, Мида и др., заключается либо в том, чтобы

отбросить теорию инстинктов как таковую, но все ее проявления и результаты приписать "культуре", либо изучить "культуру" с точки зрения того, как отнимают ребенка от груди, как приучают кишечник к определенному режиму, как ограничиваются влечения детей, которые теорией либидо рассматриваются как важные. Согласно писаниям этих психоаналитиков, фазы сексуальности, предшествующие половой зрелости, комплексы Эдипа и кастрации, тирания "Сверх-Я" и тому подобное порождаются не либидо, а "культурой". По-моему, такая позиция является почти бесчестной. Все существенные аспекты теории инстинктов сохранены, только теперь они приписываются "культуре". Решительно отказаться от теории инстинктов – значит отбросить *все проявления либидо, как и само либидо*. Правильная теория личности откроет нам другие ее аспекты, а не освященные веками комплексы Эдипа и кастрации. Правильный анализ воздействия общества на индивида неизбежно вскроет другие, социальные, причины невроза, а не детские конфликты, связанные с неудовлетворенной потребностью в любви.

Второй и более замаскированный вариант теории инстинктов сводится к тому, чтобы сохранить ее сущность, приписывая ее проявления чему-нибудь другому. Сущность же этой теории заключается в том, что человеческие мысли, влечения, эмоции и действия диктуются внутренними силами, источник которых – в биологии, наследственности или внутренней мистике организма.

Эти тенденции ясно выражены у Хорни. В своем последнем произведении "Невроз и развитие человека" она постулирует "автономное стремление к самосознанию". Если это стремление встречает препятствие, то в результате возникает невроз, ибо данный человек отчуждается от своего "реального я". Согласно Хорни, "реальное я" определяется как "центральная внутренняя сила, общая для всех людей и тем не менее своеобразная у каждого человека в отдельности, которая является таинственным источником развития". Таким образом, по мнению д-ра Хорни, самым ценным у каждого человека является внутренняя, не приобретенная обучением потенция "развития", а когда она рушится или блокируется "внутренним давлением", то в результате возникает невроз¹⁷.

Следовательно, отрицая теорию инстинктов, Хорни возвращается к ней в видоизмененной форме. Нет существенного различия между статичным, биологически врожденным либидо Фрейда и "реальным внутренним я" Хорни. Читатель обратит внимание также на то, что,

согласно и Фрейду, и Хорни, невроз вызывается *внутренним конфликтом* этого существенного я.

Такие же тенденции ясно видны и в труде Эриха Фромма. Он осуждает теории инстинкта и делает много общих заявлений об отношении невроза и личности к "культуре". Однако если разобраться в сути дела, то оказывается, что Фромм также выводит психические качества людей непосредственно из их внутренней биологической природы. Из того биологического факта, что половое сношение у мужчины сопровождается видимой эрекцией, а у женщины – нет, Фромм в своей статье "Пол и характер" выводит целую систему особенностей характера, включая полностью установившиеся черты личности, – влечение, чувство гордости, страх и честолюбие¹⁸. Из этой своей теории, в центре внимания которой – пенис, Фромм выводит целый ряд атрибутов, в частности, что мужчины хвастливы и драчливы, а женщины замкнуты и боязливы.

В упомянутой выше книге¹⁹ Фромм следующим образом рассматривает биологическое положение человека: человеку хочется жить, но он знает, что ему придется умереть; человеческий разум нарушил гармонию с природой, имевшую место до появления человека; каждый человек индивидуален и своеобразен, но в то же время он является частью всего человеческого рода. Эти биологические факты, согласно Фромму, создают у человека следующие чувства: внутренний конфликт и напряжение, беспокойство, недовольство, растерянность, скуку, неудовлетворенность тем, чего он может достигнуть в жизни, чувство поражения, потребность в одиночестве и в то же время нетерпимость к такому состоянию, страсти огромной силы, наконец, внутреннюю потребность в "системе ориентации и преданности". Осуждая взгляды Фрейда, базирующиеся на инстинктах, Фромм вновь выдвигает те же мысли с определенными "культурными" украшениями. Сам того не подозревая, Фромм описывает здесь некоторые чувства неудачника из средних слоев общества нашего времени, но эти чувства он приписывает "экзистенциальной дихотомии" человека, то есть его внутренней природе. И это делается Фроммом в произведении, которое имеет целью проанализировать воздействие культуры на современного человека.

В противоположность взглядам Фромма, Хорни и других "культурных" психоаналитиков, я считаю, что единственная надежда на прогресс в области психологии – в искреннем и решительном отказе от теории инстинктов как в ее открытом, так и в

замаскированном виде. Мы должны понять, что человеческая психика не представляет собой прямого отражения биологических потребностей человека и не управляется какими-то внутренними сущностями, будь то либидинозные, экзистенциальные или же сущности "реального я".

Этим мы вовсе не хотим отрицать роль биологии в человеческих потребностях. Но мы должны понять все значение того факта, что человеческий биологический организм становится человеческим существом только в определенном обществе. Наши биологические потребности сталкиваются с определенной техникой производства и формами политической экономии, которые в то же время определяют и характер нашей деятельности и наши мысли, влечения, чувства и отношения между людьми. Если у людей встречаются такие качества, как агрессивность, эгоизм, любовь, порядочность или какие-либо другие, то они представляют собой отражение отношений, которые определяются не на биологическом, а на социальном уровне. Подлинно научная психология может опираться только на глубокую, подлинную науку об обществе; в противном случае отношения и чувства людей друг к другу останутся необъяснимыми.

Мы должны до конца понять, что благодаря влиянию социальной деятельности человека, как это отразилось на коре головного мозга, произошло сочетание биологических потребностей человеческого организма с социальным опытом и социальными потребностями. Это сочетание полностью изменило животный характер этих потребностей; оно даже изменило саму физиологию мозга и тела человека. Мы должны отбросить статические, биологические взгляды Фрейда и то разделение, которое он проводит между биологическим и социальным. Благодаря изменению коры головного мозга под воздействием обучения и цивилизации биологическое и социальное в процессе взаимопроникновения слились в диалектическое единство. От человекообразьяны или шимпанзе цивилизованный человек отличается не только своей личностью, но и всем, вплоть до пищеварения и каждого своего кровяного шарика.*

* Например, язва желудка и известные разновидности анемии определенно являются продуктом социальной напряженности и недостатков питания.

Поэтому, чтобы понять сознание окружающих нас людей, мы должны расширить рамки наших психиатрических исследований и решительно отказаться от поисков всевозможных "внутренних"

сущностей. Мы должны глубоко изучить все потребности, образовавшиеся у человека

Под воздействием нашей специфической формы цивилизации, исследовать, каким образом в процессе развития видоизменялись сами старые биологические потребности. Нужно попытаться ясно указать, каким образом эти потребности воздействуют на кору головного мозга и как ими создается человеческое сознание.

Глава IV

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТА

1. ЭЛЕМЕНТЫ ЛИЧНОСТИ

Рядовому человеку нетрудно будет понять, что идеи не являются биологически врожденными и не формируются мозгом из какой-то внутренней сущности. Однако данная работа не имеет целью исследование идей как таковых. Мы занимаемся изучением формирования личности невротика, и перед нами встает вопрос, каково при этом значение идей и каково их отношение к другим элементам личности. Очень просто доказать, что идеи – это отражение внешних, несубъективных факторов. Но являются ли идеи управляющим элементом в личности?

Этот вопрос возникает потому, что при первом же общении с невротическими больными мы видим, что их главные трудности связаны не с абстрактными идеями и не с пониманием интеллектуальных задач. Многие невротики очень хорошо справляются с преподаванием, исследовательской работой и другими видами интеллектуальной деятельности, но в то же время тщетно борются с личными затруднениями явно эмоционального характера. Беспокойство, вызванное противоречивым эмоциональным состоянием невротика, нередко представляет собой разительный контраст с его интеллектуальной деятельностью, часто отличающейся высоким культурным уровнем.

Поэтому невротик обычно обращается к нам с жалобами преимущественно эмоционального характера. Он чувствует себя несчастным. Он слишком чувствителен, и другие люди легко выводят его из состояния душевного равновесия. У него может быть чувство собственной неполноценности; он слишком часто обижается или раздражается; его могут терзать страхи, которыми он не в состоянии управлять и которые, как он сам знает, являются неразумными.

Оказывается, далее, что различные чувства невротика сильнее его интеллектуальных убеждений. При столкновении эмоций с интеллектом чувства у него часто побеждают. Невротик видит, что он испытывает страх в обстановке, когда, как он знает, никакой объективной опасности не существует; гнев может полностью овладеть им, даже если он знает, что его гнев не оправдан или что было бы лучше в данной обстановке сохранить спокойствие. Невротик может годами бороться с непонятной привязанностью к

человеку или зависимостью от него, хотя тот, как это известно невротика, совершенно ему не подходит или даже оказывает на него пагубное влияние. У него наблюдаются сильные, эмоционально окрашенные стремления делать то, что, как он сам понимает, является неправильным или вредным; его чувства часто вынуждают его делать то, что он сам считает бессмысленным, ненужным или пагубным.

Хотя клиническая практика дает почти бесчисленное количество примеров очевидной власти эмоций невротика над его интеллектом или абстрактными рассуждениями, это явление свойственно не только людям, страдающим неврозом. Не-невротик также может обнаружить, что в определенных условиях его чувства одерживают верх над его волей и над его пониманием.

Если судить по внешним проявлениям, то определяющие элементы в личности по своему характеру не интеллектуальны и не концептуальны, а состоят скорее из значительных эмоциональных сил, обладающих способностью подавлять интеллект. Природа эмоций и их отношение к побуждениям, абстрактному мышлению, практическому поведению и объективному миру – все это составляет решающую проблему для психологии как нормальных, так и аномальных людей.

На основании указанных наблюдений над поведением невротика в классической психиатрии и во всех школах психоанализа считается общепринятым, что неврозы – это болезни эмоциональной сферы. Наряду с этим выдвигалось утверждение, что эмоции имеют преобладание над интеллектом и что они-то и составляют главные движущие силы человека. Существуют две тесно связанные между собой теории, пытающиеся это объяснить.

Многие ученые, придерживающиеся первой теории, рассматривают эмоции как продукт животного начала человеческой природы. Поэтому эта школа мысли считает, что эмоции происходят непосредственно из биологических потребностей и структуры нашего организма. В эмоциональных реакциях животных эта школа видит прямую параллель с эмоциями людей и объяснение последних.

Данная биологическая точка зрения наиболее последовательно была развита Фрейдом. Согласно его теории, наши желания, побуждения и чувства проистекают от инстинктов жизни и смерти, которые сами

непосредственно порождаются первичными характерными свойствами протоплазмы, этого вещества жизни.

Здесь нет необходимости возвращаться к критике теории инстинктов, поскольку проблема соотношения между биологическими потребностями и чувствами уже рассматривалась в главе II. В данном случае достаточно констатировать, что главная ошибка Фрейда заключалась в попытке свести сложные, социально обусловленные эмоции людей к реакциям, происходящим на чисто биологическом уровне. Кроме того, все виды и аспекты психической деятельности человека, включая эмоции, свойственны только людям, так как наша психика есть продукт нашего социального опыта. Мы не можем исследовать чувства гнева у людей, изучая проявления гнева у животных. Поскольку животные не имеют ничего равноценного нашим социальным отношениям, они также не испытывают чувства гнева, как мы его понимаем. Гнев человека качественно отличен от реакции ярости у животных, потому что наш гнев, как и другие чувства, является отражением социальных условий, которые отсутствуют в жизни животных.

Человеческие эмоции нельзя рассматривать как биологические, или инстинктивные, реакции – они относятся к категориям социально обусловленных реакций.

Параллельно с животной, или инстинктивной, теорией эмоций развивалась близкая ей гипотеза о том, что чувства зародились раньше и они примитивнее, чем интеллектуальная деятельность. Ввиду того, что чувства старше, они являются более "основными", а, следовательно, и более сильными, чем рациональная и интеллектуальная деятельность.

Нет фактически какого-либо основания полагать, что первыми возникли у человека эмоции, а интеллектуальная деятельность появилась позже. Еще никто не открыл общество таких *людей*, которые, на какой бы низкой ступени культуры они ни находились, могли бы чувствовать, но не были бы способны думать. В действительности и эмоции и интеллектуальная деятельность порождались одновременно непрерывно меняющимися условиями человеческого существования. Новые типы интеллектуальной деятельности людей явились результатом их практической деятельности в условиях совместного труда и постоянно расширяющейся потребности изучения новых сторон природы. Одновременно с этим и в связи с постоянными изменениями

социальной и классовой организации людей соответственно развились и новые виды эмоций. Например, романтическая половая любовь между мужчинами и женщинами в том виде, в каком мы ее знаем, не существовала среди многих первобытных народов¹. Патриотизм, или любовь к своей стране, не существовал во времена феодализма; он является специфическим продуктом появления больших национальных государств. Чувства, вызываемые конкурентной борьбой между людьми, очевидно, не существуют у народов, живущих в условиях первобытно-общинных отношений².

Наивно было бы считать, что более старое и примитивное сильнее того, что более ново и менее примитивно. Если бы новое не было сильнее старого, оно никогда бы не получило развития. Изучение процесса эволюции показывает, что более ранние, проще и примитивнее организованные животные постоянно вытеснялись более поздними и сложнее организованными животными, которые являются также и более сильными. (Под силой здесь понимается не грубая физическая сила, а способность господствовать над окружающей средой.) Так, пресмыкающиеся заняли место амфибий, млекопитающие в свою очередь вытеснили пресмыкающихся, а более просто организованные млекопитающие уступили место более высокоразвитым представителям этого класса.

Представление о том, что эмоции сильнее и примитивнее интеллекта, происходит из весьма старой теории, согласно которой эмоции – продукт более древних и примитивных отделов мозга, а именно таламуса, гипоталамуса и ядер мозгового ствола. Считалось, что именно в этих более древних отделах головного мозга человека зарождаются чувства, тогда как мышление связано с филогенетически самым новым отделом центральной нервной системы, с корой мозговых полушарий.

Эта теория, согласно которой эмоции являются результатом деятельности подкорковых зон мозга, главным образом гипоталамической области, имеет своими истоками многочисленные наблюдения, проведенные Гольтцем, Вудвортсом, Шеррингтоном и другими экспериментаторами³. Они показали, что, когда кора головного мозга специальной операцией отделялась от гипоталамуса, подопытные животные обнаруживали реакции гнева и ярости; у животного функционировал только гипоталамус, а кора головного мозга больше не действовала. В таких условиях или при непосредственном раздражении гипоталамуса электрическим током

животные обнаруживали ярко выраженные, сильные реакции ярости и страха.

У людей с мозговыми поражениями, имеющими место близ гипоталамической области, также обнаруживаются видимые изменения эмоционального характера. У них в результате легкого раздражения наблюдаются периоды насильственного смеха или плача.

С превосходной критикой этих экспериментов с гипоталамусом выступил Массерман, который для подтверждения своих выводов провел ряд экспериментов⁴.

Эксперименты Массермана ясно показали, что гипоталамус координирует и, возможно, усиливает нервные импульсы, вызывающие некоторые кишечные сокращения, изменение сердцебиения и другие реакции организма, сопутствующие состоянию страха и ярости. Однако его эксперименты свидетельствуют о том, что эти нервные импульсы зарождаются не в самом гипоталамусе, но исходят из различных областей коры головного мозга. Массерман нашел, что животное сохраняет способность обычных реакций страха и гнева даже тогда, когда его гипоталамус значительно поврежден экспериментальными операциями. Другими словами, *наличие и функционирование гипоталамуса не является обязательным для эмоциональных реакций.*

В одном из экспериментов Массерман вживлял небольшие электроды в гипоталамус кошки, и через 8-10 дней, когда кошка оправилась после операции, оказалось возможным непосредственно вызвать раздражение гипоталамуса с помощью импульсов, даваемых через эти электроды. Когда это было сделано, кошка вела себя так, как будто была приведена в ярость. Спина ее выгибалась дугой, она шипела и махала хвостом, зрачки ее глаз при этом расширились и шерсть на шее становилась дыбом. Все это – типичные проявления ярости у кошек. Но при всех внешних признаках ярости кошка мурлыкала, когда ее гладили, ела, когда ее кормили, и проявляла половые реакции в присутствии желаемой особи другого пола. Другими словами, при раздражении гипоталамуса электрическим током кошка не испытывала ни гнева, ни страха. *Организм кошки только внешне проявлял реакции ярости или страха, но соответствующих эмоций она не испытывала.* Это легко было подтвердить, показав той же кошке рычащую собаку, то есть

воздействуя на кору головного мозга кошки. Кошка сразу же переставала мурлыкать, есть, прекращала половую активность и всецело занялась собакой. Страх перед собакой был подлинной эмоцией, которую кошка испытывала, тогда как при раздражении гипоталамуса электрическим током кошка только казалась разъяренной.

Следовательно, эксперименты свидетельствуют, что даже у кошки подлинные эмоции тесно связаны с корой головного мозга, самой молодой его частью. Настоящие эмоции по своей природе не являются подкорковыми, и они могут появляться даже в том случае, когда гипоталамус в значительной степени поврежден, а его нервные связи с остальными отделами мозга нарушены. В этом последнем случае, однако, мышечные и кишечные реакции, сопутствующие эмоциональному состоянию, не так хорошо координированы, как у нормального животного. *Эксперименты показывают, что подлинные эмоциональные реакции предполагают наличие функционирующей коры головного мозга, что эмоции берут свое начало именно в коре и только потом передаются в другие отделы мозга.* Эмоции могут иметь место и при отсутствии нормального функционирующего гипоталамуса.

Почти бесчисленные опыты показали, что химические инъекции и другие приемы также не могут вызвать эмоциональных реакций⁵.

Теоретически можно было бы ожидать таких результатов. Если бы удалось вызвать определенную эмоцию путем химической инъекции, это могло бы нарушить известные характерные особенности психических процессов. Эмоция – это не просто электрохимическая реакция мозга, а определенный *процесс*, который имеет отношение как к стимулирующим его событиям внешнего мира, так и ко всем другим процессам, имевшим место в данном, конкретном мозгу в прошлом и настоящем. Эмоция внутренне противоречива и порождается тем опытом, который приобрел человек в своем общении с внешним миром. Поэтому невозможно воспроизвести все эти отношения и условия с помощью химического вещества или сводить процесс эмоции к физико-химическим процессам. Если мы так сделаем, речь будет идти уже не об эмоции как едином целом.

Зная это, мы теперь можем понять, почему более тщательное наблюдение за людьми, страдающими расстройством подкорковых центров, показывает, что эти люди не испытывают подлинных чувств во время приступа болезни. Насильственный смех не приносит

удовольствия, а насильственный плач не является следствием печали⁶.

Теперь мы можем с более правильных позиций подойти к проблеме отношения между мышлением и чувством.

Представим себе человека, прогуливающегося по улице в прекрасном расположении духа. Далее, вообразим, что возникает опасная ситуация, например что-то должно упасть со здания на тротуар. Однако наш прохожий не замечает опасности и поэтому продолжает пребывать в приятном настроении, не испытывая чувства страха. Ясно, что эмоция страха появится только в том случае, если человек сообразит, какова обстановка, и оценит ее как опасную. Хотя этот пример относительно прост, но рассмотрение любой другой обстановки, вызывающей эмоцию, покажет то же самое. Более сложным примером может служить такой случай в обществе, когда на человека нападают и осмеивают его так тонко, что ему не сразу становится понятным, что произошло. При таких условиях эмоциональная реакция не наступит; между тем, даже спустя несколько дней или месяцев, когда человек обдумает случившееся и поймет, что, собственно, произошло, он может почувствовать себя задетым и рассердиться.

Другими словами, эмоциональные реакции и чувства возникают в результате нашего восприятия и суждения о вещах или ситуациях. Мы эмоционально реагируем на обстановку в соответствии с нашим пониманием и суждением.

Следовательно, все эмоции имеют интеллектуальное содержание. "Чистая" эмоция – эмоция без какой-либо интеллектуальной, или рациональной, основы – невозможна.

Не может также быть, чтобы, обладая интеллектуальным пониманием, развившимся под влиянием общества, мы в то же время отвечали бы первичными, примитивными эмоциональными реакциями на какую-либо ситуацию, возбуждающую наши чувства. Если считать, что сама эмоция – продукт и показатель социально обусловленных и приобретенных оценочных суждений, то очевидно, что врожденная "эмоциональная" реакция не существует. Без такого суждения нет эмоции, а сам тип суждения определяет соответствующий тип эмоции.

Хотя и кажется, что эмоции контролируют наше мышление и управляют им, между мышлением и чувствами фактически нет антагонистического противоречия. Эти два психических процесса являются взаимосвязанными внутренне противоположными проявлениями того процесса, благодаря которому мир отражается в нашем сознании и познается нами. Термин "слепой гнев" как будто указывает на то, что эмоциональный процесс, по крайней мере временно, подавляет и выключает наш разум. В действительности, однако, если бы мы не понимали сложившейся ситуации, она не вызвала бы у нас слепого гнева; термин "слепой гнев" указывает лишь на то, что мы вполне понимаем ситуацию и что она вызвала реакцию с нашей стороны.

В самом деле, эмоции являются столь неотъемлемым элементом понимания, что, если человек не обнаруживает соответствующей эмоциональной реакции на определенную обстановку, мы можем безошибочно судить о том, что он ее не понял. Например, если человек, обычно чувствительный к проявлениям грубости, не приходит в негодование при виде грубого поступка, то это значит, что он не понял подлинного характера этого поступка.

Далее, если в процессе развития душевной болезни человек старательно борется со своими эмоциональными реакциями и ему удается стать эмоционально нечувствительным, то конечным результатом неизбежно будет нарушение способности суждения и понимания.

Эмоциональная реакция указывает на то, что индивид принимает непосредственное и личное участие в данной ситуации. То, что нас мало касается, возбуждает мало эмоций; то же, что представляет для нас значительный интерес, возбуждает в нас множество эмоциональных переживаний. Характер эмоции указывает на наше суждение и понимание того, как и насколько затрагивают нас данный предмет или обстановка.

"Сверхэмоциональным" является человек, который, как правило, неверно оценивает характер возникающих ситуаций и их настоящее значение. Он потерял перспективу и всему приписывает большее значение, чем это есть на самом деле. Человек с пониженными эмоциями не принимает участия в событиях: он всегда расценивает их как маловажные для себя.

Вопреки внешним проявлениям невроз не означает заболевания эмоциональной сферы. По существу невроз есть болезнь разума. Если эмоциональные реакции невротика являются беспорядочными, внутренне противоречивыми или неуместными по отношению к условиям объективной действительности, это означает только то, что его оценка или понимание этой действительности по существу неправильны. В целях иллюстрации рассмотрим невротика, являющегося весьма враждебно настроенным индивидом, постоянно проявляющим неразумные эмоции гнева, ярости, ненависти, негодования и раздражения. Каков непосредственный или внутренний источник (в противовес источнику, заключающемуся во внешней действительности) этих эмоций?. Его надо искать только в определенных представлениях или суждениях о других людях. Этот враждебно настроенный ко всем невротик смотрит на людей и судит о них как об опасных, вредных созданиях, при всяком удобном случае причиняющих ему неприятности. На этом основании он вполне логично будет в свою очередь ненавидеть людей. Эмоции такого больного являются правильным выражением его взглядов и суждений о людях, показателем того, как он понимает их.

С этой точки зрения нет коренного различия между эмоциями невротика и эмоциями здорового человека. У того и у другого эмоция является субъективным процессом, показателем того, как осознается и понимается объективная действительность, вызывающая эту эмоцию. Поскольку это так, нет ни биологического различия, ни каких-либо других – мистических и непостижимых – элементов, отличающих эмоции здорового человека от эмоций невротика.

Раз мы поняли действительную ситуацию, на которую реагирует невротик, то для того, чтобы понять также и его эмоции, необходимо выяснить его извращенные представления об этой ситуации и превратные оценки, которые он применяет к данной ситуации, проявляя свои эмоции. Эмоции невротика – продукт искаженного понимания им объективной ситуации. Практически это значит, что, если мы хотим изменить эмоциональные реакции невротика в определенных ситуациях, мы должны изменить его понимание этих ситуаций и суждение невротиков о них.*

* Мы здесь не поднимаем специального вопроса о социально-экономическом и классовом происхождении извращенных понятий и суждений невротика, а также не рассматриваем практических средств, которые должны быть использованы для изменения его понимания.

2. МОТИВАЦИЯ

Показав, что эмоции не являются господствующими элементами личности, мы должны рассмотреть проблему мотивации. Поведение людей определяется сильными желаниями, стремлениями и потребностями. Источник этих влечений и их отношение к другим аспектам сознания является ключевым вопросом к пониманию человеческого поведения.

Проблема понимания движущих сил поведения становится особенно острой, когда мы изучаем невротика или пытаемся лечить его. В поведении и психической жизни невротика господствуют влечения такой огромной силы, что приходится назвать их непреодолимыми. Эти непреодолимые силы часто являются внутренне противоречивыми и нередко явно иррациональными по своей природе даже для самого невротика. Они иногда навязывают ему действия, которые противоречат его более здравым суждениям и его моральным установкам. Эти влечения часто кажутся господствующими как над его мыслями, так и над его поведением.

Классическая психиатрия рассматривала эти явления по их поверхностной ценности, причем влечения считались наиболее важными элементами личности и даже управляющими рациональными мыслительными процессами. Фрейд разработал целую теорию, имеющую своей целью показать, что желания и потребности подчиняют себе наше мышление, что мы сначала приходим к тем выводам, которых желаем, и только потом объясняем их или пытаемся привести в соответствие с требованиями рационального мышления. "Кататимное мышление", "рационализация", "компенсирующее мышление" являются терминами, которые стали общепринятыми в языке.

Фрейдистская теория влечений оказала весьма значительное влияние на психиатрию, казуистику, педагогику и смежные области. Влияние этой теории сохраняется и поныне, проникнув в область искусства и литературы, где она получила общее признание. Вот наиболее важные особенности фрейдовской теории влечений:

1. Это по существу гедонистическая* теория влечений. Человек стремится получить удовольствие и избежать страдания, что соответственно обуславливается удовлетворением или неудовлетворением инстинктивных потребностей. Фрейд считает, что каждый поступок, даже такой, которым человек

сам себе причиняет вред, совершается потому, что он приносит этому человеку некоторое удовольствие.

* Гедонизм – учение о том, что удовольствие или счастье есть высшее благо.

2. Влечения рассматриваются как доминирующий элемент личности, превосходящий рациональный интеллект и подавляющий его в любой решительный момент борьбы. Мы поступаем согласно желанию или потребности и только позднее пытаемся разумно объяснить данный поступок. Если окажется слишком трудным сделать это с помощью обычной логики, мы создаем для каждого случая особую логику. Кроме того, влечения связаны с эмоциями и управляют ими, то есть определенные эмоции порождаются соответствующими побуждениями. Эмоции также возникают в зависимости от того, удовлетворяются ли наши влечения.
3. Подлинный источник влечений заключается в самом индивиде; побуждения являются "психическими представителями" биологических потребностей. Таким образом, как поведение, так и мысли личности изначально диктуются биологическими источниками и самим человеком. Влияние внешнего мира на нашу личность и наши влечения сводится исключительно к следующему: А. Внешний мир может удовлетворять или не удовлетворять наши исходные влечения, причиняя, таким образом, удовольствие или страдание. Б. Воздействие внешнего мира создает у личности "принцип реальности". Этот принцип пытается привести момент зарождения наших влечений и их выражение в соответствие с практическими потребностями жизни. Однако принцип реальности считается слабым и всегда может быть подавлен инстинктивными потребностями самого индивида.
4. Человеческие влечения, рассматриваемые с индивидуальной или социальной точек зрения, по существу никогда не изменяются, ибо, с точки зрения Фрейда, они являются прямым выражением нашей биологической структуры. Если и имеет место какое-либо изменение в этой структуре, то, по мнению Фрейда, оно происходит лишь в течение многих тысячелетий.
5. Многие влечения являются по необходимости насильственными, потому что они возникают из инстинкта смерти. С этой точки зрения люди всегда были и будут жестокими.

- б. Влечения по существу непознаваемы, потому что они происходят из бессознательного "Оно" – той части личности, которая непознаваема, недоступна разуму. Фрейд весьма определенно высказывался по данному вопросу: "Сущность нашей личности образуется скрытым "Оно", которое не имеет непосредственных связей с внешним миром"¹.

Фрейдистскую теорию влечений можно критиковать со столь многих точек зрения, что уже одно это может быть использовано в качестве иллюстрации всех основных ошибок, которые делает Фрейд как в своих главных предпосылках, так и в методах рассуждений. Однако такая развернутая критика не нужна в данном случае, так как она дублировала бы вопросы, которые трактуются в других разделах настоящей работы, например вопрос о биологическом подходе Фрейда к человеческой природе; о его заблуждении, будто сложные психологические явления, в данном случае влечения, проистекают непосредственно из биологических особенностей протоплазмы; о его взгляде, согласно которому человеческая природа является по существу статической и неизменной; о том факте, что он не имел никакого понятия о социальных побуждениях и считал человека существом чисто индивидуалистическим.

Следует отметить, что фрейдистский гедонизм является преемником гедонистических теорий влечений, зародившихся еще в греческой философии. Более поздние работы в области философии указали на неправильность и внутреннюю противоречивость гедонизма, причем философы сами давно признали, что принцип "удовольствия-страдания" не может объяснить человеческое поведение².

Нельзя понять определенные элементы фрейдистской теории влечений с точки зрения, ограничивающейся лишь анализом ошибок в его интерпретации фактов или рассмотрением его методов подхода к явлениям. Такой анализ не объяснил бы всего того, что заключается во взглядах Фрейда. Мы спрашиваем: почему все его ошибки идут в одном направлении? Фрейд последовательно разработал взгляд на человеческие влечения как на иррациональные, непознаваемые, асоциальные, полные жестокости и по существу неуправляемые. Только ли метод ведет его к такой пагубной и циничной точке зрения на человеческую природу?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. В самой механической и статической точке зрения не заложено ничего, что могло бы привести к таким специфическим выводам. Сам метод мог бы с таким

же успехом привести Фрейда к утверждению, что человеческая природа является неизменно хорошей, а не неизменно дурной.

Совершенно очевидно, что мышление Фрейда с самого начала обуславливалось рядом исходных предпосылок и предположений, которые он сделал о человеческой природе. Почему же он пришел именно к таким предположениям?

Как это уже было указано некоторыми авторами³, ответ может быть только один. Фрейд испытал на себе значительное влияние исторических условий своей эпохи. Он описывал людей – главным образом представителей среднего и высшего слоев общества – такими, какими он их видел, предполагая, что это и есть "естественные" условия человечества. Работы Фрейда воплощали в себе также распространенные суждения о людях, которые имели хождение среди высших слоев общества того времени. Таким образом, в фрейдистской теории нашла отражение точка зрения высших слоев общества. Тот факт, что сам Фрейд, очевидно, не подозревал, что он выступает не от лица всей Австрии, не говоря уже обо всем человечестве, не противоречит этому взгляду. В конечном счете его теория выражает лишь одно из борющихся тогда идеологических и этических учений.

Наиболее убедительным возражением против фрейдистской теории влечений является то, что она чисто субъективна. Вместо того, чтобы рассматривать людей как действующих всегда в ответ на внешние потребности и под воздействием социального мира, который развивается по объективным, непсихологическим законам, Фрейд занимает диаметрально противоположную точку зрения. Он говорит, что различные классовые, политические и экономические силы нашего времени регулируются внутренними, психологическими силами человека. Он утверждает, что политические и экономические условия нашего времени определяются субъективными, а не объективными законами.

Таким образом, Фрейд приписал влечениям, возникающим из инстинктов, всемогущую роль. Эти влечения, как он предположил, определяют историю и все виды групповых движений людей, а также поведение и направление мыслей индивида.

Фрейдистские воззрения вызвали несколько возражений самих психиатров. Зная из своего практического опыта, что внешний, социальный мир должен играть большую роль, чем приписывал ему

Фрейд, современные школы "культурного" психоанализа выводят из социальной среды некоторые влечения к самосохранению, например "избавление от свободы", "разрешение исходного беспокойства", "реализацию врожденных потенциальных возможностей". Очевидная бедность этих формулировок обусловлена в основном двумя главными причинами. Прежде всего, "культурные" школы психоанализа фактически не изучили мир, в котором мы живем. Во-вторых, хотя и в скрытой форме, они повторяют ошибку Фрейда, считавшего, что внутренние, психические силы оказывают решающее влияние на человеческое поведение. Они забывают, что психика является продуктом и отражением исторических, социальных условий, которые порождаются непсихологическими силами. Результатом данной тенденции является то, что современные психоаналитики забывают о воздействии внешнего мира и дают исключительно "внутреннее", психологическое объяснение реакций данного человека.

Такая тенденция очень ясно выражена в работе д-ра Хорни. Возьмем ее теорию о том, что сутью невроза является "исходный страх", который вызван у ребенка травмирующим жизненным опытом. Это *может показаться* социологическим подходом, но на самом деле ее теория утверждает, что внешний мир затрагивает психику человека и проникает в нее только однажды, в раннем детстве. После этого раннего опыта, который образует "исходный страх", поведение индивида зависит, вероятно, от его собственных, внутренне развивающихся, субъективных психических состояний, а не от нового непрерывного опыта, связанного с общественными отношениями.

Д-р Хорни, возможно, абстрактно и согласится с важным значением непрерывного воздействия общественных отношений на человека, но если мы проследим, на что делается главный упор в ее работе, то убедимся, что, по ее мнению, невроз в конечном счете создается субъективным развитием различных реакций на "исходный страх".

В этом отношении д-р Хорни и все другие современные психоаналитики не отходят от Фрейда. По-моему, нет существенного различия в том, регулируется ли поведение взрослого человека внутренним половым влечением, внутренней потребностью избавиться от исходного беспокойства, внутренней потребностью избежать свободы или внутренней потребностью реализовать врожденные потенциальные возможности. Существо всех этих формулировок одно и то же: движущая сила влечения исходит из

самого индивида. Раз принята такая точка зрения, то существенное сходство (включая и ошибки) между различными школами психоанализа значительно превышает их внешнее различие.

Будем ли мы рассматривать источник влечений как внутренний или как внешний по отношению к сознанию – вот основной теоретический вопрос, с которого начинается размежевание всех школ психиатрии и психологии на два противоположных лагеря, разделение, которое имеет тенденцию стать в ближайшем будущем еще более острым. Используя этот вопрос в качестве критерия, мы можем отделить истинно социологический подход от псевдосоциологического и научный – от псевдо- или даже антинаучного подхода. Теория о том, что влечение имеет внутренний источник, неизбежно ведет к субъективизму и ненаучным теориям, вплоть до мистицизма. К последнему мы приходим тогда, когда покидаем вещественный, материальный мир как источник человеческих влечений, ибо в таком случае его место могут занять лишь мистические абстракции, Фрейд специально говорил, что наши влечения проистекают из непознаваемой сферы психики – бессознательного – и что мы никогда не сможем познать сами инстинкты; мы знаем лишь их психические проявления. Он предположил, что из этих инстинктов возникает "либидо", которое становится главной движущей силой человека, хотя оно и остается незримым; "либидо" нельзя измерить научными тестами; его качества не поддаются лабораторному анализу, а его поведение не предсказуемо. У нас столько же фактических доказательств того, что "либидо" регулирует наше поведение, сколько и для утверждения, что им управляет бог.

Тенденция к мистицизму не менее ясно выражена и у современных "культурных" психоаналитиков. Так, в книге "Невроз и развитие человека" Хорни говорит о "реальном я", но она вовсе не видит корней этого я в чем-нибудь прочном и конкретном, и у нее нет научного способа измерения и познания его. Кроме того, в работе Хорни мы замечаем ссылки на Бергсона, Кьеркегора и других мистиков, цитаты из буддистской и даосской литературы, а в книге Фромма "Человек для себя" видное место занимают цитаты из средневековых мистиков.

Для того чтобы выработать научное понимание человеческого поведения, мы должны раз и навсегда понять тот факт, что влечения, так же как и все другие психические явления,

представляют собой отражение в сознании объективной действительности.

Влечение, или желание, отличается от мысли отнюдь не своей внутренней, нейропсихической структурой, сходной со структурой мысли. Так, существенное различие между абстрактной мыслью о природе огня и желанием развести огонь заключается в различных сторонах действительности, которые отражаются в мысли и желании. В абстрактной мысли о природе огня отражены определенные свойства или качества огня. В побуждении развести огонь отражена специфическая *потребность* согреться в данный момент.

Поэтому влечение, или желание, является отражением в сознании того аспекта необходимости, который воспринимается человеком, имеющим это желание.

Нет такой материи, материального существа, человека, общества или отдельной его группы, которые не находились бы в состоянии постоянного движения. Все движется и изменяется соответственно определенным нормам, которые могут быть названы законами. Эти законы, или характеристики движения, можно определить как обязательность, или необходимость. Законы, обязательность и необходимость реальности, *поскольку они сказываются на нас и воспринимаются нами*, преобразуются в мысли того или иного рода. Они отражаются в мозгу как побуждения, желания, страсти и "влечения".

Тенденция фрейдистской психиатрии, как уже было сказано выше, заключалась в том, чтобы исходить из чисто биологических и инстинктивных потребностей. Решающими же влечениями людей – *как людей* – является отражение социальной необходимости.

Чтобы понять влечения определенного человека, мы должны усвоить два положения. Первое – познать потребности окружающей его среды и особенно социальной среды. Это влечет за собой серьезный анализ политических, экономических, классовых и других отношений, которые действуют в условиях индивидуальной жизни данного человека. Влечения людей фактически так же различны, как и окружающие их условия, а это означает, что даже при одной политико-экономической системе побудительные силы людей крайне отличны в соответствии с классовым положением индивида и его материальными перспективами.

Во-вторых, мы должны осознать, что влечения, которые являются отражением в голове человека внешней потребности, ограничены степенью их отражения. Другими словами, побуждения человека зависят от перцептивного осознания и понимания им тех необходимостей, которые действуют на него. Если человек будет находиться в глубокой коме, его мозг не воспримет даже непосредственных нужд его собственного организма и он не сможет ни поесть, ни помочиться, ни выполнить другие биологические функции.

Если бы психоаналитическая теория не затемнила этот вопрос, то было бы совершенно очевидно, что мы можем желать сделать что-то лишь постольку, поскольку мы восприняли или поняли необходимость этого. Если мы не осознаем возникшей опасности, у нас не появится и желания или побуждения избежать ее. Если бы завтра внезапно обнаружилось, что вода в общественном водопроводе содержит смертельный вирус, и если бы также узнали, что кипячение убивает этот вирус, то у всех

Людей, осознавших эти факты, появилось бы новое побуждение – кипятить питьевую воду.*

* Психоаналитик или психиатр, ориентирующийся на биологию, может здесь выдвинуть возражение, что данный пример не иллюстрирует "исходное" изменение влечения; он может сказать, что это просто прибавляет лишь новый момент к "исходному" влечению самосохранения. Однако обнаружение опасности не всегда заставляет людей уклоняться или бежать от нее. Предпримут ли люди шаги для того, чтобы избежать опасности, убежать от нее, бороться с ней или даже подвергнуться ей при случае, это зависит от вида и значения опасности и тех социальных условий, которые сопутствуют ей или вызывают ее. Кроме того, многие из наших наиболее глубоких потребностей и влечений, например потребности в романтической любви, дружбе, общении, сотрудничестве, образовании, происходят от того, что мы живем в обществе определенного типа, и не связаны непосредственно с биологическими потребностями. У людей, жизнь которых направляется исключительно физической потребностью, например у детей, воспитанных животными в отрыве от общества или изолированных в результате случайных обстоятельств, ни одного из этих влечений мы не обнаружим.

Так как влечения являются отражением в сознании законов необходимости, имеющих отношение к нам, то ясно, что влечение может быть удовлетворено только в том случае, если оно является более или менее правильным отражением этой необходимости. Когда влечения являются неправильным отражением, результаты нашей деятельности могут оказаться крайне отличными от намеченных нами целей. Поэтому, хотя люди всегда действуют исходя из тех или

иных сознательных целей, это не значит, что они желают именно тех результатов, которых они фактически добились своими действиями. Если их цели и влечения основаны на ошибочном понимании фактов, результаты деятельности могут быть весьма пагубными или по крайней мере совершенно отличными от тех, которых они желали или которые представляли себе. В подобных случаях мы не можем сказать, что индивид желал этих результатов. Случилось так, что он желал одного, а достиг другого.

Противоположной точки зрения придерживается психоаналитическая теория. Фрейд, очевидно, полагал, что всякий поступок индивида мотивируется определенным, имеющимся в виду результатом. Так, если человек забывает что-то, то, по Фрейду, получается, что всякое забывание является результатом желания. Если мы падаем и ушибаемся, это также результат желания ушибиться. Если невротик своим поведением причиняет себе постоянное страдание и делает себя несчастным, то, по Фрейду, выходит, что невротик желал этого страдания, что оно ему нравится.

Этот аспект фрейдистской теории поддается критике по крайней мере по трем направлениям. Во-первых, эта теория предполагает, что удовольствие вызывается страданием, – нелепость, которая давно вынудила философов отказаться от гедонистической теории влечения. Во-вторых, эта теория делает невероятное предположение, будто невротик предвидит результаты всех своих поступков, будто он стремится ко всему тому или желает всего того, что бы с ним ни случилось.* В-третьих, теория влечения совершенно не учитывает роли вероятности и случайности в детерминировании наших мыслей и нашего поведения. Случайности бывают, и невозможно, чтобы каждый поступок человека был предвиден и запланирован заранее, чтобы наше поведение не могло быть подвержено случайности. (Роль случайностей рассматривается ниже, в главе XVIII.)

* Человек, изучающий социологию, заметит примечательное сходство между утверждением Фрейда, будто невротик желает своего несчастья, и определенными доктринами, созданными для "объяснения" социальных условий. Были выдвинуты утверждения, что бедняки действительно предпочитают жить в своих нищенских условиях. Некоторые зашли настолько далеко, что утверждали, будто негры наслаждаются условиями рабства, будто условия перенаселенных трущоб Гарлема и других негритянских гетто существуют в настоящее время потому, что именно в таких условиях неграм нравится жить.

Вернемся теперь к вопросам, поставленным в начале главы. Все изложенное наглядно показало, что влечение – только по видимости

решающий элемент личности; на самом деле решающим является разумное понимание. Такое понимание является основой не только эмоций, но и влечений. Говоря точнее, *эмоции и влечения являются аспектами понимания.*

Этот принцип дает нам важное средство для любой попытки переделки людей. Влечение обычно рассматривается как исходная и неизменная сила человеческой природы, но в действительности мы можем изменять побуждения людей и тем самым – их природу, раскрывая перед ними новые стороны необходимости или создавая новые социальные условия, которые образуют новые влечения и, следовательно, создавая новых людей.

История насыщена примерами изменения побуждений. Мотивы конкуренции получили развитие с возникновением частной собственности при падении первобытно-общинного строя. Влечение к половой воздержанности и девственности развилось примерно в то же время. Романтическая любовь, которая стала одним из сильных влечений людей нашего времени, впервые появилась в XII веке⁴. Патриотизм, или любовь к своей стране, возникает вместе с великими национальными государствами, которые развились на базе феодального общества. Последние 35 лет наполнены яркими примерами того, как люди в различных частях мира в процессе их национальных революций проникались новыми побуждениями – трудового сотрудничества, поддержания мира, признания прав женщин и прогресса образования и искусства. В течение последних 20 лет миллионы американцев поняли, что такое фашизм, и это вызвало побуждение к борьбе против него. Сила этих новых антифашистских побуждений подтверждается тем фактом, что во имя борьбы с фашизмом люди выносили лишения, мучения, пытки и даже умирали.

Возможность изменения побуждений через изменение понимания относится не только к движениям целых народов; она имеет прямое отношение к индивидуальному поведению, и психиатр ежедневно встречается с этой проблемой. Невротики характеризуются извращенными, внутренне противоречивыми и нереальными влечениями, которые подчас обладают непреодолимой силой. Мы не можем изменить эти побуждения, просто внушая невротика, что ему следует делать. Мы не можем изменить влечения, дав невротика возможность "свободно проявить", "отреагировать" их или научив его "принимать" их. Такой подход только укрепил бы невротика в его болезненном поведении; в этих случаях он продолжает вести себя так

же, как и раньше, хотя и меньше переживает. Мы можем изменить нездоровые влечения невротика только путем исправления и изменения его понимания людей и их взаимоотношений. Если мы действительно изменим основные неправильные представления невротика, то его влечения также существенно изменятся, ибо влечения невротика являются неизбежным выражением его взглядов на жизнь.

ФОРМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В предыдущих главах мы разбирали вопрос о решающей роли рассудочного понимания в регуляции поведения и формировании личности. Мы показали, что как эмоции, так и влечения вторичны по отношению к пониманию ситуации и вместе с тем они представляют собой аспекты такого понимания; другими словами, если эмоции и влечения нельзя отождествлять с разумным пониманием, то их в то же время нельзя рассматривать и как элементы, существующие обособленно от этого понимания.

Будучи правильными в общем смысле, эти положения станут более осмысленными, если мы попытаемся выяснить значение термина "понимание" (understanding). Необходимо раскрыть значение этого термина и познакомиться с формами понимания и с тем, как складываются эти формы.

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы фактически касаемся проблемы сознания. Формы понимания – это формы сознания.

В своем подходе к проблеме сознания мы должны руководствоваться принципом, что сам по себе мозг ничего не создает. Функция мозга – и особенно коры головного мозга – состоит в отражении и запечатлении явлений, внешних по отношению к мозгу. *Поэтому, чтобы понять сознание и его формирование, мы должны идти от внешнего к внутреннему, от внешнего по отношению к мозгу мира событий к отражению этих событий в человеческом мозгу.*

Из этого следует, что исходным элементом сознания является чувственное восприятие, получаемое из внешнего мира. Хотя мы и не знаем точно тех нейрофизиологических процессов, посредством которых явления деятельности мозга становятся копиями или отражениями событий, происходящих во внешнем мире, однако определенные факты нам уже ясны. Световые или звуковые волны определенной длины и частоты, то есть свет или звук, превращаются в нервные импульсы путем воздействия соответственно на сетчатую оболочку глаза или аппарат внутреннего уха. Эти первичные нервные импульсы немедленно передаются в зрительную или слуховую области коры головного мозга. Из этих областей коры нервные импульсы вместе с возбужденными ими вторичными импульсами отражаются и проникают в другие главные области мозга. Таким образом, поступающие извне стимулы или восприятия

ассоциируются друг с другом, координируются и связываются с другими стимулами, а также с образами памяти, передаются в различные отделы мозга и к двигательным координирующим центрам.

Благодаря этому очень сложному и быстрому процессу перекрещивающегося и многогранного отражения, осуществляемого мозгом в целом, поступающий извне стимул превращается в нервно-психический образ, отражающий внешний объект чувственного восприятия. В таком процессе воспринимаемый стимул приобретает смысловое значение для воспринявшего его мозга.

Отражение вовсе не является само по себе совершенным и исчерпывающим. Если бы это было так, наше сознание всегда правильно отражало бы внешний мир. Не существовало бы невежества, не было бы и особой нужды в дискуссиях, обучении и научных исследованиях. Поскольку потребность во всем этом существует всегда, то очевидно, что имеется и множество факторов, вызывающих ограничения и неправильности отражения. Ясно, далее, что мы получаем ощущения не пассивно, не так, как будто бы они отпечатываются на мягком воске. Пассивное отпечатывание означало бы, что отражение является неизбирательным процессом и что на процесс отражения не влияет состояние мозга в момент отражения, предыдущий опыт человека и т.д.

Многие эксперименты, посвященные анализу восприятия, показывают, что этот процесс протекает под весьма заметным влиянием прежде выработанных у данного человека установок в подходе к явлениям и его психических свойств¹. Мы "видим" не глазами; мы видим с помощью мозга со всеми развитыми в нем качествами и возможностями. Восприятие у людей является формой деятельности мозга, которое у каждого индивида развивается на базе его жизненного опыта. Таким образом, человеческое восприятие является по своему существу социальным процессом.

Кроме того, если считать, что ощущения мы получаем пассивно, то это значило бы, что сознание есть процесс созерцания. Это неправильно; такой взгляд в значительной степени ограничил бы наше правильное понимание сознания. Сознание следует рассматривать как процесс активный, который, предполагая обязательное функционирование мозга, является не только деятельностью мозга. Чтобы воспринять вещи и схватить их свойства, мы должны активно включиться в процесс по крайней мере

в двух отношениях. Во-первых, очевидно, в самом мозгу должны протекать процессы. Во-вторых – и это менее очевидно – через свою деятельность мы должны воспринимать мир как цельное и общественное бытие благодаря процессам всей нашей деятельности. Это последнее имеет столь решающее значение, что если наша деятельность незначительна, то незначительным является и сознание, рассудочное понимание. Мы не можем понимать явления со стороны, пассивно, не взаимодействуя с ним. Даже в процессе изучения, чтобы понять что-либо, мы должны активно включиться в сам процесс, задавая вопросы и сравнивая; и у нас должен быть некоторый практический опыт в отношении изучаемого предмета или проблемы, в противном случае результаты изучения будут абстрактными и несовершенными.

Таким образом, решающими элементами в процессе формирования индивидуального сознания являются восприятия, проистекающие из практической деятельности индивида. Наше сознание формируют не случайные зрительные и слуховые впечатления, но восприятия, вытекающие из нашей деятельности, из практики наших общественных отношений².

Различные связанные с нашей практической деятельностью ощущения, будучи воспринятыми, преобразуются в мозгу в образы, соответствующие предметам, ситуациям или людям, внешним по отношению к мозгу. Образы бывают различных видов. Некоторые из них очень непосредственны и наглядны, как будто мы мысленно рисуем в нашем воображении предмет точно таким, каким мы его увидели, или же воспроизводим звук или тактильное ощущение. Однако наиболее важным видом является вербализованный образ, который получается, когда внешний объект не просто воспринимается, но ему дается словесное обозначение или описание.

Воспринимаемые образы в корне меняют свое качество при применении к ним языковых форм. При этом такие образы превращаются в *понятия*, которые, будучи по своей природе более или менее абстрактными, являются все же отражением данных предметов или ситуаций. Различие между понятиями и чувственными образами заключается в том, что понятия начинают выражать абстрактные закономерности, или сущность явлений, в противоположность чувственному образу, отражающему лишь внешнюю видимость определенного объекта.

В.Г.Чайлд, выдающийся английский археолог, рассматривает этот вопрос в нескольких ярких строках о первобытном человеке:

"Способность, называемая "абстрактным мышлением", – привилегия, вероятно, только человеческого рода – зависит в значительной степени от языка. Называние вещи является актом абстрагирования. Медведь, названный таким словом, выделяется и изолируется из комплекса ощущений – деревьев, пещер, щебечущих птиц и т.д., – вместе с которыми он может встретиться человеку. И это не только выделение, но и обобщение. Реальные медведи всегда индивидуальны; они могут быть большими или маленькими, черными или коричневыми, могут спать или карабкаться на дерево. В слове "медведь" не учитываются такие качества, которые можно было бы применить к любому действительному медведю, и внимание привлекается к одному или двум общим элементам, характерным особенностям, которые оказываются общими для целого ряда отдельных животных. Эти животные группируются в абстрактный класс. В очень примитивных языках, подобных языкам австралийских аборигенов, такие абстрактные и общие понятия, как медведь или кенгуру, отсутствуют. Существуют различные и неродственные слова для обозначения "самца-кенгуру", "самки-кенгуру", "детеныша-кенгуру", "прыгающего кенгуру" и т.д.

Известная степень абстракции является, однако, чертой, присущей любому языку. Но абстрагировав таким образом понятие "медведь" от его конкретного окружения и лишив это понятие его многих частных атрибутов, мы можем комбинировать его с другими подобными абстрактными понятиями или наделять медведя таким окружением, с которым он никогда не встречается, и такими атрибутами, которыми он никогда не отличается. Например, можно наделять медведя даром речи или описать его играющим на музыкальном инструменте. Вы можете играть словами, и не исключено, что эта игра внесет вклад в мифологию и магию. *Это может также привести к изобретениям, если вещи, о которых мы говорим или думаем, могут быть сделаны и испытаны в действительности* (курсив мой. – Дж.Ф.). Легенда о крылатых людях, несомненно, значительно предвосхитила изобретение действительно летающей машины"³.

Таким образом, вербализация перцептивных образов превращает их в сознательные мыслительные процессы, которые представляют собой психическую деятельность, значительно более осознанную и сложную, чем грубые чувственные восприятия *. Такое превращение

оказывается возможным только благодаря использованию языка – общественного орудия, созданного коллективным опытом и общественной практикой. Это орудие воплощает и содержит в себе определенный опыт в форме слов, выражающих абстрактные понятия. Использование такого орудия создает возможности рационального познания и обеспечивает нам сознательный контроль над нашим поведением и нашей средой.

* Изучение перцептивных образов, путей их формирования, конкретных изменений, происходящих при их вербализации и концептуализации, отношений между различными видами образов и понятий, конкретного влияния как вербализованных, так и невербализованных образов на практическую деятельность, внутренних противоречий мышления требует, по меньшей мере, большой книги и далеко выходит за пределы данного произведения.

Рациональное сознание не следует рассматривать как нечто единое или статическое. Рациональное сознание является процессом, происходящим на многих различных уровнях. В конечном счете эти уровни зависят от характера практической деятельности человека, и поэтому низкий уровень практики неизбежно находит свое отражение в низком уровне понимания. Таким образом, человеческое сознание – результат исторического развития.

Самим низким из этих уровней является невербализованное чувственное сознание, о котором говорилось выше. За этим следует такой уровень рассудочного понимания, на котором просто отражается поверхностная видимость вещей. Этот уровень может быть хорошо проиллюстрирован на том случае, когда необразованному человеку показывают сложную лабораторную аппаратуру. Он сможет назвать ее цвет, формы и общий вид, но не поймет, для каких целей предназначена эта аппаратура, не осознает существенной природы этой аппаратуры.

Следующему уровню сознания соответствует появление понятий, которые все глубже и глубже отражают внутреннюю природу вещей. Такие понятия проникают за внешнюю видимость реальности и имеют дело с основными закономерностями и природой объектов. Этот процесс, очевидно, развивается, и пределов этому развитию в данный момент не видно, так как человеку еще далеко до осознания всех фактов его мира.

Самый высокий уровень сознания – это разумное понимание людьми самих себя как людей, знание общества, отношений между людьми,

места человека в природе. В то время как человек всегда как-то осознавал себя, подлинное сознание и правильное понимание собственной природы появилось только в прошлом столетии. Подлинная наука о человечестве вообще существует менее сотни лет.

Мы дали общее описание уровней сознания. Эти уровни характерны как для индивидуального сознания, так и для сознания общества в целом. Хотя сознание одного человека в огромной степени отличается от сознания другого, в каждом человеке есть несколько уровней понимания, начиная от несовершенных впечатлений и кончая подлинным знанием.

Важно отметить, что мы не разбираем здесь вопроса о формировании абстрактных идей. Сознание индивида соответствует его пониманию вообще, и это понимание концентрируется в форме определенного поведения, труда, в оценочных суждениях, в эмоциях и влечениях, так же как и в формировании абстрактных идей. Все эти факторы являются составными частями его понимания, его сознания. Таким образом, изучение сознания индивида равносильно изучению всей его психической и физической деятельности.

Однако ряд факторов, наблюдаемых во время изучения поведения и типа личности определенного человека, как будто противоречит той общей характеристике сознания, которая нами была дана выше. Эти наблюдения обусловлены тем, что индивид, будучи сознательным, думающим существом, тем не менее принимает участие в таких видах деятельности, которых он не понимает или которые чужды его намерениям. Более того, индивид не понимает самого себя и может обнаружить, что он подвержен непонятным ему самому настроениям, желаниям, мыслям и грезам, которые могут показаться неразумными даже в свете его здравого суждения.

Эта проблема выступает еще более отчетливо при исследовании психически больного. Изучая невротика, мы устанавливаем, что он нередко полон эмоций и побуждений, вызывающих у него прямое отвращение. Он часто беспокоится или боится, не зная, почему он может упорно отказываться от достижения своих, им же самим объявленных целей; он может мучиться страхами, которые даже ему самому кажутся смешными. Поведение невротика часто направляется целями, которые ясны другим, но ни в коей мере не ему самому. Невротик кажется полон противоречий, о которых он мало знает и которыми он еще меньше может управлять. В своем поведении он может постоянно проявлять агрессию, страх,

подозрительность, высокомерие или властолюбие, но во многих случаях он будет отрицать, что он *чувствует* себя агрессивно настроенным, испуганным или ведет себя деспотически, как это в самом деле может быть. Представление о себе невротика может значительно расходиться с действительностью; злобный и жестокий индивид, критикующий каждого в самой безжалостной форме, может казаться себе преисполненным благих намерений, поборником правды и справедливости; робкий и застенчивый человек может казаться себе бесстрашным, но осторожным; а иной невротик может и не знать своих лучших качеств или считать, что другие люди полностью ошибаются, имея о нем хорошие мнения.

Эти наблюдения и явления привели к тому, что все школы психиатрической и психоаналитической мысли постулировали существование бессознательной психики, полной непознаваемых мыслей, чувств и желаний. Эта тенденция в значительной степени берет свое начало от Фрейда, хотя сама идея о наличии бессознательной психики, была известна и до него. С момента появления первых произведений Фрейда эта теория стала развиваться классиками психоанализа, а также всеми другими школами психоаналитической мысли. В настоящее время различные школы психоанализа сходятся на том, что есть бессознательный ум и бессознательные мысли, чувства и влечения. Различные школы расходятся лишь в том, что представляет собой бессознательное и как оно стало таковым; сам факт существования бессознательного считается доказанным.

Фрейд разделил психику на три слоя согласно известной начертанной им схеме. Первый (верхний) слой – это сознание. Этот слой, будучи, согласно Фрейду, несомненно, самой незначительной частью психики, включает лишь то, что мы осознаем в каждый момент. Поскольку осознание нами явлений внешней действительности или нашего собственного я непрерывно меняется, Фрейд фактически изображает сознание как нечто текучее и эфемерное, изменяющееся каждый момент, по мере того как наше внимание привлекается различными факторами.

Ниже слоя сознания находится более существенный слой подсознательного. Это обширное вместилище фактов, сведений и воспоминаний. Согласно Фрейду, подсознательное включает все то, что отсутствует в сознании в данный момент, но легко может проникнуть в сферу сознания.

Ниже подсознательного находится еще более обширный и более важный слой бессознательного. Содержание бессознательного недоступно сознанию, если даже приложить усилие к его раскрытию. Бессознательное состоит из инстинктивных стремлений, которые по самой своей природе бессознательны. Вместе с этими стремлениями в сфере бессознательного находятся также воспоминания о деятельности и страстях, которые в свое время были в сфере сознания, но потом оказались вытесненными, потому что они вызывали по той или другой причине страдание или действовали угнетающе. Благодаря процессу вытеснения эти элементы из сознательной сферы были насильственно отодвинуты в бессознательную.

Согласно точке зрения Фрейда, бессознательное является самой важной частью психики. Оно наиболее обширно и сильно, будучи вместительным всех наших движущих сил, включая побуждения, проистекающие как от "инстинкта жизни", так и от "инстинкта смерти". Само бессознательное непознаваемо; мы можем только догадываться о нем по различным проявлениям сил, обитающих в нем и определяющих наше поведение. Бессознательное и присущие ему силы как асоциальны, так и аморальны. Оно существует вне времени; его содержание никогда не отмирает, и его импульсы никогда не затухают. Бессознательное мучают жестокие противоречия, существующие в нем бок о бок; это бурлящий котел возбуждения. Бессознательное иррационально; единственно разумная часть ума – это "Я", основанием которого является, по Фрейду, принцип реальности.

В течение последних двадцати лет фрейдистская теория о бессознательном уме неоднократно подвергалась критике⁴. Некоторые критики указали по существу на иррациональный и неразумный (mindless) характер его представления об "уме" ("mind"). Другие выражали сомнение, действительно ли жестокость является основным элементом наших мыслей и чувств, как это изображалось Фрейдом. Третьи обращали внимание на исключительно индивидуалистический и чисто биологический характер этой теории сознания, не оставляющей места развитию общественного сознания. Фрейд фактически изображал человеческую психику как нечто независимое от общества и не подвергающееся изменениям на протяжении тысячелетий.

Критики указывали на тот факт, что фрейдистский взгляд на жестокую и неразумную природу личности явился отражением

жестоких и неразумных общественных условий, существовавших в его время. Фрейд жил в период войн и насилия. Он жил в условиях экономической системы, пути развития которой невозможно было предсказать и которая не поддавалась планированию. Немногие понимали причины войн, повторяющихся экономических депрессий, возрастающих социальных волнений и переворотов. Фрейдистский взгляд на жестокое, неразумное, хаотическое и непознаваемое бессознательное, несомненно, соответствовал некоторым психическим качествам, порождаемым в людях конкретными условиями капиталистического мира, существовавшими и в то время, когда он писал свои произведения, и после этого.

Учение Фрейда о бессознательном представляет собой яркий пример того, как из научной теории неизбежно вытекают политические выводы. Фрейд пытался создать чистую науку о личности, но разработанные им теории имели весьма далеко идущие политические последствия. Например, его теория фактически оправдывает войны к эксплуатации, поскольку она утверждает, что насилие свойственно человеческой природе. Фрейд заявляет, что человеческая природа остается неизменной, а политический вывод отсюда – что общество тоже никогда не меняется. Он отстаивал мнение, что человек неразумен и непознаваем, а это имеет ту политическую подоплеку, что само общество также непознаваемо. Отсюда должно было бы следовать, что мы фактически не в состоянии уразуметь те социальные проблемы, с которыми мы сталкиваемся; мы должны приписать их проявлениям инстинктов жизни и смерти и, сделав это, оставить все идти своим чередом. Остается лишь признать социальный хаос неизбежным фактом человеческого существования.

В настоящее время имеется много ученых-политиков, отрицающих непознаваемость общества и неизменность его организации. Мы вправе полагать, что если теория Фрейда содержит ошибки, ведущие к неправильным политическим концепциям и выводам, значит его теория основана на ненаучном мышлении. Те же самые неправильные утверждения и методы мышления, которые породили эти ошибочные политические выводы, приведут и к ошибочным психологическим выводам.

Фрейдовский взгляд на бессознательное делает абсолютно необходимым механическое деление ума на обособленные сферы. Фрейд понимал эту опасность и яростно ополчался против нее⁵, но он был не в состоянии ее избежать. Ясно, что вытекает из этой

теории: *есть* основание ума, которое совершенно обособлено от всего остального ума. Из его теории также вытекает, что ум подразделен на различные маленькие "личности": одна из них – это разумное существо, другая – совесть, или моральное существо, далее – похотливое, не думающее существо, и, наконец, полицейский агент, или цензор, ответственный за помещение грязных мыслей в темницу бессознательного и заключение их там⁶.

Мы не думаем ограничиться указанием на то, что такие взгляды являются крайне механистическими и что они неприменимы к сложной структуре нервной деятельности. Мы можем подвергнуть эту гипотезу фактической проверке. Теория цензуры как вытесняющего агента требует, чтобы одна часть ума, то есть цензура, знала все, что вытесняется в бессознательное и удерживается там посредством усиленной деятельности. Изучение личности под гипнозом, под действием анестезии или путем длительного применения психоаналитических методов не обнаружило в уме какой-либо части, которая знала бы весь остальной ум, включая и то, что должно быть удалено в "бессознательное".

Как указал Старр⁷, постулат, согласно которому идеи, чувства или противоречия существуют полностью сформированными в бессознательном, имеет своим практическим результатом отрыв определенных идей и эмоций от реальности. Это означает, что, по Фрейдю, всякие подобные идеи могут существовать сами по себе, отделенные или полностью изолированные от реального мира. Такое утверждение в итоге представляет собой чистый мистицизм. Если Фрейд мог говорить, что известные идеи существуют таким образом, то другие люди скажут, что и иные идеи существуют обособленно от объективной реальности. Подобный путь ведет прямо к витализму, спиритуализму и к тому, что бог является единственным источником познания. Фрейд действительно далеко пошел по этому пути. Он дошел до постулата о существовании бессознательного страха перед кровосмешением и кастрацией, унаследованного нами предположительно от наших далеких нецивилизованных предков⁸. Юнг развил эту теорию "расового бессознательного" еще дальше, договорившись до существования воображаемых высших и низших народов. Он довел свою теорию до логического конца, заняв официальный пост у нацистов⁹. (Нацисты применили подобную теорию к практике их истребительной политики, направленной против "низших" народов. Правда, помимо Юнга, нацисты имели немало и других источников, питавших их теории расовой неполноценности, но мы лишний раз подчеркиваем прямую

социальную связь между "чистой" наукой и политическими действиями.)

Как Фрейд, так и "культурные психоаналитики" ясно заявили, что могут существовать бессознательные идеи и эмоции, то есть полностью сформированные идеи и эмоции, о которых мы не имеем никакого представления¹⁰.

Преыдущее изложение показало, что полностью развитая эмоция, например такая, как страх, является сложным психическим состоянием. Это состояние включает в себя восприятие опасности, ее оценку и понимание, умение разобраться во всей обстановке и определенную настроенность чувств, сопутствуемую известными физиологическими изменениями в кишечнике и других органах тела.

Если этот страх "вытеснен в бессознательное", то есть если страх исчез из сферы сознания, то уже нельзя утверждать, что эмоция страха продолжает существовать как эмоция. Исчезло осознание страха; изменилась настроенность чувств; пропали органические реакции, сопутствующие чувству страха, и одновременно изменилось в каком-то отношении и понимание обстановки, вызвавшей чувство страха. В таком случае или человек видит, что опасность миновала, или понимает, что обстановка не так опасна, как он думал.

Если имели место такие изменения, мы уже не можем утверждать, что чувство страха не изменилось, а только ушло куда-то в другое место, "в бессознательное". Но куда оно, собственно, может уйти? Мы не найдем в уме таких отделов, которые не выпускали бы спрятанные или заключенные туда мысли или эмоции. Утверждение, что страх еще существует, но ушел куда-то в другое место, так же неверно и механистично, как и утверждение, что потушенный огонь продолжает существовать в подавленном виде. Когда мы тушим огонь, мы прекращаем химические процессы горения; когда мы "вытесняем" эмоцию, мы нарушаем и изменяем сложные нервно-психические процессы, синтезом которых является данная эмоция. Ни огонь, ни эмоция в таком виде не существуют.

То же самое относится и к "вытеснению" мысли. Мысль, как и эмоция, является сложным процессом, в котором участвует весь мозг, пока мысль существует. (Хотя этот процесс протекает в центральной нервной системе, он связан с явлениями и событиями во внешнем по отношению к мозгу мире.) Либо данная мысль существует и находится в движении, либо она не находится в движении и в таком

случае не существует. Мы либо переживаем мысль в сознании, либо не переживаем. Если у нас нет мысли, то нельзя утверждать, что полностью развитый процесс, результатом которого является данная мысль, происходит где-то еще в мозгу, именно – в бессознательном.

Другими словами, мы не можем говорить о бессознательных мыслях. По самому определению своему мысль – это сознательный акт.

Если мы исключаем механически введенное бессознательное и отрицаем возможность существования бессознательных мыслей и эмоций, то следует ли из этого, что тем самым мы исключаем какую бы то ни было бессознательную психическую деятельность? Должны ли мы считать, что вся деятельность человека является разумной и что человек неизменно руководствуется разумными или абстрактными мыслями?

Подобный вывод был бы неправильным. Это значило бы идти назад и стать на механистическую точку зрения. Если считать, что вся психическая деятельность человека является полностью сознательной, то этим исключалась бы возможность самообмана; тогда каждый человек должен автоматически понимать себя и мы должны были бы принимать его суждение о себе как безусловно достоверное. Это значило бы также, что человек не мог бы чувствовать себя несчастным или подавленным, не зная причин такого состояния, а такие явления, как неразумный страх, не существовали бы. Тогда не имели бы места вынужденные поступки, совершаемые вопреки здравому суждению человека и даже против его сознательной воли.

Но все это в действительности имеет место. Люди часто обманываются; они совершают много поступков, мотивы которых неясны или непонятны для них самих; изучение личности обнаруживает наличие многочисленных реакций, которые не являются вполне разумными и выполняются не на основе абстрактных идей. Сложная психическая деятельность в большей своей части полностью нами не понимается, иногда мы даже не отдаем себе отчета в том, что случилось. Я полагаю, что мы должны учитывать эту деятельность и мы можем ее объяснить, не впадая в мистицизм или субъективизм. Мы можем также объяснить ее, избегая механического ее обоснования и не прибегая к таким постулатам, как непознаваемые влечения и бессознательные эмоции.

К проблеме понимания и правильного формулирования принципов бессознательной психической деятельности мы придем через изучение процесса познания (awareness). Поэтому перечислим кратко фазы психической деятельности, результатом которой является познание.

Познание – это явление, имеющее различные уровни сложности и, соответственно, различные качества. На самом низком уровне человеческое познание равносильно восприятию или запечатлению в центральной нервной системе известных стимулов. На этом простом уровне мозг непрерывно запечатлевает изменения, происходящие в самом организме или во внешней действительности, и реагирует на эти изменения, однако это познание не становится предметом нашего сознательного внимания. Огромная доля необходимой деятельности мозга протекает ниже уровня сознания.

На промежуточном уровне (между этим уровнем и предыдущим, вероятно, имеется еще ряд ступеней) мы можем познать некоторые стимулы, например шум, который становится предметом нашего сознательного внимания, но мы еще не понимаем природы познаваемого и того, к чему оно относится. Это ступень чувственного познания.

На еще более высоком уровне чувственное познание сочетается с пониманием важности и значения наших ощущений. Как мы показали выше, это понимание достигается благодаря применению языка, то есть сложившихся форм мышления и общения, к стимулам, возникающим в процессе нашей многообразной психической деятельности. Достигнув уровня, на котором чувственное познание сочетается с абстрактными формами мышления, познание коренным образом изменяет свой характер. Теперь оно становится разумным пониманием – сознанием, свойственным лишь человеческой деятельности.

Таким образом, между чувственным познанием и сознанием есть огромное качественное различие; термин "сознание" означает понимание нами того, что мы воспринимаем. Термины "сознание" (consciousness) и "познание" (awareness) часто употребляются как синонимы, но это весьма неудачное употребление, и его следует избегать. Мы можем познавать не понимая, то есть без сознания, но мы не можем иметь сознания без познания.

Исходя из того, что сознание возникает из познания и означает рациональное познание, следует, что человеческое сознание развивалось исторически и что оно непрерывно расширялось по мере роста наших знаний и с изменениями в области техники и в практической деятельности людей. Ясно также, что человеческое сознание – как подлинное сознание или разумное понимание – сначала распространилось на определенные явления мира природы. И только намного позднее, фактически совсем недавно, наш разум весьма глубоко проник в область общественных отношений. В течение многих тысячелетий люди жили, трудились и боролись с природой и друг с другом, и, хотя они познавали явные факты их общественного бытия, они, несомненно, понимали лишь очень немногие из них. В этом смысле они не сознавали своего общественного бытия, хотя в основном и познали его.

В этом, таким образом, и заключается подлинный смысл термина "бессознательное". *"Бессознательное" – это психическая деятельность, которая выполняется без рационального понимания ее значения. Бессознательное определяется как противоположное разуму, противоположное деятельности, которая познается разумом.* Бессознательное не означает ни отсутствие познания, ни психическую пустоту, ни полное отсутствие психической деятельности. Бессознательное всегда относится к какой-либо деятельности и не может относиться к незнанию вообще. Бессознательное относится лишь к тем элементам нашей деятельности, которые выполняются без разумного понимания. Если нет никакой психической деятельности, то нельзя применять ни термин "сознательное", ни термин "бессознательное".

Если такое определение бессознательного правильно, то не бессознательное определяет и ограничивает наше сознание, как это утверждал Фрейд, а фактически как раз наоборот. *Именно сознание определяет и ограничивает бессознательное*, так как по мере развития человеческой практики и разумного понимания та часть нашей психической деятельности, которую мы разумно не понимаем, постоянно сокращается.

Именно в этом смысле можно говорить о том, что бессознательное означает отсутствие понимания определенной деятельности и что поэтому в принципе возможны бессознательные поступки. Это не значит, будто мы не познаем самого факта совершения поступка; это значит только, что сам поступок во всем его значении, со всеми его

последствиями и причинами или вовсе не понят нами, или понят только смутно. *Мы знаем, что совершаем поступок, но мы не осознаем его смысла, не осознаем того, что именно мы делаем.*

Наши мысли и эмоции могут быть неясными, быстротечными и неоформившимися. В таком случае это не значит, что они являются бессознательными мыслями и чувствами, как это стали бы утверждать психоаналитики. То, что мы имеем здесь на самом деле, – это не бессознательные мысли и чувства, а продукт весьма ограниченной, искаженной, недостаточно сформировавшейся части сознания. Если мы в своей практике лечения невротиков встречаемся с такими случаями, то проблема заключается не в том, чтобы выкапывать его "действительные" мысли и чувства из сферы бессознательного, где они якобы пребывают все время. В действительности проблема состоит в том, чтобы усовершенствовать и развить его *сознание*, расширить его кругозор и добиться того, чтобы его мысли были отчетливее сформулированы и более точно соответствовали предметам или явлениям, которые они отражают. Суть этого процесса заключается не в том, что мысли и эмоции освобождаются из бессознательного, где они якобы находились все время; скорее мы видим здесь процесс созидания. Фактически в процессе лечения у невротика создаются новые мысли, новые побуждения и новые эмоции. Старые, вредные и нездоровые мысли и эмоции не вытесняются; они исчезают и заменяются новыми, более правильными мыслями и эмоциями. Процесс лечения не есть "проветривание бессознательного"; на самом деле это процесс разрушения неправильных и нездоровых оценок жизни и замещение их новыми оценками.

Хотя мы не можем иметь бессознательных мыслей или чувств, поскольку они представляют собой часть самой структуры нашего разума, нашего сознания, однако нередко случается, что мы не знаем происхождения, содержания или подлинного значения некоторых наших мыслей и чувств. В данном случае происходит то, что мы фактически не осознаем той общественной обстановки или тех факторов внешней реальности, к которым относятся эти мысли и чувства. Когда невротик угнетен чувством постоянного смутного беспокойства и страха, мы не можем сказать, что им владеет "бессознательный страх". Правильная постановка данной проблемы заключается в том, что сознание невротика, его разум извращены. Его страх сам по себе не является бессознательным, но невротик не осознает определенных внешних моментов в окружающих его

жизненных условиях, в его практической деятельности и отношениях с людьми, вызывающих у него страх. Другими словами, он *познает* определенные явления, но тем не менее не понимает их, и это ограниченное понимание выражается в форме смутного беспокойства или неопределенного страха. *Он не осознает внешнюю ситуацию, но нельзя сказать, что бессознателен страх как таковой.*

В соответствии с данным определением бессознательного как деятельности, которая нами не понята, у нас не может быть бессознательных желаний, так же как и бессознательных мыслей или эмоций. Когда побуждения человека запутаны, неясны и неопределенны, мы все же не можем говорить о наличии у него бессознательных желаний. В такой ситуации человек действует под влиянием причин, которые не полностью, недостаточно ясны для него. Действуя так, он реагирует на потребность или известные силы, которые воздействуют на его познание, но еще не ухвачены его разумом. В таком случае человек действует под влиянием не бессознательных побуждений, а *извращенных и неясных влечений*, приобретающих путаные формы и не соответствующих той потребности, которую они смутно выражают. Таким образом, когда человек не знает, что именно вынуждает его поступать определенным образом, это не значит, что на его действия не влияют никакие влечения, так как ни один поступок не совершается без какой-либо формы сознательного влечения. Это означает только, что человек действует, исходя из неразвитых, преходящих, эфемерных, случайных влечений; это означает также, что у него отсутствует разумное понимание сил внешней необходимости, которая сама отражается в данный момент – правда, весьма неясно – в его нуждах, влечениях и желаниях.

Одним из самых важных камней преткновения на пути понимания как сознания, так и бессознательного является тот факт, что сознание не только ошибочно отождествляется с познанием, но также постоянно приравнивается к самосознанию. Сознание и самосознание – это совершенно различные явления, и было бы ошибкой выдавать одно за другое. Сознание означает и предполагает разумное познание, разумное отражение мира и его движения. Самосознание означает самопознание и самопонимание. Самосознание может возникнуть только в том случае, если рассматривать себя как независимый объект. Иными словами, самосознание возникает тогда, когда мы изучаем нашу деятельность,

наши отношения с людьми и соответствующие мысли, чувства и побуждения так, как будто они присущи другому человеку. В процессе самопознания мы узнаем себя с определенной степенью объективности, идя от внешнего к внутреннему. Такое знание невозможно, если индивид изолирован от общества, так как его самопознание может осуществиться только в условиях контакта с другими людьми.

Если сознание отлично от самосознания, то из этого следует, что сознание – по крайней мере в значительной мере – может существовать без самоосознания этого факта данным человеком. Иными словами, мы можем познать явления, понимать их и правильно реагировать на них без самосознательного познания, то есть без понимания наших реакций на данное явление. Более того, мы можем иметь мысли, чувства и побуждения, которых не понимаем. В этом случае мы имеем "не-самосознание" нашей мысли, но это не тождественно утверждению, будто сама по себе мысль является *бессознательной*.

Между самосознанием и сознанием следует провести четкое разграничение. Сознание – не только более широкий и обширный элемент, чем самосознание, но и определяет его. Мы можем иметь сознание, не обладая самосознанием, но самосознание невозможно без сознания, достигшего значительного уровня развития.

Конечно, возможно самопознание, то есть регистрация известного восприятия самих себя без понимания этого восприятия. Возможно также, что между познанием себя и полным, сознательным "самопониманием" есть много переходных ступеней. Когда у нас действительно есть разумное знание самих себя, означающее прежде всего разумное знание наших общественных отношений и только во вторую очередь наших соответствующих психических реакций, тогда мы достигаем стадии полного, самосознательного понимания – высшей фазы человеческого знания. Это самая высокая форма сознания, и только теперь мы начинаем ее достигать.

Мы проводим такое резкое, четкое разграничение между сознанием и самосознанием потому, что без этого понятие сознания становится и ограниченным и искаженным. Если сознание отождествляется с самосознанием, это придает сознанию субъективный и в высшей степени индивидуалистический смысл. В действительности сознание является продуктом общественного бытия, плодом совместных усилий людей. Приравнять сознание к самосознанию – значит

низвести его до субъективного наложения в уме индивида. Далее, если сознание – это самосознание, то это означало бы резкое сокращение сферы сознания, или разумного понимания; она ограничивалась бы душевной деятельностью, которую человек постигает самопознанием. Такое ограничение сознания является одной из коренных ошибок Фрейда.

Отождествление сознания и самосознания создает, далее, ложное представление о бессознательной психической деятельности. Согласно старым теориям, если мы не самосознаем чего-либо, мы должны быть бессознательными по отношению к нему. Это неверно. Мы можем не самосознавать нашего знания чего-либо, но данное знание может быть все же совершенно правильным. В таком случае это сознательное, а не бессознательное знание. Утверждать, что все не самосознаваемое должно быть бессознательным, значит полностью исказить последнее. Бессознательное не означает отсутствия познания или самосознающего познания. Бессознательное означает лишь деятельность, в которой проявляется отсутствие понимания, – только это и ничего более.

Другая серьезная ошибка в подходе к проблеме разумного сознания и бессознательного заключается в полном и механическом отделении их друг от друга. Считалось, что психическая реакция может быть или сознательной или бессознательной. Полное обособление сознания от бессознательного создало совершенно ложную картину бессознательной психической деятельности, происходящей якобы в обособленном от всего остального основании ума. Это создало ложное представление об иррациональном и непознаваемом бессознательном. Такое обособление привело к абсурдной точке зрения, будто люди могут иметь полностью развитые мысли, эмоции и желания, представляющие собой тайные и неведомые самому человеку явления.

Сознание и бессознательное следует рассматривать как взаимопроникающие противоположности. Эти два явления неотделимы, причем они характеризуют различные, противоположные качества психической деятельности. Сознательное и бессознательное являются качествами, присущими любому поступку, то есть под этим следует понимать, что мы еще не достигли и, вероятно, никогда не достигнем полного понимания предметов и явлений. В той мере, в какой мы не понимаем их, мы являемся по отношению к ним бессознательными. Сознание и бессознательное не исключают и не отменяют друг друга. Они не борются друг с другом

и не помещаются в различных отделах ума. Они не являются обособленными сущностями. *В действительности они являются противоположными качествами поступков.* Каждый поступок при настоящем уровне наших знаний является и понятным и непонятым, сознательным и бессознательным. Поступок понятен на одном, более ясном уровне и тем не менее непонятен на других уровнях. Далее, когда ранее бессознательное становится сознательным, например, когда открывается новое явление, то вслед за этим немедленно обнаруживаются дальнейшие области исследования и изучения. Другими словами, осознание того, что было раньше бессознательным, немедленно открывает новые аспекты действительности на таком более глубоком уровне, по отношению к которому мы были бессознательными. Сознание и бессознательное, следовательно, являются взаимопроникающими качествами нашей деятельности; они зависят друг от друга и переходят друг в друга. Деятельность, бывшая бессознательной на одном уровне, становится сознательной на другом, который в свою очередь немедленно открывает новые бессознательные аспекты еще более глубокого уровня.

Бессознательное является вообще проявлением отсутствия понимания. Это отсутствие понимания всегда лишь относительно; когда встречается абсолютное отсутствие понимания, тогда мы вообще не можем говорить о какой-либо степени понимания; мы должны говорить о полном незнании, что отлично от бессознательного.

Наше понимание природы и ее явлений развивается значительно быстрее, чем понимание общественных отношений. Эта медлительность в понимании человеческих отношений обусловлена отчасти тем обстоятельством, что для их понимания необходимо синтезировать очень многие разнообразные типы научных знаний. Однако эта трудность в постижении людей и относительная медлительность развития общественных наук в сравнении с другими науками обусловлены также делением общества на различные классы.

Разделение общества на классы – господствующие и подчиненные, разделение на экономические группы – на имущих и неимущих с сопровождающей это разделение эксплуатацией человека человеком затрудняет понимание истинных отношений между людьми. Чтобы лучше пользоваться благами этого классового общества и его увековечить, те, кто господствует, эксплуатирует и распоряжается в

политической и экономической областях, считают необходимым скрывать правду о существующем порядке вещей, оправдывать этот порядок и представлять его рациональным. Система законодательства, религия, политика, идеология, формы искусства и т.д. возникли на этом базисе, и их главная цель на каждом данном этапе заключается в том, чтобы всеми возможными способами увековечить существование правящих классов.

Читатель не должен думать, что это положение не относится к Соединенным Штатам Америки. Экономические классы существуют в нашем обществе, и классовая принадлежность оказывает глубокое влияние на материальные условия, общественно-политические взгляды и образ жизни членов различных классов¹¹. Однако эти факты скрываются и опровергаются в пропагандистских целях всевозможными видами путаных и противоречивых общественных теорий. В настоящее время в области общественных наук в Соединенных Штатах господствует путаница. Если читатель попытался бы понять, почему в стране свободного предпринимательства существуют экономические депрессии, он должен был бы разбираться в девяти различных теориях, включая и такую, которая считает, что причиной этих социальных катастроф являются пятна на солнце¹².

Сложная структура капиталистического общества, а также различные идеологические учения, описывающие это общество односторонне, в розовых красках, препятствуют разумному пониманию общественных отношений как народом в целом, так и большинством самих ученых. Общее недопонимание этих общественных отношений между людьми соответственно приводит к недопониманию людьми и самих себя. Такое недопонимание не является, однако, полным и абсолютным. В течение долгого времени существовало общее и приблизительное понимание известных, более элементарных явлений из области общественных и индивидуальных отношений; это нашло свое отражение в знании определенных фактов, касающихся нас самих. Однако люди, как правило, еще недостаточно сознают происхождение, смысл и последствия своих действий, как личных, так и общественных.

Такой характер бессознательного отражает условия нашего времени. Однако мы увидим, что у невротика сфера бессознательного является более обширной, качественно отличной от той, которая свойственна здоровым людям.

Тем не менее имеется известное основательное сходство между невротиком и здоровым человеком. В обоих случаях их разум, их сознание являются производными от их деятельности в обществе и конкретных общественных отношений. Нездоровые эмоции и побуждения невротика, следовательно, не поднимаются из глубин некоего мистического бессознательного; они отражают аномальное состояние разума, ограничение и искажение сознания, которые в конечном счете проистекают от нездоровой общественной практики.

Итак, общим основным положением данной главы является необходимость проведения четкого различия между чувственным познанием, сознанием и самосознанием. Отсутствие такого различия создало много путаницы в прошлом.

Мы установили, что, поскольку мозг ничего не создает сам собой и поскольку функция его коры состоит в отражении условий внешнего мира, мы должны подходить к решению проблемы сознания, идя от внешнего, от исследования мира событий, происходящих вне головного мозга, к установлению путей, посредством которых эти явления воздействуют на его кору.

Таким образом, решающими элементами сознания являются факторы общественной деятельности людей, которые отражаются в сознании. Первоначально мы имели дело с простым восприятием или познанием этих факторов и постулировали, что познание качественно изменяется и превращается в сознание, или разумное понимание, посредством применения языковых форм к нашему чувственному восприятию. Мы показали, что если сознание относится к деятельности, которую мы понимаем, то бессознательное может означать только такую деятельность, которой мы не понимаем. Далее, сознание и бессознательное противоположны друг другу, но они в то же время никогда не могут быть отделены друг от друга; они существуют не в разных отделах психики, а являются качествами человеческих действий. Мы отрицаем положение, что мысли и эмоции могут быть бессознательными. Они являются проявлением самого сознания. Когда мы поступаем вынужденно или неразумно, это не значит, что мы действуем, исходя из бессознательных побуждений. Скорее это значит, что наше сознание является ограниченным, искаженным, фантастическим отражением того, что реально существует во внешнем, общественном мире; это положение особенно верно, когда оно применяется к невротикам.

ВЛИЯНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ НА ПОВЕДЕНИЕ И СОЗНАНИЕ

Характеризуя различные материальные факторы и условия, определяющие поведение и сознание людей нашего общества, мы еще не затронули того факта, что они делятся на два пола – мужской и женский. Прежде биологический факт полового различия людей обычно рассматривался как факт, имеющий исключительно важное значение для уровня интеллектуального развития, творческих способностей и нравственного характера индивида¹. Считалось также, что этот биологический факт имеет первостепенное значение в определении форм семейной жизни; рассматривая общество как обширную семью, многие утверждали, что и само общество в основном определяется сексуальными силами.

Фрейд находился под сильным влиянием этих идей. Биологическая сексуальность ему представлялась главенствующей силой в жизни человека; Фрейд постулировал, что половой инстинкт является основным детерминантом человеческой деятельности. Согласно Фрейду, половой инстинкт детерминирует: общую мотивацию поведения людей, за исключением агрессивных и разрушительных импульсов, проистекающих из "инстинкта смерти"; личность, способности и нравственный характер мужчин и женщин; психическое созревание детей; формы семьи и общественного развития; происхождение форм одежды, живописи, форм искусства и других видов культуры. Взгляды Фрейда можно резюмировать в следующих словах: почти все наиболее существенные черты характера, мысли и действия человека он рассматривал как прямое или косвенное выражение половой энергии.

Наличие таких распространенных в науке взглядов обязывает нас ближе рассмотреть вопрос о сексуальности и половых различиях. Если эта проблема не разбиралась подробно в главе о биологии, то это не значит, что к половому вопросу следует подходить иначе, чем ко всем другим биологическим потребностям. Психические явления нельзя низвести на уровень биологических. Биологическая потребность не может непосредственно превращаться в мысль, чувство или другое качество сознания, ибо сознание – общий продукт жизнедеятельности человеческого организма, причем в нем сочетается биологический и социальный уровни деятельности человека.

Нет такой известной нам черты личности, которую можно было бы выводить из общих анатомических различий между полами. Тот факт, что обмен веществ у женщин немного ниже и более подвержен флуктуациям, чем у мужчин, и что женщины умирают от других болезней, чем мужчины, сам по себе не оказывает специфического влияния на личность. Из того, что степень обмена у мужчин немного выше, чем у женщин, не следует с необходимостью, что психическая деятельность у мужчин выше, чем у женщин. Даже тот биологический факт, что женщины менструируют, а мужчины – нет, сам по себе не имеет определенного влияния на умонастроение и образ мыслей. Когда женщины жалуются на менструацию, называя ее "проклятием", они тем самым бессознательно выражают чувства, вызываемые не менструацией с ее болями и неудобствами, а тем неполноценным, невыгодным положением, которое женщина занимает в нашем современном обществе.

Многие люди в нашем обществе растут, достигают зрелости и умирают, не ведя нормальной половой жизни. Некоторые из них настолько изменились под влиянием социальных условий жизни, что они даже не онанируют; другими словами, их социальный опыт полностью подавил *половую* активность.

Сами по себе половые гормоны не определяют природу взаимоотношений представителей разных полов. Эндокринные системы мужчин и женщин производят как мужские, так и женские гормоны, которые химически очень похожи друг на друга и встречаются у особей обоего пола. В общей массе содержащихся в крови половых гормонов у мужчины может содержаться 30-40 процентов женских гормонов, а у женщины может быть такой же процент мужских гормонов. Эти половые гормоны *сами по себе* не являются причиной определенных сексуальных чувств, испытываемых индивидом одного пола по отношению к индивиду противоположного пола. Хотя у мужчин-кастратов половое влечение обычно проявляется лишь в слабой степени, известно, что и они вступают в половые сношения². Несмотря на эндокринные изменения, которые имеют место с наступлением климактерического периода, многие женщины отличаются при этом более острой половой потребностью и испытывают большее половое удовлетворение, чем когда-либо раньше; между тем, в их организме уже много меньше женских гормонов. К тому же гомосексуалист обладает не меньшим количеством мужских гормонов, чем мужчина, у которого сексуальные чувства нормально устремлены на женщин. Нельзя лечить гомосексуалистов впрыскиванием гормонов. Такими

вспрыскиваниями нельзя лечить также половое безразличие или половое бессилие ни у мужчин, ни у женщин. Гомосексуальность и большинство случаев полового бессилия и безразличия объясняются главным образом нарушениями не биологического характера, а социально обусловленными нарушениями в нормальных функциях чувств и образе мыслей человека. Случаи расстройства половых функций, которые имеют подлинно биологическую причину, значительно менее часты, чем случаи, возникшие в результате извращения сознания человека.

Отношения между мужчинами и женщинами и их чувства друг к другу настолько различны в разных обществах и даже в рамках нашего общества, что они не могут быть удовлетворительно объяснены самим по себе биологическим фактором пола. Единственной формой контакта между мужчинами и женщинами, которая кажется строго детерминированной полом, является акт полового сношения. Но даже и в этом случае способ, каким осуществляется половой акт, связанные с ним обычаи, мысли и чувства, дух запретности, которым он окружен, – все это сопровождается такими большими различиями, что одно изучение половых отношений служит прекрасным примером того, как социальные условия воздействуют на характер биологического акта и полностью меняют его³. Сам по себе пол не является причиной даже романтической любви. Здесь, казалось бы, налицо несомненный пример прямой причинно-следственной связи между биологическими потребностями и их эмоциональным выражением; однако романтическая любовь – результат относительно позднего развития человеческих чувств. Во многих первобытных обществах любовь между мужчиной и женщиной или между мужем и женой – явление неизвестное. Романтическая половая любовь зарождается в средние века у альбигойцев Южной Франции. В то время это была любовь не между мужем и женой, а между трубадуром и женой какого-нибудь другого мужчины. Только вслед за протестантской реформацией и восходящим развитием капитализма понятие и практика любви между мужем и женой получили определенное распространение в европейской цивилизации⁴.

Среди недоразвитых народов и до недавнего времени у определенных классов в Европе браки устраивались отнюдь не на основе романтической любви; при этом подразумевалось, что свои любовные отношения супруги разовьют вне брака.

Несомненно, что в нашем американском обществе мужчины и женщины могут иметь весьма различные вкусы, интересы, побуждения, различное отношение к сексуальности и любви; но эти различия не являются продуктом сексуальности как чисто биологического, не зависимо от общества фактора. Самые достоверные научные данные настоящего времени говорят о том, что половое различие само по себе не является причиной различий в личности и темпераменте⁵. Это именно так, несмотря на то, что в течение тысячелетий наивно предполагали, что мужчины и женщины имеют врожденные различия. В европейском обществе принято было считать, что мужчины биологически и психически превосходят женщин и что это врожденное превосходство объясняет общее преобладающее положение мужчин в области политики, в деловой, семейной и общественной жизни *.

* Были и такие виды общества, где считали, что высшими существами являются женщины (см. Briffault, The mothers, vol. I, p. 316 и далее).

Это предположение о природном мужском превосходстве выводится не из фактов. Нет надежных доказательств того, что мужчина превосходит женщину по уму или по общим способностям. Сравнительное изучение их умственного развития не выявляет существенных различий между мужчиной и женщиной. Далее, обширный социальный опыт, накопленный как у нас в Америке, так и за границей, показал, что женщины справляются с любой квалифицированной работой на производстве не хуже мужчин. Например, за исключением самых тяжелых видов ручного труда,* которые они больше не выполняют, женщины в Советском Союзе оказались способными на равных правах с мужчинами участвовать во всей производственной и общественной деятельности.

Различия, которые мы теперь наблюдаем в психических свойствах мужчин и женщин, обусловлены весьма важными различиями между общим экономическим, политическим и социальным положением мужчины и женщины. *Следовательно, анализ объективного положения мужчины и женщины дает ключ к пониманию всех тех проблем, которые обычно рассматриваются как имеющие чисто половое происхождение. Это дает также ключ к пониманию полового поведения и отношения к самой сексуальности.***

* Это исключение обусловлено специфической формой женской спины, механически менее приспособленной к ношению больших тяжестей, чем спина мужчины.

** Анализ объективных условий – кардинальный вопрос. Трудно переоценить его значение, особенно в наши дни, когда подход к проблемам пола, любви и трудностей семейной жизни является почти исключительно психологическим. В противоположность подходу, практикующемуся в области психиатрии и психоанализа, метод, которого мы придерживаемся здесь, сводится к следующему: чтобы понять эмоциональную надстройку отношений между мужчиной и женщиной, брака и семейной жизни, мы должны в первую очередь разобраться в объективном базисе, производящем эту эмоциональную надстройку. В ходе рассмотрения проблемы брака в дальнейшей части настоящей главы и в следующей главе мы выдвигаем некоторые общие положения и разбираем определенные специфические примеры. Ясно, что невозможно рассмотреть все специфические примеры или даже все важные примеры, ибо существуют огромные различия в объективных условиях жизни и во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Эти различия определяются классовой принадлежностью, экономическим положением, религией, национальной принадлежностью и местом в обществе.

Исторически взаимоотношения между мужчинами и женщинами определялись в основном той относительной ролью, которую они играли в производстве материальных благ и во владении ими⁶. В известных нам первобытных земледельческих обществах женщины являлись главными производителями. Они возделывали сады, готовили и запасали пищу, изготавливали глиняную посуду, ткали одежду и воспитывали детей. В обществах такого типа женщины, как правило, были господствующими во всех областях. Они господствовали в семье, принявшей матриархальную форму. Женщины были жрицами и управляли делами религии; они владели собственностью и занимали господствующее положение в отношениях собственности; они господствовали также в деле руководства своими племенами.

Мужчины заняли господствующее положение в производстве материальных благ и во владении ими примерно 4500 лет тому назад, при зарождении на Среднем Востоке европейской культуры. Этот переход от женского к мужскому господству в области экономики повлек за собой значительные изменения в юридических, политических и религиозных правах женщин, в брачных обычаях и нормах половой морали. Возникла целая идеология, теоретически оправдывавшая неполноценность социального положения женщины, провозглашая ее неполноценность в моральном, интеллектуальном и физическом смысле. Эта идеология выражалась во всевозможных формах и проникла даже в религию. Библейская легенда о том, что

женщина была сотворена из ребра Адама, и о той роли, которую она сыграла затем в изгнании человеческого рода из рая, отражает подобные же взгляды и настроения у евреев, представлявших собою ко времени создания Библии строго патриархальный народ.

С развитием капитализма женщины начинают играть все большую роль в промышленном производстве. Примерно 125 лет тому назад женщины стали поступать на работу в американскую текстильную промышленность, и с тех пор почти с каждым годом количество работниц увеличивалось, пока наконец не достигло к настоящему времени 30,4 процента всех фабрично-заводских рабочих². Участие женщин в производстве материальных благ, несомненно, создало необходимые материальные и идеологические предпосылки для того прогресса, которого женщины добились в отношении экономической самостоятельности, в своем юридическом и общественном положении, в получении избирательных прав, а также в области изменения моральных норм, облегчающих развод и дающих женщинам большую свободу, чем в викторианские времена. Тем не менее мы замечаем, что в современном обществе до сих пор сохранилось мужское господство и надменность. В общем и целом женщины все еще остаются подавленной, угнетенной и эксплуатируемой частью общества; они остаются в этом положении потому, что безусловно выгодно держать их таким образом. Пользуясь материалами переписи 1950 года, цифрами Федерального управления резервных фондов и Комиссии ценных бумаг и валюты, Грейс Хэтчинс подсчитывает, что за 1950 год промышленные компании за счет более низкой оплаты женского труда получили 5,4 млрд. долларов прибыли; в среднем они платили женщинам за ту же работу на 1285 долларов в год меньше, чем мужчинам. Эта сверхприбыль от более низкой оплаты женского труда составила 23 процента всей суммы прибыли промышленных компаний³. Женский труд в то же время менее обеспечен, чем мужской, и в условиях депрессии женщин часто увольняют раньше мужчин, оправдывая это тем, что "замужние женщины не нуждаются в работе".

Дискриминация в отношении женщин не ограничивается экономической областью. Во многих штатах женщины не имеют полного юридического равноправия с мужчинами, в частности – со своими мужьями⁴. Только в 1920 году женщины добились элементарного избирательного права, но большинство политических должностей все еще остается для них недоступным, а Конгресс Соединенных Штатов почти целиком состоит из мужчин.*

Немыслимо, чтобы в настоящих условиях президентом США была женщина.

* В 1948 году из 538 членов конгресса было всего 9 женщин.

По ряду профессий и в хозяйственной области на многие посты по "джентльменскому" соглашению женщин не допускают. Медицинские и другие учебные заведения, дающие диплом (высшего образования, имеют квоты для определенных групп национальных меньшинств и для женщин. Если женщина допущена к медицинской учебе, то от нее ждут, что она станет педиатром или гинекологом. Женщина, желающая стать хирургом, высмеивается, и ее усилия изучить и практиковать хирургию часто саботируются – спокойно, но эффективно. Женщина сталкивается с такими же проблемами дискриминации, когда она пытается стать юристом или овладеть какой-нибудь другой профессией.

Женщина подвергается дискриминации и в области морали. Существующие лицемерные двойственные нормы морали накладывают на женщину строгие обязательства, которые она должна выполнять; мужчине же по этой норме предоставляются всяческие поблажки и преимущества. Считается, что мужчине положено "перебеситься"; женщину же строго осуждают за то, что вызывает лишь снисходительную улыбку, когда это сделано мужчиной. Женщины подвергаются дискриминации и в области религии. Они не имеют права находиться в синагоге на равных правах с мужчинами; они не могут стать священниками или раввинами и лишь очень редко могут быть протестантскими пасторами. Короче говоря, по сравнению с мужчинами женщины занимают неполноценное положение в области политики, права, медицины, коммерции, промышленности, религии, морали, а также с точки зрения любого другого аспекта общественной жизни в Америке. Именно эта реальная неполноценность и эксплуатация женщин объясняет все те чувства антагонизма, подозрения и обиды, которые они испытывают по отношению к мужчинам. Этот антагонизм достигает такого размера, что, по общепринятому мнению, любовь и ненависть существуют совместно, я это считается "естественным". Фрейд постулировал, что любовь и ненависть – существенные элементы человеческой природы, и объяснял, что эти конфликты между мужчиной и женщиной коренятся в биологической структуре человека, в инстинкте. Согласно Фрейду, женщины завидуют мужчинам и конфликтуют с ними потому, что

они завидуют мужским половым органам, причем эта зависть является одним из главных факторов психической жизни женщины¹⁰.

Д-р Клара Томпсон указывала, что женщины редко действительно желают иметь мужской половой орган¹¹; и мой клинический опыт полностью это подтверждает.

В действительности же женщины нуждаются и хотят обладать теми же конкретными социальными и экономическими преимуществами, которыми в нашем мире пользуются мужчины. Фрейдистское объяснение, что особые психические проблемы женщин являются результатом отсутствия у них мужского полового органа, ничего вообще не объясняет. Фрейд делает ошибку ложного круга: это толкование равносильно утверждению, что проблемы женщины объясняются тем, что они не мужчины.

В дополнение к тем различным проявлениям отрицательного отношения к мужчинам, которые непосредственно возникают из борьбы против мужского угнетения, социальное положение женщины влечет за собой еще и другие последствия. По общепринятому мнению, женщины должны преследоваться, но не преследовать, и "неженственно" быть слишком "агрессивной"; поэтому женщины для удовлетворения своих нужд часто вынуждены всячески изощряться. С одной стороны, это может развить такие качества, как изворотливость и скрытность, с другой стороны – глубокую чуткость к трудностям и чувствам других людей. Не следует также проходить мимо всех тех фактов разочарования, срыва намеченных планов и неудовлетворения желаний, которые неизбежно имеют место в результате вынужденной пассивности женщин.

Если судить по рекламным и рассказам типичных женских журналов, от "Тру стори" до "Гуд хаускипинг", то главное, чего ожидают от женщины, это быть привлекательной и доставлять сексуальное удовольствие. Реклама рекомендует женщине всякие способы того, как стать более привлекательной, и почти все помещаемые в этих журналах рассказы говорят о романах, любовных приключениях, соращениях или о браке и его романтических осложнениях. Все это крайне преувеличивает значение полового вопроса и сводит всю потенциальную ценность женщины почти исключительно к ее половой привлекательности и готовности идти навстречу желаниям мужчины. Оцениваться лишь на основе своих половых органов – это унижительно и оскорбительно; некоторые женщины реагируют на это

отрицательным отношением к половому вопросу и даже к мужчинам вообще.

Стимулируемое соперничеством преувеличенное подчеркивание половой привлекательности ведет к тому, что случайным физическим чертам внешности придается незаслуженно большое значение. Это оказывает свое влияние и на мужчин и на женщин, но женщина это чувствует больше. Это явление ведет к усилению самомнения, а при наличии безобразной внешности и физической непривлекательности имеет место катастрофическая потеря уважения к себе. Тот факт, что критерием ценности женщины являются ее пол и физическая привлекательность, делает условия жизни женщин необеспеченными. Как реакция на это, а также на фактически неполноценное положение женщины в обществе у многих женщин развиваются чувства беспокойства, неполноценности, пренебрежения к себе.

Поскольку физическая, половая привлекательность достигает своего апогея в ранние годы зрелости, убывая потом со временем, женщины часто с ненавистью относятся к факту своего старения и чувствуют себя беспомощными перед неумолимым действием тех сил, которыми невозможно управлять даже при помощи самых дорогих, самых разрекламированных средств сохранения красоты. Потеря способности деторождения, связанная с наступлением климактерического периода, несомненно, является во многих случаях причиной наблюдаемого в это время состояния депрессии и нервного потрясения; очевидно, женщина испытывает чувство утраты того, что составляет ее главную ценность и полезность.

Многие женщины, принадлежащие к средним слоям общества или к рабочему классу, испытывают трудности, причиной которых является противоречие, существующее между их способностью выполнять свои женские функции и теми задачами, которые на них возлагаются участием в производственной жизни в наше время. В нашем современном обществе отсутствуют подходящие дневные ясли и не проводятся такие мероприятия помощи матери и ребенку, которые позволили бы женщине работать полный рабочий день или полноценно заниматься какой-нибудь свободной профессией, не запуская при этом в той или иной мере своих семейных обязанностей. Если женщина занята полную рабочую неделю, она вряд ли в состоянии будет надлежащим образом следить за домом и детьми. Многие женщины – особенно негритянки – вынуждены заниматься и тем и другим, но в этом случае они фактически выполняют

одновременно две работы: одну работу вне семьи, другую – по поддержанию самой семьи. Этот компромисс, как правило, означает, что страдает семейная жизнь и уход за детьми, в то время как женщина, работая непомерно много, все же часто оказывается не в состоянии удовлетворительно справляться ни с той, ни с другой работой. Очевидно, что отсюда могут возникнуть чувства боязни, неустроенности, беспомощности. Если при этом у женщины нет ясного понимания политических и экономических причин, обусловивших ее положение, то она, возможно, начнет винить в нем себя саму или же будет вынашивать чувства обиды на мужа и детей за те трудности, которые по своей природе и происхождению являются социально-экономическими, а не личными.

Помимо этого главного противоречия, в положении женщины имеются другие определенные противоречия. Например, все в ее жизни ведет как будто к любви и браку. Об этом говорится во всех кинофильмах, опереттах, рекламах и рассказах. Но любовь и брак ведут к половым сношениям, а у многих женщин половое влечение сурово подавлялось строгостями условной морали. Эти моральные наставления настолько укоренились и получили такое широкое распространение в обществе, что даже девушки, получившие от своих родителей продиктованное здравым смыслом половое воспитание, все же могут отличаться чрезмерной стыдливостью и щепетильностью в результате общения со своими товарищами, с учителями или в результате чтения, просмотра кинофильмов, действия рекламы и т.д. Другими словами, просвещенное домашнее воспитание не перевешивает полностью того влияния, которое оказывают общераспространенные формы морализирования; правда, такое воспитание лучше подготавливает к тому, чтобы позднее усвоить более правильные взгляды на половой вопрос.

Далее, многие женщины запутываются и в другом остром противоречии: используя свою физическую привлекательность, они стремятся завязать и закрепить отношения с мужчинами, но это ведет к половой деятельности, которая, в соответствии с нравственным воспитанием и опытом этих женщин, вызывает у них отвращение. Используя свое физическое обаяние и кокетство, женщина не обязательно добивается прежде всего половых сношений, хотя ее поведение и может навести других на эту мысль. Сама она в течение длительного времени может быть даже уверенной, что половой вопрос решит ее разнообразные проблемы – убеждение, достаточно естественное, учитывая то внимание, которое уделяется в нашем обществе половым вопросам, "любви" и

"романам". Хотя действия женщины кажутся сексуальными, они направлены в основном на то, чтобы добиться прочных отношений и соответствующего положения в жизни. Но эти отношения часто рвутся, то ли по причине свойственных женщине сексуальных торможений, то ли потому, что с самого начала для этих отношений не было надлежащей базы. Если она испытывает такие неудачи одну за другой, ею могут овладеть безнадежность и цинизм и она станет рассматривать мужчин как животных, добивающихся от нее лишь одной определенной вещи.

По традиции принято считать, что любовь является главной целью женщины, что это составляет ее главный интерес и занятие. Она, естественно, должна любить мужчину; но поскольку мужчины, как группа, управляют женщинами и их эксплуатируют, то выходит, что женщина любит человека, которого она должна также и бояться – по крайней мере на начальной стадии их отношений. Это противоречие затрагивает и мужчин. Один из самых крупных и печальных конфликтов в нашей современной жизни заключается в том, что самые нежные из чувств, на которые мы способны, у самых истоков своих отравляются противоположными им по характеру чувствами обиды и страха. Не надо думать, подобно Фрейдю, что любовь и ненависть безнадежно переплелись на веки вечные. Мы можем представить себе, что в недалеком будущем, когда осуществится полное равноправие женщин в обществе и эксплуататорские отношения будут упразднены раз и навсегда, станет возможной товарищеская любовь мужчины и женщины без взаимных раздоров, боязни и конфликтов.

Объективные условия угнетения и борьба женщин против него – таковы основные факторы, определяющие женскую психику. Эта борьба протекает как в политической и социальной, так и в личной сфере. В этой личной сфере борьба женщин против специфических условий дискриминации и эксплуатации может проводиться на основе ясного самосознания женщиной своего положения или же эта борьба может детерминировать реакции женщины без сознательного понимания ею того, на что она реагирует. В таких случаях эта борьба может иметь своим последствием чувственную холодность в целях самосохранения и отчужденность от мужчин; эта борьба может привести к отказу от половых сношений и брака; она может вызвать у женщины такие реакции, как пылкие ссоры, споры, гневные эмоции. Это особенно правильно в тех случаях, когда борьба принимает бессознательную и субъективную форму. Женщина может добиваться мести; она может испытывать потребность немедленно

взять дело в свои руки и управлять ходом событий; она может стремиться к тому, чтобы подвергнуть постоянному испытанию свою собственную ценность; вся поглощенная желанием покончить со своим неполноценным положением, она может стать нетерпимой к любой критике – все равно, правильна она или нет. Эти чрезвычайно субъективные и индивидуалистические формы реакции мы наблюдаем особенно тогда, когда борьба женщины приобретает невротический характер; реже они встречаются тогда, когда женщина подходит к действительности с более точным знанием того, где фактически кроется зло, против которого она борется.

Некоторые из этих невротических форм борьбы характерны для буржуазного феминизма, то есть тех случаев, когда женщина в борьбе против угнетения пользуется теми же нравственными ценностями и практическими методами, которые в первую очередь характерны для этого движения. В этих случаях женщина может бороться в высшей степени индивидуалистическим образом. Она может рассматривать мужчину как своего единственного личного врага, вместо того чтобы видеть, что *именно капиталистическая организация общества ставит и мужчин и женщин в это пагубное положение*. Она может претендовать на женское превосходство и представлять существующее положение как "битву полов". Она может пытаться решить свои проблемы контрэксплуатацией мужчин или же вовлечь мужчину в такие ситуации, которые вызывают личную неприязнь, подозрения, враждебность, агрессивные действия; она может бороться за то, чтобы управлять мужчиной и добиться его унижения.

Придерживаясь типичного для него извращенного биологического хода мыслей и находясь под влиянием буржуазной идеологии о мужском превосходстве, Фрейд таких женщин относит к типу страдающих "комплексом кастрации". Но даже среди наиболее агрессивно настроенных и наиболее остробольных пациенток мне никогда не приходилось встретить женщину, которая действительно или символически стремилась бы лишить мужчину его половых органов. Эта теория Фрейда – клевета на восприятие, ум и порядочность женщин. Правда положения заключается в том, что такая женщина ведет в высшей степени индивидуалистическую, субъективную, разрушительную, основанную в конечном счете на дезориентации борьбу против всех без исключения мужчин, с которыми она сталкивается, вместо того чтобы выступить против тех социально-экономических условий, узаконенных вымыслов, условностей, общепринятых норм морали и других факторов, которые и формируют пагубное поведение мужчин в отношении

женщин. В той мере, в какой женщина правильно борется против этих условий, ее борьба приобретает формы, не являющиеся ни субъективными, ни индивидуалистическими, ни невротическими.

Результаты борьбы против господства и высокомерия мужчин, против многочисленных невыгод положения женщины не являются обязательно отрицательными. Эта борьба вызывает не только горечь, подозрительность, гнев, страх или "комплексы кастрации". В ходе своей борьбы против мужского угнетения женщины развили в себе некоторые из самых прекрасных человеческих качеств. Мы кратко перечислим некоторые из них:

1. Качество интуиции, чувственная восприимчивость к нуждам, намерениям и качествам другого человека.
2. Чувствительность к страданиям и угнетению; сострадание и нежность; отказ от грубости и неприличий в отношениях людей друг к другу. Д-р Бернанд Роббинс указывает, что борьба женщин против угнетения вместе с той конкретной ролью, которую женщины в настоящее время играют в жизни семьи, создали в них еще другие особые качества, направленные на то, чтобы оберегать и лелеять жизнь, рост человека, положительные человеческие достоинства.

Эти качества были конкретно продемонстрированы в исторических достижениях женщин во многих областях. Они выступали за реформу больниц, учреждений по уходу за маленькими детьми и психиатрических больниц. Женщины создали и организацию социального обеспечения и систему общественной благотворительности. Они сыграли большую роль в движении за освобождение негров. Негритянские женщины непрерывно участвовали в борьбе против угнетения их народа. Невзирая на всякого рода клевету и поношения, исходившие от заинтересованных кругов, женщины вели и доводили до конца многие битвы за равное с мужчинами образование, избирательное право и за юридическое равноправие, против применения детского труда и т.д.

3. Из многих других явлений, которые можно было бы упомянуть, я, наконец, укажу на следующее: по-моему, половая эксплуатация женщин и их борьба против нее дали женщинам более глубокое, чем у мужчин, понимание любви и пола. Женщины вели длительную борьбу за то, чтобы половые отношения всегда сочетались с любовью и чтобы эти отношения

были лишь проявлением существующей между мужчиной и женщиной нежности и близости. Они боролись против половой эксплуатации и против всех грубых, физически-животных форм половой деятельности. В этой борьбе женщины достигли более глубокого понимания любви, воспитав и облагородив мужчин вопреки им самим.

По-своему эти особые качества женщин уже получили признание. Сострадание, нежность, милосердие, ласковость, мягкость, способность прощать общепринято считать женскими качествами – особенно, когда мы их наблюдаем у мужчин! Мужчина, который отличается подобными качествами, по общему мнению, считается неполноценным мужчиной. Это фактически означает, что в условиях общественной системы, при которой мужчины эксплуатируют женщин, мужчины не могут, конечно, быть столь же человечными, как женщины. Но это не значит, что мужчины биологически неспособны иметь подобные качества.

Общепринято считать, что мужчины по сравнению с женщинами имеют большие творческие способности, что они более агрессивны, менее тщеславны, менее эгоцентричны, более способны к объективному мышлению. Но надо еще доказать, соответствует ли это действительности даже в сегодняшних условиях. В большинстве своем подобные утверждения представляют собой различные формы проявления Общей идеи о превосходстве мужчины над женщиной. Принимая во внимание изложенные выше теоретические положения, непонятно, каким образом биологические различия между мужчиной и женщиной могут превратиться в различные качества личности. Если бы действительно существовали врожденные различия, то они как таковые могли бы быть выявлены и подтверждены лишь при условии абсолютно равного участия мужчин и женщин в общественной жизни.

Действительно, мужчины по сравнению с женщинами внесли большой творческий вклад в науку и искусство. Но это объясняется не врожденным мужским превосходством над женщиной, а тем фактом, что мужчины имели все возможности для работы в этих областях, в то время как женщины до недавнего времени в значительной степени вынуждены были ограничиваться домашними делами.

Отличное от женщин положение в обществе по необходимости должно было найти свое отражение в различных качествах мужской

психологии. С точки зрения психиатрии наиболее важным является влияние, которое мужское превосходство оказывает на личность мужчины и на его интимные отношения с женщиной; наличие такого влияния несомненно. Мы видели, что мужчина занимает превосходящую позицию в любой сфере нашей социальной, экономической и культурной жизни. С таким объективным положением непосредственно связана идеология, которая умалывает роль женщин, презрительно представляет их низшими существами, высмеивает их поведение и даже их проблемы. Эта идеология – огромная всепроникающая сила. В нашем языке очень часто встречаются следующие выражения: "она рассуждает, как мужчина", "не будьте старой бабой", "чего еще можно ожидать от женщины", "остерегайтесь женщин-водителей", "сделать мужскую работу" и т.п. Почти невозможно увидеть кинофильм, услышать радиопередачу или прочитать журнал, где бы в какой-нибудь форме не проявлялись некоторые из этих мыслей.

Влияние всего этого на мужчин многообразно и вредно. Большая свобода и большие возможности, которыми обладают мужчины, не являются чистым благом, особенно в данных условиях, когда они как бы призваны проявлять свое превосходство. На практике это означает, что на мужчину могут быть возложены непомерные обязанности и ответственность или же он сам может счесть их само собой разумеющимися. Часто вся финансовая тяжесть содержания семьи в хорошие и тяжелые времена падает на плечи мужчин. Его жена может быть прикована к дому с маленькими ребятами, или же, даже работая, она, возможно, не сумеет заработать достаточно для удовлетворения основных нужд семьи. Муж на протяжении многих лет может быть вынужден выполнять работу, к которой он испытывает отвращение; если же вопреки всем его усилиям жене все же приходится работать, то многие мужчины это воспринимают как страшное унижение. Переутомление, глубокие тревоги и чувство неполноценности – нередкие явления среди мужчин, когда они в одиночку берутся решать проблемы, с которыми одному человеку объективно трудно справиться.

Куда более серьезное значение имеет, однако, то пагубное влияние, которое мужское превосходство – и в идеологическом плане и на практике – оказывает на любовные отношения и семейную жизнь мужчин. У последних вырабатывается неправильный подход к сексуальности, на которую мужчины имеют тенденцию реагировать лишь физическим образом. Многие мужчины рассматривают любовь или как физическую страсть, или же как некое совершенно

нереальное, эфемерное явление, которое не может существовать и которое неизбежно оказывается иллюзией, как только мужчина женится на реальной женщине из плоти и крови. Мужское превосходство ведет к тому, что мужчины становятся неспособными понять женщину, ее проблемы и быть чуткими к ее нуждам. Благодаря указанным недостаткам мужчин их самые интимные отношения с женщинами должны расстраиваться. Вытекающие отсюда последствия для брака и жизни детей огромны.

Многие мужчины, несомненно, реагируют на эту сложную ситуацию развитием в себе неверных, легко разрушаемых чувств гордости, опасений и страха перед интимными отношениями с женщинами. Страх перед противоположным полом не ограничивается, конечно, мужчинами. В нашем современном обществе и мужчинам и женщинам присуща тенденция бояться друг друга – эмоция, представляющая собой неизбежное отражение конфликта между полами.

Между мужчинами и женщинами существует много обид и антагонизмов – явления, из которых вытекают многие другие факторы, влияющие на отношения между мужчинами и женщинами. Порожденные в свое время реальными условиями действительности стремление к унижающей оценке нравственных достоинств и другие отрицательные свойства сознания весьма специфически влияют на поведение людей. Мужчины в своих отношениях с женщинами реагируют не только на объективно существующую ситуацию, но и на характер отношений женщин к ним; то же приходится сказать и о реакциях женщин в отношении мужчин. Таким образом, сложившиеся взаимоотношения между мужчиной и женщиной и чувства, которые они питают друг к другу, представляют собой сложный синтез реакций на объективные отношения и на психологическую ситуацию, сложившуюся в их отношениях. Взгляды и характеры супругов имеют решающее влияние на брак; они могут сделать реальные трудности невыносимыми или, наоборот, в конечном счете создать возможность для совместной жизни в любви и согласии.

Наличие отношений борьбы и угнетения между мужчинами и женщинами не может не иметь глубокого влияния на постановку полового вопроса и формирование отношения к нему. Половые отношения, будучи одними из самых интимных между людьми, выражают те качества и ту напряженность, которая имеется в более общих отношениях между людьми. С идеальной точки зрения

половые чувства являются кульминацией любви и близости, но в условиях нашего общества у людей развиваются многие чувства и идеи, касающиеся полового вопроса, отличные от тех, с которыми связывается представление о романтической любви.

Очень часто люди боятся половой деятельности. Этот страх частично создается воспитанием моральных условностей, частично же является результатом мужского превосходства.

Во-вторых, широко распространено незнание половой анатомии и физиологии, техники секса и адекватных противозачаточных средств. Такое незнание часто обусловлено личными причинами, и его нельзя рассматривать как исключительный продукт деятельности тех отсталых общественных групп, которые пытаются воспрепятствовать распространению общедоступных знаний о половом вопросе. Женщины часто боятся или уклоняются от изучения этого вопроса, а многие мужчины считают, что они достаточно о нем знают по своему случайному половому опыту. Здесь имеет значение и мужская гордость; дело доходит до того, что некоторые мужчины не станут читать книги по половому вопросу, даже если это им рекомендовано врачом.

В-третьих, люди часто используют половую привлекательность и половые отношения для таких целей, которые не связаны в первую очередь с любовью, привязанностью или даже с самим сексом. Обстоятельства часто вынуждают женщин использовать секс как приманку, чтобы добиться брака. И мужчины и женщины могут использовать секс как орудие соперничества, а также как средство достигнуть господства над другими или их унижения. При браке секс может быть использован обоими супругами как рычаг друг против друга. Половая деятельность часто может быть выражением вызова или может использоваться для того, чтобы помыкать людьми. Она может служить формой бегства от скуки, защитой от беспокойства или же может являться способом избежать стоящих перед человеком проблем. Иногда люди через половую деятельность пытаются разрешить вставшие перед ними различные субъективные и объективные трудности; люди нередко убеждены, что половая активность и любовные отношения помогут им преодолеть чувство неполноценности и другие воображаемые или действительные недостатки.

У женщины наиболее распространенной формой сексуальной неустроенности в браке является частичная или полная

нечувствительность половых органов во время полового сношения, неспособность расслабиться и испытать оргазм. Сам по себе оргазм стал предметом многих умозрительных рассуждений и мистификаций. Доводя до логического конца фрейдистское акцентирование пола, Вильгельм Рейх приписал оргазму космическую силу и заявил, что следует лечить невроз "достижением оргазмической потенции".

Оргазм – это весьма естественная и обычная функция организма. Она сводится к накоплению мышечного и нервного напряжения, продолжающегося до тех пор, пока оно не разряжается в ряде рефлекторных мышечных сокращений, которыми сопровождается разрядка нервного напряжения. Такое наращивание и последующая разрядка аккумулярованных напряжений – общее свойство органов тела, не ограничивающееся половым аппаратом. Медленное накопление давления в мочевом пузыре, внезапная потребность в уринации и приятное облегчение, которое мы испытываем после уринации, может служить аналогией оргазму. То же явление мы наблюдаем, пока протекает нормальная моторная деятельность кишечника, при чихании, что является совершенным примером очень быстрой, оргазмической, но несексуальной реакции.

Наращивание и разрядка нервного и мышечного напряжения доставляет приятное ощущение независимо от того, в какой части организма это имело место. Очевидно, этот факт привел Фрейда к постулату, что все эти явления по природе своей сексуальны. Фрейд в данном случае поставил все вверх дном. Вместо того чтобы все разрядки напряжения считать по своей природе сексуальными, он должен был сказать, что половой оргазм является лишь обычным примером общей способности нервной и мышечной ткани накапливать напряжения и внезапно их потом разряжать.

Мужчины вообще способны иметь физический оргазм, но отсюда не следует, что мужчины в целом лучше приспособлены к половой деятельности, чем женщины. Тревоги и заботы вызывают у женщин отсутствие оргазма, в то время как у мужчин эти же причины обуславливают легкий оргазм, совершающийся чересчур быстро. Преждевременное извержение семенной жидкости у мужчины – эквивалент полового безразличия у женщин; почти все мужчины испытывают это в какой-нибудь момент своей жизни. Неспособность поддерживать эрекцию – частое явление; редко встречаются люди, которые не испытали бы это. Тщательное изучение покажет, что процент мужчин, испытывающих трудности в

отношении сексуальной устроенности, почти точно равняется такому же проценту женщин. Это будет особенно верным, если учесть, что мужчины испытывают оргазм двух типов. Первый, самый обычный и распространенный – это простой мышечный спазм, сопровождающийся моментальным ощущением удовольствия и простым облегчением физического напряжения. Этот мышечно-спазматический кульминационный пункт достигается при онанировании, при половом сношении с проститутками или при случайных половых связях, лишенных элемента любовного увлечения. Второй тип оргазма можно определить как психический оргазм. В этом случае мышечный оргазм является лишь частью более широкого эмоционального процесса излияния нежности, любви, близости. В общем и целом мужчины испытывают этот второй тип оргазма не чаще, чем женщины; учитывая же отношение мужчин к проблемам пола, позволительно будет поставить вопрос, испытывают ли мужчины этот оргазм так же часто, как женщины.

Мысли, чувства и поведение в половой области являются выражением общего развития личности; последняя же является продуктом всего комплекса человеческих отношений и идеологий, как они отразились в личном опыте данного человека. Изучая путь развития пациента-невротика, мы наблюдаем, как жестокое, нетерпимое обхождение с подростком сделало из него боязливого, запуганного взрослого человека, который потом перенес эти же качества на половые отношения и чувства. Все это является ясным примером того, каким образом неполые факторы находят свое отражение в половой сфере.

Отношение и подход людей к половому вопросу являются отражением главных факторов их сознания. В половой деятельности часто находят выражение наши самые сильные, наиболее яркие черты характера и острые потребности. Половая связь – глубокое переживание, в процессе которого активизируются другие глубокие эмоции и качества человека. Это объясняет то, каким образом у некоторых людей половая деятельность может быть возбуждена ситуациями, которые совершенно лишены элементов сексуальности, но связаны с унижением, триумфом, злобой или мстостью. Глубоко испорченный человек не может не осуществить свои вредные тенденции в половой области, так же как в любой другой сфере своей деятельности. Обратная сторона вопроса такова, что раз установилась соотносительная связь между полом и разрушительными тенденциями, то любое вредное действие само по себе может стать

сексуально стимулирующим. Таким образом и возникают такие половые действия, как мазохизм и садизм.*

* Я думаю, что теория условных рефлексов будет в конечном итоге весьма полезной для объяснения того, почему и как иногда случается, что половая деятельность связана с событиями и эмоциями разрушительного или саморазрушительного характера, а не с любовью и нежностью, как это обычно бывает. Надо считать также вероятным, что для такого рода извращений сексуальности может быть выработано лечение условнорефлекторного типа, по всей вероятности, в соединении с психотерапией. Если бы такой условнорефлекторный метод мог быть выработан, то он, вероятно, был бы полезен также в деле лечения гомосексуальности.

Связь между глубоким сексуальным опытом и другими сильнейшими потребностями может быть проиллюстрирована, далее, на примере одной из моих пациенток, женщины лет тридцати, у которой детство было чрезвычайно одиноким и лишенным любви. Она находила мало удовлетворения в своих половых сношениях с мужем, не достигала при этом оргазма. Однако она регулярно этого добивалась посредством мастурбации, если при этом воображала себя маленьким ребенком, за которым ухаживает мать, или же – что она сама нежно ухаживает за ребенком. Иногда эти фантазии принимали другую форму: она наблюдает, как другие купают или одевают ребенка.

Отношение человека к вопросам пола является, как общее правило, выражением всего его образа мыслей и чувств; в этом смысле можно утверждать, что отношение к полу большей частью не является специфически сексуальным. Возможно, однако, что у человека вырабатываются такие специфические чувства и мысли, которые касаются только половой деятельности и взаимоотношений. Это может быть результатом случайного жизненного опыта или же следствием воспитания, специфически направленного к этой цели. Поэтому встречаются люди, которые успешно проявляют себя в большинстве жизненных ситуаций, но вследствие крайне строгого "морального" воспитания испытывают весьма серьезные торможения в своей половой деятельности. И наоборот, встречаются иногда и такие невротические люди, которые чувствуют, что половая активность – единственная жизненная сфера, в которой он или она компетентны, привлекательны и уверены, что будут приветствоваться партнером. Некоторые люди, главным образом невротики, не представляют себе какие-либо близкие, интимные отношения, которые не были бы половыми

Половые сношения – лишь *одна* из восьми главных биологических потребностей; если эта потребность не будет удовлетворена, то это

имело бы для человека не столь решительные и непосредственные последствия, как при случае неудовлетворения любой другой из главных биологических потребностей. Тем не менее из всех восьми потребностей половая деятельность была выделена как объект особого внимания, и она опутана более серьезными ограничениями, наставлениями и обычаями, чем все другие. Многообразие и сила сексуальных правил – "морали" – восходят непосредственно к тому историческому факту, что вопросы пола стали тесно связанными с проблемами собственности и экономических отношений. Существует много фактов в подтверждение того, что наш современный моральный кодекс возник тогда, когда частной собственностью стал управлять мужчина. Бриффо и многие другие авторы показали, что нормы целомудрия, девственности и половой чистоты возникли как средство, гарантирующее мужчинам, что их наследники являются действительно их собственными детьми. *Экономическая основа этих "моральных" предписаний подтверждается тем, что на практике они и раньше и теперь применяются значительно более строго к женщинам, чем к мужчинам.* Двойственные нормы морали имеют, следовательно, экономическое происхождение, и они будут существовать до тех пор, пока женщины не станут участвовать в общественной жизни на равных правах с мужчинами.

Отношение человека к полу имеет некоторым образом более решающее значение, чем его или ее отношение к другим биологическим потребностям, будь то дыхание, выделительные функции или сон. Это объясняется тем, что половая деятельность – такая биологическая функция, которая более непосредственно и более широко включает отношения с другими людьми, чем это имеет место при выполнении других биологических функций. Половые сношения – важная форма взаимоотношений между полами, это обязательный компонент семейной жизни. Отсюда следует, что если по причине страха или очень строгого "морального" воспитания он или она испытывают серьезные торможения и расстройства в своей половой деятельности, то любовные и семейные отношения в этом случае станут более трудными, чем они были бы без этого. Эти факты составляют единственное зерно истины, которое содержится во фрейдистской, вообще фантастической, переоценке значения пола в жизни людей.

ПРОБЛЕМЫ БРАКА

Понимание проблем брака необходимо для психиатра, поскольку эти проблемы очень часто являются причинами психических трудностей. Помимо этой непосредственной их связи с психическими явлениями, проблемы брака важно изучить потому, что брачные отношения являются одним из тех материальных факторов, которые формируют сознание людей. Это верно как в отношении воспитывающихся в семье детей, так и самих супругов.

Обычный пациент-невротик потратит много энергии и времени на рассмотрение своего настоящего семейного положения, а, изучив историю его прошлой жизни, мы обычно увидим, что между его родителями существовали натянутые отношения. Как это ни парадоксально, но данные факты привели к тому, что современные школы психоанализа стали игнорировать структуру брака и объективное положение детей в обществе. При всем желании в трудах Хорни, посвященных неврозу, мы не обнаружим разбора основных отношений, складывающихся в браке и семейной жизни. Вместо этого Хорни сосредоточивает свое внимание на невротических качествах родителей; согласно ее взглядам, эти невротические качества и создают трудности для детей.

В отличие от д-ра Хорни Фрейд уделял значительное внимание вопросам брака и структуры семьи. Фрейд наблюдал многие трудности, возникающие в семейной жизни средних слоев общества, и пришел к некоторым выводам о причинах этих трудностей и о природе самой семьи.

Во-первых, трудности, возникающие в отношениях между мужчинами и женщинами и получающие свое наиболее интимное выражение в семейной жизни, Фрейд "объяснил" тем, что эти трудности порождаются завистью, ревностью и обидой, которые испытываются женщинами ввиду отсутствия у них мужского полового органа. Отсутствие последнего якобы вызывает антагонистическое отношение к мужчине и заставляет женщину отвергать присущую ей роль в обществе и в семье, которую Фрейд определяет как пассивную и характеризующуюся податливостью и уступчивостью¹.

Во-вторых, Фрейд из своих теорий инстинктов выводит, что любовь и ненависть переплетаются и неотделимы друг от друга. Любовь и

ненависть возникают из полового влечения и инстинкта смерти. Они присущи всем людям и поэтому вызывают конфликты, напряжения и проблемы во всех областях человеческих отношений, включая семейную жизнь и брак.

В-третьих, ясно, что источником некоторых из проблем брака Фрейд считал то обстоятельство, что существующий между супругами тип отношений не является в полной мере отношением между данными взрослыми людьми. Мужчина в действительности любит женщину не столько саму по себе, а видя в ней замену своей матери, ибо она напоминает ему того человека, который ухаживал за ним, когда он был ребенком, и на котором до сих пор еще фиксируются некоторые из его детских половых влечений. Следовательно, его жена служит образом, или экраном, на который проецируется его еще сохраняющаяся любовь к своей матери². Подобно этому, женщина любит своего мужа не как такового и не за то, что он делает, а потому, что он в ее глазах является более или менее безликим обладателем мужского полового органа, а также потому, что благодаря половому сношению он дает ей ребенка, который в ее "бессознательном" представляет мужской половой орган³. В том и другом случае любовь к мужу сводится к более или менее косвенному удовлетворению извечного стремления женщины иметь мужской половой орган. Само собой разумеется, что она любит мужа также потому, что он служит для нее образом отца и таким путем она может удовлетворять половые влечения своего детства, которые фиксировались на ее отце.

Мы должны отбросить все эти формулировки по ряду весьма серьезных причин. Прежде всего, как это явствует из нашего предшествующего разбора, мы не можем согласиться со смехотворной и реакционной теорией о том, что трудности в отношениях между мужчинами и женщинами возникают из-за отсутствия у женщины мужского полового органа или же из-за присущей человеческой природе наследственной тенденции ненавидеть и нападать на то, что мы любим. Далее, легко может быть доказано, что не существует детских половых влечений, которые фиксируются на родителях, за исключением тех крайне редких случаев, когда кто-нибудь из родителей подходит к ребенку с прямыми сексуальными предложениями. В-третьих, фрейдистское "объяснение" отношений между мужчинами и женщинами не учитывает их роль как взрослых партнеров по браку и игнорирует объективное положение мужчин и женщин в нашем обществе. Фрейд, очевидно, не имел также ни малейшего представления о том, что вступившие в брак мужчина и женщина могут как взрослые супруги

искренне любить друг друга ради самих себя, благодаря существующим между ними нежным отношениям. Почти во всех случаях Фрейд изображал любовь как чувство, испытываемое к самому себе и переносимое на кого-то другого, с кем человек себя отождествляет, или же он видел в любви форму выражения непосредственного животного влечения.

Очевидно, наконец, что Фрейд неправильно понимал природу семьи. Он представлял себе ее как биологическую, в основном половую единицу, формы которой складываются под воздействием инстинктивных факторов. Благодаря этому Фрейд оставался слепым к социальным факторам, формирующим отношения людей в семье. Вместо того чтобы рассматривать семью как часть общества, в которой находит свое отражение структура общества в целом, Фрейд видел все это в извращенном виде. Он считал, что семья – первичная биологическая единица, детерминирующая структуру общества; последнее Фрейд рассматривал как расширенную семью. Фрейд, далее, полагал, что основной характер семьи никогда не меняется. Внешняя форма семьи может подвергаться изменениям, но окончательно установившиеся половые влечения между родителями и детьми будут существовать всегда; всегда должна существовать авторитарная фигура отца, который фактически или через посредство наследственной расовой памяти олицетворяет в глазах детей страх перед кастрацией. Фрейд утверждал, что в различных формах семьи, как например в матриархальном обществе, по существу, находят свое выражение и удовлетворение все те же древние инстинктивные силы, только внешне это происходит по-разному.

Такой взгляд, согласно которому брак и семья в основе своей не меняются, мы должны оспаривать. Антропологические данные, приведенные в произведениях Бриффо и других авторов, показывают, что в формах устройства семьи происходят коренные изменения. Были такие первобытные формы, когда целые группы людей коллективно вступали в брак друг с другом; имеются семьи, где мужчина является мужем многих жен, есть и такие, где женщина является женой нескольких мужчин. Бывает и так, что мужа вовсе нет, а есть семья, состоящая из одной женщины и группы детей, к которой временно присоединяются различные мужчины. Есть такие случаи, когда браки совершаются по религиозному ритуалу, причем между супругами отсутствуют какие-либо половые и любовные отношения. При одних формах семьи преобладающее положение занимает женщина, при других – мужчина. Различия, которые мы

наблюдаем в основах и формах семьи и брака, поистине громадны, и это никак не подтверждает положение Фрейда, что изменений в формах семьи не происходит и что одни и те же основы устройства семьи в основном характерны для всего человеческого рода.

Многие ученые признают теперь, что брак и семья представляют собой по существу экономический институт. Прежде всего следует отметить, что для молодых, взрослых и старых брак и семья в ходе развития стали постоянным средством обеспечения их непосредственных потребностей в питании, жилище, одежде и других потребностей, необходимых для существования. Множество данных подтверждает, что современная форма брака возникла в то самое время, когда устанавливалась теперешняя система частной собственности, и что этот патриархальный тип брака был создан для защиты собственности и ее сохранения в руках мужчин.

Церковь утверждает, что брачные отношения носят прежде всего религиозный и моральный характер, но эта точка зрения опровергается наличием многих форм гражданского брака, а также теми прямыми связями между экономическими интересами и устройством брачных дел, существование которых легко установить в разных обществах. Брак содержит, правда, определенные правовые, религиозные и моральные элементы, но не в большей мере, чем другие типы экономических отношений нашего времени.

Поскольку брак в основном возник как производственно-экономический институт, неправильным представляется утверждение, что брак и семья определяют форму общества. Нужно как раз перевернуть фрейдовскую точку зрения в этом вопросе: именно организация общественного производства обуславливает типы организации семьи; этим объясняется тот факт, что тип отношений, складывающихся в семье, определяется типом экономических отношений, существующих в обществе в целом.

В той типичной патриархальной семье, из которой развилась наша современная структура семьи, муж занимает преобладающее положение. В более крайних формах патриархальной семьи муж имел собственность на жену, мог наказать ее или вообще прогнать по своему усмотрению, а часто распоряжался и ее жизнью и смертью. Многие из этих крайностей отпали, но в целом в нашей теперешней форме брака сохраняется немало пережитков его варварского происхождения. В настоящих условиях мужчина все еще занимает в общем господствующее положение. Он претендует на то, чтобы

представлять свою семью перед законом, религией и в области политики. Вплоть до недавнего прошлого он являлся обладателем всех ресурсов семьи и имел юридическое право на все, что зарабатывали или производили его жена и дети. Во многих штатах Америки мужу предоставлены большие права на собственность, чем жене, а бракоразводные законы имеют тенденцию в большей мере защищать интересы мужа, чем интересы жены.

С правовой точки зрения брак в Соединенных Штатах в настоящее время по форме одинаков у представителей различных экономических классов. Однако, несмотря на сходство внешних форм брака, чувства и отношения, которые реально существуют между мужем и женой и между родителями и детьми, значительно отличаются у представителей различных классов общества. Это вызывается тем, что представители различных классов придерживаются разных взглядов на жизнь, ведут различный образ жизни и неодинаково относятся друг к другу. Все это означает, что они неизбежно живут, действуют, мыслят и чувствуют по-разному, что различны и их интимные отношения.

Тот факт, что высшие слои общества в большинстве своем живут в праздности, не может не отразиться на характере людей, относящихся к этим слоям, и на их обхождении друг с другом в семейной жизни. Экономические стремления и конкуренция, характерные для средней буржуазии, находят свое отражение в формах их семейной жизни, а также и в необеспеченном положении женщины, принадлежащей к этим слоям. Отсутствие особого стремления к материальному богатству и относительное отсутствие в среде рабочего класса отношений конкуренции и эксплуатации, а также совершенно иное положение, занимаемое в рабочей среде матерью, не могли не сказаться на чувствах и отношениях, которые существуют между людьми в семейной жизни этой среды. Особое положение негритянского народа также находит свое отражение в семейных отношениях его представителей⁴.

Поскольку в целом вопрос о семейных отношениях очень важен с точки зрения понимания и лечения психических болезней, он должен быть изучен значительно глубже. Это особенно верно потому, что в литературе по психоанализу стандартные картинки семейной жизни и семейных проблем почти целиком заимствованы из условий жизни средних слоев общества и не применимы в достаточной мере к семейным отношениям у других классов. Кроме того, психоаналитики почти все свое внимание сосредоточивают на

субъективных факторах, и указанная литература, по существу, недостаточно точно освещает жизнь даже средних слоев общества.

Обычная супружеская пара из менее состоятельных средних слоев и из рабочего класса, как общее правило, обнаруживает, что брак принес с собой далеко не только то, чего они ожидали, когда вступали в него. Супруги оказываются перед лицом значительных проблем: добывания средств на жизнь и удовлетворения всех своих потребностей заработанными деньгами; на квартирную плату, жилищное устройство, поддержание здоровья, на обеспечение своим детям надлежащих условий для игр и школьной учебы. Однако, хотя все эти проблемы и могут иметь своим последствием нервное напряжение, заботы, усталость и беспокойство, сами по себе они не обязательно вызывают те конфликты, которые в брачной жизни возникают между мужчинами и женщинами. Эти конфликты имеют другие источники, а не материальные, денежные затруднения.

Важным источником конфликтов в браке является то обстоятельство, что мужчины и женщины имеют различные потребности. Эти вступающие в конфликт друг с другом потребности происходят как от различного положения мужчин и женщин в обществе, так и от самой природы нашей семейной жизни.

В брачной жизни часто случается, что оба партнера переутомлены. Муж не бывает дома девять-десять часов, в зависимости от характера его работы и от того, сколько времени уходит на дорогу на работу и обратно. Он возвращается домой утомленным, усталым. С другой стороны, рабочий день жены начинается раньше, чем у него; она встает, чтобы успеть приготовить завтрак и закуску, которую муж возьмет с собой; в течение дня она занимается теми или иными делами; потом она должна варить ужин и мыть посуду, укладывать детей спать, привести в порядок одежду на завтра и т.д. Даже допуская, что у жены в течение дня были некоторые свободные минуты, в целом она имеет более продолжительную рабочую неделю, чем муж. Женщина также устает и изнуряется, она нуждается в помощи мужа для работ по дому и уходу за детьми, в то время когда муж нуждается в отдыхе и спокойном развлечении после тягот рабочего дня. Таким образом, потребность жены в сокращении рабочего дня и в большем отдыхе и развлечении вступает в прямой конфликт с потребностями ее мужа.

Некоторые конфликты между потребностями жены и мужа вызываются тем простым фактом, что мужа весь день нет дома –

причем он находится на работе, которая обычно далеко не легка и приятна, – возвращается он домой, как в мирное, тихое и спокойное пристанище. Однако дети могут быть весьма шумливы, и его потребности сталкиваются с их потребностями; или же семья может нуждаться в том или ином содействии с его стороны, как отца, в то время как он хочет лишь поужинать, почитать газету или же поспать. Кроме того, его жена весь день была прикована к домашним делам, находилась в одиночестве и к тому же выполняла однообразную и неинтересную работу. Поэтому у нее есть действительная потребность искать что-то интересное и развлекательное где-нибудь вне дома, а когда муж свободен, она хочет развлекаться вместе с ним; однако его потребности часто прямо противоположны – он стремится остаться дома и отдохнуть в обстановке относительного мира и покоя.

Другой конфликт между потребностями нередко возникает из наличия различных возможностей культурного развития и образования, потребностей в отдыхе и общественной деятельности. Все это у мужа и жены не всегда совпадает, так что возникает проблема примирения и сочетания деятельности одного из супругов с деятельностью другого. Даже если нет прямого конфликта между потребностями, могут возникнуть другие проблемы. Допустим, что и жена и муж хотят учиться одновременно, в одни и те же дни недели. Но как это сделать при малом бюджете? И не только с финансовой точки зрения может оказаться невозможным сделать это обоим, ибо встанет еще вопрос, кто же останется дома с детьми.

Конфликт между потребностями может возникнуть также и в связи с вопросом об экономическом поддержании семьи. Со временем, если женщина продолжает находиться дома, занятая домашним хозяйством и детьми, она все больше забывает ту работу, которую она когда-то выполняла. Она утрачивает ранее приобретенные навыки, чувство обстановки, и чем старше она становится, тем трудней ей устроиться на работу. Кроме того, она может оказаться не в состоянии заработать достаточно денег, так что забота об обеспечении семьи все больше ложится на плечи мужа. Это значит, что его работа и связанные с нею потребности приобретают все большее значение и могут прийти в прямой конфликт с нуждами остальных членов семьи и отодвинуть их на задний план. Если встанет вопрос, покупать ли для мужа обувь или приобрести новые занавески для квартиры, то решение этой проблемы очевидно. Если встанет вопрос о переезде в другую местность, чтобы муж мог получить лучшую работу или вообще какую-нибудь работу, семья должна двинуться туда, не считаясь с тем, что на новом месте положение с квартирой может

быть хуже, школы – перегружены и местность в некоторых других отношениях менее благоприятна, чем старая.

Конфликты между потребностями могут возникнуть также в результате того, что экономические условия иногда вынуждают мужа быть на работе, которая ему ненавистна, или же ему приходится работать в таких условиях, которые ему не нравятся и, возможно, наносят ущерб его здоровью. Допустим, у него появилось желание перейти на другую работу или приобрести какую-нибудь новую специальность, но он, в буквальном смысле этого слова, может оказаться не в состоянии это сделать, если перемена работы повлечет за собой серьезное сокращение заработка на более или менее длительное время. Финансовые нужды семьи слишком неотложны, чтобы позволить себе такую перемену. Если же он, по несчастью, окажется художником, музыкантом, писателем или свободным актером – короче говоря, если он захочет выполнять такую работу, которая не дает возможности получения регулярного, достаточного для жизни заработка, то скоро обнаружится, что для поддержания семьи он будет вынужден всю свою жизнь заниматься какой-нибудь нудной, однообразной работой, ничего общего не имеющей с областью его творчества. Или же он может оказаться вынужденным для обеспечения семьи prostituir свое искусство, подчинив его коммерческим интересам. Таким образом, многие его потребности приходят в прямое столкновение с потребностями семьи. С другой стороны, и жена вполне может оказаться в таком же положении. В то время как она хотела бы заняться искусством, писательской или какой-нибудь другой деятельностью, ей приходится мыть посуду, стирать, ходить по магазинам, штопать и выполнять другие работы по домашнему хозяйству.

Природа таких конфликтов между потребностями мужа и жены не будет вполне одинаковой для разных семей, но всегда налицо окажется какой-нибудь из указанных конфликтов, ибо они возникают из объективных условий, в которых находятся мужчины и женщины и в которых протекает их семейная жизнь. То обстоятельство, что эти конфликты имеют место в обстановке борьбы между мужем и женой за равноправие, еще больше осложняет проблему и объясняет, почему эти конфликты вспыхивают с такой силой. Когда мужчина и женщина вступают в брак и организуют свою совместную жизнь, общее неравенство между мужчинами и женщинами резко проявляется в личных отношениях между этими людьми. Таким образом, один из главных социальных конфликтов переносится прямо в быт.

Эта борьба ведется и на субъективной и на объективной основах. Субъективный аспект ее – наиболее очевидный, и люди обычно делают на нем основной упор. Ряд проблем связан со способностью мужа быть чутким к потребностям своей жены: следить за тем, чтобы жена принимала равное участие в решении вопросов семейной жизни; уважать ее как личность; понимать ее особые проблемы и трудности как женщины. Натянутые отношения часто возникают в связи с очевидными ошибками той или другой стороны. Основным вопросом может сводиться к тому, кто кого больше критикует. В тех принадлежащих к средним слоям семьях, которые подпали под влияние психоаналитических теорий, борьба часто ведется вокруг подлинных или воображаемых невротических качеств того или другого супруга.

Борьба за равенство происходит также на твердой, объективной основе; правда, как говорит мой опыт, люди обычно не обращают внимания на эту сторону проблемы, предпочитая заниматься качествами личности своего партнера. Однако эти объективные проблемы весьма остры, и, если они не будут решены, никогда не будет ясности в вопросах, связанных с качествами личности. Некоторыми из наиболее распространенных проблем являются: обязанность мужа уделять делу поддержания семьи не меньше времени, чем уделяет его жена; играть равную с женой роль в уходе за детьми; одинаковая доля ответственности в расходовании денег; предоставление женщине равных возможностей культурного развития; равные условия труда в семье и многие другие вопросы.

В конечном счете способ ведения борьбы за равноправие женщины и степень успеха в достижении этой цели имеют решающее значение для проблемы устройства брака. Если эта борьба будет успешна, то конфликты, возникающие между потребностями мужчины и женщины, не смогут привести к такой абсолютно антагонистической ситуации, выход из которой невозможно найти, не разрывая брака и не становясь перед необходимостью развода.

Когда главное внимание уделяется решению объективных проблем, то субъективные формы конфликта обозначаются более ясно и с ними легче справиться. Однако, когда спорные вопросы между мужем и женой обостряются, люди чересчур часто прибегают к неправильным формам борьбы. Укажем на некоторые из наиболее распространенных форм такой борьбы.

1. Муж все в большей мере проявляет свое мужское превосходство, отказывается принимать участие в ведении домашнего хозяйства и предъявляет жене соответствующие требования.
2. Женщина в ответ на это пытается проявить женское превосходство и осуществить контрэксплуатацию мужа.
3. Положение вырождается в "борьбу полов".
4. Партнеры обвиняют во всех бедах друг друга, не сознавая того, что, с кем бы они ни вступили в брак, перед ними встала бы весьма значительная часть тех же проблем, с которыми они встретились теперь в отношениях друг с другом. Партнеры по браку приписывают свои беды особенностям личности или неврозу того или другого из них, не представляя себе, что возникшие в их отношениях проблемы по природе своей в основном объективного, социального характера.
5. Супруги могут винить в своих трудностях детей и направить свой гнев против них.
6. Муж и жена ведут между собой борьбу по второстепенным вопросам вкуса и выбора или по незначительным личным вопросам.
7. Слишком часто спор между мужем и женой ведется с чисто индивидуалистических, эгоистических позиций; каждый добивается своего за счет интересов партнера и не пытается уладить дело в соответствии с общими интересами всей семьи в целом.

Супруги могут многое сделать, чтобы справиться со своими проблемами и обеспечить себе уравновешенную брачную жизнь, но коренное средство избавления от возникающих в этой жизни конфликтов не может быть найдено с помощью одних индивидуальных усилий отдельных супружеских пар. Люди могут там и здесь добиваться успешного преодоления трудностей брачной жизни, но эти трудности могут вновь возникнуть перед любой супружеской парой, поскольку они происходят от социальных условий. Мы убеждаемся, следовательно, какое фундаментальное значение имеет создание на деле таких экономических и социальных условий, при которых женщины могли бы вступать в брак и растить детей и в то же время имели бы возможность участвовать в общественном производстве на равных правах с мужчинами. Это обеспечит женщинам экономическую независимость и равные с мужчинами возможности социального, политического и культурного развития во всех областях. Когда это произойдет, – а это уже делается в некоторых частях света, – женщины не будут больше страдать из-за того, что они женщины. Великим благотворным результатом этого

будет улучшение интимных отношений между полами, улучшение семейной жизни и соответственное сокращение количества разводов, уменьшение случаев невроза и неудачно складывающейся брачной жизни.

Даже при современных условиях можно добиться построенных на равенстве отношений между мужчиной и женщиной и счастливого брака, хотя достижение такого результата требует более продолжительного срока, чем это представляет себе большинство людей, – вероятно, лет десяти. Успешно закончившаяся борьба сделает и из мужа и из жены более хороших людей. В нашем обществе брак и семейная жизнь предоставляют самую большую меру подлинной порядочности, любви и близости, которую человек только может найти в отношениях с другими людьми. Даже в современных условиях брачные отношения во многом выражают как бы самую сущность возможных среди людей плодотворных отношений дружбы и сотрудничества. В сутолоке нашей современной жизни опыт семейных отношений имеет решающее значение для каждого в отдельности человека. Мы часто наблюдаем, какими больными и обделенными являются люди, которые выросли в детских приютах и сиротских домах, где они мало испытали людской теплоты, мало видели отношений доверия и порядочности; то же мы наблюдаем и у людей, которые воспитывались в распавшихся семьях или в семьях, где муж и жена ненавидели друг друга. Ранний опыт любовной заботливости, отношений сотрудничества и взаимного доверия, который ребенок приобретает в семье, является жизненно важным фактором в становлении личности взрослого, способного понять характер плодотворных человеческих отношений и сознательно в них участвовать. Очевидно, что воспитание ребенка при хороших отношениях, существующих в семье, необходимо для выработки в нем личности, достаточно сильной, чтобы совладать с бесчеловечностью, с которой он столкнется в нашем мире взрослых.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

В XIX веке детство, как правило, считали беззаботным, идиллическим периодом жизни. В литературе того времени часто говорится о счастливой жизни детей. Большинство писателей игнорировали жестокую эксплуатацию детского труда; они не обращали внимания на эпидемии, убивавшие и калечившие столь значительное число детей, и обходили молчанием ужасные условия жизни детей, обитающих в трущобах. Кроме того, теперь ясно, что писатели того периода не обращали внимания и на многие другие вопросы жизни детей и свойственные им беспокойства, встречающиеся даже в тех семьях, где дети непосредственно не сталкиваются с нуждой и условиями подневольного детского труда. Викторианская литература игнорировала также проявления половой деятельности и возникающие в связи с этим половые проблемы в детском возрасте.

Американские дети живут в весьма различных экономических и социальных условиях, из-за чего трудно делать обобщения. Однако, по-моему, правильно будет сказать, что в целом детство – нелегкий период жизни. Это утверждение справедливо даже в отношении тех детей, которые выросли не в трущобах, а также тех, которые не испытывали крайней нужды и не страдали от дискриминации, существующей в американском обществе¹. Общеизвестно, что ссоры и раздоры, которые мы наблюдаем ныне в жизни американских семей, бывают очень сильными и необъяснимыми; между родителями и детьми, а также между самими детьми часто возникают взаимные обиды, чувство взаимной неприязни и натянутые отношения. В поведении детей встречаются многие трудности, причем наиболее характерными из них являются упрямство, непослушание, проблемы, связанные с питанием детей и с приспособлением к школьному режиму. У них часто бывают ночные кошмары и многие другие беспокойства. Нередко дети слишком привязываются к одному из родителей; они часто ревниво относятся к их симпатиям и иногда даже к привязанности родителей друг к другу. Подобные трудности имеют место не только в семьях, где родители – явно больные или невротики; нередко разумные, здравомыслящие родители временами сталкиваются с трудностями при воспитании своих детей. Все эти вопросы, по моим наблюдениям, наиболее характерны для семей, принадлежащих к средним слоям общества, и семей тех рабочих, которые тянутся за ними и подобно им смотрят на жизнь. Однако у детей почти всех слоев общества

встречаются непригодность и беспокойство. Проблемы воспитания детей привлекли внимание широких кругов психологов и психиатров, которые изучали их с различных позиций. Самым поверхностным из всех является метод Гезелла, который изучал в Йельском университете особую группу детей, принадлежащих к средним слоям. Его работа иллюстрирует то, как прагматистский метод наблюдения и документирования применяется к психическому развитию ребенка и связанным с ним проблемам – без всякого объяснения и теоретического обобщения сущности этих проблем. Так, мы можем прочесть у Гезелла², что в определенном возрасте у ребенка возникают беспокойства, связанные с укладыванием его в постель; в другом возрасте ребенок может сделаться крайне упрямым и непослушным; наконец, ребенок становится ревнивым. Однако у Гезелла нет объяснения этих "стадий". Он подводит читателя к мысли, что эти стадии, вероятно, естественны или по крайней мере универсальны в нашем обществе и что все дети проходят через них. Такой подход порождает пассивное отношение к этим проблемам; родители просто ждут, что они исчезнут, когда, как утверждает в книге, пройдет положенный период времени. Фактически же упрямство, трудности, связанные со сном ребенка, и т.д. являются ясными показателями проблем, обусловленных окружающей его средой; они указывают на явления, которые следовало бы осознать и изменить. Мы не можем просто признать факт их существования и считать, что они пройдут сами собой. Широкое распространение этих явлений среди детей, несомненно, свидетельствует о столь же широком распространении серьезных недостатков, которые следует исправлять, но Гезелл не анализирует их природы.

Представители других направлений обращали более серьезное внимание на источник и природу этих проблем. Рассматривая семью как биологическую организацию, Фрейд пришел к заключению, что такие явно неразумные явления, как беспокойство, натянутые взаимоотношения и чрезмерная привязанность к родителям, имеют своим источником половой инстинкт. Фрейд действительно полагал, что маленькие дети в возрасте трех-четырех лет испытывают к своим родителям такие половые чувства, какие бывают у взрослых. Самым простым является пример маленького мальчика, у которого якобы развивается бессознательное желание быть любовником своей матери и иметь от нее ребенка. Поэтому он, с одной стороны, привязывается к матери, а с другой – боится своего отца и ревнует его к матери. С таких же позиций Фрейд рассматривает психическое развитие маленькой девочки. По существу, Фрейд считал, что

вопросы, связанные с развитием детей, имеют биологическое, половое происхождение и что их развитие эмоционально по своей природе, включая в себя чувства виновности, беспокойства, страха и кровосмесительных любовных привязанностей *.

* Приписывая четырехлетнему ребенку половые чувства взрослых, Фрейд ярко продемонстрировал статический характер своих взглядов на человеческую природу; Фрейд оказался неспособным понять те изменения, которые происходят в людях, по мере того как они достигают полной зрелости. Фрейд представлял себе, что начиная с трехлетнего возраста движущей силой поведения людей становится – сознательно или бессознательно – сексуальность как главное побуждение в жизни. Только из-за своей философски-статичной (метафизической. – *Ред.*) точки зрения Фрейд представлял себе детей как взрослых в миниатюре, а взрослых как больших детей.

Одним из вариантов и вместе с тем дальнейшим развитием фрейдистской теории, чрезвычайно распространенным в современной психиатрической практике и в социальной казуистике, является теория, согласно которой причиной плохой приспособленности детей к жизни является "недостаток любви". Вместо того чтобы ставить во главу угла инстинктивную сексуальность, эта школа обращает особое внимание на "любовь" как главный детерминант психического развития детей.

Практические наблюдения опровергают эту теорию. Изучение окружающей среды "трудновоспитуемых" детей легко показывает, что многим из них уделяется достаточно внимания и заботы, хотя сторонники теории "недостатка любви" могут утверждать, что дети лишены "подлинного" внимания (*affection*). Не вдаваясь в семантические споры о том, что представляет собой "подлинное" внимание, мы можем согласиться с тем, что любовь имеет важное значение для детей и что полное ее отсутствие оказывает пагубное влияние на ребенка. Полное отсутствие любви делает ребенка психопатом; если же, став взрослым, он и не превратится в психопата, то может оказаться, что он совершенно неспособен любить других. *Однако, несмотря на все это, отсюда не следует, что любовь или внимание является наиболее важным фактором в жизни ребенка.* Полное отсутствие какого-либо из качеств, необходимых для интимных отношений между людьми, таких, как близость, доверие, честность, стремление к сотрудничеству, будет иметь сугубо вредное влияние и на ребенка, но мы не можем, исходя из этого, постулировать, что какое-либо из этих качеств является фактором, определяющим психику детей.

Основное положение данного варианта фрейдовской теории заключается в том, что переживание эмоции любви к себе является наиболее важным фактором в жизни ребенка. Но если мы даже ограничимся рассмотрением эмоциональных условий, окружающих ребенка, то увидим, что, помимо любви, он встречается и с другими весьма сильными эмоциями, которые могут существовать параллельно с чувством любви. Огромное влияние на детей оказывают ненависть, обида, страх, гнев и ревность, так что любая теория, изучающая эмоциональное окружение ребенка только с точки зрения наличия или отсутствия любви, тем самым, очевидно, более чем упрощает вопрос.

Гораздо более серьезным недостатком этой теории является, однако, тот факт, что, ограничивая рассмотрение условий жизни ребенка эмоциональными факторами, мы впадаем в ошибки, свойственные субъективизму и философскому идеализму. Утверждая, что лишь психические факторы определяют то, что связано с поведением детей, мы не замечаем материальных и социальных сил, которые и создают всю психику, включая чувство "любви", предметом которой ребенок может быть или не быть. Присущие этому антинаучному подходу ошибки весьма отчетливо выступили в недавних абсурдных рассуждениях о том, что основной способ подхода к детям, проявляющим беспокойство по поводу атомных бомбардировок, заключается в том, чтобы больше "любить" их и лучше "эмоционально защищать".* Вместо того чтобы разумно подойти к этой проблеме, принимая конкретные практические меры, направленные на предотвращение возможности атомных бомбардировок городов, встревоженным родителям советуют избавить своего ребенка от реального беспокойства, поглаживая его по головке.

* Д-р Бенджамин Спок в интервью, помещенном в газете "Нью-Йорк таймс" от 5 декабря 1950 года, заявил: "Если в доме господствуют хорошие взаимоотношения, тогда дети будут в состоянии спокойно отнестись к беспокойствам, связанным с войной, так же как и к другим реальным жизненным заботам".

В других направлениях психоаналитической теории, берущих свое начало также от Фрейда, например в произведениях Хорни, утверждается, что неврозы вызываются "социальными силами", которые, по-видимому, являются причиной постановки вопросов, связанных с поведением детей. Однако как это происходит конкретно, по существу, не объясняется. Хорни почти не анализирует классовую природу и противоречия нашего общества и не показывает

структуру воздействия этого общества на семью и на индивида. Фактически эта школа утверждает, что именно родители-невротики создают "исходный страх" и невротические черты характера у своих детей. Хотя это, может быть, и правильно в известном, весьма ограниченном смысле, мы должны глубже вникнуть в проблему. Если мы доведем мысль Хорни до логического конца, то получится, что родители стали невротиками потому, что их родители также были невротиками, и так далее – до Адама и Евы.

Все представители школы "культурных" психоаналитиков придерживаются дуалистических взглядов. Утверждая, что невроз родителей является подлинной причиной невроза у детей, они отрывают семью от материальных условий жизни общества. Конечный результат такого разрыва состоит в том, что невроз начинают рассматривать как вещь в себе, изолируя его от объективных причин – определенных исторических условий нашей социальной системы. В самом деле, д-р Хорни придерживается именно таких взглядов. В своей последней работе "Невроз и развитие человека" д-р Хорни почти не касается вопроса о социальной среде, ее внимание далеко от окружающих невротика внешних условий, оно целиком обращено к его внутренним, психическим процессам.

Все школы психоанализа сходятся в том, что вопросы, связанные с воспитанием детей, преимущественно эмоциональны. Единственное и основное расхождение между ними заключается в том, что они по-разному понимают источник этих эмоциональных конфликтов. Фрейдисты ищут этот источник в инстинктивной, биологической природе человека, тогда как другие психоаналитики ищут его главным образом в психических качествах родителей ребенка, хотя некоторые из них абстрактно согласятся и с тем, что источник этих вопросов заключается в "культуре" – понятии, которым часто пользуются, но которому редко дают определение, а если дают, то неточное.

Прежде всего нельзя согласиться с тем, что вопросы, связанные с воспитанием детей, преимущественно эмоциональны по своей природе. В основном такие вопросы обусловлены объективными трудностями, тем реальным воздействием, которое оказывают на ребенка объективно существующие противоречия и пагубные, плохие условия жизни. Далее, даже рассуждая чисто психологически, нельзя согласиться с тем, что вопросы воспитания детей имеют эмоциональный характер, ибо, как это было показано в главе IV, эмоции не являются определяющими элементами сознания. Когда

ребенок проявляет беспокойство и обнаруживает трудности в своем поведении, он страдает от извращений и противоречий в сознании, отражающих вредные условия окружающей среды. Эти извращения в сознании в основном не являются эмоциональными по своей природе; они сводятся к искаженным понятиям о реальности, к извращению оценочных суждений и конфликтам между противоположными оценками.

Ключ к пониманию беспокойства ребенка и конфликтов в его сознании лежит в анализе его реального положения в нашем обществе. Ребенок по-своему подвержен действию тех же общественных, экономических и политических сил, которые определяют – и калечат – жизнь взрослых людей. Эти явления оказывают влияние на ребенка главным образом двумя путями. Во-первых, ребенок находится под непосредственным влиянием тех семейных отношений, в которых он живет, а также под влиянием условий школьного обучения, улицы, игр. Во-вторых, общественные силы оказывают свое влияние на ребенка через то, чему его учат и что он слышит; его сознание формируется сознанием окружающих его людей, включая мысли, оценочные суждения, влечения и эмоции его родителей и знакомых. Короче говоря, каждый ребенок испытывает на себе влияние условий жизни нашего времени так, как они проявляются и в практической и в идеологической сферах, дополняющих друг друга и формирующих сознание ребенка.

С точки зрения подлинно научной психологии главное в объективном положении детей в нашем обществе заключается в том, что дети не выполняют никакой экономически-производственной функции. На положении детей, как и на положении пожилых и больных людей, отражается главный недостаток общества "свободного предпринимательства", заключающийся в том, что относительно прочное положение в обществе имеют только взрослые, способные на производительный труд. Дети фактически являются лишними в системе, движущая сила которой – погоня за прибылью. Они служат обузой для своих родителей до тех пор, пока не вырастут и не найдут своего места в жизни. Поэтому, за исключением все ухудшающейся общественной системы школьного обучения³ и некоторых законов по охране детей, существует лишь минимум общественно организованного обеспечения детей.

Из одного этого факта вытекает по меньшей мере несколько последствий. Прежде всего такое положение, несомненно, отражается в сознании детей в форме беспокойства, сомнений и

страха. Детство – беспокойный период жизни, и единственно возможным источником беспокойства является необеспеченное положение детей в обществе.

Во-вторых, воспитание детей происходит почти полностью на индивидуалистической основе. Каждый ребенок почти всецело зависит от типа семьи, в которой он случайно родился, и от характера родителей, создавших эту семью. Если это обеспеченная семья и родители ребенка живут в разумном согласии и подходят друг к другу, ребенок растет в относительно благоприятной обстановке. Если же домашняя обстановка является нездоровой, ребенок обычно не имеет возможности избавиться от нее и получить определенную непосредственную помощь извне. Ребенок в такой семье может научиться бороться с трудностями своего положения, но он должен научиться этому сам, и притом часто не получая эффективной поддержки от внешнего по отношению к его семье мира.

В-третьих, стоит ему оказаться вне дома, ребенок лицом к лицу сталкивается с деловым миром, который им не интересуется и который в лучшем случае остается относительно безразличным к нему до тех пор, пока он воздерживается от действий, неприятных другим людям. К нему могут даже некоторое время относиться с известной безличной доброжелательностью; если он заблудится и попадет в полицию, его угостят мороженым и будут развлекать до прихода родителей. Вне дома ребенок встречается также с другими, менее доброжелательными силами, под воздействием которых протекает жизнь взрослых. По мере того как он становится старше, соревнование на спортплощадке и в школе становится для него значительно более острым по своей природе. Потрясающие впечатления о жестокости и опасностях, таящихся в нашем мире, произвели на детей недавно проведенные в школах пробные тревоги атомного нападения. Атмосфера нашего времени оказывает влияние на ребенка различными путями, и не последнее по важности место занимает в этом отношении "литература" комиксов, а также кино-радио-телевизионные "развлечения", которые потворствуют пропаганде сексуальности и насилия во всех их формах. Данные исследования показывают, что 98 процентов всех детей в возрасте 8-12 лет читают какие-нибудь комиксы. В возрасте от 6 до 11 лет 95 процентов мальчиков и 91 процент девочек читает ежемесячно по 15 комиксов⁴.

Этим путем нашим детям почти в невероятном количестве преподносятся картины насилия и жестокости. Изучение 92

комиксов обнаружило, что они содержат описание 500 физических нападений, 186 случаев грубого поведения и 14 детально описанных убийств⁵. Семь лос-анжелесских телецентров показали в детских передачах в течение первой недели мая 1951 года около 1000 преступлений⁶. Джерсон Легман пишет: "Если на каждой странице описывается только одна сцена насилия – обычно их больше, – то и тогда каждый городской ребенок, которому в 1938 году было 6 лет, к настоящему времени с помощью одних лишь комиксов ознакомился минимум с 18 тысячами картинок с изображением драк, стрельбы, удушений, кровавых луж и смертельных пыток. Впечатление от зримых насилий подкрепляется ежедневно прослушиваемыми радиопередачами, а также кинофильмами, которые он смотрит по субботам. В результате выросло целое поколение юношей и девушек, которые тысячи раз испытали все ощущения и эмоции, связанные с совершением убийства, за исключением нажатия на спусковой крючок... Комиксы преуспели только в том, что преподнесли каждому американскому ребенку такой курс параноической мании величия, какого не получал ребенок даже в Германии; американским детям прививается такое убеждение в моральной правоте насилия, какого не стал бы домогаться ни один нацист"⁷.

В этих условиях семья становится для ребенка единственным убежищем, где он может рассчитывать на ласковый, любовный уход, – чего в нашем мире ребенок оказывается лишенным, если родители обманут его ожидания. Самым худшим для ребенка является, конечно, полный распад семьи. Положение, в котором в настоящее время оказываются дети, воспитывающиеся вне их семей, поистине ужасно как в материальном отношении, так и в смысле недостатка любви и нежности, проявляемых к ним. Кошмарные условия жизни во многих приютах для подкидышей и сирот являются отражением того крайне недостаточного внимания, которое наше общество фактически уделяет правам и потребностям детей. Печально, что имеющийся в Нью-Йорке оборудованный по-современному дом для больных кошек и собак значительно лучше пришедших в ветхость городских учреждений для беспризорных детей.

Зависимость ребенка от своей родной семьи возрастает еще больше из-за общей изолированности друг от друга людей, живущих в нашем обществе. Тот факт, что семьи живут как отдельные, изолированные единицы, также увеличивает эту зависимость. Каждая семья в индивидуальном порядке заботится о питании и сне, поддерживает порядок в доме и развлекается. Люди в больших многоквартирных домах могут жить в нескольких шагах друг от друга в течение ряда

лет и, однако, не стать друзьями, даже не знать друг друга достаточно хорошо; впрочем, такая изолированность чаще встречается среди семей средних и высших слоев общества, чем среди рабочих.

Таким образом, семья имеет первостепенное значение в жизни ребенка. Общий разлад в семье или какое-нибудь несчастье с одним из родителей, подобно землетрясению, разрушает слишком шаткие основы детского мира. Поэтому не случайно, что дети с испорченным характером часто вырастают в разрушенных семьях, а также в семьях, живущих в условиях крайней нужды и социальных лишений, и в тех семьях, где один или оба родителя алкоголики или психически больные люди. Грубое обращение родителей с ребенком оказывает на него пагубное влияние по той же самой причине, то есть из-за исключительной зависимости ребенка от семьи.

Хотя семья, как правило, действительно дает ребенку значительную защиту от пагубных и отрицательных сил нашего общества, мы не должны забывать, что и в самой лучшей семье редко существует идиллическая обстановка. Даже в той семье, где ни один из родителей не является неполноценным или психически больным человеком, ребенок рождается в сложной и противоречивой обстановке, что проистекает из самой природы брака. Он рождается в семье, представляющей собой единицу, где как в фокусе отражаются общественные противоречия в целом, и в особенности конфликты, которые существуют между мужчинами и женщинами. *Семья фактически является рычагом, через посредство которого некоторые из основных противоречий нашей общественно-экономической системы оказывают влияние на детей с самого момента их рождения.* Младенцу не приходится ждать, когда ему исполнится 5 или 6 лет, чтобы испытать на себе в школе или на спортплощадке противоречивые отношения нашего общества. Он встречается с ними в лоне своей собственной семьи, хотя в семье эти противоречия принимают форму несколько иную, чем та, с которой он встретится позднее на спортплощадке или в школе.

Отношения родителей друг к другу и к своим детям оказывают существенное влияние на формирование сознания ребенка и укрепление его уверенности в своих силах. Несмотря на то, что большинство родителей любит своих детей, на их отношение к детям и поведение влияют особые условия, которые часто находятся в глубоком противоречии с проявлением привязанности к ним.

На любви матери к своим детям сказываются настроения, которые возникают из общего положения женщины в обществе. Забота о детях увеличивает домашние обязанности матери, теснее привязывает ее к дому и увеличивает ее экономическую зависимость от мужа. Таким образом, ребенок своим появлением может препятствовать ее поступлению на работу и ее самостоятельной карьере. При таких условиях нет ничего необыкновенного или невротического в том, что женщины возмущаются тем бременем, которое представляют для них дети, несмотря на свою любовь к ним. Чувство обремененности может быть причиной того, что мать неласково или даже грубо обращается с ребенком или недостаточно сознает его потребности.

Любовь родителей к детям вступает также в конфликт с огромным бременем, которое они несут по воспитанию детей. Когда рождаются дети, сразу же возникают дополнительные расходы, однако родители тратят деньги не на себя. Маленькие дети требуют огромных затрат энергии со стороны родителей. Это касается главным образом матери, но также относится и к отцу; независимо от того, берет ли он на себя справедливую долю дополнительных забот или нет, его затрагивают по крайней мере изменения в обязанностях, интересах и настроении его жены. Если дети заболевают и долго болеют, для родителей наступает тяжелое время. Продолжительная болезнь одного или двух детей является нередко источником невротических срывов у переутомившихся и подавленных тревогой за жизнь ребенка матерей.

Воспитание детей почти без всякой помощи извне, на индивидуалистической основе, означает, что родители выращивают детей ценой отказа от личной свободы, ценой недосыпания, дополнительного беспокойства, переутомления, затрачивая массу энергии и материальных средств. Поэтому родители часто испытывают чувство обиды на детей в связи с увеличением обязанностей, связанных с их воспитанием. Это чувство получает временами особенно наглядное выражение, когда отец или мать убивает своего ребенка из-за того, что "он слишком много плакал" или "не слушался". Однако, как правило, чувство обиды не принимает такого крайнего выражения и является более скрытым. Хотя это чувство и скрыто, оно не является нейтральным, а, наоборот, постоянно оказывает определенное воздействие на поведение родителей. Это воздействие выражается в том, что родители чувствуют себя виноватыми или беспокоятся, не осознавая толком причину своего состояния. Борясь с этим, они иногда начинают

чрезмерно беспокоиться о благополучии ребенка.* Это может ослабить их чувство любви к ребенку, а также явиться причиной их раздражительности и чрезмерного гнева по отношению к ребенку, когда он совершит малейшее нарушение дисциплины.

* Важно понять, что это не единственная причина чрезмерного беспокойства родителей о благополучии своих детей. Во многих случаях эта исключительная забота о детях вообще не обусловлена невротическими причинами. Она может возникнуть потому, что родители пытаются защитить своих детей от весьма реальных опасностей, существующих в мире, но они пытаются преодолеть эти опасности ошибочным путем – путем чрезмерного внимания к детям.

Дополнительное бремя забот, возникающих в связи с воспитанием детей, может объединить родителей в их совместных усилиях. Однако очень часто между мужем и женой усугубляются натянутые отношения. Данные казуистики показывают, что самые натянутые отношения в семейной жизни обычно бывают в тот период, когда дети еще малы.

Эти семейные неурядицы и отрицательное отношение родителей к ребенку неизбежно сильно влияют на ребенка. Дети в высшей степени чувствительны к окружающей их среде, хотя иногда они не могут выразить на словах и полностью осознать то, что их беспокоит. Одна из моих коллег, весьма чувствительная женщина, однажды рассказала мне, что она узнавала о своем собственном душевном состоянии из наблюдений за поведением своего двухлетнего ребенка. Если она была раздражена или расстроена, ребенок скоро начинал капризничать, не слушаться и плакать. Если же она бывала в хорошем настроении, ребенок вел себя нормально. С тех пор у меня было много возможностей подтвердить это наблюдение.

Дети обычно реагируют на обстановку в семье и вне семьи тем, что у них появляются неуверенность, беспокойство и сомнения. Это состояние принимает различные формы. Многие дети время от времени чувствуют, что они являются нежеланными, некоторые из них строят догадки, не сироты ли они и не подкидыши ли, которых их родители просто усыновили. Другие дети начинают бояться микробов, странных звуков, темных комнат, ругани и незнакомых людей. Их страхи принимают такие формы потому, что сознание ребенка лишь смутно отражает обстановку. Не зная того, что действительно плохо, ребенок начинает чрезмерно страшиться тех опасностей, которые он только и понимает.

Трудность и неопределенность фактического положения ребенка часто отражается в его сознании в виде чувства личной неполноценности, страхов перед другими людьми, а также сомнения в дружеском расположении к нему других людей, даже своих родителей. Такое сочетание чувства сомнения в себе самом и страха перед другими людьми представляет собой сочетание противоположностей, по существу – две стороны одной и той же медали. Эти чувства могут разрастись у ребенка до крайних размеров, если он воспитывается в разрушенной семье или в семье, где с ним грубо обращаются.

Другая реакция ребенка на его, как правило, необеспеченное положение заключается в том, что он начинает соперничать с братьями и сестрами. Младенцы рождаются, не осознавая прав и потребностей других детей, но они могут легко осознать это, если только их не воспитают в индивидуалистическом духе и не научат придерживаться индивидуалистических взглядов. Обычно соперничество между маленькими детьми не может быть устранено из-за внутренней природы нашей экономической и семейной жизни. Всеобщее распространение в мире взрослых интенсивной конкуренции и индивидуалистических отношений неизбежно учит наших детей оставаться соперниками и эгоистами в отношениях друг к другу в их семейном кругу. Нередко перенапряженная эмоциональная атмосфера в семье приводит также к возбуждению и детей, скорее настраивая их друг против друга, чем объединяя, так как слишком немногое могло бы объединить их.

Другая реакция детей на трудности, связанные с их воспитанием, состоит в том, что они начинают проявлять свое беспокойство по отношению к родителям. Хотя беспокойство касается обоих родителей, дети обычно больше тревожатся за свою мать, потому что они проводят с ней больше времени, а также благодаря ее роли как матери: она является для них самым важным человеком в ранние годы их жизни. Они имеют склонность больше чувствовать неудачи и обиды матери, чем отца, ибо их контакт с матерью является более продолжительным по времени и более интимным по своему характеру.

Когда дети становятся беспокойнее и оказываются более подверженными страхам, они не обязательно делаются более любящими. Напротив, они часто делаются более требовательными, более упрямыми и менее послушными. Они постоянно пытаются проверять, насколько мать их любит и любит ли она их вообще. В ее

присутствии они часто приходят в состояние эмоциональной возбужденности, которая вынуждает их совершать противоречивые, неожиданные и порочные поступки. По существу, когда ребенок чрезмерно льнет к своей матери, это еще не значит, что он испытывает к ней подлинную любовь и привязанность. Это признак неуверенности, хотя эта неуверенность совсем не обязательно вызвана матерью. Ребенок может быть подавлен и напуган условиями на спортплощадке или в школе и обращается к матери за особой поддержкой и успокоением. В семьях, где дети не уверены в любви своего отца и надежности его чувств к семье, они могут рассчитывать на мать как на надежную защиту. Важно заметить, что дети обоего пола обычно имеют склонность искать успокоения у того человека, который наиболее постоянно за ними ухаживает. Таким лицом большей частью является мать, это может быть также экономка или няня. Дети также чрезмерно тревожатся за своего отца и "сугубо привязаны" к нему, когда он безработный и остается дома, в то время как его жена работает и поддерживает семью. Такие случаи нередко имели место во время экономической депрессии тридцатых годов.

Эти наблюдения противоречат ранней фрейдовской теории Эдипова комплекса, согласно которой мальчик якобы больше привязан на половой почве к матери, а девочка – к отцу. Но когда Фрейд заметил, что как *мальчики, так и девочки* большею частью "привязываются" к своей матери, он отошел от своих ранних формулировок и первоначальная простота его теории была омрачена обширной вторичной гипотезой, которая "объясняет", почему маленькие девочки "чрезмерно привязываются" к своим матерям. Поступая так, Фрейд лишь пытался своими рассуждениями отделаться от наблюдения, являющегося основным возражением против его теории в целом, рассматривающей чувства детского беспокойства как следствие половых влечений и привязанности к своим родителям.

Таким образом, мы видим, что явления так называемого Эдипова комплекса тревоги и зависимости порождаются не любовью, а антагонизмом, страхом, ненадежностью положения и сомнением. Наблюдение показывает, что детская привязанность к родителям почти никогда не имеет того сексуального характера, который приписывал ей Фрейд. Половое влечение к родителям в действительности никогда не возникает, за исключением крайне редких случаев, когда родители сами делают ребенку предложения недвусмысленно сексуального характера.

Некоторые из "культурных" психоаналитиков утверждают, что Эдипов комплекс существует, хотя они лишили его полового характера и заявили, что привязанность к своим родителям возникает "от общества". Я полагаю, что с научной точки зрения это неправильно; я думаю, что ложно не только сексуальное объяснение, но и вся идея в целом является ложной. Это только кажущаяся видимость, что ребенок "привязан" к своим родителям или "фиксирован" на них или тех людях, которые заменяют ему родителей. Фактически такой ребенок совсем не "фиксирован". Он ищет успокоения, ведет борьбу против своих трудностей единственным известным ему способом. Называя его поведение "сверхпривязанностью" или "фиксацией", мы затемняем существенные скрытые внутренние процессы, которыми отмечено его поведение.

Сторонники современных школ психоанализа делают другую основную ошибку, пытаясь найти причину детского страха только в невротических качествах родителей ребенка и его непосредственной семейной обстановке. Это значит расценивать факты по их внешним проявлениям, по их поверхностной видимости. Большая часть беспокойства маленького ребенка вызывается семейной обстановкой, но это происходит потому, что ребенок еще не в состоянии осознать и понять те более важные общественные силы, которые оказывают влияние на его жизнь как прямо, так и опосредованно. Проблемой становится именно его поведение, ибо любой другой тип общественной деятельности для ребенка невозможен.

ВОЗМОЖНЫ ЛИ КОРЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО?

Представление о личности, которого придерживаются как психиатры, так и неспециалисты, сводится к тому, что психические свойства личности быстро формируются в раннем детстве и что личность взрослого человека является относительно стабильной и неизменяемой. Фрейд весьма определенно заявил, что личность взрослого человека является повторением той стадии психосексуального развития, которая была достигнута в возрасте 6-7 лет; он смотрел на взрослого человека как на большого ребенка. Хорни отрицательно отнеслась к такому акцентированию на детстве для психического развития человека¹ но фактически она придерживается сходных с Фрейдом взглядов. Хорни выдвинула гипотезу, что условия, в которых протекает психическое развитие человека в детстве, вызывают исходный страх, который затем, развиваясь по своим собственным внутренним законам, принимает форму противоречивой структуры характера², форму таких черт характера, которые толкают этого человека на сближение с людьми, на то, чтобы избегать их или бороться против них³, черт характера, которые заставляют их искать славы или ведут к отчуждению от подлинного я⁴. В теориях Фрейда и Хорни взрослый индивид рассматривается всего лишь как результат психического развития того, что было заложено в нем с самого раннего возраста.

Нет, конечно, сомнения в том, что сознание индивида – его личность – исторически обусловлено и его можно до конца понять только в свете всей предыдущей истории развития человека, включая опыт, приобретенный в детстве. Наблюдение показывает, что многие и даже большинство взрослых людей сознательно перенимают друг у друга взгляды, оценочные суждения и побуждения, которые сохраняются на протяжении многих лет, выдерживая многочисленные испытания и превратности судьбы человека. Наблюдение также показывает, что труднее лечить психические нарушения взрослых, чем детей.

Тем не менее накоплено внушительное количество ясных доказательств того, что психика взрослого человека динамична и нестабильна, поскольку на психику человека постоянно оказывают воздействие общественные условия окружающей среды⁵. Если эти влияния являются относительно стабильными, сознание людей

также остается относительно неизменным; если же они меняются, то это неизбежно ведет к изменению сознания. Таким образом, причиной *кажущейся* медлительности изменений личности большинства взрослых людей является тот факт, что мы обычно живем при одинаковых общественных отношениях и обстоятельствах, в условиях одной и той же деятельности, что, по существу, имеет первостепенное значение для формирования наших взглядов, а все это ведет к сохранению у человека одних и тех же мыслей, чувств, оценочных суждений и побуждений благодаря постоянному подкреплению их повседневным опытом. Условия жизни и труда в нашем обществе все в большей степени ограничивают возможность перехода людей к новым видам деятельности и к изменению их материального положения, так что большинство рабочего класса и часть представителей буржуазии заняты до конца своих дней одной и той же деятельностью и занимают одно и то же общественное положение.

Другая причина того, почему кажется, будто сознание взрослого человека изменяется крайне медленно, состоит в том, что мы обычно рассматриваем изменения, происшедшие за слишком короткий период времени. Если же мы рассмотрим изменения, происшедшие не за дни и недели, а за месяцы и годы, то легко убедимся, что за период от 3 до 5 лет, несомненно, происходят коренные изменения в структуре и особенностях сознания, связанные с изменениями условий жизни.

Наиболее наглядным примером служат люди, потерпевшие кораблекрушение и попавшие на необитаемые острова, пастухи, лица, находящиеся в одиночном заключении, одиночные старатели и все те, кто изолирует себя от общества или изолируется в принудительном порядке самим обществом на длительный период времени. Через известный промежуток времени такие люди теряют беглость речи. В конечном счете они вообще теряют способность разговаривать. Вдобавок они привыкают к своему новому положению и становятся болезненно чувствительными и нетерпимыми к отношениям, сложившимся в цивилизованном человеческом обществе. Цивилизованные обычаи, манеры и вкусы у них исчезают. Они перестают заботиться о личной гигиене и становятся нетерпимыми или безразличными к традиционному укладу жизни. Память у таких людей слабеет, уменьшается их способность к абстрактному, понятийному мышлению. Интересы и перспективы деятельности сужаются; весь психический мир сужается и изменяется. Если эти изменения заходят не слишком далеко и длятся

не слишком долго, такие люди, вновь оказавшись в условиях нормальных человеческих взаимоотношений, могут постепенно быть возвращены к прежнему состоянию⁶.

Определенное сужение интересов и словарного запаса произошло у многих из американских солдат, взятых японцами в плен на Батаане и оказавшихся в исключительно суровых условиях тюремного заключения во время второй мировой войны. Были отмечены изменения в обыденных отношениях и привычках этих людей⁷. Известно также, что после нескольких лет заключения в немецких концентрационных лагерях у среднего заключенного происходили глубокие изменения. Интерес к дружбе, семье, к внешнему миру часто пропадал. Способность устанавливать дружеские отношения и поддерживать сотрудничество с другими людьми начинала исчезать. Многие люди всю свою энергию обращали исключительно на то, чтобы выжить самим, даже за счет всех остальных. Некоторые заключенные, длительное время пробывшие в лагерях, усваивали даже обычаи, привычки и идеологию гестапо, доходя до того, что начинали одеваться, подражая форме одежды гестапо⁸. Наиболее тяжкие преступления против заключенных были фактически совершены их товарищами по несчастью, которые начинали действовать в качестве агентов гестапо. Главным исключением из этого процесса деградации были сугубо религиозные люди и люди с высоким политическим сознанием, которые продолжали вести борьбу против нацистов даже в тюрьме⁹.

Однако для того, чтобы подыскать примеры радикального изменения личности, нам нет необходимости изучать людей, поставленных в такие исключительные условия. Даже в обычных условиях жизни серьезные изменения личности не являются необычными. Мы замечаем такие изменения, происходящие во взглядах на жизнь и поведение многих людей, которые стали калеками или были надолго прикованы к постели. Мы замечаем изменения, происходящие с возрастом у многих деловых людей и политических деятелей; они становятся хитрее, консервативнее, циничнее и оказываются менее способными понимать идеальные стремления и заниматься бескорыстной деятельностью. Далее, мы замечаем, что юный либерал или радикал, прогрессивность которого имеет эмоциональное и гуманное начало, обыкновенно теряет свой идеализм вскоре после того, как окунется в мир деловой, профессиональной жизни. Это случается столь часто, что если человек остается в действительности либеральным продолжительное

время после окончания колледжа, то это рассматривается как "ненормальность".

Характерные психические свойства большинства взрослых людей, будучи частью жизненных процессов, постоянно изменяются. Люди меняются не так незначительно, как это кажется. Через каждые десять лет в сознании индивида происходят изменения; взгляды на жизнь рядового пятидесятилетнего мужчины или женщины в огромной степени отличаются от того мировоззрения, какое у них сложилось в тридцать лет, и мало похожи на мировоззрение сорокалетнего человека. *Таким образом, вопрос заключается не в том, изменяется ли личность взрослого человека, а в том, как добиться, чтобы изменение шло в желаемом направлении.* Это, по существу, и есть та проблема, за разрешение которой психоаналитики принимались главным образом на эмпирической базе или же с позиций метафизической философии.

Одну из главных причин распространенной иллюзии, что люди не меняются, следует искать в том, что эта идея часто повторяется рекламой, в газетных статьях, в кинофильмах и всех других средствах влияния на общественное мнение. При помощи этих средств вновь и вновь повторяется мысль о том, что человеческая природа никогда не изменяется и что люди неизменно агрессивны, эгоистичны, животнo-чувственны и склонны к капиталистическому образу жизни благодаря своему врожденному психическому складу. Мы ранее видели, как эти вульгарные утверждения были подхвачены и получили свое яркое выражение в "научных" взглядах теории инстинктов Фрейда и других.

Дальнейшее отражение того же самого распространенного убеждения надо искать в ошибочных положениях теории привычек. Так, в академической психологии мы находим определенные теории формирования привычек, стремящиеся – на недостаточном основании (что общепризнано) – объяснить, как и почему взрослый человек чувствует и действует так, как это происходит в действительности¹⁰. Даже в ненаучных кругах эта теория привычек получила довольно широкое распространение; очень часто можно услышать, как какой-нибудь поступок объясняется и извиняется тем, что он совершен "по привычке".

В определенных академических теориях, которые проистекают из механического, чересчур широкого применения принципа условных рефлексов, личность взрослого человека рассматривается как нечто

состоящее из тысячи различных привычных форм реакций. Эти привычные формы реакций образуются якобы путем ряда повторений одного и того же опыта, и, как только оказываются сформированными, они начинают направлять поведение человека по шаблонному руслу. Раз сформировавшись, эти привычки, по общепринятому мнению, существуют неопределенно длительное время. Привычки не только направляют деятельность человека в определенное русло, но даже определяют мотивацию. В обычных условиях утверждение, что человек что-то сделал "по привычке", считается приемлемым объяснением данного поступка. В академической психологии привычки превращаются в "независимые влечения"¹¹, то есть привычка становится влечением, самоцелью, вместо того чтобы рассматриваться лишь как привычное средство достижения цели.

Как и следовало ожидать, эта общая теория привычек нашла свое отражение во фрейдизме. Фрейд создал теорию "навязчивого повторения", согласно которой существует сознательный принцип или тенденция, диктующие нам постоянное повторение одного и того же действия, причем для этого нет никакой другой причины, кроме самого повторения¹². Принцип навязчивого повторения является фрейдистским вариантом теории привычек. Это еще раз иллюстрирует тот факт, что Фрейд давал псевдонаучное выражение любому мифу о личности, влечениях и человеческой природе, возникавшему в его время.

Теория привычек имеет тенденцию свести поведение до уровня слепого, бессмысленного повторения предыдущих действий. Внешне эта теория как будто говорит о том, что реакции человека происходят из его индивидуального опыта, однако существо этой теории заключается в том, что поведение человека регулируется внутренними силами, в данном случае – тенденцией привычки сохраняться. Таким образом, эта теория представляет собой замаскированную форму субъективизма.*

* Специалист-философ может увидеть здесь пример того, как механистический материализм – в данном случае крайне упрощенное и недиалектически расширительное толкование определенных принципов, установленных Павловым, – ведет назад, к метафизике, так как любая теория, утверждающая, будто личность управляется внутренними силами, по существу, является метафизической теорией.

Далее, эта теория выражает, по существу, антиинтеллектуалистический взгляд на поступки человека; ее

сторонники упускают из виду и не замечают решающей роли их *сознательного* понимания побуждений и форм поведения.

Хотя внешне теория привычек как будто в состоянии объяснять изменения, она также выражает статическую точку зрения. Фактически эта теория описывает человеческую личность как совокупность большого числа более или менее фиксированных реакций, которые якобы упорно продолжают существовать сами по себе, "по привычке". По этим утверждениям можно видеть, что такая теория представляет собой сплошную тавтологию, так как заключения содержатся уже в теоретических предпосылках. По существу, эта теория сводится к тому, что "привычка есть привычка".

Я не могу понять, как сознание можно низвести до уровня простых привычек. Привычки несомненно являются элементом сознания, но сознание содержит в себе далеко не только привычки.

Факты таковы, что повторяющаяся, привычная деятельность, "привычка", указывает на сохранение потребности в этой деятельности. Например, взрослые люди чистят зубы не из привычки, а потому, что они загрязняются, начинают пахнуть и причиняют беспокойство, если их не чистить.

Опыт биологически здоровых организмов всех видов показывает, что привычная деятельность, потерявшая необходимость, то есть утратившая смысл привычки, исчезает. Только очень старые или очень больные люди упорствуют в своем привычном, закостеневшем поведении, которое становится неуместным или теряет свою цель. Привычки оказывают влияние на поведение здорового человека в той мере, в какой легче продолжать действовать по однажды усвоенному определенному – привычному – способу, чем усваивать новый способ. Обучение чему-нибудь новому требует дополнительной затраты энергии, и мы обнаруживаем, что биологические существа и люди не производят новых расходов энергии до тех пор, пока они не будут принуждены к этому воздействием внешних событий и обстоятельств.

"Привычка" сама по себе не объясняет упорного продолжения любой деятельности как у нормального человека, так и у невротика. Например, мужчина ссорится со своей женой не "по привычке" и определенный невротик не "по привычке" всегда опаздывает на полчаса. Эти часто повторяющиеся поступки упорно совершаются потому, что продолжает существовать потребность в их совершении;

при этом деятельность может совершаться в старой *форме* из-за трудностей и хлопот, связанных с овладением новой формой. Под давлением обычных требований жизни всеми нами постоянно усваиваются новые формы мышления и деятельности. Когда способность изменять прежние формы деятельности исчезает, это служит признаком старости или болезни.

Хотя взрослые люди обладают способностью изменять свои психические свойства, оценки явлений и тип личности в целом, все же остается сомнительным, так ли гибки и изменчивы взрослые, как дети. Мы можем наблюдать, что, когда ребенок становится старше, его оценки явлений и убеждения образуют определенный тип личности, который менее поддается изменению, чем это было в ранние годы. Это явление объясняется рядом причин.

Первая причина заключается, по-видимому, в природе самих убеждений. В экспериментальных исследованиях было показано, что легче создать новое убеждение у человека, который не имел определенного представления о предмете в прошлом, чем изменить уже существующие представления³³. Этот принцип осознается всеми, что видно из того, какое огромное значение придают люди воспитанию детей. Легче научить детей правильным представлениям с самого начала, чем сначала привить им неправильные мысли, а затем изменить их.

Как только сформировалось твердое мнение и создан определенный образ, образуются тенденции – по крайней мере временно – регулировать и ограничивать дальнейшее изменение в восприятии внешней действительности. Твердые убеждения могут фактически сделать человека слепым в отношении дальнейшего опыта, который мог бы исправить его убеждения. Например, выражение "робкий человек всегда напуган" означает, что этот человек настолько убежден в существовании серьезной опасности, что он фиксируется на реальных и потенциально опасных элементах любой ситуации и преувеличенно реагирует на них вне всякого соответствия с их весом и значением в данной ситуации в целом. Таким образом, качество, известное как робость, означает, что индивид обладает непреодолимо твердым убеждением, что он может столкнуться с опасностями. Он подходит к любой новой ситуации с этими уже сложившимися мыслями об опасности, и под их влиянием этот человек не видит ситуацию такой, как она реально существует. Многие исследования восприятия показывают, как ранее сформировавшееся "умонастроение" субъекта имеет тенденцию

ограничивать и искажать то, что человек фактически видит и слышит в новой для него ситуации¹⁴.

Вторая и главная причина замедления темпа изменения личности заключается в том, что, когда индивид созревает, он включается в определенный образ жизни. Чем старше становится обычный человек, тем больше материальные интересы, а также сложившийся характер связывают его со своим классом и конкретным способом существования. Так как наши психические свойства, оценочные суждения, побуждения и чувства являются отражением конкретной жизнедеятельности, изменение мировоззрения или понимания объективной действительности означает значительно больше, чем просто "изменение ума". Серьезное изменение нашего мировоззрения предполагает определенное изменение в нашей практической деятельности и в наших отношениях с другими людьми. В конечном счете значение и постоянство идей и оценочных суждений, то есть стойкость данного типа личности, обусловлены тем фактом, что эти идеи и оценки отражают материальные условия и общественную практику данной личности.

Благодаря целому ряду весьма важных причин в нашей жизни нелегко изменить практическую деятельность, характер работы, материальные условия и тип взаимоотношений с людьми. Мужчина или женщина могут упорно работать в течение всей своей сознательной жизни и не быть в состоянии улучшить свое материальное положение. Человек может быть вынужден оставаться на работе, которая унижает его, или на такой, которая ему не нравится, действует на него угнетающе, или где ему приходится быть с людьми, которых он не любит, просто потому, что он не может заработать себе на жизнь где-нибудь в другом месте. Представитель средних слоев общества, стремящийся поменьше прибегать к конкуренции, быть менее индивидуалистичным и агрессивным, обнаружит, что эти качества постоянно усиливаются самой природой общества и характером его деятельности. Брак и дети также затрудняют рабочим и представителям средних слоев возможность изменить условия их личного существования и их взаимоотношений.

Поэтому при попытке изменить взгляды, оценки явлений и тип личности взрослого человека – в равной мере невротика или здорового индивида – возникает много новых проблем. Эти проблемы не являются чисто "психологическими" по своей природе; в самом деле, они чаще бывают проблемами объективного характера,

включая специфические изменения условий жизни, характера работы, отношений к семье и классовой принадлежности.

Это положение следует особо подчеркнуть, ибо его обычно недооценивают в психиатрии. "Противодействие" невротиков попыткам изменить их поведение описывается Фрейдом, Хорни и почти всеми другими как обусловленное "внутрипсихическими" силами. Однако не может быть сомнения в том, что главная причина, по которой невротикам так трудно измениться, лежит в самом факте их материальных условий существования, а также в том, что они обычно продолжают жить в тех же самых условиях, которые прежде всего и сделали их больными. Любой невротик, который боится людей, может найти тысячи ежедневных примеров жестокости, несправедливости и эксплуатации человека человеком, которые, по-видимому, соответствуют его одностороннему представлению о людях. Человек, который борется против эксплуататорских представлений в своем мировоззрении, обнаружит, что эти представления постоянно усиливаются волчьими законами общественной системы США. Мужчина, который борется против сложившегося у него отношения к женщине с позиции мужского превосходства, обнаружит, что эти качества постоянно усиливаются многими влияниями. Женщина, ведущая субъективную, индивидуалистическую борьбу против угнетения, должна изучить лучшие способы борьбы в атмосфере ежедневного нового опыта такого угнетения. Короче говоря, существующие жизненные связи и обязательства, трудности изменения материальных условий и отношений вместе с повседневной подверженностью новым пагубным воздействиям, несомненно, объясняют значительную долю того "сопротивления", которое невротик обнаруживает при лечении. Недостаточность и неправильность психоаналитической теории также в значительной степени обусловлены "сопротивлением изменениям" со стороны невротиков.

Однако представление о том, что сознание является отражением материального бытия, и мысль, что для изменения сознания мы должны изменить материальное бытие, нельзя применять механически и чересчур упрощенно. Материальное бытие действительно определяет сознание людей в целом, но оценочные суждения, побуждения и другие свойства сознания не прямо и не непосредственно соответствуют материальным условиям жизни данного человека¹⁵. Если бы это было так, человек никогда не смог бы подняться над своим классовым и материальным положением и солидаризироваться с другим классом. Если бы непосредственные

материальные обстоятельства определяли сознание человека, то никогда не случилось бы, что Фридрих Энгельс, который был сыном фабриканта, стал одним из основателей научного социализма.

Мы не можем посоветовать человеку изменить свое материальное положение, для того чтобы изменить свои побуждения и оценки явлений. На практическом опыте мы иногда устанавливаем, что человек, осуществивший материальные изменения, все еще продолжает думать и чувствовать по-старому. Обучением, беседами и воспитательными методами никогда не следует пренебрегать при чисто "объективном" подходе, когда мы хотим произвести серьезные изменения в сознании человека. *Другими словами, так же неправильно игнорировать уровень самого сознания человека, как и, с другой стороны, игнорировать материальные условия его жизни и классовые взаимоотношения.*

Люди дольше всех животных сохраняют способность к обучению и психическому развитию, а также имеют наиболее продолжительный период младенчества и незрелости по сравнению с любым животным; период детства детерминируется как биологически, так и социально, так как этот период в одном обществе весьма существенно отличается от того же периода в другом обществе. В некоторых первобытных обществах дети до 10 лет овладевали многими видами деятельности и формами поведения взрослых людей, включая половые отношения, тогда как в условиях европейской цивилизации период психической незрелости продолжается в течение второго десятка лет и даже до более позднего срока¹⁶.

Даже в Соединенных Штатах период незрелости увеличился на несколько лет в сравнении со временем первых поселенцев. Сотню лет тому назад юноши в 16-17 лет уже женились, сражались с индейцами и строили дома на границе продвижения, между тем как сейчас юноши этого возраста не берут на себя ответственности взрослых людей.

Было даже установлено, что наступление старческой потери памяти и слабоумия может быть отодвинуто и сведено до минимальных размеров, если пожилому человеку предоставить возможность вести полезную и интересную жизнь. Общеизвестным является тот факт, что если крепкий и здоровый мужчина 65-70 лет бросает работу, то он быстро, в течение одного года, становится дряхлым стариком, и что если умирает один из супругов преклонного возраста, то оставшийся в живых скоро после этой смерти тоже становится

дряхлым человеком. Другими словами, сохранение способности развиваться у людей не является чисто биологической особенностью нервной ткани; эта способность зависит в весьма значительной степени от общественных условий жизни индивида.

Весьма распространено убеждение, что женщины якобы становятся неизменными в своих личных качествах и менее способными к дальнейшему психическому развитию в значительно более раннем возрасте, чем мужчины. Если этот факт действительно существует, – а он может быть больше выдумкой, связанной с представлением о мужском превосходстве, чем действительным фактом, – то он, несомненно, связан с общественным положением женщин в нашем обществе. Женские прелести определенно начинают вянуть к тридцатипятилетнему возрасту, а потребность детей в своей матери часто почти исчезает к тому моменту, когда женщине исполняется пятьдесят лет. К этому возрасту видимая общественная полезность обычной женщины приходит к концу, в то время как для многих мужчин в пятьдесят лет начинаются наиболее продуктивные, плодотворные годы жизни; это особенно относится к слою профессионалов-специалистов. Более ранняя остановка в развитии мировоззрения у женщин в сравнении с мужчиной, несомненно, в значительно большей степени является продуктом косности общественных отношений, в которых находится женщина, чем продуктом особых качеств, естественно присущих нервной системе женщины.

Если рассматривать изменение сознания индивида за короткие промежутки времени, например за несколько дней или недель, то эти изменения окажутся весьма незначительными. Новыми, абстрактными идеями можно овладеть быстро, но новые оценки явлений и новые побуждения появляются значительно медленнее. Однако если мы будем рассматривать развитие сознания в течение продолжительного времени, то станет ясно, что наиболее глубокие изменения происходят у взрослых людей за период от шести месяцев до пяти лет. Единственным противоречием этому положению могут быть случаи религиозного обращения или новой ориентации в жизни, которые происходят внезапно, почти за одну ночь; однако фактически эти акты происходят не вдруг. Всегда можно обнаружить длительный период изучения и изменения, который предшествует драматическому качественному изменению.

Сознание взрослого человека не является столь неизменным, как кажется на первый взгляд. Продолжительное сохранение

психических свойств среднего человека обусловлено его жизнью в том же самом обществе, при тех же самых обстоятельствах на протяжении многих лет. Таким образом, взрослый человек постоянно подвергается воздействию тех же самых условий, которые отражаются в его сознании и в первую очередь обуславливают его психические свойства. Однако если на человека будут воздействовать изменившиеся в нужном направлении материальные условия и идеологические и культурные влияния, то взрослый человек, несомненно, сможет значительно измениться. Этот факт имеет решающее значение при лечении психического заболевания.

Часть Вторая
НЕВРОЗ И ЕГО ЛЕЧЕНИЕ

Глава XI

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕВРОЗОВ

Наиболее последовательным теоретическим объяснением основной причины неврозов является то, которое было выдвинуто Фрейдом. Сущность его взглядов сводится к тому, что невроз – продукт вытеснения инстинкта, последнее же происходит оттого, что общество, точнее – семья, во многом препятствует удовлетворению бессознательных половых влечений ребенка. Таким образом, Фрейд утверждал, что невроз вызывается неудовлетворенностью биологических потребностей и что он – продукт обстоятельств, в которых протекало детство.

С некоторыми изменениями, более кажущимися, чем реальными, эта гипотеза до настоящего времени занимала господствующее положение в психиатрии. Хотя некоторые из современных психоаналитиков отказываются от фрейдистской теории инстинктов и даже доходят до утверждения, что невроз порождается "культурой", они, как мы это уже показали, фактически не отходят от теории инстинктов Фрейда и почти не занимаются анализом капиталистического общества. Эта тема почти полностью обходится Хорни, а взгляды Фромма на капитализм односторонни и неточны. Школа Кардинера рассматривает культуру с чисто биологических позиций; ее приверженцы изучают такие вопросы, как отнятие ребенка от груди, уход за ним, приучение кишечника к определенному режиму и тому подобные элементы в жизни детей, но не делают сколько-нибудь значительного анализа объективных общественных условий.

Насколько упорно держится гипотеза Фрейда, наиболее наглядно видно на примере школы Кардинера, но влияние Фрейда ясно оказывается и на всех других психиатрических школах в Америке; причины неврозов они видят в склонности родителей к садизму, в их властности, агрессивной настроенности, в отсутствии с их стороны любви к детям и друг к другу, в психической болезни родителей, в разрушении домашнего очага, разводе и других условиях семейной жизни. Следовательно, общее направление у современных школ то же, что и у Фрейда; как и последний, они делают упор на том, что невроз возникает в годы детства в результате отрицательного влияния родителей на детей.

Одно из главных различий между классической теорией Фрейда и взглядами современных психоаналитиков и психиатров заключается в том, что Фрейд по крайней мере дал последовательное теоретическое *объяснение* невроза, в то время как современные школы все больше и больше переключаются на описание явлений вместо их объяснения. С развитием системы взглядов этих школ данная тенденция стала особенно заметной в произведениях Хорни. По существу, она не выдвигает *теории* невроза; вместо этого она преподносит все большее количество описаний внутренних изменений у невротика, причем описаний абстрактных, в которых почти вовсе не учитываются специфические условия жизни невротика.*

* Фрейд также не учитывал эти специфические условия; он давал чисто биологическое объяснение.

Таким образом, подход Хорни и других современных школ к изучаемой проблеме все в большей мере становится прагматическим и описательным. Вместо аналитической ясности фрейдовских теорий инстинкта современные школы лишь описывают отсутствие родительской любви и всякие расстройства в жизни родителей как причины неврозов. В сущности эти школы представляют разбавленный фрейдизм. Их возврат к теории Фрейда был неизбежен, раз они, отвергнув теорию инстинктов, ничем не сумели ее заменить. Теория отражения чужда главным направлениям американской психиатрической мысли, и мы видели, что характер этих направлений не допускает серьезного анализа или критики капиталистического общества. При отсутствии такого анализа и критики господствующие школы должны были стать на прагматическую, описательную точку зрения, которая не дает возможности проникнуть в сущность невротических заболеваний.

Однако из того факта, что современные школы предлагают лишь описания невроза, а не его объяснение, вовсе не вытекает правильность взглядов Фрейда. Критику его учения надо принять не за неимением ничего лучшего, а потому, что она по существу неоспорима. Все сказанное выше о теориях инстинкта полностью сохраняет свою силу по отношению к современным школам, и мы не можем согласиться с тем, что причиной невроза являются инстинкты. Я считаю, что источники невроза мы сможем открыть только благодаря точному и подробному анализу тех путей, по которым разрушительные условия жизни американского общества

извращают и коверкают сознание людей, подверженных влиянию этих условий.

Прежде чем заняться этим вопросом, мы должны, однако, сделать несколько других критических замечаний по поводу установившегося подхода к причинам невроза. Во-первых, все теории, включая фрейдистскую, чрезвычайно преувеличивают значение жизненного опыта детских лет и не обращают внимания на непрерывное воздействие жизненного опыта на человека, становящегося невротиком. Если бесспорно правильно, что большинство неврозов *зарождается* в деструктивных переживаниях детских лет, то мы в то же время должны категорически заявить: *реально существующий, полностью развившийся невроз является как продуктом деструктивных условий настоящей жизни невротика – и подростка и взрослого, – так и продуктом подобных условий его жизни в детстве.* Получающиеся в конечном итоге извращения сознания, которые мы определяем термином "невроз", являются результатом более или менее постоянного взаимодействия между потенциально развивающимся неврозом и теми условиями жизни, влиянию которых подвергается невротик. В самом деле, определенные подавляющие переживания взрослого могут превратить в невротика и такого человека, у которого детство было относительно хорошим; в то же время другие типы переживания взрослого в состоянии исправить серьезные искажения сознания и преодолеть невроз, который зародился на основе переживаний тяжелого детства.

Тот факт, что школы психоанализа могли допустить такую вопиющую ошибку и сосредоточить свое внимание исключительно на детских переживаниях, рассматривая их как источник невроза, отчасти объясняется той статической философией, в плену которой психоаналитики оставались со времени зарождения психоанализа. Фрейдистская гипотеза инстинктов представляет собой квинтэссенцию статической теории: человеческая природа не меняется, потому что она – выражение неизменяемых инстинктов. Другие школы психоанализа, отвергая теорию инстинктов, впадают в ту же ошибку статичности, как это явствует из того факта, что причину невроза они усматривают в переживаниях раннего детства и уделяют совершенно недостаточное внимание тем обстоятельствам, при которых живет взрослый. Другими словами, они выдвинули теорию вечного движения психической жизни: раз невротическая реакция создалась в годы раннего детства, ей,

очевидно, предназначено сохраняться в течение всей жизни невротика, если только не вмешается психоаналитик или смерть не положит конец этой реакции.

Во-вторых, особо подчеркивая значение аномальных условий семейной жизни, психоаналитики рассматривают их как первичные причины невроза, в то время как эти аномальности семейной жизни являются лишь отражением противоречий и деструктивных условий, существующих вне семьи. Эти условия неотъемлемо присущи экономической системе, которая базируется на эксплуатации человека человеком и существует ради прибыли частных собственников. При своем установившемся подходе к явлениям психиатры, однако, не замечают этого; они концентрируют все свое внимание на проблемах семьи, которые представляют собой лишь симптомы и внешние проявления подлинных причин невротической болезни. *Главный источник невроза находится вне семьи;* сосредоточивая свое внимание на проблемах семьи, психоаналитики имеют дело с внешней видимостью предмета, а не с его сущностью.

Сосредоточение внимания психоаналитиков на детских годах объясняется также тем, что они не придерживаются материалистической теории отражения. Им чужда идея, что мысли и влечения невротика являются лишь искаженными отражениями условий, в которых он действительно живет в данное время. Это ведет к тому, что в стандартном перечне причин невроза особо подчеркивается значение психических качеств и всего аномального в личности родителей невротика, но не обращается внимания на те условия капиталистического общества, которые в конечном счете и вызвали расстройство личности и поведения. Прямым результатом этого недосмотра психиатров является то, что они упустили из виду объективные, материальные условия жизни невротика в данное время. Проблемы, вставшие перед пациентом, они объясняют характером личности его родителей; проблемы последних были вызваны, вероятно, психическими аномальностями их бабушки и дедушки – и так до бесконечности. Происхождению невроза дается, таким образом, исключительно психическое и субъективное объяснение.*

* Апелляция к психическим причинам – в данном случае психическим аномальностям родителей – для объяснения невроза представляет собой психиатрическую разновидность идеализма. Идеализм – метафизическая философия, происходящая, в конечном итоге, от религии. Идеализм имеет много разновидностей, но все они сводятся в основном к одному и тому же: к

утверждению, что бог, дух или некая универсальная идея первичны, а мир реальности, безусловно, вторичен и управляется нематериальной, духовной сущностью. Идеализм допускает и такое толкование, что ощущаемый нами мир существует не реально, а лишь в наших мыслях, а также что этот мир непознаваем или не имеет серьезного значения, ибо важно лишь то, о чем мы думаем в каждый данный момент. Идеализм, прямо или косвенно, отрицает возможность существования объективной истины. Идеализм – антитеза научному подходу, ибо наука базируется на проверенном опыте, положении, что реальный мир существует, что он имеет свои собственные законы, которые существуют независимо от нас, но могут быть открыты и использованы нами. Когда идеализм применяется к общественным наукам, то в результате появляются разнообразные объяснения общественного развития, причем все они отрицают то, что развитие истории и народов направляется объективной необходимостью, и утверждают, что история движется исходящими из нас духовными, или мистическими, силами, которые происходят не из каких-либо материальных источников, а из вечной внутренней природы человека. Сущность идеализма в области психиатрии состоит в том, что поведение человека рассматривается как управляемое такими чисто психическими силами, которые или вовсе не имеют отношения, или же имеют лишь случайное отношение к объективным условиям жизни, например к питанию, здоровью, условиям жизни и работы, экономическим силам и политическим условиям. Следовательно, по мнению психоаналитиков, поведение и мысли человека имеют своим источником самого человека или некую часть его ума, которая является "бессознательной" и тем самым совершенно изолированной от проникновения влияний, исходящих от реального мира, существующего вне нашего мозга; согласно психоаналитикам, мысли и поведение возникают исключительно в порядке реакции на самих себя или же в качестве реакции на мысли и личность кого-нибудь другого. Такой ход рассуждений ведет к чистой мистике; это можно проиллюстрировать многими примерами из области психиатрии. Даже д-р Хорни, "культурный" психоаналитик, постулирует разные внутренние стремления к "реализации данных человеку возможностей" и т.д.; в своих поисках источников развития и добра в человеческой природе она все чаще ссылается на буддизм, даосизм, на Кьеркегора, Бергсона и других мистиков.

Бедность, смехотворность и антинаучный характер идеалистических течений в психиатрии, пожалуй, яснее всего выступают в тех статьях психиатров, в которых обходятся молчанием все экономические и политические причины напряженного положения в мире и в то же время доказывается, что войны, политические конфликты и внутренние социальные проблемы возникают в результате неправильных методов воспитания детей и, таким образом, незрелых взрослых людей, психически агрессивных и неспособных к сотрудничеству с другими людьми (см. Leon Saul, *The Individuals Adjustment to Society*, "Psychoanalytic Quarterly", vol. 18, №2, 1949).

В последние годы Эрих Фромм в своей книге "Бегство от свободы" дал разительный пример идеалистического подхода. Его основной тезис сводится к тому, что фашизм и коммунизм вызываются психическими причинами; современный человек, видите ли, не может больше выносить свою "свободу", поэтому он стремится к диктатуре, чтобы покончить с нетерпимым напряжением, от которого страдает его психика!

В отличие от психоаналитиков мы отрицаем, что ранний жизненный опыт является единственной, решающей причиной невроза. Мы также будем отрицать, что невроз имеет психические или эмоциональные причины. Логически из всего изложенного нами выше следует, что невроз является интенсивным отражением в практике и сознании данного больного индивида известных крайне индивидуалистических, деструктивных, антисоциальных качеств, порожденных специфическими сторонами общественной системы, в условиях которой живет данный человек. Другими словами, невроз возникает, когда определенные отрицательные качества человеческих отношений при капиталистической системе находят свое интенсивное отражение в сознании и поведении данного человека.*

* Читателю, который не очень сведущ в вопросах политической экономики, я хотел бы указать, что такие деструктивные качества характерны не для всех человеческих отношений в капиталистическом обществе. Эти свойства возникают на совершенно определенной классовой основе, их источник – в эксплуатации, жестокости, обмане, антидемократической практике – одним словом, во всем том, что неизбежно имеет место, пока выгодно эксплуатировать людей в целях частной, индивидуальной прибыли. Другими словами, те идеи, практика, мораль и человеческие отношения, которые оказывают деструктивное влияние на людей и, в конечном счете, являются причиной многих психических заболеваний, происходят не от эксплуатируемого класса, не от трудящихся. Они исходят от класса капиталистов, а также от средних слоев общества – в той мере, в какой последние помогают и содействуют капиталистам и участвуют в эксплуатации трудового народа.

Невроз – это сложный комплекс, диалектический цикл, начало и конец которого связаны с расстроеными, неудовлетворительными человеческими отношениями. В последующем изложении мы попытаемся показать, как этот цикл начинается и развивается.

В предыдущих главах, посвященных вопросам брака, семейной жизни и воспитания детей, было показано, как много проблем и тревог окружает наших детей. Были указаны различные источники происхождения этих проблем:

- a. необеспеченное положение ребенка как члена семьи, не приносящего дохода и прибыли;
- b. обособленный, индивидуалистический метод воспитания детей, создающий крайнюю их зависимость от семьи, в которой они растут;

- c. натянутые отношения и конфликты, существующие внутри самой семьи, вызываемые борьбой между мужем и женой, как неизбежное следствие угнетенного положения женщин;
- d. прямое воздействие на сознание ребенка фактов насилия, эксплуатации, конкуренции, обмана, эгоизма; экономические проблемы, страх перед войной. Все это доходит до ребенка через посредство игр и игрушек, комиксов, телевидения, радио и кино, а также в школе и на спортплощадке.

Детство было описано как в основном трудный, тревожный, беспокойный период жизни. Этот факт более чем легко подтвердить, если мы присмотримся к семьям наших соотечественников. Почти в каждой из знакомых нам семей мы наблюдаем у детей заиканье, недержание мочи, сосание большого пальца, несамостоятельность в результате чрезмерно подчиненного положения в семье, кошмары, школьные конфликты и другие подобные трудности.

Эти трудности периода детства мы не можем приписывать тому, что все родители якобы являются невротиками или что они деспотичны и собственнически жадны. В основном все эти проблемы возникают потому, что родители невольно приняли на себя одну из самых трудных задач – задачу ввести новых граждан в общество, которое характеризуется многими проявлениями насилия и беспокойства и которому свойственно много неразумного. Ни один ребенок не может вступить в такое общество, не пройдя через суровые испытания.

Тем не менее большинство детей, достигнув зрелого возраста, не становятся вполне определившимися невротиками, хотя, как правило, большая часть взрослых, по крайней мере в какой-нибудь сфере своей жизни, действительно проявляют причуды, эксцентричность, умственную ограниченность и слегка неразумное поведение. В самом деле, человек с безусловно здоровой психикой – редкое явление; на своем опыте я убедился в том, что легче найти человека с совершенным физическим здоровьем, чем с совершенной психикой.*

* Хотя столь многие из нас имеют свои психические трудности и отличаются теми или иными формами психического недомогания, неправильно было бы утверждать, что "каждый человек – невротик". Говорить так – значит лишить этот термин его подлинного смысла. Слово "невротик" – клинический термин, который должен применяться только к человеку, определенно, доказуемо больному. В противовес обычному человеку, который, несмотря на известные ограничения, представляет собой личность, невротик вообще таковой не является или же, если в ограниченной степени остается ею, то ценою огромных усилий и терзаемый всевозможными страхами, сомнениями,

принудительными импульсами и другими симптомами болезни.

Не замечать тех больших качественных различий, которые существуют между психическими трудностями обычного человека и настоящего невротика, значит допускать крайнее упрощенчество. Называть каждого невротиком, следовательно – психически больным, значит утверждать, что люди в целом не в состоянии справиться с самими собою и не могут разумным образом устроить свою жизнь. В лучшем случае это означает совершенно ненаучный, неразборчивый подход к человеческим проблемам, а в худшем случае – злоупотребление психиатрией в реакционных целях. Точка зрения, согласно которой каждый человек – невротик, ведет к заключению, что невроз – причина наших социальных неустойчивостей и что психиатрия – средство лечения от войн, безработицы, дискриминации национальных меньшинств и т.д.

Человек, который психически болен, настоящий невротик, имеет жизненный опыт, отличный от опыта обычного человека, в психике которого проявляются лишь известная эксцентричность и незначительная неразумность. У большинства невротиков этот своеобразный опыт фактически начинается в годы детства, хотя клинический характер невроза приобретает лишь тогда, когда данный человек становится взрослым.

Важно, однако, при этом уточнить, что различие между жизненным опытом, вызывающим невроз, и тем опытом, который вызывает лишь обычные причуды, недостаточно изучено. В целом вопрос о психическом развитии детей – как нормальных, так и ненормальных – остается весьма неясным. Такое отсутствие знаний объясняется тем, что психиатрия и психология находились под влиянием ошибочных теорий, в результате чего неправильными были как направление, так и тематика и цели проводимых исследовательских работ. Поэтому весь процесс развития в годы детства и, в частности, причинная обусловленность проблем поведения как следует не установлены. Богатый экспериментальный материал большей частью испорчен неверными теориями, и весь он должен быть тщательно проанализирован, подвергнут переоценке, прежде чем его можно будет признать точным. Недостаточность точного теоретического и экспериментального материала объясняет краткость нашего дальнейшего разбора проблем развития и структуры невроза и известную предположительность выводов, к которым мы приходим. В новой еще области исследования мы хотели бы наметить направление дискуссии и дальнейшего развития исследовательской работы.

Анализ клинических наблюдений показывает, что, как правило, ребенок, который в дальнейшем стал невротиком, приобрел в своей

семье худший опыт, чем нормальный ребенок. Этот опыт связан или с распадом семьи, или же с тем, что родители действительно были агрессивны настроенными, чрезмерно придирчивыми, психически больными. Характер опыта, который приобрел ребенок в семье, бесспорно, имеет весьма важное значение для формы и направления его дальнейшего психического развития. Все это мы, однако, правильно поймем лишь в том случае, если не будем забывать, что семья действует как орган, при помощи которого социальные противоречия влияют на каждого человека, начиная с его рождения. Решающим в этом деле является не психика и поведение родителей как индивидов, а природа тех особых аспектов капиталистической идеологии, морали и практики, которые родители передают детям.

Вся сила воздействия деструктивных необеспеченных условий жизни на психику ребенка выступает очень наглядно на примере жизни сироты или ребенка, случайно вынужденного жить у чужих людей. Как правило, ребенок в таких случаях действительно встречает равнодушное отношение к своим материальным и психическим потребностям, от которых зависит его благополучие. Он часто прямо и непосредственно испытывает на себе многие виды дурного обращения. Такое положение может оказать неблагоприятное влияние на его питание, здоровье, воспитание, на возможности участия в жизни общества; в наше время такой ребенок может стать также объектом для сплетен, унижения и презрения, а в лучшем случае его будут лишь терпеть, рассматривая как нежелательного, незваного гостя.

Дело здесь не в том, что ребенок испытывает "эмоциональные влечения" "отсутствие любви" или "отсутствие фигуры отца"; суть в том, что он с ранних пор и непрерывно испытывает дурное, бесчеловечное обращение и лишения, то есть подвергается тем деструктивным влияниям, в которых отражаются неприглядные стороны капиталистического общества. Таким образом, ребенок из совершенно распавшейся семьи слишком часто сталкивается с целым рядом пагубных переживаний в такой период своей жизни, когда он еще не приобрел себе союзников, необходимой уверенности в себе, нужных знаний общественных условий и не овладел еще приемами и способами самозащиты. Обычный индивид многому научается, живя под крылышком своих родителей; сирота же, если сможет, должен научиться всему этому, пройдя школу весьма тяжелых жизненных уроков.

Сходный до некоторой степени, но обычно менее вредный жизненный опыт выпадает на долю детей, родители которых либо разошлись, либо кто-нибудь из них умер, долго болел, был безработным, подвергался политическим преследованиям и т.д. В таких случаях, как и в случаях с сиротами, *неустойчивое и необеспеченное положение ребенка в нашем капиталистическом обществе вообще усугубляется фактом недостаточной защиты детей из расстроенных и распавшихся семей.* В результате жестокие, деструктивные условия нашего времени сказываются на этих детях более непосредственно и более интенсивно, чем на детях, которые находятся под защитой нормальных семейных отношений.

Фактический распад семьи – это не единственное условие, при котором указанные факторы могут прямо и непосредственно воздействовать на ребенка через семью, в которой он живет. Это происходит и там, где между родителями происходят частые ссоры и столкновения. Плохо сказывается на детях психическая болезнь одного или обоих родителей, а также наличие у них таких порочных качеств, как бесчестность, садизм, деспотизм, агрессивность, или каких-либо других деструктивных свойств, которые в условиях нашей общественной системы наблюдаются у многих людей. Подобная атмосфера в семье или наличие у родителей подобных качеств несомненно оказывают деструктивное влияние на детей, что может привести к развитию у них невроза.

Но не постулируем ли мы опять психические и индивидуальные причины невроза? Нет ли тут противоречия с нашим основным тезисом, что материальные, а не психические факторы являются первичной причиной невроза?

Нет, никакого противоречия здесь нет. Через поведение своих больных, сварливых, деструктивно влияющих родителей ребенок подвергается воздействию такой практики, идей, моральных установок и мотиваций, которые отражают и усиливают отрицательные аспекты человеческих отношений при капитализме. Ребенку преподносят уроки эгоизма, индивидуализма, мужского превосходства, эксплуатации, агрессивности и т.д.; семья непосредственно передает ребенку всю эту практику и такие моральные установки. Таким образом, через поведение своих родителей ребенок подвергается двойному влиянию сугубо деструктивных условий. Он подвергается этому влиянию и в семье и вне семьи, причем более счастливые дети подвергаются такому влиянию в ранние годы своей жизни главным образом вне семьи.

Суть сказанного выше о расстроенной и распавшейся семейной жизни такова: извращение сознания может начаться тогда, когда ребенок подвергается особенно сильному влиянию порочной практики и идеологии, присущих нашей, построенной на конкуренции, экономической системе, при которой жизнь протекает по закону джунглей. Это может произойти в случае либо полного, либо частичного распада семьи вследствие различных внешних причин и событий, или же этот яд может передаваться ребенку через поведение его родителей.

Дети очень чутко реагируют на условия жизни дома и в школе, на окружающее их общество. Отсюда следует, что у ребенка, неоднократно подвергавшегося влиянию условий того типа, о котором говорилось выше, начинают складываться определенные взгляды и суждения о характере людей и природе отношений между ними. В то же время, пытаясь бороться с такими переживаниями, ребенок пробует вести себя по-разному. Он либо сам перенимает поведение у кого-нибудь из знакомых ему людей, или же это поведение навязывается неподвластными ему условиями. Так или иначе, это поведение находит в дальнейшем отражение в сознании ребенка; оно влияет на складывающиеся у него взгляды на социальную действительность, на его оценочные суждения, на его влечения и эмоции.

Раз в сознании ребенка сложилась односторонняя система поведения и взглядов, эта определенная система будет иметь тенденцию сохраняться и укрепляться благодаря постоянному влиянию на ребенка – как в семье, так и вне ее – тех самых условий, которые эту систему создали. К примеру, ребенок, бывший свидетелем насилия и эксплуатации в своей семье, со временем будет во все более широком масштабе встречаться с этими явлениями и сможет узнать по своему собственному опыту нашу социальную систему – сначала в школе, потом на работе.

В то же время, раз такая определенная система поведения у человека сформировалась, ее не так легко изменить, проще было бы усвоить с самого начала какую-нибудь другую систему. Данное положение особенно верно в том случае, если значительным элементом системы является страх, ибо страх – это один из тех элементов сознания, которые труднее всего преодолеть. (Это, вероятно, происходит оттого, что страх порождается особенно горьким и тяжким опытом, а также потому, что в современной жизни имеется много объективных

причин для страха, которые влияют и на здоровых людей, но еще сильнее действуют на человека, который уже охвачен страхом).

Хотя мы вполне понимаем, что невозможно проводить строгое разграничение между компонентом идеологии и компонентом поведения, из которых эвентуально составляется невроз, необходимо, однако, в данном случае их разделять в целях лучшего рассмотрения вопроса.

Соответственно своему деструктивному опыту ребенок начинает делать определенные выводы о жизни и людях. Правда, эти выводы не сформулированы с той точностью и ясностью, с той степенью самосознания, которые характерны для мышления взрослого человека, но они от этого не перестают быть выводами, и мы их должны считать таковыми. Следовательно, ребенок, который становится больным, живет в странном, полном опасностей мире, в том мире, *каким он его видит и понимает*. Он начинает обобщать свой ограниченный опыт и имеет склонность рассматривать людей преимущественно как жестоких, опасных, придирчивых, могучих, вредных – в зависимости от особенностей своего конкретного опыта. На основе такого специфического опыта отношений с определенными людьми и жизненными условиями ребенок создает обобщенное понимание жизни, предчувствуя, что другие люди будут вести себя точно так же, как те, с которыми он уже встречался. Его выводы, будучи весьма точными в отношении тех специфических людей или ситуаций, которыми они были вызваны, неправильны в отношении жизни в целом и в отношении всех людей, с которыми ему приходится сталкиваться. Ребенок этого не понимает, и неясно, как он мог бы это понять. Следовательно, он и в самом деле начинает создавать неправильные представления о жизни.

Одним из главных результатов дурного обращения с ребенком является то, что в нем зарождаются чувства страха, обиды и враждебности. Поскольку в нашем обществе всем без исключения приходится в какой-то мере пережить что-то дурное, то в какой-то степени страх перед людьми следует рассматривать как всеобщий аспект нашего сознания. Однако страх, возмущение и враждебность, составляющие основу невроза, по природе своей более интенсивны, чем обычные страхи у людей, ибо они соответствуют более горькому опыту, который пришлось испытать невротик. Любой подросток, которого непрерывно унижают, эксплуатируют, сурово наказывают, чересчур резко ругают или же каким-нибудь другим образом дурно с ним обращаются, неизбежно вырабатывает в себе отрицательное,

боязливое отношение к людям, которые так с ним поступают. В таких условиях возникает состояние недоверия и неуверенности; может возникнуть боязнь быть отвергнутым, выброшенным, униженным, оскорбленным, а также чувствительность к критике.

Одной из наиболее характерных черт детских страхов является то, что они часто ограничиваются поверхностной видимостью явлений. Ребенок не может разобраться, в чем в действительности корень зла в его жизни, поэтому его страхи часто принимают неясную, неопределившуюся форму или же они фиксированы на каком-нибудь конкретном предмете и ситуации, которые в глазах ребенка таят в себе опасность. Таким образом, ребенка может одолевает страх перед животными, микробами, грязью, перед мостами и возвышенностями, автомобилями, огнем, темнотой и другими довольно безобидными ситуациями и предметами. При данном уровне детского понимания эти страхи являются искривленным отражением тех вредных условий, которые его окружают. Подобным же образом воспринимаемый ребенком факт, что для него нет места в мире взрослых и что его потребности остаются без внимания, может найти свое отражение в чрезмерной потребности во внимании, в зависти ко вниманию, которое оказывается другим, в усиленном соперничестве со своими братьями и сестрами и т.д.

Дальнейшим и весьма важным результатом этого деструктивного опыта является его влияние на уверенность ребенка в себе, на его суждение о своей собственной ценности. Уверенность в себе создается в основном не способностью умело обращаться с вещами и предметами; в самом деле, мы часто наблюдаем людей, которые очень хорошо справляются с тем или иным видом работы и тем не менее страдают от убеждения в своей неполноценности. В конечном счете степень уверенности, с которой какой-либо человек смотрит на мир, непосредственно зависит от отношения к нему других людей, а также конструктивной или деструктивной природы той позиции, которую он занимает в обществе. У нас вырабатывается такая оценка самих себя и своих достоинств, которая соответствует нашей видимой общественной значимости, ибо наши качества как людей существуют только в отношении к другим людям. В конечном итоге единственным критерием суждения о самом себе является то, как мы проявляем себя в глазах общества.

Взрослый человек может выдержать ряд вредных для него отношений и условий, и у него не разовьется чувство неполноценности, особенно если он понимает угнетающую роль

экономических и классовых сил. Ребенок же редко оказывается в состоянии понять подлинные причины плохого обращения с ним. Если ребенок подвергается такому обращению, у него начинает вырабатываться мнение о себе, соответствующее характеру обращения с ним других людей. Ребенок может сердиться, может разными способами бороться против испытываемых им в жизни несправедливостей как дома, так и вне дома. Тем не менее в нем неизбежно будет расти терзающее его чувство своей неполноценности и будет отсутствовать уверенность в том, что он занимает подобающее место в обществе. *В основном отсутствие уверенности в себе самом определяется неумением понять других людей.* Если в жизненно важных для него социальных условиях результаты редко бывают благоприятными для ребенка, то перед лицом любых новых условий у него возникнет предчувствие, что дело опять пойдет плохо. Другими словами, он боится этих новых условий, у него не хватает уверенности, что он способен добиться успеха, и у него нет уверенности в других людях. Поэтому чувство неполноценности равносильно неизменному, опирающемуся на предшествующий опыт ожиданию неприятности от любой новой общественной ситуации, недоброжелательности или обид от других людей. Такое состояние ожидания часто конкретизируется во многих различных формах. У ребенка может, например, возникнуть убеждение, что он не понравится другим людям, потому что он глуп, некрасив, слишком мал ростом, чересчур худой и т.д. Раз уже сложилось такое унижающее себя мнение, оно может принять всевозможные формы и подкрепляться большим количеством более или менее правдоподобных соображений. Часто случается, что действительный, но небольшой недостаток, не имеющий серьезного значения, в глазах ребенка принимает преувеличенные размеры, превращаясь в такой крупный дефект, который, по его мнению, заставит всех и каждого недоброжелательно относиться к нему.

Придавая преувеличенное значение своим дефектам и недостаткам, ребенок тем самым начинает неправильно понимать себя самого, у него начинают складываться ошибочные представления о своих способностях и об общей своей ценности как личности. Он также – что весьма вероятно – будет применять свои неправильные критерии личной ценности к другим людям, так что у него создастся общее искаженное суждение о людях. Если эти различные ошибочные представления не будут исправлены по мере накопления опыта, то ребенок может достигнуть зрелого возраста с сознанием, испорченным всякого рода путаницей и недоразумениями.

Подводя итог, можно сказать, что ограниченный, но разрушительно действующий опыт ребенка, с которым дурно обращаются, предопределяет оценку им других людей и самого себя. Таким образом, у ребенка развивается система взглядов в форме различных идей, суждений, чувств и побуждений, которые соответствуют его опыту. Это односторонняя система, склонная к эгоизму, агрессивности, индивидуализму, мужскому превосходству и тому подобным явлениям, отражающим деструктивную сторону людских отношений при капитализме. Сформировавшаяся система взглядов ребенка в значительной степени определяет понимание им новых ситуаций и его реакции на них. Если он способен видеть их такими, как они есть, его реакции будут совпадать с тем, что требуется обстановкой; если же он эти новые ситуации воспринимает и понимает неправильно, то его реакции не будут соответствовать обстановке. Последнее часто имеет место тогда, когда под влиянием опыта в нем развивается одностороннее понимание жизни. Поэтому его искаженная система взглядов, в более широком смысле – его искаженное сознание, крайне отрицательно влияет на его дальнейшую деятельность. Клинический опыт показывает, что подобную искаженную систему взглядов можно найти у любого невротика.

Учтем, что ребенок – это не пассивный объект, который, подобно куску глины, приобретает ту или иную форму под давлением жизненного опыта. Ребенок, с которым плохо обращаются и которому причиняется вред целым рядом тяжелых обстоятельств, активно борется, защищая себя от обрушивающихся на него невзгод. Пытаясь наилучшим образом совладать со своими трудностями, ребенок почти непрерывно пробует разные приемы и методы самозащиты, которые должны уменьшить страдания и дать ему возможность жить и действовать в весьма трудной обстановке. Поскольку это методы защиты от других людей, в них можно установить какой-то социальный элемент, обычно в форме агрессивности, обмана, хитростей, попыток избегать людей или задабривать их. В каждом данном случае самый успешный из этих методов становится стабильным элементом поведения ребенка. В конечном счете сами по себе эти методы и приемы в дальнейшем оказывают влияние на сознание ребенка, находя свое отражение в соответственных моральных установках, влечениях и эмоциях.

Материалы и статьи по вопросам психиатрии обычно неясно и неопределенно трактуют вопрос о происхождении разных средств, применяемых детьми в целях самозащиты. Каким-то мистическим

образом они якобы возникают на чисто психической внутренней основе. Я думаю, однако, что защищающиеся от трудностей ребенок или взрослый невротик строят свое поведение в соответствии с тем, чему их научила конкретная практика в непосредственно окружающем их мире. Невротик вырабатывает свой способ жить и мыслить, исходя не из какого-то воображаемого внутреннего мира, а научается этому способу под воздействием окружающей его социальной среды или же копирует что-то из нее. При всей ее сложности, психодинамика может быть понята только как отражение реальных жизненных ситуаций, как отражение подлинной деятельности, которую люди должны проводить благодаря специфическим условиям их социального, экономического и политического бытия.

Главное противоречие нашего общества предопределяет противоположный образ жизни людей в нем. Взаимоотношения сотрудничества, складывающиеся в процессе производства, создают прочную основу для выработки положительных человеческих качеств. Этому, однако, противостоят многие формы антисоциальной практики, возникающие из борьбы за частнособственническую прибыль. Таким образом, каждый из нас находится под постоянным воздействием самых разнообразных антисоциальных форм поведения, различных видов обмана и хитрости. Поэтому подросток под воздействием испытываемых им трудностей неизбежно усваивает кое-какие из таких приемов для своих целей; это происходит прежде всего потому, что он действует в порядке реакции на окружающие его особо деструктивные условия. Естественно, что свою линию поведения подросток вырабатывает на основе наблюдений за различными формами поведения окружающих его людей, особенно учитывая при этом характер и формы поведения людей в отношении его самого.

Каково бы ни было – по типу и по форме – поведение ребенка, оно является отражением того опыта, который он пережил в условиях нашей социально-экономической системы. Ребенок усваивает какой-нибудь тип поведения, вносит туда свои индивидуальные поправки и создает свой собственный вид действия и мышления. Его сознание и поведение становятся односторонними, тяготея к индивидуалистической, деструктивной практике и этике капиталистической жизни. Таким образом, эксплуататорские условия жизни и практика нашей экономической системы находят свое индивидуальное отражение в мышлении и поведении детей. Психиатр, стремящийся понять истоки невротических недугов,

убеждается в том, что их надо искать в фактах насилия, эксплуатации, мужского превосходства, обмана, индивидуализма и в других антигуманных явлениях. Именно эти стороны нашей социально-экономической системы, перенесенные на личное поведение, создают наиболее деструктивные по своему характеру личные отношения, разрушая социальное единство, благополучие и препятствуя конструктивным действиям.

Ребенок, который с раннего возраста растет в атмосфере расстроенной или полностью распавшейся семьи, при вступлении в критический период юности сталкивается с такими трудностями и препятствиями, которых не знают дети, выросшие в более благоприятной атмосфере.

Юность – это один из решающих переходных моментов в жизни. Она означает революцию в жизни индивида. Это время огромных качественных изменений в организме человека, в его психических свойствах, в его общественных отношениях; резко меняется его ответственность как будущего гражданина. Надо думать, что в любом обществе период юности является, вероятно, более или менее трудным периодом жизни, но в Соединенных Штатах он особенно труден, потому что здесь подросток впервые начинает прямо испытывать на себе многие из наиболее вредных условий, характерных для нашего мира. До этого момента трудности жизни затрагивали его более или менее косвенно – через его семью, через поведение его родителей, через школу. Но в период юности он куда более непосредственно сталкивается с эксплуатацией и конкуренцией. При рассмотрении трудностей, перед лицом которых оказывается подросток, мы должны рассматривать это обстоятельство как решающее.

По достижении примерно двенадцатилетнего возраста каждый новый год жизни подростка приносит с собой дополнительное бремя ответственности, более широкие общественные связи и новые трудности. С каждым годом труднее становятся проблемы, с которыми сталкивается ребенок, более серьезной становится цена, которой приходится платить за ошибки, недостатки и неудачи. По окончании начальной школы значительное количество детей вынуждено поступать на работу; таким образом, они в возрасте четырнадцати-шестнадцати лет как бы выбрасываются в сумятицу экономического мира взрослых. Если подросток будет продолжать свое образование в средней школе, то здесь конкуренция в области

учебы окажется более жесткой, наказание за неудачи – большим, чем в начальной школе, а в высшей школе – большим, чем в средней.

За время обучения в школе подросток должен принять важное решение о характере своей будущей экономической деятельности. Выбор курса учения определяется не просто тем, к какой науке данный подросток испытывает влечение; очень часто это равносильно выбору будущего рода занятий.

За исключением военных лет и следующих за ними периодов экономического процветания, каждый, кто входит в мир экономики, должен выдерживать конкуренцию с большим количеством безработных, также ищущих работы. Эта обстановка делает еще более трудной задачу зарабатывать себе на жизнь, особенно в той области, в которой подросток собирается работать. Постоянная отраслевая безработица означает, что молодой человек должен пробивать себе дорогу в условиях такой экономической системы, которая не имеет определенной потребности в нем и не имеет для него обеспеченного места. Часто он чувствует себя счастливым, если вообще находит работу, не считаясь уже с тем, нравится ли ему эта работа и достаточно ли хорошо она оплачивается. Молодая женщина еще более ограничена в выборе работы и возможности получать плату, соответствующую ее труду. Молодой негр может буквально совсем не находить себе работы, за исключением работы лакея или чернорабочего.

Так или иначе, эти экономические проблемы и необеспеченность играют первенствующую роль в создании у молодежи "психологических" трудностей или в обострении тех, которые уже существуют. Вдобавок юноши сталкиваются теперь с необходимостью ломки своей жизни в результате призыва в армию; по имеющимся данным, среди учеников старших классов средней школы и среди студентов колледжей в наши дни нередкими являются настроения безнадежности и ненужности, потому что грозящая перспектива военной службы ломает все их нормальные планы и надежды.

В последующие годы перед молодыми гражданами встают проблемы знакомства с противоположным полом. В 20-25 лет обычно возникают проблемы брака и того тяжелого экономического и общественного бремени, с которым связано устройство семейной жизни. Эти проблемы принимают различные внешние формы для

молодых людей и молодых женщин, но они достаточно трудны для обоих полов.

Под влиянием Фрейда классическая психиатрия в значительной степени рассматривала трудности, переживаемые юношей и девушкой как психические, концентрирующиеся вокруг развития половой зрелости, и трудности освобождения от привязанности к родителям. Такая формулировка вопроса изображает, однако, все наоборот. Проблемы отделения от семьи рассматривались с чересчур субъективных позиций, и их значение было преувеличено совершенно несоразмерно с теми реальными социальными проблемами, о которых говорилось выше. Если бы в экономическом мире взрослых имелось обеспеченное место для юношей и девушек и если бы этот мир не был столь ненадежным, то трудностей "отделения" от семьи было бы значительно меньше.

Далее, половые проблемы юноши и девушки по своей природе не являются ни инстинктивными, ни биологическими. Это только видимость вопроса. Правильно, что подросток достигает половой зрелости; но разве этот факт вызывал бы серьезные осложнения, если бы наш мир был устроен по-иному? Разве половой вопрос стал бы такой огромной проблемой для подростка, если бы этот вопрос не был окружен таким большим количеством предрассудков и мистификаций? Разве половой вопрос стал бы серьезной проблемой, если бы отношения между мужчинами и женщинами были построены на основе равноправия и семейная жизнь имела более здоровую основу, чем сейчас?

В большинстве случаев половые проблемы подростка представляют собой проявления, в той или иной форме, напряженности и противоречий, которые вообще существуют в отношениях между мужчинами и женщинами в нашем обществе. Какие бы специфические половые проблемы ни вставали перед подростком, они, конечно, непомерно раздуваются из-за реальных трудностей, которые испытывает подросток в связи с тем, что он начинает трудиться, как взрослый, и вступает в соответствующие общественные отношения. Следовательно, главные трудности подростка по природе своей не являются половыми, хотя внешне они и кажутся таковыми; это проявления куда более существенных социальных проблем, и они в значительной степени исчезнут, когда благодаря более научной организации общества переход подростка к жизни взрослого станет более легким и более гарантированным. Юность – это такой период глубокого кризиса, который проявляется

в реальных проблемах и условиях жизни любого молодого человека. Эти новые проблемы особенно сильно влияют на того подростка, у которого уже сложился односторонний взгляд на жизнь и антисоциальная линия поведения, что является помехой дальнейшему его развитию. Такой молодой человек еще не является психически больным в подлинном смысле этого слова, но, *если данный подросток не приобретет новый жизненный опыт, не встретится с новыми отношениями конструктивного, положительного характера, динамика событий может вызвать у него еще большие извращения разума.*

Из-за ранее сформировавшихся неправильных представлений и искаженного понимания социальных ценностей, а также из-за неверного поведения наш юноша, стремящийся преодолеть трудности, будет все больше и больше сталкиваться с препятствиями в разрешении новых проблем своей жизни, уже будучи взрослым. Его отношения с другими людьми становятся сложными, трудными, и он их не понимает. Далее, в умении правильно вести себя в обществе, в конкретных достижениях, в успехах в работе и в личных отношениях – во всем этом он может отставать от своих более здоровых сверстников.

В это время наш потенциальный невротик вступает в самый решающий период. В тот период жизни, когда человеку примерно тридцать, он обычно начинает терять те материальные возможности, которые позволяют ему без затруднений начинать любую деятельность и создавать семью. В тридцать лет переменить профессию не так легко, как в двадцать, еще труднее это сделать в сорок лет, а в пятьдесят это практически и вовсе невозможно. У взрослого человека ошибки, допущенные либо по недосмотру, либо сознательно, оказываются значительно серьезнее, чем раньше, – они начинают играть все большую роль.

Таким образом, в возрасте двадцати-тридцати лет ограниченность возможностей человека приобретает все большее значение, образ жизни начинает приобретать застывшие формы, и его уже нелегко изменить. Из-за запутанности и неосвязаемости встающих перед человеком трудностей усиливающиеся неудачи на его жизненном поприще начинают казаться ему все более устрашающими и зловещими. Пораженный болезнью человек не имеет правильного представления о том, что с ним происходит и что ему следует предпринять. Болезнь очень часто прогрессирует вопреки

длительным, непрерывным, подчас отчаянным усилиям предотвратить или уменьшить беду, как он ее понимает. Эти усилия не имеют успеха, потому что больной не знает, в чем состоит его действительная беда. Часто его усилия найти средство против одной трудности создают лишь новые трудности, и жизнь такого человека становится кошмаром.

В результате этих повторяющихся, нагромождающихся друг на друга неудач – полных или частичных – больной часто оказывается перед лицом реальных трудностей, достойных мудрости Соломона. Таким образом возникает страшный парадокс, что невротик, который в меньшей мере, чем обычный индивид, способен справиться с встающими перед ним проблемами, в конечном итоге оказывается перед лицом проблем, куда более трудных, чем те, с которыми сталкивается здоровый человек. Это выступает особенно ясно в случае с невротическими родителями. Вплоть до периода юности у их детей может иметь место недержание мочи, может наблюдаться длительное состояние раздражения; они могут, вопреки способностям, плохо учиться в школе; может возникнуть жестокое соперничество между родными братьями и сестрами. Родителям-невротикам приходится иметь дело с такими серьезными проблемами поведения детей, которые не возникают у детей более здоровых родителей.

Как видим, перед человеком, который становится психически больным, встает сложный комплекс трудностей. Реальные проблемы, поставленные самой жизнью в полном трудностей мире, у такого человека усугубляются его неправильными взглядами, извращенными оценками и вытекающим отсюда неправильным, деструктивным поведением. В итоге непрерывно возникают новые трудности. Многие из последних являются излишними – в том смысле, что они не возникли бы, если бы данный человек по-иному понимал вещи и по-иному вел себя.

В конце концов в этой ситуации нагромождающихся трудностей и усугубляющегося несчастья возникают известные качественные изменения личности, выходящие за пределы испытываемого индивидом несчастья. Страдания индивида отмечены качественно новыми явлениями. Их не было, когда человек просто испытывал состояние несчастья, их не было заметно в поведении этого человека и тогда, когда он был еще ребенком или подростком, оказавшимся в неблагоприятных условиях.* Это – такие новые качества мышления,

чувствования и действия, которые соответствуют неврозу. Подобные изменения в основном обуславливают дальнейшие ограничения и искажения как в сознании, так и в социальной деятельности невротика.

* Это – схематичное рассмотрение процесса развития невротического заболевания. Возможно, конечно, что ребенок или подросток подвергается такому плохому обращению, что весь описанный мною процесс значительно сужается и данный человек становится невротиком еще до достижения двадцати лет, а иногда и намного раньше. Когда это происходит, клиническая картина и структура болезни отличаются от того, что мы наблюдаем при более медленном развитии невроза и при его появлении по достижении зрелого возраста.

НЕВРОТИЧЕСКИЕ ИЗВРАЩЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Для многих экспериментаторов было очевидно, что невротик – это человек, раздираемый тяжелыми внутренними конфликтами, но вопрос о виде и источнике этих невротических конфликтов стал предметом серьезной дискуссии.

Фрейд описывал внутренние конфликты невротика различным образом. Его главная формулировка гласила, что в основе всех конфликтов лежит противоречие между инстинктами жизни и смерти; эти инстинкты заставляют нас чувствовать и действовать совершенно противоположным образом; так, ненависть мы испытываем параллельно с любовью, агрессивность – с нежностью и т.д. В другом случае Фрейд говорил о том, что конфликт имеет место между нашими инстинктивными потребностями и неизбежным их вытеснением обществом. Конфликт возникает в том случае, когда наше "сверх-Я" (или совесть) пытается подавить те различные инстинктивные желания, которые беспрестанно поднимаются из нашего "бессознательного".

Биологическая основа таких взглядов была уже подвергнута критике выше. Мы могли бы здесь добавить, что в изображении Фрейда подобные конфликты имеют в основном статичный характер, поскольку они являются выражением неизменных факторов. Будучи статичными, эти конфликты лишены подлинного движения и развития и не поддаются разрешению; теория, построенная на подобных взглядах, не может поэтому обосновать лечение невроза. В самом деле, Фрейд в конце концов пришел к такому выводу и стал на пессимистическую точку зрения в отношении возможности лечения невроза: он утверждал, что в конечном итоге невротические симптомы базируются на инстинктивных силах, которые никакой психоанализ не в состоянии изменить¹.

Мы хотели бы также указать, что, по мнению Фрейда, природа этих конфликтов чисто внутренняя, психическая. Инстинкты ли жизни и смерти борются друг с другом или "сверх-Я" борется с "Оно", и в том и в другом случае Фрейд считает, что конфликт индивидуален, что он локализован в голове невротика. Суть аргументации Фрейда сводится к тому, что невротические конфликты – это психические конфликты, хотя он в определенных случаях и говорил, что невроз – продукт цивилизации, что по мере развития цивилизации невроз должен получить большее распространение². Но идеалистическая философия

привела Фрейда к тому, что он сосредоточивал свое внимание не на объективных, социальных условиях, а на психике, и, даже рассматривая общество, он считал, что его движущей силой также являются инстинктивные психические силы.

С некоторыми изменениями, которые фактически не противоречат основам аргументации Фрейда, его теория невроза и соотношения между неврозом и цивилизацией сохранилась в психоаналитической теории до настоящего времени. Д-р Хорни осудила фрейдистское объяснение невротических конфликтов инстинктами³, но в своей книге "Личность невротика нашего времени" она утверждала, что из ребенка вырастает раздираемая конфликтами личность в результате испытываемого им сильного беспокойства. По мнению Хорни, это беспокойство вызвано "обществом", но подлинный невроз изображается ею не как отражение постоянной деятельности невротика в условиях пагубно действующей на человека социальной действительности, а сводится в основном к реакциям, связанным с беспокойством и защитой от него. Следовательно, и Хорни и Фрейд стоят на статичной точке зрения, признающей в основном лишь психические силы. Согласно Хорни, общество, однажды затронув психику ребенка, вызывает в нем исходный страх, в то время как, по мнению Фрейда, ребенка затрагивает социальная условность, результатом которой является инстинктивно-психическое вытеснение. По мнению Фрейда и Хорни, невроз после такого опыта принимает форму постоянно эволюционирующего внутриспсихического конфликта.

Учение, согласно которому личности невротика присущи противоположные качества и невроз представляет собой внутриспсихический конфликт, не может объяснить даже видимые, поверхностные проявления невроза. Так, например, мы часто наблюдаем, что *различные агрессивные, разрушительные поступки невротика не вызывают у него достаточной и нормальной реакции*. Зачастую невротик осуществляет подобные действия, не испытывая при этом того сознания вины или угрызений совести, которые мы наблюдаем у здорового человека. Такое отсутствие у невротика противоположных чувств сказывается и другими путями. Он может быть чересчур зависимым, чересчур дружелюбным или чересчур осторожным, и главные его волнения возникают как раз оттого, что ему недостает таких *противоположных качеств*, как отстаивание своих взглядов,

независимость и самостоятельность, способность ненавидеть своих противников.

Теория, согласно которой у невротика более противоречивые чувства, чем мы это видим у нормального, здорового человека, опровергается также другим обыденным наблюдением. В нашем обществе все здоровые люди отличаются весьма противоречивым складом характера, поскольку этот характер формируется в данных условиях противоречивых человеческих отношений. Здоровые люди способны, когда это требуется, на сильные чувства любви и ненависти, на большие симпатии и антипатии, на большую дружбу и сильный гнев. Более противоречивых чувств мы не найдем ни у какого невротика.

После этого ясно, что сам факт наличия противоречивых черт личности не может служить признаком деления людей на нормальных и невротиков. Другое разграничение, которое делает д-р Хорни, указывая, что невротик в меньшей мере, чем здоровый человек, отдает себе отчет в своих конфликтах, также не подтверждается данными практических наблюдений⁴. Многие невротики крайне остро осознают свое противоречивое положение, свои противоположные желания и страхи; многие невротики куда сильнее сознают свои конфликты, чем здоровый человек – свои.

Чтобы обойти те теоретические проблемы, которые возникли в результате первоначально сделанного ею неправильного различения между противоречиями невротика и здорового человека, д-р Хорни все больше заостряет свое внимание и аргументацию на чисто внутриспсихических процессах, происходящих в больном человеке. В своей книге "Наши внутренние конфликты" она выдвинула следующую гипотезу: чтобы скрыть свои конфликты, у невротика создается неверное, идеализированное представление о самом себе. В последней книге "Невроз и развитие человека" д-р Хорни старательно развивает этот свой взгляд.

"Я постепенно убедилась в том, что созданное невротиком идеализированное представление о самом себе олицетворяет не просто ложное убеждение в своей ценности и значимости; скорее это похоже на сооружение чудовища Франкенштейна,* которое со временем поглощает большую часть энергии невротика. При соответствующих условиях это представление вытесняет его стремление расти, реализовать свои наличные возможности. А это означает, что невротик перестает интересоваться возможностью разрешения или преодоления своих трудностей, реализации своих

потенциальных возможностей, а вся его энергия направляется на актуализацию своего идеализированного я. Это влечет за собой не только принудительное влечение к всемирной славе при помощи успеха, власти и триумфа, но формирует тираническую внутреннюю систему, при помощи которой невротик пытается превратиться в божественное существо; это влечет за собой невротические претензии и развитие невротической гордости"⁵.

* Франкенштейн – герой одноименного романа миссис Шелли, студент-медик, создавший из останков человека чудовище, которое мстит своему создателю за то, что оно не может удовлетворить свои желания. Чудовище Франкенштейна стало нарицательным именем всего того, что уничтожает своего творца. – *Прим. ред.*

В своем обширном исследовании этих внутриспсихических процессов д-р Хорни приходит к убеждению, что люди ненавидят и презирают себя "с той же силой и неразумностью, с какой они себя идеализировали"⁶. Такие рассуждения привели ее к последней теории невротического конфликта, которую она сформулировала следующим образом: "богоподобное существо вынуждено ненавидеть себя как наличное существо..."⁷

Читателю следует особо заметить, что д-р Хорни – ориентирующийся на "культуру" психоаналитик – не обращает внимания на реальный мир, порождающий невротические проблемы. Суровая реальность насилия, эксплуатации и страха, которые существуют в нашем обществе и находят свое отражение в сознании невротика, – все это совершенно отсутствует в ее психоаналитической теории. Вместо этого "богоподобное существо вынуждено ненавидеть себя как наличное существо". Это, несомненно, нереальная, мистическая картина невроза.

Вдобавок к внутриспсихическому, нереальному характеру невротических конфликтов, как их изображает д-р Хорни, есть еще другой основной момент, подчеркивающий сходство ее теории с описываемыми Фрейдом конфликтами. Ненависть и борьба между "наличным" и "богоподобным" существом кажутся мне весьма сходными с фрейдовской теорией о постоянной борьбе между любовью и ненавистью. В самом деле, теория Хорни – прямой потомок фрейдовской и сохраняет самую сущность фрейдовской безнадежной картины конфликта между инстинктами жизни и смерти.

Центральная проблема, не решенная ни Фрейдом, ни "культурными" психоаналитиками, – это подлинное соотношение между сознанием невротика и его социальной средой. Хотя Хорни отвергла теорию инстинктов и в своем первом произведении указывала на то, что невроз – продукт "нашей культуры", она никогда не занималась анализом этой культуры и не могла выяснить подлинное соотношение между сознанием невротика и капиталистической действительностью. По существу, она не могла отказаться от фрейдистской позиции, согласно которой невроз – *это внутренний конфликт*. Придерживаясь такого направления мысли, она все больше и больше стала отделять мышление невротика от специфических социальных условий, в которых он живет. Она стала изучать мыслительные процессы невротика, отвлекаясь и изолируясь от тех факторов мира "свободного предпринимательства", которыми и вызывается невроз. В конечном итоге она должна была вернуться к разновидности биологически-инстинктивной теории Фрейда.

Раз невротик оказался отделенным от условий своего существования, должна была возникнуть серьезная опасность того, что подобная система взглядов на личность невротика, совершенно не учитывающая связи невротика с осязаемым миром действительности и его зависимость от него, может принять форму какой-то изоцированной мистики. По-моему, в своей последней работе д-р Хорни, оказавшись перед лицом такой опасности, совершенно не смогла против нее устоять. Проиллюстрируем это положение ее последним определением невротического конфликта.

"Проблема реального я, всегда загадочная для меня, как и для многих других людей, стала для меня первостепенной; я убедилась в том, что весь внутренний психический процесс (у невротика. – Дж.Ф.), начиная от самоидеализации, есть процесс растущего отчуждения от своего я. Что еще более важно, я поняла, что ненависть к своему я направлена против реального я. Конфликт между системой гордости и реальным я я называю центральным внутренним конфликтом. Я это определила как конфликт между двумя несовместимыми принудительными влечениями. Продолжая придерживаться этого взгляда, я в то же время стала понимать, что это не единственный вид невротического конфликта. Центральный внутренний конфликт развертывается между созидательными силами реального я и разрушительными силами системы гордости, нездоровым ростом и стремлением на деле доказать совершенство

идеализированного я. Поэтому задача лечения невроза состоит в том, чтобы помочь осознанию своего я"⁸.

Этот странный абзац выявляет большинство основных ошибок д-ра Хорни, и мы можем убедиться в том, что психологическая теория искажается, стоит лишь ее оторвать от конкретной реальности. Например, мы видим здесь рассуждение о "реальном" я. Хотя д-р Хорни никогда прямо об этом не говорила, однако выбор ею терминов, очевидно, предполагает, что невротик должен обладать нереальным я, нереальными мыслями и нереальными эмоциями. Далее, если невротик может отчуждаться от себя самого, то отсюда следует, что он должен иметь какое-то отношение к самому себе. В действительности же отношение представляет собою определенное активное состояние, существующее между двумя или большим количеством людей. Отдельный человек – это отдельный человек, какие бы противоречия в нем ни существовали; рассматривая вопрос диалектически, мы должны сказать, что человек в действительности представляет собой нечто цельное именно благодаря этим противоречиям и что, следовательно, человек не может иметь взаимоотношение с самим собой. Хорни, однако, ясно говорит, что это может иметь место: "невроз теперь принял характер расстройства в отношениях данного человека к самому себе и к другим людям"⁹.

Мы находим у д-ра Хорни следующее определение "реального" я:

"Каковы бы ни были условия воспитания ребенка, если только он не дефективен психически, он сможет научиться противопоставлять себя тем или иным образом другим людям и, вероятно, овладеет тем или иным ремеслом. Но в нем заложены такие силы, которыми он не может овладеть или даже развить посредством обучения. Вам не нужно, да вы фактически и не можете, обучить желудь тому, как ему стать дубом, – при соответствующих условиях его внутренние потенции разовьются сами. Подобно этому человек, если даны соответствующие условия, стремится развивать свои особые, человеческие потенции. Тогда он станет развивать свойственные лишь ему жизненные силы своего реального я: ясность и глубину своих собственных чувств, мыслей, желаний, интересов; способность использовать свои собственные ресурсы, всю силу своей воли; особые способности и таланты, которыми он наделен; способность выражать себя и относиться к другим в соответствии со своими спонтанными чувствами... Вот почему я здесь и на протяжении всей книги говорю о реальном я как той центральной внутренней силе, общей для всех

людей и тем не менее единственной в своем роде у каждого в отдельности человека, которая и составляет глубокий источник роста"¹⁰.

Другими словами, д-р Хорни утверждает, что самое существенное я, самое лучшее я, самое ценное я – это не приобретенная, не воспитанная в нас сила. Поскольку не приобретенное и не воспитанное не является продуктом общественных отношений и поскольку это я должно быть продуктом чего-то, то это "реальное" я может возникнуть только из биологической структуры человека. Это ясно видно в том случае, когда д-р Хорни сопоставляет эту центральную внутреннюю силу людей с внутренними потенциальными возможностями желудка, "естественно" вырастающего в дуб. Сходство между этими взглядами и фрейдистской теорией инстинктов разительно. В самом деле, мы можем пойти дальше и установить, что "подлинное я" д-ра Хорни – прямой потомок фрейдистского "инстинкта жизни", являющегося якобы источником всего растущего, всего положительного и созидательного в человеческой природе. Не сумев вывести сознание невротика из специфических свойств его среды, д-р Хорни во все большей мере представляет нам фрейдизм в утонченной форме. Разве что ее взгляды стали менее научными и более мистическими, чем у Фрейда. Последний, по крайней мере, пытался установить соотношение между инстинктами и какой-то определенной материальной основой; Хорни же представляет нам "тенденции" и "потенциальные возможности", источник коих считается чем-то само собой разумеющимся и не исследуется.

Ограничимся еще одним замечанием. Ряд авторов указывал на то, что Фрейд не имел представления об общественном человеке; он делал основной упор на том, что источник наших трудностей и пути их разрешения мы должны искать в самих себе¹¹. Д-р Хорни говорит о неврозе как продукте нашего времени, но и она не понимает общественного человека. Это было ясно показано ее учением о том, что наилучшая часть нас самих – "реальное" я – не приобретено и не воспитано. Отсюда логично вытекает и ее теория лечения – "оно стало помогать осознавать свое я" – и теория индивидуального поведения¹². "Мы, таким образом, приходим к морали эволюции (курсив д-ра Хорни), для которой критерий того, что мы должны выращивать в себе и что отбрасывать, сводится к вопросу: способствует ли определенное состояние или стремление моему развитию как человека или препятствует ему? ...В этом смысле задача

работать над собой не только становится нашей главной моральной обязанностью, но в то же время и в весьма реальном смысле – нашим главным моральным *преимуществом* (курсив д-ра Хорни). Так или иначе, для себя ли или для других, идеалом является высвобождение и выращивание тех сил, которые ведут к осознанию своего я"¹³. В этом рассуждении нет понятия об общественном человеке; здесь нет места для идеи, что трудности, испытываемые невротиком, отражают социальные трудности, которые существуют вне головы невротика, в самой структуре капиталистического общества; Хорни также не указывает невротика на необходимость выйти за пределы самого себя и более правильно представить себе реальность, которая его угнетает. Наоборот, ответ Хорни на вопросы невротика тот же, что у Фрейда: смотрите внутрь себя, лелейте себя, развивайте свое единственное в своем роде я. Она ссылается на сходство своих взглядов по этому вопросу со взглядами Эриха Фромма. Согласно их собственным признаниям, индивидуализм красной нитью проходит через теорию психоанализа, начиная от писаний Фрейда вплоть до самых последних работ "неофрейдистов".

В противовес всей этой психоаналитической традиции и той субъективной, эзотерической и мистической путанице, с которой явно и неизбежно связана указанная традиция, мы безоговорочно утверждаем, что решающее, присущее неврозу противоречие не внутреннее, не психическое, не субъективное. Это – внешнее противоречие. Оно коренится в социальной практике невротика и сводится к поведению, которое противоречит требованиям и потребностям созидательных, добропорядочных людских взаимоотношений. Такое более или менее деструктивное по своему характеру поведение, которое он приобрел в результате действия описанных выше условий, мы наблюдаем у невротика при завязывании и установлении дружбы, в семейной жизни и в любой его другой социальной деятельности, в то время как во всех этих случаях требуется поведение противоположного характера. Мы наблюдаем и обратное явление: случается обычно, что невротик оказывается неспособным защитить себя, действовать решительно и уверенно во многих ситуациях, которые требуют именно такого поведения.

Возможны многие различные нюансы, но сущность дела остается одна и та же: поведение невротика не соответствует и противоречит требованиям, которые выдвигаются определенными ситуациями, оказывающими на его поведение решающее влияние. Мы не можем

отрицать, что у невротика имеются внутренние конфликты, но не они являются основными. Внутренние конфликты являются отражением и последствием конфликтов в общественной практике невротика, а эти последние в свою очередь выражают противоречивые людские взаимоотношения, свойственные общественной системе США. Другими словами, субъективные, внутренние, психические конфликты невротика являются вторичными по отношению к конфликтам в отношениях людей, а конфликтный характер этих отношений вызывается экономической, классовой и политической борьбой объективного, непсихического характера.

Тем самым мы подчеркиваем то важное положение, что никогда не следует искать источник трудностей внутри невротика. Мы всегда должны обращать внимание на внешние условия, ибо, какие бы ни были идеи у невротика, они всегда являются отражением какой-либо объективной ситуации; мы должны при этом учитывать, что это отражение носит искаженный, фантастический характер.

Очевидно, что судить о невротике исключительно по его поведению невозможно. Люди никогда не занимаются совершенно бессмысленной деятельностью, такого не бывает. Деятельность людей, а также реальные условия их жизни и связанные с ними трудности находят свое отражение в разного вида идеологиях, идеях, оценочных суждениях, в побуждениях и эмоциях. У невротика, находящегося под постоянным воздействием социального опыта определенного характера, вырабатывается соответствующий тип сознания. Отсюда следует, что если поведение невротика не соответствует требованиям ситуации, то это может означать лишь то, что его мысли, эмоции, побуждения и оценочные суждения также не соответствуют им. Другими словами, под воздействием искаженной социальной практики (которая была навязана невротiku условиями, недоступными его пониманию и контролю) у него образовалось извращенное сознание. Это означает, что в реальной практике существует весьма серьезное противоречие между необходимостью определенных отношений и ситуаций, с одной стороны, и способом их понимания и суждения о них невротика – с другой.

Проиллюстрируем это следующим примером. Когда невротик входит в помещение, где находится группа людей, он не обязательно будет рассматривать эту группу и судить о ней как о благоприятной возможности приобрести друзей и хорошо провести время. Он может оценить обстановку совсем по-иному: о собравшихся он может судить как о группе людей, которая потенциально враждебна ему или

враждебна ему уже в данный момент. Он может считать, что ситуация требует от него бдительности, что он может подвергнуться унижениям, нападкам и издевкам, что кто-нибудь из присутствующих может продемонстрировать его слабости или показать, что он неумен; у него может быть предчувствие, что присутствующим он не понравится. (Это, конечно, лишь некоторые из вариантов возможного восприятия этих людей невротиком; каждому невротiku они представляются своеобразно, несколько отлично от других; неправильные суждения каждого будут соответствовать особенностям структуры сложившейся у данного невротика особой системы оценочных суждений.)

Мы видим, таким образом, что сознанию невротика присущи известные в существе своем неправильные и иллюзорные представления о природе отношений между людьми и природе самих людей. Соответственно тяжкому опыту, вызвавшему такие ошибочные представления и суждения, у невротиков главный упор в этих суждениях делается в основном на деструктивных индивидуалистических, конкурентных отношениях в обществе "свободного предпринимательства". Невротик в отличие от порочного человека не лишен понимания того, что существуют дружба, порядочность и сотрудничество, но в личном плане он недостаточно осознает это. Он не может особенно доверять этим факторам – большее воздействие оказывают на него деструктивные, обусловленные конкуренцией стороны жизни, причем невротик занят больше ими, чем положительными, основанными на сотрудничестве сторонами жизни; соответственно невротик и поступает. В результате его поведение во многих ситуациях оказывается неправильным.

Одним из основных свойств сознания невротика является тяготение к одностороннему отражению тех жизненных условий, с которыми он сталкивается. Такое одностороннее отражение принимает специфическую форму иллюзий, неправильного понимания и извращенных свойств личности, которые имеют тенденцию определять его поведение, а также извращать его чувства и влечения. Для этих иллюзий характерно то, что они в целом не особенно четко сформированы. Большинство невротиков не имеют четких, осознанных ими, сложившихся взглядов на жизнь; они также не понимают смысла и последствий своего поведения. Наоборот, собственные взгляды невротика состоят из полусформированных и противоречивых понятий, из неопределенных, туманных, неустойчивых мыслей, из смутных и опрометчивых подозрений,

сомнений и страхов, неясных и противоречивых влечений. Более того, как будет показано ниже, невротик усваивает определенный образ мышления, который фактически мешает ему понять сложившуюся ситуацию и свое поведение даже в том случае, когда его самосознание пытается это сделать.*

* Тот факт, что сознание невротика искажено и не может точно отражать сложившуюся ситуацию и свое поведение, а также то обстоятельство, что невротик не в состоянии правильно мыслить, приводит психоаналитиков к выводу, что невротиком управляют силы, исходящие от "бессознательного". Психоаналитиков в данном случае вводит в заблуждение поверхностная видимость вопроса. Дело не в том, что невротик управляется бессознательными влечениями и чувствами, ему, очевидно, неизвестными. Суть в том, что он принимает участие в социальной практике, которую он ясно не понимает. Смутный и неясный характер его эмоций и влечений является неизбежным результатом такого непонимания. Другими словами, его эмоции и влечения не являются "бессознательными"; они нечетко выражены или отражают лишь одну какую-нибудь сторону действительности. Невротик страдает не из-за своих "бессознательных" сил, но скорее от ограниченности и односторонности своего сознания.

Различные иллюзии невротика и его неправильное понимание заслуживают специального разбора; здесь же мы наметим лишь их основные формы. Они могут быть в общем разделены на три категории:

1. Страхи, подозрения, недоверие к людям и вместе с тем чувства гнева, вражды, обиды и т.д. Эти страхи имеют тенденцию стать необоснованными, а по своему характеру не соответствующими обстановке. У каждого невротика они своеобразны и сводятся к постоянному ожиданию чего-то неприятного, деструктивного от других людей. Наиболее широко распространенными видами страха являются: боязнь быть отвергнутым, боязнь ругани, неудач, унижения и насмешек, чужого влияния, разоблачения, обмана, нападок и побоев, собственной неполноценности. Эти страхи в той или иной мере представляют собой прямое отражение тяжелого жизненного опыта невротика, но мы их можем определить как болезненную эмоцию, поскольку они весьма часто возникают в прямой противоположности к фактическому положению. Факт страха перед опасной ситуацией не является показателем невроза; невротическим является постоянный страх, который не оправдывается какими-либо действительными опасностями.

Переработанные невротическим мышлением, эти людские страхи могут принять формы неосознаваемых страхов: ничем определенным не обусловленная напряженность, постоянная боязнь умереть,

заболеть, сойти с ума, заразиться, запачкаться, боязнь ездить в метро, разбить стекло – боязнь почти всего мыслимого.

Заметим мимоходом, что страх присущ сознанию и здоровых людей. Разница между страхами невротика и здорового человека заключается в том, что страхи владеют сознанием невротика куда в большей мере, чем сознанием здорового человека, что у него они имеют тенденцию возникать незаметно для него, что у невротика они не согласуются с реальностью данной ситуации и часто превращаются в страхи явно фантастические, нереальные по своей природе.

2. Иллюзии и неправильные представления о сексуальности, любви, браке, семейной жизни и т.д. Они возникают из природы нашей семейной жизни, из практики мужского превосходства и неблагоприятного положения детей, о чем говорилось выше. Эти представления неизбежно различны у мужчин и женщин ввиду их различного положения и жизненного опыта. Будучи широко распространенными среди всех нас, эти иллюзии и ложные представления особенно выделяются у невротика как следствие его сугубо деструктивного опыта. Невротик может испытывать глубокий страх перед половыми сношениями и всякими интимными отношениями с противоположным полом; он может считать, что в любви и браке неизбежны серьезные раздоры, эгоистические конфликты и деструктивное поведение. Он может быть убежден в том, что отношениям между мужчинами и женщинами всегда присущи эксплуатация, обман, интриги и взаимные обиды. Невротик может иметь фантастическое, деструктивное представление о характере противоположного пола, о способе ведения семейной жизни, о природе любви и половых сношений.

Какие бы специфические формы ни приняли эти извращения, мы находим, что они всегда составляют важный элемент сознания невротика и что они деструктивно влияют на его поведение, создавая потенциальный источник раздоров и несчастий. Фрейд наблюдал эти семейные раздоры; они нашли свое отражение в его теории о зависти к мужскому половому органу, о комплексах Эдипа и кастрации, о половом подавлении и т.д. Фрейд не видел источников этих раздоров вне семьи; сосредоточивая свое внимание исключительно на этих раздорах, он рассматривал их с позиций биологии и инстинктов. Поэтому его теории представляют собой весьма туманное и извращенное отражение подлинных фактов – отражение, фактически искаженное буржуазным мышлением.

3. Иллюзии и неправильные представления о природе человека, об относительном значении индивида, о характере индивидуального усилия по сравнению с объединенными, совместными усилиями, об отношениях человека к другим людям, к жене, мужу, детям, к своим сотрудникам. Эти иллюзии являются и результатом сугубо индивидуалистического образа действий и сами в дальнейшем порождают такой образ действий. Невротик недостаточно осознает характер своих связей с другими людьми. Он не понимает своих прав и может переоценить или недооценить их; то же самое может иметь место в отношении сознания им своей ответственности. Почти во всех своих отношениях невротик становится на путь индивидуализма; он тяготеет к эгоцентризму, к тому, чтобы заниматься лишь своими индивидуальными достижениями, своей внешностью; не учитывая нужды других людей, он преувеличивает собственные нужды. Этот индивидуализм – весьма сильный элемент каждого невроза, хотя его формы по необходимости будут различными в соответствии с жизненным опытом и социальной практикой различных невротиков.

И в данном случае невротик проявляет такие характерные черты, которые присущи не только больным людям. Частная собственность в промышленности и борьба за капиталистическую прибыль вызывает проявления эгоизма и индивидуализма, которые, рождаясь первоначально в высших и средних слоях общества, неизбежно в той или иной степени проникают во все общество и поэтому затрагивают каждого его члена. Особенно это действует на невротика, тем более что он не имеет подлинного понимания совместной коллективной деятельности; невротик может оказаться не в состоянии увидеть в группе людей что-либо другое, чем сборище людей, готовых причинить ему неприятность или использовать его в своих целях. Его моральные установки, мысли, влечения и суждения о себе имеют особую тенденцию развиваться к эгоцентрическому взгляду на вещи. Это особенно ясно выступает в комплексе неполноценности, всегда преобладающем у невротика. Этот комплекс – одна из форм отражения в сознании человека чистого индивидуализма, выросшего на почве конкуренции и обмана. Человек, ставший действительно неотъемлемой частью коллектива, действующий как *человеческое существо*, а не как изолированный человек, не имеет комплекса неполноценности. Чувство неполноценности – отражение изолированной, своекорыстной борьбы. Оно не возникает тогда, когда человек искренне ставит своей целью сделать свой вклад в повышение благосостояния группы, класса или даже всей страны, ибо в этом случае не имеет серьезного значения, найдется ли другой

человек, который сделает еще больший вклад, чем вы. Главное в этом случае не столько в том, чтобы стать "лучшим", а в том, чтобы сделать максимум того, на что вы способны.

Индивидуалистические, порожденные практикой конкуренции и эксплуатации свойства невротика имеют чрезвычайно вредное влияние, когда он пытается завязать близкие отношения с людьми, создать семейную жизнь или заняться конструктивной деятельностью совместно с другими людьми. Существует острое противоречие между конструктивными качествами и практикой, которые требуются во многих областях деятельности, и теми качествами и практикой, которые присущи невротика.*

* Это верно даже в отношении таких невротиков, которые могут действовать весьма конструктивно в общественном деле или в сравнительно безличных отношениях. Мы тогда отмечаем, что у невротика одна мораль, которую он применяет в своей конструктивной политической жизни, и совершенно другая, весьма индивидуалистическая мораль, которую он применяет в своих личных делах.

Если правда, что невротик проявляет деструктивные, порожденные конкуренцией качества и поведение в неподходящих для этого ситуациях, то возникает вопрос, каково же существенное различие между невротиком и тем человеком, который просто всегда индивидуалистичен и стремится к конкуренции?

Ответ заключается в следующем: если человек не имеет конструктивной практики и соответствующих конструктивных достоинств, если он лишен стремления любить людей и быть вместе с ними и не обладает положительными достоинствами, которые заставили бы его отнестись критически к своему эгоистичному поведению, если его мало трогает, наносит ли он вред другим людям или нет, тогда это не невротик! Это – несчастный человек, но мы бы его назвали просто бессердечным или порочным человеком, а не невротиком.

Поэтому невроз нельзя рассматривать как простое состояние порочности, индивидуализма или изоляции от людей, продиктованной конкуренцией. Невроз – это сложное состояние, при котором больной несоответствующим образом применяет свои качества и ведет себя так, что они действуют деструктивно. В то же время невротик не является односторонним человеком; во многих других случаях он способен действовать конструктивно, добропорядочно и человечно, проявляя целый ряд таких

положительных достоинств, которыми не обладает просто порочный, поглощенный стремлением к эксплуатации человек. Надо уважать невротика за эти его положительные достоинства и положительные стороны его поведения, как бы они ни тормозились и как бы ни были ограничены, хотя ему и не удастся в полной мере их проявить. Действительно, уже тот факт, что он становится больным, но не порочным человеком, указывает на его определенную порядочность. *Люди, которые полностью подпадают под влияние порочной морали нашего времени, не являются невротиками.**

* Мы можем здесь вскрыть одну из причин того, почему психоаналитики пытаются избавить многих своих пациентов от невротических конфликтов ценою лучших сторон характера данного человека. Если человек действительно становится способен "принять" свои антисоциальные импульсы, "выражать" их, развивать свою "индивидуальность", удовлетворить свои "инстинктивные влечения", "излить свою агрессию" и т.д., то у этого человека станет меньше конфликтов, меньше страха, сознания вины и колебаний. Он станет менее невротичным, но зато чем-то худшим – он станет просто негодяем.

Если верно, что невротик страдает от противоречивого характера своих качеств, проявляющихся на практике, то можно ли считать, что противоречивые отношения в нашем обществе, создавая в любом из нас противоположные друг другу качества, могут каждого превратить в больного? Ход рассуждений может быть таков: поскольку все мы подвергаемся воздействию как отношений конкуренции, так и отношений сотрудничества, то все мы должны будем оказаться в состоянии тяжелого морального конфликта.

Конфликт между различными нашими свойствами означает, что наши непосредственные интересы тесно связаны с обеими сторонами борьбы, происходящей в капиталистическом обществе. Однако отсюда не обязательно следует, что каждый человек одинаково сильно подвержен действию обеих сторон. В самом деле, реальные условия капиталистической системы ведут к тому, что если некоторые люди прямо заинтересованы в эксплуатации, то еще больше людей заинтересовано в борьбе против нее и в ее преодолении. Наши индивидуальные понятия о качествах личности и наша практика имеют тенденцию лишь частично отражать существующие в нашем обществе противоположные системы морали. В этих качествах личности находят свое отражение наше классовое положение, личный и семейный опыт, случайные события в нашей жизни, влияние воспитания, способ, каким мы зарабатываем себе на жизнь, наши политические взгляды. Поэтому мы не

обязательно оказываемся в состоянии острого морального конфликта, ибо у нас далеко не одинаково развиты свойства, порожденные духом конкуренции или духом сотрудничества. Многие люди имеют свойства, сформировавшиеся под преобладающим влиянием либо конкуренции, либо сотрудничества, и это в основном дело случая.

Более того, моральный конфликт совсем не обязателен, если мы действуем агрессивно в ситуации, которая этого действительно требует, если мы относимся с подозрением к нашим подлинным врагам, если предпринимаем меры к защите наших собственных интересов, когда конкуренция ставит их под реальную угрозу. Человек с конструктивными достоинствами в таких условиях борьбы может защищать интересы свои и своей группы, не прибегая к той беспринципной и бесчеловечной практике, которая порождается этикой эксплуатации.

Хотя поведение бессердечного человека и несовместимо с требованиями добропорядочных человеческих отношений, оно по своему последовательно. Поэтому сознание такого человека также является последовательным и лишенным противоречий. Однако мы видим, что поведение невротика не является последовательно деструктивным. Он лучше понимает жизнь, чем порочный человек, и соответственно он способен временами на действия, продиктованные большим состраданием к людям, доверием и любовью. Таким образом, его поведение иногда совместимо с требованиями ситуации, а иногда – нет; к тому же его поведение в одно время бывает совершенно несовместимым с его поведением в другое время. Более того, сознание невротика отражает эти особые противоречия: его одолевают колебания, сомнения, уклончивость, домыслы и горькие суждения о себе. Невротик не очень преуспевает ни в своей любви, ни в своей ненависти; в результате – беспокойство, сознание вины, замешательство, шатания. Сознание невротика имеет, следовательно, более сложную структуру, чем сознание порочного человека, который действует, исходя из относительно простого представления о социальной действительности, и подходит к жизни прямо, а его практика не знает конфликтов. Сознание невротика так же усложнено, как и его практика.

Таким образом, невроз перерастает противоречия социальной жизни, сумму всех тех ошибочных представлений, иллюзий и ложных достоинств, которые мы описали выше. Эти противоречия и определенные реальные жизненные условия, с которыми человеку

пришлось сталкиваться, порождают у каждого подлинного невротика определенные извращения мыслительного процесса. Такие извращения служат извинением, оправдывают его и дают ему возможность как-то жить в мире, которого он не понимает и который ему представляется мучительным. В конечном итоге происходит общее искажение сознания, извращенными и фантастическими становятся не только основные представления невротика о действительности, но и сама логика и ход его мышления.

Субъективные проблемы невротика – в противовес стоящим перед ним объективным, социальным проблемам – кажутся по природе своей эмоциональными. Невротика волнуют заботы, страхи, настроения депрессии и другого рода неприятные и беспокоящие реакции. Найти способы борьбы с этими реакциями или методы их нейтрализации – это почти вопрос жизни и смерти для индивида, страдающего серьезным психическим расстройством. Если это ему не удастся, у него начинается бессонница, невнимательность на работе и неспособность радоваться и развлекаться. Мы не должны забывать, что невротик – человек, дошедший до такой стадии, когда приходится иметь дело не только с внешними, социальными проблемами. Есть такая вещь, как психическое страдание. Боязнь страха, отвращение к собственной слабости и к самому себе, осуждение самого себя и т.д. – таково весьма реальное и преобладающее состояние невротика. Кроме того, крайне мучительными являются боязнь людей, боязнь критики и неудач, а также ощущение своей безобразности, глупости и т.д. Человек, который никогда не испытывал каких-либо из этих эмоций или никогда не переживал их остро, не может иметь представления о страданиях, которые одолевают невротика, и о борьбе, которую ему приходится вести. Далее, если мы будем помнить, что невроз взрослого человека – это не вопрос нескольких минут, часов и дней страданий и несчастья, а условие существования, которое годами влияет на невротика в течение всего времени бодрствования, а вдобавок может даже расстраивать его сои, мы получим какое-то представление о том, под каким огромнейшим давлением невротик пытается защитить себя от обид и душевной сумятицы.

Сущность того, что происходит с невротиком, можно сформулировать следующим образом: так как невротик не понимает своих проблем и не способен разрешить их на практике, он вынужден прибегать к субъективному подходу. Он, так сказать, обращает свое внимание внутрь; он манипулирует своими мыслями и чувствами в большей

степени, чем пытается одолеть конкретные проблемы. В конце концов больной может прийти к тому, что он своим собственным, субъективным реакциям станет уделять больше внимания, чем тем внешним условиям, которыми в конечном счете и были вызваны эти реакции!

Объясняя то, как невротик пытается справиться со своими неприятными чувствами, психоаналитики утверждают, что он подавляет их, то есть отодвигает свои эмоции в глубь своего бессознательного, действуя по правилу: с глаз долой – из сердца вон. Психоаналитики указывают, что это, однако, не является реальным разрешением вопроса, ибо в "бессознательном" эмоции сохраняются в активном и возбужденном состоянии, готовые внезапно вспыхнуть и расстроить больного индивида, непрерывно занятого тем, чтобы держать эти эмоции в глубинах бессознательного.

Однако мы думаем, что эмоции невротика остаются активными не потому, что им свойственна какая-то врожденная мистическая динамика, а в результате того, что нерешенными и действительными остаются реальные трудности, испытываемые невротиком. Сказанное в предыдущих главах показывает, что эмоций, существующих в "бессознательном", нет. Эмоции – это сознательная реакция человека на его понимание и оценочное суждение о факте или реальной ситуации – как они ему представляются. Отсюда следует, что не может быть эмоции, из которой выхолощено всякое интеллектуальное содержание, не может быть эмоции без понимания. Поэтому, если невротик меняет свои расстраивающие его эмоции или избавляется от них при помощи субъективных манипуляций, то на самом деле ему нужно изменить те понятия и суждения, то понимание [объективной ситуации], проявлением которого явилась данная эмоция. *Если изменилось понимание, изменится и эмоция.* Следовательно, манипуляция невротика эмоциями в основном является процессом формирования идей, а не чувств. Когда расстраивающая невротика эмоция, такая, как страх, успешно им "подавлена", то есть когда страх рассеян при помощи внутренних, психических манипуляций, а не путем разрешения невротиком проблем, поставленных внешней ситуацией, то фактически происходит следующее: невротик меняет свое представление и суждение о ситуации, породившей страх. За этим изменением в содержании идей и представлений последовало изменение в связанной с ними эмоциональной реакции. Страх не был "подавлен", но он также не существует и в своем прежнем виде; в действительности страх изменил свою форму, превратившись во что-

то новое, в новое понимание действительности с соответствующим новым эмоциональным тоном.

Этот процесс можно хорошо проиллюстрировать на примере одной из моих пациенток, которой перед лицом новой проблемы или ситуации, вызывавшей у нее страх или гнев, очень быстро овладевали чувства безнадежности и безразличия. От этих эмоций она избавлялась благодаря выработавшемуся у нее взгляду, что все в жизни бесполезно, что все кончается смертью и нет ничего подлинно важного и стоящего. Быстро и вынужденно меняя при этом свой взгляд на жизнь, она оказывалась в состоянии временно настолько изменить свой взгляд на вещи, что чувство страха и гнева "подавлялись", то есть превращались в чувство безразличия и безнадежности.

Другой способ рассеять беспокоящую эмоцию заключается в отказе думать о порождающей беспокойство ситуации. Какие процессы происходят при этом в мозгу – неизвестно, как неизвестно и то, что происходит в мозгу при других явлениях психической жизни. Но данные процессы у невротика могут быть описаны как процессы, посредством которых индивид с изнурительными усилиями старается, так сказать, не переводить стрелку, чтобы не соединить две или больше идеи или представления. Или же он добивается насильственного разъединения двух идей. Отказываясь от необходимых ассоциаций или насильственно разрывая нормальные связи между идеями, воспоминаниями, суждениями и размышлениями о неприятном факте, можно либо полностью предотвратить возникновение неприятных идей, или же превратить их в более безобидные идеи.

Во многих отношениях этот своеобразный субъективный процесс кажется простым механизмом ухода от тревожащих больного мыслей. Если этот процесс протекает достаточно долго, он, очевидно, становится автоматическим и ускользает от контроля нашего сознания. Другими словами, отказ думать наконец превращается в неспособность думать. Эта неспособность распространяется не на все аспекты жизни пациента, но в какой бы сфере она ни существовала, она приобретает характер серьезной помехи. Раз невротик прибегает к таким приемам, это практически означает невозможность решения им своих проблем, ибо, раз он не способен о них думать, он не может их осознать, не говоря уже об их разрешении.

Примером такого отказа делать выводы и временного нарушения хода мысли может служить рассказ одной из моих пациенток, которая сбивчиво стала описывать мне свою любовную историю с другим мужчиной, случившуюся несколько лет спустя после ее вступления в брак. Она придерживалась строгих условных моральных взглядов, и из того факта, что эта женщина с таким промедлением стала говорить об этой истории, а также по ее сбивчивой речи нетрудно было сделать вывод, что этот эпизод действовал на нее угнетающе и что она не любила вспоминать о нем. Она кратко рассказала свою историю и потом замолчала. Несколько минут спустя она вся стала дрожать, и слышно было, как стучат ее зубы. Поскольку она продолжала молчать, я спросил ее, что она чувствует. Она ответила, что в комнате холодно и от этого она дрожит (фактически же в это время в комнате было очень тепло). Она снова замолчала. Тогда я спросил, расстроена ли она чем-нибудь, на что она ответила, что чувствует себя хорошо и ей только холодно. Я тогда просил ее продолжить свой рассказ, но она ответила, что она ни о чем не думает и что ей нечего сказать. Впоследствии было установлено, что в различных случаях жизни с ней происходили такие же припадки и она начинала дрожать, а еще позже стало ясным, что эти припадки совпадали с такими периодами, когда она, отказываясь продумывать известные стороны сложившегося положения, успешно избегала начинающегося сильного страха.

Для уяснения этого процесса полезно сопоставить его с электрическим током. Когда вы входите в темную комнату, то налицо имеются все предпосылки света – провода, электрическая лампочка, выключатель на стене и электрический ток в проводах. Остается только повернуть выключатель, чтобы появился свет.*

* Автор не приводит здесь данных о патофизиологических закономерностях, лежащих в основе невроза. Это заставляет его прибегать к метафорам там, где факты патофизиологии высшей нервной деятельности могли бы дать научное объяснение описываемых явлений. –Прим. ред.

Подобным же образом невротик во многих случаях обладает всеми необходимыми данными, чтобы составить себе полное и точное представление об определенном факте, который, однако, расстроит его или потребует от него изменения его практики. При помощи большего или меньшего усилия невротик добивается того, чтобы выключатель, который даст свет, не был повернут. Чтобы не развивались мучительные для него мысли, невротик не дает соединиться соответствующим понятиям. Чтобы держать эти

понятия разъединенными, не требуется особой части личности, которая знает все и защищает остальную часть разума. Понятия держатся разъединенными потому, что их соединение и создающееся в результате этого новое представление могут вызвать страх или другого рода расстройство. Это сознается невротиком, и он на это реагирует прекращением дальнейших воспоминаний о данном явлении; знанию, могущему вызвать душевное расстройство, не дается возможности развиваться. Если это имеет место в период проведения курса психотерапии, пациент станет молчаливым и начнет жаловаться, что у него в голове нет мыслей или что они настолько рассеяны и незначительны, что их невозможно передать. Другими словами, он, видимо, перестал думать. Прибегая опять к аналогии с электричеством, мы можем сказать, что ток был включен при более низком напряжении и электрическая лампочка начала очень слабо светиться, но невротик сразу же разъединил провода, из-за чего вновь воцарилась утешительная темнота *.

* При помощи интенсивных бесед, которые имеют место в ходе психотерапевтического лечения, невротик постепенно научается устанавливать новые связи, мыслить по-иному, давать новые ассоциации с фактами, которые ему уже известны, более полно развивать свое понимание жизненных явлений и уразуметь более широко смысл и значение своей социальной практики. В результате такого изменения и углубления понимания действительности побуждения невротика и его эмоциональные реакции неизбежно меняются и становятся более разумными, то есть они более точно начинают отражать подлинную природу данной ситуации. В то же время правильное лечение стимулирует пациента и делает для него возможным использовать это новое, более правильное понимание действительности, чтобы на новом, более высоком уровне попытаться справиться со своими объективными проблемами.

Есть и другого рода средства, при помощи которых невротик пытается справиться со своими субъективными проблемами и остаться более или менее в неведении о таких фактах, которые, если бы он их полностью осознал, причинили бы ему большое душевное расстройство. Все подобные реакции имеют своим последствием весьма серьезное ограничение способности невротика к пониманию своих проблем, поскольку он или вообще не продумывает все до конца, или продумывает извращенно, или же избегает рассмотрения объективных проблем за счет субъективных манипуляций мыслями и чувствами. Ни в одном случае он не сможет решить свои объективные проблемы при помощи этих средств, и это может привести невротика к заключению, что он глуп, – идее, которая является для него и утешительной и тревожной *.

* Читатель может убедиться в том, что невротик уделяет большое внимание своим интеллектуальным способностям и может всю свою жизнь потратить на доказательство того, что он не отличается низким интеллектуальным развитием. Это еще больше отдаляет его от разрешения своих трудностей. Последовательность развития невроза примерно такова: серьезные объективные трудности, остающиеся нерешенными, влекут за собой применение разных субъективных средств со стороны невротика; проблемы продолжают существовать, и невротик приходит к заключению, что он глуп; он проявляет активность, имеющую целью доказать, что последнее неверно, и все это отдаляет его все больше и больше от осознания и решения своих подлинных трудностей.

Важно дифференцировать и описать эти различные процессы, ибо при лечении пациента будет очень мало пользы, если врач ему скажет, что он что-то "подавляет". Такое заявление – не анализ, а обвинение. Чтобы помочь пациенту, надо сделать ему понятными происходящие в нем процессы искажения мышления, так чтобы самосознание направило его внимание на неправильность применяемого им образа мысли и позволило ему усвоить другой, более правильный. Этим путем он научается направлять свое внимание на объективную реальность, вместо того чтобы манипулировать внутренними реакциями; не менее важно и то, что он научается иметь дело с этой реальностью прямо, непосредственно.

Невротик, по существу, представляет собой личность, до крайности растерявшуюся. Его растерянность имеет ряд источников; некоторые из них мы здесь рассмотрим, остальных коснемся лишь вкратце.

В первую очередь растерянность невротика является отражением особенно запутанных, беспокоящих жизненных условий, которые осаждали невротика в течение многих лет. Внешняя ситуация, в которой он находился, была настолько противоречивой и трудной, во многих отношениях она оказала такое деструктивное влияние, что невротик в буквальном смысле этого слова не знает наверное, кто его друзья и кто его враги. Развивая свою мысль, мы можем сказать, что он не понимает свои проблемы такими, какими они являются в действительности. Не понимая этих проблем, невротик может быть выбит из колеи отдельными проявлениями его болезни и может потратить все свое время на попытки их лечения. Невротик может также быть убежден в том, что его проблемы будут разрешены, если только он сможет найти "настоящую любовь" или "подходящую" женщину, или получить нужную работу, или сможет каким-нибудь другим путем добиться важного успеха. Это значит, что он не понимает своих проблем и что он их определяет как отсутствие любви, как результат неспособности найти нужного человека или

нужную работу или же он считает, что его трудности возникли из-за того, что он недостаточно преуспевает в жизни. Однако весь наш предыдущий анализ показал, что не в этом заключаются подлинные проблемы невротика, во всяком случае – не в этом суть его проблем. То, что невротик в них видит, это только кажимость его трудностей, а не их сущность.

Во-вторых, состояние растерянности возникает у невротика всегда оттого, что он ведет себя по отношению к реальной жизни несоответствующим образом или его поведение даже противоречит сложившейся обстановке. Например, невротик не сможет разрешить трудности брака, если он будет агрессивно настроен по отношению к своей жене или будет искать "любви" у других женщин. Он не сможет справиться с возникающими на работе трудностями или с какими-либо другими трудностями, если его реакцией на трудности будут беспомощность и чувство безнадежности. Он не может преодолеть свои трудности посредством самовосхваления, индивидуалистической погони за успехом или личными удовольствиями. Ему не станет легче, если ему даже удастся эксплуатировать других – своих друзей, свою семью или других людей. Он не может разрешить свои трудности, применяя без разбору обман, агрессивные методы или делая еще что-нибудь в этом роде, заимствуя такое поведение в окружающей его среде. Все мы подвергаемся воздействию подобной практики, ибо она нормально присуща нашей социальной системе, но невротик особенно тяжело воспринимает отрицательные стороны жизни, и соответственно его практика отражает их в значительно большей мере. Следовательно, один из главных элементов его болезни состоит в том, что он ведет себя не соответствующим обстановке образом, и поэтому его ждут неудачи. Так, невротик может применять силу или агрессивные методы там, где требуется дружественное сотрудничество, обман там, где надо было действовать честно, индивидуалистическую конкуренцию – вместо требуемого коллективного единства действий, или же он может гнаться за своими личными удовольствиями, вместо того чтобы проявлять самодисциплину. Такое не соответствующее обстановке поведение возбуждает в нем всякого рода волнения и тревоги; проблемы остаются нерешенными, люди отчуждаются, зря теряется масса времени. По мере того как невротик идет от одного кризиса к другому, неудачи начинают нагромождаться и проблемы невротика становятся все более тяжелыми.

В-третьих, растерянность невротика усугубляется тем, что его внимание обращено внутрь себя, он пытается разрешить свои

проблемы путем всевозможных психических, субъективных манипуляций. Не будучи в состоянии понять и решить свои проблемы, выдвигаемые условиями жизни, невротик начинает непосредственно манипулировать своими мыслями и эмоциями. Например, отвлекаясь от тревожащих его проблем, невротик может направить свое внимание на незначительные общие места и маловажные детали; он может уверять себя, что его проблемы в действительности не важны и что жизнь не имеет ценности; он научается не иметь никаких чувств, или же он научается обходиться без определенных чувств; он может сделать вид, что известные предметы не существуют, раздувает значение других предметов и т.д.* Одним из приемов, который особенно часто ведет к неудаче невротика в жизни, являются его "защитные реакции" на растерянность. Психотерапевт при случае имеет возможность наблюдать, как защитная реакция такого типа развивается прямо у него на глазах, когда в беседе затрагивается болезненный для невротика вопрос. В такие моменты пациент может оказаться временно неспособным понять простое объяснение или же ему приходится неоднократно повторять простой вопрос. В течение одного посещения могут даже иметь место два или три периода такой растерянности; иногда их появление представляет собой первый признак возникновения какой-то проблемы. Некоторые пациенты способны выключить свои мыслительные процессы и оставаться в состоянии смятения в течение ряда дней подряд; у других невротиков такое состояние является, очевидно, пожизненным и представляет собой одно из наиболее заметных качеств сознания невротика.

* Выражаясь более философски, можно сказать, что невротик оказался в основном в сетях идеалистического подхода к жизни. Вместо того чтобы заниматься реальными проблемами, применяя реальные меры, невротик начинает подходить к этим проблемам как к внутренним, психическим. Он пытается отделять свои мысли, свои чувства и вопросы своего счастья от реальных условий жизни. Этому его научает и к этому его поощряет столь активно ведущаяся в наше время пропаганда в пользу капитализма. По меньшей мере раз в неделю мы почти в каждой газете можем прочитать если не все, то большую часть следующих положений: материальные вещи не имеют значения; счастье – это исключительно душевное состояние; не имеет значения, бедны вы или богаты, ибо неизвестно, что именно составляет духовное благополучие; коммерция ухудшается по той причине, что у коммерсантов нет достаточного доверия друг к другу. Эти взгляды, согласно которым дух имеет абсолютное превосходство над материей, душевное состояние человека определяет все, а практическими делами управляют чисто духовные силы, являются естественным продуктом больного общества. Когда отдельный человек заимствует этот образ мыслей и применяет его к своим личным проблемам, он тоже становится больным.

Фактическая динамика этого состояния растерянности различна у каждого отдельного человека. Иногда выясняется, что пациент отказывается мыслить, боязливо обходит свои проблемы, отказывается делать необходимые выводы из тех данных, которыми он уже располагает. Когда это происходит, то, по моему мнению, отказ невротика мыслить мотивируется его смутным предвидением проблем, которые должны возникнуть, и тех последствий, перед которыми он окажется, если продумает факты до конца, с вытекающими из них выводами.

Кроме простого отказа думать, имеются и другие формы состояния растерянности, которые, по-моему, не вызваны самоубеждением, а вытекают из различных дефектов в подходе пациента к действительности. Некоторые невротики вырабатывают в себе поспешные, по своему характеру поверхностные, "интуитивные" виды мыслительного процесса. Они бегло присматриваются к проблеме и, оказавшись неспособными решить ее сразу, переходят к другому объекту мысли. Они не продумывают проблему спокойно и последовательно.

Другие индивиды имеют склонность заниматься маловажными или второстепенными деталями основных проблем. Они не могут разобраться в том, что в данной ситуации является важным и что – не важным. *Многие невротики предпочитают иметь дело с поверхностной видимостью проблем и не проникают в глубь того, что составляет сущность испытываемых ими трудностей. Это тем более верно потому, что невротик часто склонен рассматривать проблемы с точки зрения личности и личных отношений, вместо того чтобы видеть и пытаться раскрыть затронутые в каждом данном случае основные принципы и спорные вопросы.* Запутавшись в той или иной проблеме, невротик, весьма вероятно, будет истолковывать ее как результат личных нападков или злого умысла против него, не видя тех объективных причин, которые управляют поведением других людей. Например, большинство людей приписывает трудности, возникающие при браке, недостаткам личности или ошибкам супруга, мало понимая те объективные проблемы и конфликты, которые неизбежно присущи браку в нашем обществе и с которыми супругам пришлось бы встретиться независимо от того, с кем они вступили в брак.

Многие невротики не замечают того, что кажется очевидным, и поэтому не представляют себе выводов и последствий, которые вытекают из "очевидных" деталей. Наряду с этим мы наблюдаем не менее важную тенденцию невротика преуменьшать или не замечать всякие конкретные детали возникающей перед ним проблемы или сложившейся ситуации. При таком типе мышления внимание концентрируется лишь на колоссально широких обобщениях и абстрактных элементах жизни. Часто приходится наблюдать, что подобный невротик сначала делает свои общие заключения и лишь после этого принимается изучать фактически сложившуюся ситуацию, а иногда и вовсе не изучает ее.

Раз такой поспешный, неопределенный и отвлеченный образ мышления усвоен невротиком, он будет иметь тенденцию распространиться на всю структуру его мыслительного процесса, так что невротик, продумывая какие-либо теоретические проблемы, склонен делать те же ошибки, которые он делает при подходе к своим личным трудностям. В результате всего этого многие невротики начинают жить поверхностно. Они влачат существование от одного кризиса к другому, пытаясь разрешить каждый из них в меру своих способностей, прибегая к какому-нибудь временному средству, которое невротик укажет наилучшим в данный момент. Таким образом, при всей своей чувствительности невротики начинают подходить к жизни поверхностно, в различных ситуациях они действуют прагматично, ощупью, ошибочно, не замечая основных нитей, связывающих проблемы друг с другом. В результате такая "выгодная" деятельность приводит их лишь к еще большему кризису *.

* Прагматизм как философия является специфически американским явлением. Прагматизм – это отрицание теории; он возвеличивает практическое действие, его критерием истины является простое суждение, "работает" ли в данный момент что-либо или нет. Почему работает, для чего работает и каков подлинный характер достигнутых результатов – все это не является предметом обсуждения. Согласно философии прагматизма, вне нашего разума и нашей непосредственной практики объективной истины не существует; истина – это то, что выгодно и работает на нас в данный момент. Если в дальнейшем выгодным окажется что-нибудь другое, то это последнее тоже становится истиной – все равно, противоречит или не противоречит оно тому, что раньше было признано истиной. Средний американец не очень хорошо разбирается в этой философии, но пренебрежение к теории и сугубо подчеркнутое стремление быстро добиться практических результатов характерны для американской жизни; результатом часто является действие вслепую, которое разрешает непосредственный кризис, чтобы вслед за тем привести к еще более серьезному кризису. Этот прагматический образ мышления находит свое отражение особенно в личном поведении многих

невротиков, которые пытаются использовать то одно, то другое средство, не предпринимая, однако, серьезных и упорядоченных усилий, чтобы понять подлинную природу своих проблем.

Состояние растерянности является неизбежным результатом различных невротических извращений; поэтому правильно рассматривать невротика как особенно запутавшегося индивида. Это состояние растерянности отражает противоречивые и деструктивные стороны той практики и идеологии, под воздействием которых невротик оказался в условиях своего социального бытия. Оно возникает также из противоречий и неразумности собственного поведения невротика. Мы видим, следовательно, что растерянность невротика имеет несколько причин и принимает многие формы: неправильные представления о социальном процессе, неправильное понимание других людей и своих отношений с ними, понятие о мужском превосходстве и соответствующие черты личности, которые извращают понимание сексуальности, любви и семейных отношений; индивидуалистические, деструктивные способы действия, эгоистичные, буржуазные оценочные суждения и т.д. Наконец, состояние растерянности находит свое выражение в особом образе мышления, который ведет как к ошибочной интерпретации реальных ситуаций, так и заставляет невротика искать разрешения своих проблем внутри себя самого.

Преодолеть все это – задача более чем достаточная для любого человека, но положение невротика усугубляется некоторыми другими элементами. Они возникают из обрисованной выше структурной основы невроза. Прежде всего надо учесть, что каждому неврозу сопутствуют психосоматические реакции, то есть функциональные изменения в органах. Это неизбежно, поскольку мозг – орган, контролирующий весь организм и им управляющий, и за изменениями в мозгу следуют изменения в других частях организма. Эти психосоматические изменения большей частью безвредны, большинство из них невротик неизвестно, поскольку они протекают на таком уровне, который находится вне пределов сознания невротика. Однако у невротиков, отличающихся повышенной чувствительностью, возможно возникновение одного или более симптомов, основанных на мышечных спазмах, на изменениях в кровеносных сосудах или изменениях, затрагивающих целые части организма: усталость, головные боли, головокружение, различные по своей интенсивности боли, нарушение пищеварения, расстройство желудка и даже небольшое нарушение координации движений. Все эти симптомы, как и многие другие, могут возникнуть

в качестве реакции на измененное сознание. Они возникли не потому, что невротик этого хотел, они не представляют собой проявления различных "бессознательных влечений"; в самом деле, это явления, сопутствующие психически напряженному состоянию человека. Когда у человека наблюдается очевидный психосоматический симптом, то это свидетельство не специфически психически детерминированного влечения, а специфически психической слабости.

Отметим также, что при неврозе, как правило, действуют известные побочные, второстепенные механизмы. Присмотримся к человеку, у которого развиваются некоторые психосоматические боли. Подобный невротик может невольно поддаться желанию всецело заниматься этими физическими симптомами, и в этом случае он будет тратить двадцать четыре часа в сутки на заботы о своем здоровье, вместо того чтобы как-нибудь всерьез взяться за главные объективные проблемы, которые оказывают свое влияние и на его разум и на тело. Если бы его внимание не было сосредоточено на вопросах здоровья, он занялся бы уровнем своего интеллектуального развития, своим внешним видом, своим физическим здоровьем и многим другим. Временами второстепенные проблемы настолько поглощают внимание невротика, что представляется невозможным заставить его серьезно обдумать свои основные социальные и практические проблемы, которыми косвенно были вызваны его второстепенные расстройства. Все это неотъемлемая сторона склонности невротика иметь дело не с реальной сущностью явлений, а с их видимостью.

Наконец, следует указать, что невротик может оказаться опутанным рядом весьма сложных, не поддающихся контролю и лишенных смысла субъективных реакций. Я имею в виду чувства, лишенные связи с реальностью, необычные реакции на усталость, фобии, навязчивые действия, кратковременные, не поддающиеся контролю реакции на панику, моменты субъективного отчаяния и паралича, фантастические сны, преходящие фантастические мысли, связь которых с реальными условиями обнаружить невозможно. Хотя ничто из перечисленного выше нельзя считать бессмысленным в буквальном смысле этого слова, мы не можем все это объяснить на основе обычной психодинамики. Я полагаю, что эти явления не могут быть объяснены как обычные реакции сознания. Смехотворно и ненаучно утверждать, что у человека появилась язва желудка потому, что он этого хотел, или потому, что он "направляет свою агрессию внутрь". Его язва – проявление напряженного состояния, и если бы

его физиологическая структура была иной, мы бы наблюдали некоторые другие проявления. Подобным же образом некоторые из наиболее далеких от действительности реакций остробольного невротика или человека, стоящего на грани психоза, не могут быть объяснены тем, что указанные люди их сознательно хотели иметь или что они происходят непосредственно от обычных мыслей и чувств. Мы здесь имеем дело с весьма запутанными явлениями, которые в конечном счете могут быть объяснены с точки зрения условных рефлексов функционально расстроенного мозга. Раз в сознании человека был достигнут определенный уровень агрессии, то – я вполне уверен – будут иметь место расстроенные психические реакции, которые должны быть объяснены скорее с позиций физиологии, а не психологии. Независимо от того, как долго вы будете "анализировать", по каким специфическим причинам человек решил обзавестись своей язвой, она у него сохранится до того момента, пока его основные социальные проблемы будут поняты и разрешены посредством разумной борьбы. Точно так же, сколько бы вы ни анализировали свойственную пациенту фобию или некоторые другие из упомянутых выше реакций больного, они у него останутся до тех пор, пока он по-иному не приспособится к своей социальной среде и соответственно не изменится к лучшему его система взглядов на действительность. Следовательно, подробное субъективное изучение психосоматических условий, фобий, оторванного от реальной действительности состояния больного и т.д. – все это почти всегда бесполезная трата времени; но все эти болезненные явления исчезнут автоматически, если вы сумеете изменить социальную практику невротика и устранить основные пороки в его мышлении и системе взглядов.

Во всей совокупности своих проявлений невроз – грозное, трудно преодолимое заболевание. Мы должны одновременно рассматривать извращения в социальной практике невротика, его неправильные представления, иллюзии и искажения в образе мыслей, которыми отличается сознание невротика. К этому надо добавить некоторые психосоматические симптомы, вторичные циклы и развивающиеся сверх всего этого субъективные реакции, о которых речь шла выше. Если ко всему этому мы добавим индивидуалистическую изоляцию невротика от других людей, то, что он постоянно чувствует себя несчастным и его многочисленные практические неудачи, то мы сможем охватить всю серьезность проблем, перед которыми оказывается невротик.

НЕВРОЗ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ НЕВРОТИКА

Заметной, бросающейся в глаза характерной чертой невроза является цепкость этой болезни и медленность, трудность ее лечения. В известных, имеющих исключительно большое значение областях, различных для каждой личности, невротик оказывается почти неспособным учиться на опыте жизни. Ему крайне трудно преодолеть страх или прекратить деятельность, неразумность которой ему самому понятна.

Одна из моих пациенток в течение двадцати лет ежедневно ходила на швейную фабрику, где она работала, и все же каждое утро боялась, что не справится с дневным заданием. Этот страх упорно держался, несмотря на то, что ее мастерство высоко ценили.

Другой пациент, паровозный машинист, не был уверен, что он в состоянии удовлетворительно справиться со своей работой, хотя он в течение трех лет выполнял ее без единого срыва. Его ни одного дня не покидал страх, что он не сможет обеспечить прохождение поезда через одну небольшую возвышенность; хотя он всегда благополучно преодолевал эту возвышенность, страх все же оставался.

Такие примеры можно было бы умножать бесконечно. В отношении преодоления невроза малоэффективными оказываются не только обычный опыт, простая логика и бесхитростные беседы; даже научно обоснованное лечение оказывается медленным, трудным и часто не ведет к нужному эффекту. Побороть невроз – задача непростая, это один из наиболее сложных процессов в медицинской практике.

Крайне упорный характер невротических симптомов и невротической деятельности привел Фрейда к постулированию им "навязчивого повторения" – силы, которая, как считал Фрейд, пребывает в "бессознательном". Эта сила, или направляющая тенденция, вынуждает индивида повторять свое поведение и свою психическую деятельность, раз такое поведение и такая деятельность уже имели место. Таким образом, индивид автоматически стремится повторять любую деятельность, которую он проводил раньше; благодаря этому навязчивому повторению у невротика могут сохраняться в силе симптомы, для существования которых нет никаких других причин.

Это объяснение является и мистическим и неразумным. Люди никогда ничего не делают и никогда не повторяют свое поведение, если их к этому не вынуждает внешняя необходимость, влияние окружающей среды. *Если невротик продолжает вести себя неразумно, то он это делает под влиянием данных условий его жизни и в порядке реакции на внешнюю необходимость.* Неразумность поведения невротика означает лишь то, что он неправильно понимает свою ситуацию *.

* Автор не учитывает здесь, что своеобразная *патологическая инертность* высшей нервной деятельности, часто характерная для ослабленной коры головного мозга невротика, может привести к появлению навязчивости, даже лишенной разумной причины. – *Прим. ред.*

Имеется целый ряд серьезных, не мистических причин, которые, взятые вместе, объясняют, почему невроз держится так стойко.

Прежде всего мы никогда не должны забывать, что невротик все еще живет в условиях той самой социально-экономической системы, из-за которой он первоначально и заболел. Следовательно, невротик постоянно подвергается влиянию нового опыта, новых ситуаций и новых взаимоотношений такого типа, которые воспроизводят и вновь активизируют те деструктивно действующие условия, которыми и была вызвана его болезнь. Любой испуганный и недоверчивый невротик может каждодневно ссылаться на тысячу событий в жизни нашего времени, которые подкрепят любое сложившееся у него отрицательное мнение о людях. Очень трудно перевоспитать больного человека, когда жизнь, по-видимому, каждый день подтверждает, что многим людям нельзя доверять, что они склонны к насилию, эгоистичны, зловредны и никогда не знаешь, чего от них еще ждать. Проблема переобучения невротика осложняется, далее, тем фактом, что почти все люди, даже те, у которых не преобладают порочные качества, в определенные моменты жизни способны на эгоистичные, антиобщественные поступки. Невротик ошибается, когда считает, что эти качества составляют наиболее существенные элементы характера обычного человека либо даже что по этим качествам можно составить о нем полное представление. Понимание невротиком людей односторонне; однако не так-то просто ему это доказать.

Конкуренция и эксплуатация, внутренне присущие экономической системе конкуренции и погони за частнособственнической прибылью, непрерывно воздействуют на жизнь всех нас – и

невротиков и не-невротиков. Но эти условия имеют для невротика особый смысл: они усиливают его страх, его чувство неполноценности, индивидуалистический, деструктивный характер его поведения. В конечном счете невротические страхи и невротическое поведение не могут быть полностью преодолены, пока у пациента не выработается некоторое понимание социальных причин того дурного обращения, которому он подвергался раньше и еще подвергается теперь.* До тех пор, пока невротик пытается с чисто индивидуальных позиций попятить свои трудные отношения с людьми, он никогда полностью не выздоровеет, ибо его индивидуальные трудности, прежние и настоящие, являются результатом определенных социальных условий, а не злой воли или дурного поведения того или иного индивида. Надо добиться, чтобы невротик научился видеть связи, существующие между общими и частными явлениями, и мог понять, какими специфическими путями социальные силы нашего времени создают для него личные трудности. Этим мы не хотим сказать, что для своего выздоровления невротик должен стать философом, историком или знатоком политэкономии, но это означает, что невротик должен иметь какое-то представление о силах, которые на него воздействуют. Например, невротик не сможет разрешить проблемы брака, любви и сексуальности, если он не осознает то неблагоприятное положение, которое женщина занимает в нашем обществе.

С постоянным усилением у невротика ложных представлений и путаницы тесно связано усиление извращенных и эгоистических свойств его личности. Те в высшей степени индивидуалистические, порожденные конкуренцией свойства, которые привели невротика к искаженному суждению о своей личной ситуации, каждодневно подкрепляются практикой и свойствами нашей жизни в условиях свободного предпринимательства. Невротик не может быть излечен, если он не изменит свои болезненные качества, но эти качества укрепляются благодаря его участию в жизни нашего времени. Все это способствует продлению и даже укреплению его невроза.

Второй главной причиной медленности и трудности лечения невроза является тот факт, что *невроз – это не только состояние ума*. Невроз – это отражение весьма реальных, объективно существующих практической деятельности и взаимоотношений, в которые вступает невротик. Другими словами, невроз – это отражение его образа жизни, и для того, чтобы изменился невроз, требуется изменить конкретный образ жизни невротика. Он должен прекратить свою деструктивную практику; он должен переменить

свое отношение к женщине; он должен понять, кто его подлинные враги, и эффективно с ними бороться; он должен объединиться с конструктивно действующими людьми, с конструктивными силами нашего общества.

Однако не так легко изменить сложившийся образ жизни. Это относится к людям всех возрастов, но взрослому человеку становится особенно трудным менять свои материальные обязанности. Часто невозможно перейти на другую работу или переменить профессию, кроме того случая, когда человек согласен идти на любые жертвы и испытывать неприятности, которые могут быть весьма суровыми и длительными. Нелегко найти новое место в жизни; различные практические обстоятельства могут сделать почти невозможным избавление от деструктивно влияющих учителей, родственников или других людей из своего непосредственного окружения. Нелегко приобрести новых друзей и конструктивно участвовать в жизни нового окружения, в которое вы вступили. Если человек одинок, то нелегко вступить в брак, особенно женщине; и женщине и мужчине нелегко добиться развода, если даже обстоятельства подтверждают, что в данных условиях это наилучший способ действий.

Трудно менять сложившийся образ жизни еще и потому, что нас с ним связывает материальная заинтересованность, что мы извлекаем из него определенные выгоды. Ставить перед невротиком вопрос об изменении условий его жизни – значит требовать от него слишком многого, ибо объективно менять их трудно, а невротик извлекает из них определенные материальные и психические выгоды. С точки зрения материальной особая зависимость невротика от других людей в финансовом отношении может доставлять ему физические удобства. Если он откажется вносить свою долю труда в обеспечение домашнего хозяйства, он может получить больше времени для чтения и удовлетворения тех или иных своих нужд; он сможет иметь много больше свободного времени и ощущать много меньше усталости, если он будет мало заботиться о практическом уходе за детьми. Он может предпочесть остаться на своей неинтересной или унижающей его работе и жаловаться по этому поводу, вместо того чтобы утруждать себя поисками лучшей работы, что связано с риском и известными трудностями. И, наконец, установившийся образ жизни в общем помогает ему избежать столкновений различного типа: он обеспечивает ему известный душевный покой и дает ему возможность избежать некоторых проблем, которые сильно расстроили бы его, если бы он оказался перед необходимостью их разрешать.

Третий фактор, пожалуй, труднее понять, чем первые два. Задача найти успешный выход из трудных жизненных ситуаций не приводит просто к тому, что невротик начинает пытаться тем или иным способом или избежать трудностей, или справиться с ними. Чтобы жить согласно собственным нормам, а также нормам других людей, невротик, в случае если его поведение отклоняется от этих норм, должен как-то оправдать или объяснить это поведение. Эти оправдания предназначены для того, чтобы убедить как себя самого, так и других людей, и препятствуют осознанию невротиком того, что он соответственно делает. Хотя эти оправдания сводятся к разновидности самообмана, невротик может держаться за них очень цепко. Он поступает так потому, что, если он откажется от этих оправданий, он немедленно окажется перед лицом проблем, которых он боится и с которыми он всеми силами старается не сталкиваться.

Для иллюстрации приведу пример с одним из моих пациентов, который боялся брака и старательно избегал любой женщины, подходящей для брака. Однако он не мог признаться себе в этом, он не смог сам осознать подлинную природу своих отношений с женщинами. Он утверждал, что его поведение случайно. Он никогда не мог встретить нужной ему женщины; все женщины склонны эксплуатировать других; он любил женщину, собиравшись на ней жениться, но она вышла за другого; он хотел бы жениться на женщине, с которой он теперь дружит, но есть много веских причин в данный момент, чтобы это отложить; он зарабатывает 90 долларов в неделю, но этого недостаточно, чтобы жить вдвоем; он влюбляется только в замужних женщин; он так некрасив и глуп, что никакая женщина не захочет стать его женой.

Перечень возможных уверток, самооправданий и смягчающих обстоятельств почти бесконечен. Все они в итоге сводятся к постоянным уверениям невротика, открытым или подразумеваемым, что он бессилен что-либо предпринять: что условия и обстоятельства, находящиеся вне его контроля, вынуждают его действовать именно так, как он это делает.

Это невротическое чувство беспомощности – сложное явление. Прежде всего оно отчасти оправдано, ибо невротика сделали больным обстоятельства, которые объективно находятся вне его контроля. Во-вторых, чувство беспомощности невротика по необходимости должно возникнуть как результат его неправильного понимания действительности и того состояния смятения, в котором он находится; эти же причины не дали ему разрешить свои

трудности, несмотря на яростные, но неправильные попытки невротика их преодолеть. Невротик персонифицирует и индивидуализирует свои проблемы; он имеет дело с видимостью явлений, а не с их сущностью; изолированными, индивидуалистическими приемами и средствами он берется за разрешение таких проблем, с которыми он без помощи и поддержки других людей не справится. Совокупность всех этих обстоятельств и неудач создают у невротика чувство беспомощности и убеждение, что он во власти таких сил, которые он не может понять и не в состоянии контролировать.

Проблема, однако, еще более сложна. Многие невротики используют свое чувство беспомощности в своих собственных целях. Чтобы избежать борьбы и подтвердить, что его нельзя считать ответственным за деструктивные, антисоциальные элементы в практике его поведения, невротик действительно может сказать себе и другим: "Вы не можете особенно рассчитывать на меня. Я не очень смышлен и не очень хорошо справляюсь с тем, что мне поручают. От меня мало толку, я слаб и беспомощен, я чересчур молод (или чересчур стар) и т.д., так что осторожнее относитесь ко мне".*

* Читатель не должен думать, что каждый невротик выдвигает все оправдания, приведенные здесь и выше. Это только перечень некоторых из более типичных оправданий, выдвигаемых невротиком для объяснения своего поведения.

Все сказанное выше сводится к развитию "искусственного" комплекса неполноценности – умонастроения, которое действует весьма деструктивно на самого невротика. С одной стороны, такое убеждение, несомненно, делает жизнь во многих отношениях более легкой. Если невротик искренне уверен, что он слаб, неполноценен и т.д., то это по крайней мере служит ему оправданием его неудач: он вправе требовать особой помощи и освобождается от необходимости продолжать борьбу с неврозом. Эти весьма практические выгоды, которые проистекают из чувства неполноценности, объясняют, почему некоторые взрослые невротики отвергают любые доказательства того, что они в действительности не безобразны, не глупы, что они не являются неполноценными в каком-либо другом смысле, и отказываются рассматривать эти вопросы. Если бы они это признали, им пришлось бы немедленно столкнуться с проблемами, которых они избегали по мотивам, не связанным с якобы свойственной им неполноценностью. Именно по этой причине простая логика и беседа не смогут убедить невротика, что он не является неполноценным существом.

С другой стороны, эта мысль о собственной неполноценности весьма мучительна для невротика. Она не приводит к подлинному душевному покою и, удерживая невротика от правильных попыток справиться со своими проблемами, часто ведет к более серьезным неудачам. Таким образом, чувство неполноценности понемногу углубляется, ибо оно заставляет невротика неправильно судить о ситуации и действовать в таком направлении, что дела действительно начинают идти все хуже и хуже.

Есть и другой вид оправдания своих неудач: вину за все свои недостатки невротик может свалить на других и упрекать их за это. Этот деструктивный образ действий невротика является результатом весьма одностороннего взгляда на людей и сложившуюся обстановку; согласно этой точке зрения, виновны всегда другие люди, вынуждающие невротика действовать так, как он сделал. Уклоняясь от личной ответственности и занимаясь поисками виновных, невротик не может разрешить свои трудности. Вдобавок его антиобщественные взгляды и поведение создают все новые проблемы: непрерывно возникают ссоры между невротиком и другими, его изоляция усиливается, личные трудности усугубляются, и следуют новые неудачи.

Имеются, конечно, еще многие другие виды невротических оправданий и форм самообмана, с помощью которых невротик пытается облегчить свою жизнь. Все они имеют своим источником воздействие на невротика различных видов антиобщественного поведения других людей. Полученный таким образом опыт находит свое отражение в сознании невротика, искажая это сознание в соответствующем направлении, порождая безответственные, ложные и антиобщественные взгляды, становящиеся характерным проявлением извращенного сознания невротика. Вопрос о причинах, последствиях и влияниях этих невротических оправданий и отговорок заслуживал бы сам по себе особого солидного исследования, но в данном труде подробное изложение их не представляется возможным и необходимым. Я упомянул об этих фактах потому, что несведущий человек обычно чересчур упрощенно относится к поведению невротика, не уделяя достаточного внимания тем объяснениям, которые в открытой или скрытой форме невротик выдвигает в оправдание своих поступков. Из-за тумана оправданий, отговорок и маскировки своих поступков, а также из-за того, что подлинный смысл поведения невротика часто противоречит его кажущимся или открыто провозглашенным намерениям, нелегко бывает установить, как же действительно следует трактовать

поведение невротика. Нередко оказывается, что нам самим легче уяснить этот вопрос, чем разъяснить его невротик, ибо оправдывающие доводы, которые придумывает невротик, предназначены им прежде всего для того, чтобы убедить себя самого.

Четвертый фактор, объясняющий то, почему невротик часто ничему не научается и не меняется под воздействием приобретенного опыта или обсуждения с ним его трудностей, которое должно было бы ему помочь, исходит из того, что невроз – не статическая социальная практика, не статическая структура неправильных, противоречивых суждений и идей, невроз – не статическое непонимание общественного процесса; невроз – это также и извращенный особым образом тип психической деятельности.

Сравним мыслительный процесс с математическими формулами. Математика – способ рассуждения, который получил свое развитие в связи с усилиями человека осмыслить процесс развития вещей и взаимоотношения между ними. Истинность математики зависит от истинности предпосылок. Борясь с навязанными ему трудными ситуациями, невротик вырабатывает психическую математику, которая в своих пределах является, возможно, довольно последовательной, но структура которой в целом ошибочна. Психические процессы, имеющие место у параноика, могут служить особенно ясным примером этого. Если вы примете все основные предпосылки параноика, то вам не останется ничего другого, как согласиться с его заключениями, ибо одно естественно вытекает из другого. Но если вы подойдете к нему объективно и рассмотрите его мыслительные и эмоциональные процессы в целом, то убедитесь, что не только предпосылки и заключения, но и весь процесс мышления параноика в целом является алогичным. По дерганию брови у человека, которого он раньше никогда не видел, параноик может сделать заключение, что этот человек обвиняет его в гомосексуализме. В данном случае он мыслит алогично, ибо из незначительных поводов он делает кучу выводов; однако параноика невозможно убедить в том, что у этого человека бровь дернулась по какой-либо другой причине.

Нерациональную структуру мышления мы наблюдаем и при неврозе, хотя здесь она может быть значительно менее заметной. Однако и при неврозе она иногда выступает резко: например, одна из моих пациенток начинала беспокоиться, когда хвалили ее выступления на сцене. Если хвала была настойчивой, она приходила в ярость!

Поэтому так трудно добиться того, чтобы невротик изменил свое понимание; если даже мы дадим ему правильную информацию, его искаженные умственные процессы приведут его к заключениям, отличным от тех, которых следовало нормально ожидать.

Если правда, что для невроза характерны искаженные умственные процессы, то эти искажения, естественно, касаются не только понимания невротиком его личных отношений, но распространяются и на другие сферы. В самом деле, тщательное наблюдение всегда покажет, что у подлинного невротика имеются серьезные искажения также и в области абстрактного мышления. Сверхосторожность и робость в личной жизни могут повлечь за собой неспособность делать выводы на основе изученных материалов и данных исследования, а также неспособность урегулировать или хотя бы ясно поставить какой-нибудь практический вопрос. К проблемам академическим, экономическим и политическим невротик может подходить со свойственным ему "грандиозным масштабом" – чересчур широко и чересчур общо. Конкретные результаты не достигаются потому, что проблема не расчленялась на отдельные элементы, поддающиеся разрешению. Одна из моих пациенток пыталась изучать каждую неделю десять объемистых учебников, и, схватывая общие места, она пропускала, как неважные, все существенные детали!

Как бы ни были чувствительны невротики, они не в состоянии понять себя как целое, и точно так же они не могут охватить в целом какое-либо из личных отношений, в которые они вовлечены; их мыслительные процессы приобрели защитный, сложный и тенденциозный характер. При этом характере искаженного понимания действительности и извращенных мыслительных процессов невротик становится неспособным справиться прямо и просто с определенными ситуациями, имеющими для него решающее значение.

Таким образом, невроз по существу представляет собой извращенную социальную практику вместе с ограничением сознания и извращением его структуры. Если добавить к этому факту, что невротик продолжает жить в основанном на конкуренции обществе, что он поэтому подвергается ежедневно новым несправедливостям и тем влияниям, которые его сделали больным в свое время, то мы начнем понимать, почему обычной логикой и простыми мерами перевоспитания часто не удается преодолеть убеждения невротика или изменить его поведение.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Весьма внушительное число случаев психических заболеваний в нашем обществе вызвало к жизни ряд различных методов их лечения. Большая часть этих способов лечения объединяется под названием психотерапии, то есть метода лечения, когда к мыслям и действиям больного подходят как к таковым, на их собственном уровне (то есть как к психическим явлениям. – *Ред.*), а не на уровне физиологии, лекарственной терапии и т.д. Психотерапия в целом пытается непосредственно иметь дело с мыслями и чувствами пациента или посредством бесед, или же ставя пациента в такие условия, при которых он может приобрести практический опыт, способный изменить сознание больного.

Известно множество различных психотерапевтических приемов: от простого знахарства, через ненаучные, но искренние советы и несколько разновидностей внушения и гипноза, различные виды социальной казуистики и электро-психотерапии до классического фрейдовского психоанализа с его многочисленными ответвлениями. В Америке продолжают существовать практикующие врачи всех типов и школ, но наиболее влиятельными в настоящее время являются классическая фрейдовская школа и школа так называемого "культурного" психоанализа, являющаяся новейшей формой фрейдизма. Данное направление, представленное в работах Хорни, Фромма и других, является синтезом теорий, изложенных в работах Адлера, Ранка, Абрахама, Ференчи, Гарри Стек Салливана, в писаниях В.Райха до 1930 года и т.д.

Мы могли бы, как это уже было сделано в нашей книге, указать на многие ошибки в теоретических построениях как фрейдовского, так и "культурного" психоанализа. Но в большинстве случаев сторонники психоаналитического лечения игнорируют эту критику. Они отвечают избитым оправданием, что их лечение "работает". Психоанализ, говорят они, на практике дает положительные результаты, и последние или подтверждают лежащую в основе этой практики теорию, или же оправдывают ее применение вопреки присутствующим ей недостаткам.

Если мы присмотримся к результатам такого лечения, то мы столкнемся с тем малопонятным фактом, что во всех случаях действительно достигаются известные положительные результаты, по крайней мере если судить по симптоматике. Другими словами, как

будто складывается такое положение, когда практика подтверждает теорию, против которой могут быть выдвинуты многие возражения с философской и научной точки зрения. Более того, эти результаты иногда достигаются всеми основными видами психоаналитической теории, несмотря на то, что они часто противоречат друг другу и по многим спорным вопросам придерживаются противоположных взглядов.

Еще больше запутывает положение тот факт, что иногда помощь невротикам оказывают явно ненаучные методы лечения. Приверженцы "христианской науки", священники, пасторы, раввины, странствующие гипнотизеры и даже всевозможные знахари-шарлатаны успешно добиваются того, что невротики избавляются от симптомов болезни!

В результате этого некоторые люди считают, что невозможно установить различие между одними разновидностями психотерапии и другими, что не важно, какой применяется способ лечения, поскольку все они "работают". Другие же пришли к заключению, что психология в целом настолько ненаучна и что психотерапия настолько родственна религиозным и ненаучным приемам лечения, что лучше всего не обращать внимания на степень научной обоснованности того или иного приема.

Хотя мы не можем согласиться с подобной установкой, как явно антинаучной, мы не можем стать и на прагматическую точку зрения. *Вполне возможно четко разграничить эти различные способы лечения, а также показать, что невозможно отделить психоаналитическую практику от психоаналитической теории.* Ошибки в последней неизбежно находят отражение в первой. Это можно наглядно показать, во-первых, при более тщательном изучении результатов лечения и, во-вторых, при помощи несколько более подробного изучения теории лечения.

Продолжительность существования психотерапевтического лечения говорит о том, что в результате почти любого вида лечения многие невротики вначале чувствуют себя лучше. Однако проведенные исследования показывают, что улучшение может длиться месяцами или же в течение немногих недель, а иногда удерживается лишь на время фактического курса лечения, и рецидив наступает вскоре же после его окончания. Если это верно в отношении ко всем методам лечения невротиков, то можно, однако, определенно установить, что наиболее длительные результаты дают научно обоснованные методы

лечения. Результаты, достигаемые "христианской наукой" и различными ненаучными формами терапии, включая знахарство, обычно бывают весьма недолговечными. Серьезное ухудшение, часто наступающее в результате применения этих методов лечения, их несоответствие затушевывается тем фактом, что по крайней мере к концу лечения налицо было видимое улучшение в состоянии больного. Опыт показывает, что, если ненаучные методы применяются в течение достаточно длительного времени, это ухудшение в состоянии больного может наступить даже в ходе фактического курса лечения.

Время от времени длительные результаты достигаются обращением больного в какую-либо религиозную веру или веру во что-нибудь другое. Когда нечто подобное имеет место, результаты объясняются или непрерывным лечением (в форме непрерывного соблюдения религиозных обрядов), или же тем, что фактически произошло какое-то коренное изменение в понимании и во взглядах больного.

Вообще, однако, можно прийти к убедительному разграничению между различными видами лечения посредством наблюдения за продолжительностью достигнутого улучшения и особенно за тем, в какой мере бывший пациент окажется способным справиться с новым кризисом. Если лечение было действительно успешным, то столкновение с новым кризисом не вызовет у этого человека рецидив невроза.

Чтобы оценить результаты лечения, надо не только констатировать длительность улучшения в состоянии больного. Мы должны также уделять внимание характеру терапевтических результатов, достигнутых под воздействием различных методов лечения, ибо изменения в состоянии больного в зависимости от этого не одинаковы.

На практике мы замечаем, что благоприятные результаты, достигнутые в итоге некоторых форм лечения, являются не только весьма скоропреходящими, но и крайне поверхностными: лечение послужило временным психологическим "возбуждающим средством", и улучшение в состоянии пациента было совершенно субъективным. У пациента не исчезли симптомы болезни, но он почувствовал себя лучше благодаря временной вспышке оптимизма. Однако такое настроение скоро исчезает, часто ввергая пациента в состояние еще большего смятения и безнадежности, чем раньше. Такого рода результаты мы часто наблюдаем, когда больного

пытаются лечить с помощью знахарства, включая методы, основанные на обмане или на внушении.

При других видах лечения добиваются устранения тех или иных беспокоящих пациента симптомов, но при этом не разрешаются основные его трудности. Это не умаляет значение таких результатов, ибо избавление пациента от симптома и его раздражающего, депривирующего действия может оказать пациенту большую пользу и облегчение. Трудность заключается, однако, в том, что если данный человек вновь окажется перед лицом кризиса, то или возвращается старый симптом, или появляются новые симптомы.

Две разновидности терапии, при которых достигается улучшение в отношении симптомов, но остаются неразрешенными основные трудности, могут быть охарактеризованы следующим образом: во-первых, это такие способы лечения, которые базируются прежде всего на внушении и убеждении, когда врач или гипнотизирует пациента, или занимается внушением. Во-вторых, имеется ряд приемов лечения, которые можно характеризовать как приемы "подавления воодушевления". В таком случае пациент в значительной степени стимулируется к тому, чтобы подавлять и игнорировать симптомы своей болезни, и в то же время его стараются воодушевить новыми целями, новым образом жизни, причем все это делается прямым, непосредственным путем. Указанные две разновидности терапии – метод внушения-убеждения и подавления-воодушевления – часто применяются религиозными людьми, различного рода психологами-советчиками, психиатрами-непсихоаналитиками, гипнотизерами и людьми, работающими в области казуистики.*

* Будет, пожалуй, полезным разъяснить некоторые термины. Психолог – это человек со степенью магистра или доктора, присвоенной ему колледжем или университетом. Пройденный им курс обучения включает изучение памяти, процесса обучения, восприятий, рефлексов, проведение психометрических тестов, экспериментирование над животными и т.д. В последние годы курс психологии все больше перемещался в сторону изучения ненормальностей личности и клинической психологии. Психиатр – это врач, окончивший медицинский институт, имевший годичную практику в обычной больнице и работавший после этого в течение года или больше в психиатрической клинике или государственной больнице. Эта работа обычно включает некоторую диагностическую практику и лечение острого психотического состояния, но, как правило, уделяется очень мало внимания обучению психиатра психотерапии. Психоаналитик – это психиатр, который окончил одну из школ, где обучают психоанализу. В дополнение к общему обучению, как психиатра, курс здесь предусматривает психоаналитическое ведение отдельного больного, примерно пятнадцать курсов по теории, технике,

практике и литературе психоанализа, так же как определенную практику под непосредственным наблюдением и руководством старшего, преподающего психоаналитика. (Имеются некоторые лица, которые не имеют степени доктора и магистра, но которые прошли курс обучения психоанализу и стали непрофессиональными психоаналитиками.)

Чтобы дать оценку результатов фрейдистской терапии, мы должны вернуться к изложению некоторых основных элементов его теории. Нельзя отделять теорию от практики; практические результаты могут быть поняты лишь в свете теории.

Фрейд утверждал, что невроз является результатом того, что у взрослого человека упорно сохраняются младенческие и детские виды половых влечений. Не изменяемые с ранних стадий жизни, эти влечения существуют в "бессознательном" невротика. Многие его симптомы представляют собой скрытое или символическое удовлетворение этих бессознательных желаний. Эти тенденции создают у невротика чувство тревоги и вины, и вдобавок он чувствует себя несчастным в связи с течением его жизни: жизнь идет не так, как нужно, ибо он не в состоянии действовать таким образом, как это подобает нормальному взрослому человеку. (Читатель должен помнить, что фрейдовское определение нормального сводится к тому, что взрослый человек в состоянии удовлетворять свои половые импульсы гетеросексуальным путем, не испытывая чувства вины, не зная беспокойства и торможения. Если человек окажется способным на это, то психоаналитик фрейдовского толка будет считать его состояние хорошим даже в том случае, если в области других функций у него обнаруживаются дефекты.*)

* Я должен настаивать на том, что это не преувеличение. Мне не раз приходилось сталкиваться с больными, которые раньше были у фрейдовского психоаналитика; после длительной беседы об их половой жизни психоаналитик им заявлял, что ничего существенного, болезненного у них нет. Это были такие невротики, у которых половые функции протекали нормально.

Цели, которые ставит себе фрейдовская терапия, логически вытекают из подобного определения невроза. Эти цели таковы: 1) Освободить либидо* от его детских фиксаций. 2) Преодолеть фиксацию половых влечений на родителях. 3) Сделать возможным для невротика отказаться от попыток удовлетворения этих старых импульсов. 4) Добиться того, чтобы пациент был в состоянии считать свои половые импульсы и агрессивные влечения естественными, универсальными и не обязательно грязными и заслуживающими осуждения. 5) Если пациент – женщина, она должна отказаться от своей зависти к

мужскому половому органу и "признать" тот факт, что она женщина.**

* Согласно теории Фрейда, либидо – психическая сила, или психическое проявление полового инстинкта.

** По Фрейду, идеальной считается покорная, податливая и уступчивая женщина.

Чтобы достигнуть этих целей, необходимо, по мнению Фрейда, бессознательные эмоции, влечения и мысли сделать самосознательными. Пациент должен понять самого себя, он должен дать себе отчет в своих внутренних устремлениях и внутренних потребностях, должен выработать умение смотреть внутрь себя. Он добивается этого, разбирая воспоминания о половых аспектах самых ранних лет своей жизни, открывая таким образом свои подавленные стремления. Последние высвобождаются из "бессознательного" путем предоставления данному человеку возможности беспрепятственного высказывания складывающихся у него ассоциаций, путем анализа его ассоциаций, сновидений и перенесения его стремлений* на психоаналитика. Когда все это будет высвобождено из его "бессознательного", наступит выздоровление.

* Согласно фрейдовской теории, перенос – это отношение пациента к своему психоаналитику. Свои половые желания, устремленные в прошлом на родителей, пациент в настоящее время переносит на психоаналитика. Это, по мнению Фрейда, определяет форму отношения пациента к врачу.

Мы видим, таким образом, что каждый догмат теории Фрейда находит свое неизбежное непосредственное выражение в практике лечения по его методу. Ослабляя чувство вины и тревоги, устраняя некоторые моменты торможения и способствуя росту уверенности больного в своих силах и агрессивности, терапия Фрейда может иметь своим результатом субъективное чувство облегчения у пациента. Пациента научили терпимо относиться к своим агрессивным импульсам и половым влечениям; если это женщина, то ее научили признавать свою участь и не бороться против нее. Вопреки таким субъективным чувствам улучшения, наблюдателю часто становится ясно, что основные трудности и поведение пациента остались без изменений. Бывший пациент продолжает поступать так же, как и до лечения, с той лишь разницей, что он себя при всем том лучше чувствует! Но пациент теперь вдобавок отягощен целой мифологией о ранней поре своей жизни, неправильно понимает вопросы пола, его взор обращен в прошлое, вместо того чтобы

заниматься настоящим, и он воспринял все другие ошибки фрейдовской системы мысли.

В других случаях пациент в результате лечения мог научиться свободно "изживать" свои влечения. Сущность этого особенного происшедшего в невротике изменения состоит, очевидно, в том, что в нем выработались крайне индивидуалистические, эгоцентрические взгляды на жизнь. Бывший пациент самонадеянно претендует на право в каждый данный момент удовлетворять любое возникшее у него желание, игнорируя при этом принятые обычаи и нормы, а также потребности других людей. В результате пройденного курса лечения способность пациента к установлению общественных контактов фактически уменьшилась, и он перестал отзываться на нужды и права других людей, то есть фактически стал слеп и в этом отношении.

В тех случаях, когда безуспешность фрейдовской терапии выступает более заметно, она оставляет пациента в состоянии безнадежности и смятения; он испытывает сомнения в своих собственных побуждениях и в побуждениях любых других людей, он чувствует, что находится во власти демонических сил, которые непрерывно поднимаются из его "бессознательного" – из области, которая навсегда останется недоступной для его понимания и контроля. Вдобавок пациент теряется в тумане интроспективных, субъективных и индивидуалистических душевных раздумий в поисках своих мирских проблем; он видит все в сексуальном свете, ко всему подходит с точки зрения реакции на перенесение своих переживаний с родителей на других людей. В этих случаях, которые нередки, состояние пациента становится хуже, чем оно было до лечения, – хуже потому, что те пути, по которым могло бы быть достигнуто улучшение состояния пациента, теперь ему заказаны из-за его неспособности понять подлинные проблемы внешнего мира. Вместо того, чтобы изучать внешнее и стараться понять стоящие перед ним действительные социальные проблемы, пациент, как его научили, смотрит внутрь себя – занятие, которое никак не может его излечить, как бы он в этом ни усердствовал.

Когда фрейдистское лечение дает объективно благоприятные результаты, они достигаются вопреки теории инстинктов и невзирая на то, что данный психоаналитик был поглощен вопросами свободных ассоциаций, сексуальным материалом и внутренними силами. Эти результаты были случайно достигнуты

благодаря хорошим взаимоотношениям между пациентом и врачом, благодаря здравому смыслу врача или в итоге получения тех новых данных о пациенте, которые врачу случайно удалось выявить в ходе лечения. В конце концов, после трехсот или более часов обсуждения жизни другого человека и своей собственной практически не остается ничего неясного в его жизни.

Психоаналитическое лечение получило значительное развитие после Фрейда. В произведениях д-ра Хорни содержится многое такое, чего не было в работах классического психоанализа. Невроз здесь не рассматривается как инстинктивное или половое нарушение нормальных функций, и соответственно исчез присущий фрейдизму особый упор на вопросах пола и на первых шести годах жизни человека. Это оставляет куда больше простора для дискуссии по вопросам жизни и проблем, возникающих перед пациентом в настоящее время. Было также значительным шагом вперед то, что стали изучать отношение пациента к действительности и структуру его характера, вместо того чтобы почти исключительно сосредоточить внимание на его либидо и половой структуре.

В своей первой книге Хорни постулирует, что невроз – явление, связанное с культурой, но, как уже было показано выше, она не провела нужного анализа общественных условий и никогда не умела правильно решить вопрос об отношении между невротиком и его средой. Прежде всего она все еще рассматривала невроз как внутренний процесс, как конфликт между чертами характера, который по своим собственным внутренним законам развивается в невроз. Соответственно она выдвинула сложную, еще более запутанную совокупность целей лечения невроза. Начав с задачи разрешения проблемы "внутренних конфликтов", "исходного страха" и "конфликтов между чертами характера", она сформулировала потом цель лечения следующим образом: исправление "идеального и отвергаемого образа своего я", который создается невротиком; наконец, д-р Хорни стала на точку зрения, что целью терапии должно быть преодоление "самоотчуждения", развитие "реального я" невротика, а также высвобождение его "врожденных способностей, чтобы они могли развиваться положительным образом".

Подход д-ра Хорни к достижению этих целей при помощи терапии, на мой взгляд, сходен с фрейдовским, то есть пациента стимулируют к тому, чтобы развить в себе умение проникнуть в структуру своего характера, в свои ошибочные мнения о себе самом и т.д. Его учат искать источник расстраивающих его мыслей и чувств в его

"бессознательном". Соответственно процесс выздоровления является в основном результатом достижения невротиком самосознания, а последнее осуществляется посредством бесед, проводимых с пациентом. Терапия использует свободные ассоциации, перенесение при психоанализе и проводит анализ сновидений.

При всем том этот вид терапии, в меньшей степени ориентирующийся на половые вопросы и ранние годы жизни и в большей степени – на вопросы настоящего времени, ближе подходит к излечиванию пациента и достигает этого более часто, чем это бывает в случае применения классических фрейдовских методов. Тем не менее мы часто наблюдаем, что пациент, подвергшийся лечению этого рода и на основе самосознания развивший в себе в значительной мере понимание своих побуждений, черт своего характера и механизма действия своего невроза, к несчастью, все еще страдает от большинства тех же трудностей, которые стояли перед ним до начала лечения. Другими словами, он приобрел способность "заглянуть внутрь", но он не изменился или изменился недостаточно. Основным недостатком "культурного" психоанализа является то, что и в данном случае внимание пациента концентрируют на его собственных чувствах и субъективных реакциях, вместо того чтобы обратить его внимание на общественные отношения и действительные источники его трудностей во внешнем мире. Все это – естественный результат того, что невротик подвергся воздействию теории и практики, которые рассматривают невроз как состояние внутреннего конфликта, а не как отражение нарушений, имевших место в общественных отношениях и условиях. Несмотря на все то развитие, которое произошло в психоанализе со времен Фрейда, между терапией последнего и терапией Хорни налицо основные черты сходства. Обе теории опираются на "бессознательное", и это обстоятельство перевешивает те различия, которые существуют между ними по вопросу об элементах, содержащихся в "бессознательном". С обеих точек зрения невроз является внутренне обусловленным процессом; согласно одной – это состояние полового конфликта и подавления половых влечений, согласно другой – состояние конфликта между различными чертами характера. В обоих случаях излечения добиваются, обучая невротика смотреть скорее внутрь себя, чем вовне, и манипулировать своими субъективными реакциями, вместо того чтобы научить его лучше распознавать внешнюю действительность и изменять свое поведение в соответствии с более точно учтенной необходимостью. Обе теории применяют общие для них приемы свободных ассоциаций, интерпретации сновидений и обширного анализа проблемы

перенесения. Общим для них является субъективный философский подход, при котором особо подчеркивается значение субъективной психической стороны существования и упускается из виду материальная сторона. Обе содержат элементы мистицизма. Наконец, обе теории отличаются общей системой оценки свойств личности, общими взглядами на мораль, нацеленными на выработку у пациента индивидуалистического переживания его влечений, а не стремления включиться в конструктивную общественную деятельность.

Подводя итог, можно сказать, что невозможно отделять конкретное лечение и достигнутые при этом практические результаты от теории, которая лежит в их основе. Мы не можем дольше принимать прагматическую, "практическую" точку зрения, согласно которой результаты, достигнутые психоаналитической терапией, оправдывают этот метод лечения, несмотря на ошибки, присущие той теории и философии, которые лежат в его основе. *Эти практические результаты не выдерживают тщательной проверки!* Когда по прохождении психоаналитического курса лечения пациент иногда испытывает подлинное улучшение, то есть когда он приобрел более глубокое понимание действительности, то, как это может быть показано, этот результат был достигнут как следствие того момента в лечении, которому придавалось особое значение. Если многие пациенты, прошедшие психоаналитический курс лечения, испытывают меньшее чувство беспокойства и тревоги, чем раньше, то весьма и весьма часто это было достигнуто тем, что в результате лечения пациент или пациентка стали терпимо относиться к таким предметам, к которым они не должны были бы так относиться. Далее, бывший пациент, как правило, становится более индивидуалистичен и эгоцентричен, чем раньше. Он куда меньше, чем раньше, понимает внешний мир и его людей; он убедился в мужском превосходстве, одержим мифическим пониманием пола, ему внушена такая философия, мировоззрение, в результате которого его внимание обращается внутрь самого себя; следовательно, он приобрел нечто весьма сомнительное с точки зрения понимания реальных жизненных проблем. Хотя бывший пациент может субъективно чувствовать себя лучше, объективно он весьма и весьма часто оказывается в худшем состоянии, поскольку его лечение раз и навсегда эффективно воспрепятствовало пациенту уяснить себе, каковы те реальные трудности, которые лежат в основе его невроза.

ЭТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ

Мы видим, что невротики постоянно думают о себе, о знакомых им прежде или теперь людях, о выпадающих на их долю переживаниях. Из этих размышлений снова и снова возникают определенные важные вопросы. Встревоженные люди ищут удовлетворительного ответа на все или на некоторые из этих типичных вопросов, в зависимости от характера их невроза. Как решить, правильным или неправильным является данное действие? Существует ли вообще правильное и неправильное? Откуда возникают достоинства личности и суждения? Что такое приличие? Разве не каждый человек эгоист и не все люди действуют по эгоцентричным побуждениям? Кому можно верить? Достоин ли я того, чтобы обо мне беспокоились? Не являются ли мировые проблемы значительно более важными, чем мои личные тревоги? Что такое любовь? Возможен ли прогресс? Есть ли в мире что-нибудь такое, за что стоит бороться? Почему мы должны любить людей? Каким должен быть хороший человек? Почему мы должны страдать и трудиться? Есть ли какое-нибудь основание для самопожертвования? Как могу я избавиться от ограничений? Разве вся жизнь не является безобразной, ненавистной? Как определить, что нам действительно хочется сделать в жизни?

Эти вопросы не следует отвергать как чисто невротические проблемы, являющиеся просто показателями растерянности, цинизма, нерешительности, уклончивости, безнадежности и самооправдания, характерными для невротиков. Это такие вопросы, на которые каждый должен найти ответ; главная причина болезни невротика состоит именно в том, что он *не в состоянии найти удовлетворительного положительного ответа на эти вопросы*. Задаваясь такими вопросами, невротик стремится понять свои переживания и выработать приемлемые личные качества.

Занимаясь проблемами невроза, невозможно избежать этих вопросов; действительно, если врачу удастся полностью избежать их, то это значит, что он вовсе не лечит больного. Однако эти вопросы – этические. Любое толкование общественного опыта людей и суждение о нем, любая попытка решить, что плохо и что хорошо в человеческой деятельности, любая попытка постулировать достойные цели или указать те явления, которых следует избегать, поднимает этические вопросы. В самом деле, суждение о

человеческой деятельности представляет собой само содержание этики, и данные этические вопросы возникают постоянно по ходу лечения, потому что они составляют существо весьма многих проблем, беспокоящих невротика. Даже если эти этические проблемы поднимаются не прямо самим невротиком, они все же самым непосредственным образом влияют на его поступки и его чувства. *Если мы пытаемся понять и изменить искаженные, противоречивые эмоции невротика, мы должны присмотреться к искаженным, противоречивым качествам личности, определяющим эти эмоции и вызывающим их к жизни.* Изменение этических качеств – морального мировоззрения невротика – составляет основной элемент в системе психотерапии.

Поэтому, признается ли это открыто или не признается, но *система этических суждений входит в любую систему психотерапии.* Это действительно так, потому что, имея дело с проблемами невроза, психотерапевт не может быть "объективным" в подлинном смысле этого слова, то есть не может не выдвигать собственных суждений. В действительности каждое его действие и толкование того или иного явления в ходе психотерапевтического лечения включают разрешение альтернатив и выдвижение суждений. Более того, ни один пациент никогда не согласился бы иметь дело с врачом, который не высказывал бы своего мнения и суждения, играя роль совершенно объективного нейтрального зеркала. Ни один пациент не захотел бы говорить с глухой стеной или с управляемой машиной, потому что это не принесет ему никакой пользы. *Больной направляется к врачу именно затем, чтобы услышать суждения и получить помощь в разрешении своих личных проблем.*

Поэтому психиатрам следует понять, что они должны иметь определенные суждения, что они не могут и не должны быть абсолютно "объективными" и "соглашающимися"; это было бы равноценно одобрению того, что есть болезненного и неправильного в нормах поведения пациента и его деятельности. Каждое объяснение, которое дает врач, включает в себя не только решение и суждение по существу терапевтического воздействия, но в конечном счете и моральное решение и суждение, ибо все суждения о человеческой деятельности включают в себя этические вопросы.

Даже само решение психотерапевта о том, какую концепцию ему применять в лечении, связано с этическими суждениями, ибо теории последователей Фрейда, Адлера, Хорни и другие теории

психотерапии базируются на определенных концепциях о природе человека и человеческой деятельности. Когда фрейдист дает определенное толкование или когда он хранит молчание, он может чувствовать себя совершенно объективным, но фактически он лишь выполняет ранее принятое им решение, веря в то, что фрейдистская теория и ее система оценок достоинств верны. *Ни в коем смысле этого слова он не является объективным.*

Когда фрейдистский психоаналитик объясняет больной женщине, что она страдает от "зависти к пенису" и что это обстоятельство является причиной трудностей, возникающих в ее отношениях с мужчинами, он фактически тем самым занимает определенную позицию в решении значительно более сложной социальной проблемы, вытекающей из подчиненного, эксплуатируемого положения женщины в нашем обществе. Но вместо того, чтобы это видеть и понять, психоаналитик и сам считает и пытается убедить свою пациентку в том, что простой, биологический факт – отсутствие у женщины пениса – объясняет в значительной степени происхождение ее невроза. Согласно теории Фрейда, отсутствие у женщины пениса определяет ее отношение к своему полу, к сексуальности, к любви и к браку. Это будто бы означает, что женщина обречена всю свою жизнь завидовать мужчинам в том, что они обладают этим якобы сверхценным органом. Это означает также, что у нее не развиваются духовные качества и способность к объективному мышлению, которой обладает мужчина. Фрейд объяснял это следующим образом. Из-за отсутствия пениса женщина не испытывает в детстве такого серьезного страха перед кастрацией, какой испытывает маленький мальчик. Она не может бояться кастрации, потому что решила, что ее пенис уже отрезан. Благодаря отсутствию страха перед кастрацией у маленькой девочки не вырабатывается такой сильной совести – "сверх-Я", как у мальчика; поэтому когда она становится взрослой, то по своей природе оказывается более аморальной, менее тонкой и менее способной к творческой деятельности¹. Из-за ее якобы пассивной роли в половых отношениях (что также обусловлено отсутствием пениса) женщина становится психически пассивной, эгоцентричной, мазохистичной и зависимой. Такова точка зрения Фрейда на женскую психику.

Эта теория, в центре внимания которой находится пенис, не только ничего не объясняет, но даже не замечает того факта, что положение женщины в обществе определяется классовыми отношениями и отношениями собственности. Эта теория игнорирует также и исторически развившееся приниженное и эксплуатируемое

положение женщины. В действительности фрейдистская теория оправдывает мужчин и общество и освобождает от ответственности за приниженное положение женщин в обществе и за возникновение специальных проблем, связанных с женщинами. Эта теория представляет подчиненное положение женщин как разумное, доказывая, что оно обусловлено "естественными", биологическими причинами. В конечном итоге эта точка зрения подводит женщину к необходимости признать свою биологически обусловленную долю – отсутствие у нее пениса, вместо того чтобы бороться за улучшение положения всех женщин в обществе. Следовательно, когда фрейдист дает "объективное" толкование, будто его пациентка страдает от зависти к пенису, он тем самым занимает позицию, из которой вытекают значительные политические, общественные и этические последствия. Эта позиция, кстати, ничуть не отличается от стандартного взгляда представителей средних и высших слоев общества на природу женщины – взгляда, заключающегося в том, что женщины ниже мужчин во всех отношениях, кроме одного – их способности рожать детей.

Фрейд утверждал, что, как ученый, он не создал мировоззрения и не высказывал никаких моральных суждений. Последнее утверждение справедливо только в самом ограниченном смысле: Фрейд не морализировал по поводу поведения невротика. Тем не менее анализ фрейдизма ясно обнаруживает хотя и не сформулированные, но вполне определенные этические взгляды, содержащие много буржуазных социологических воззрений, помимо приведенных выше суждений о женском поле. Например, Фрейд занимал позицию, которая оправдывала насилие и войны, утверждая просто, что они якобы присущи человеческой природе от рождения. Фрейд занимал определенную позицию в вопросе об изменениях в общественном устройстве; он считал, что такие изменения фактически не могут иметь места, потому что формы общественного устройства якобы соответствуют инстинктивной природе человека, и поэтому общество не может изменяться быстрее, чем изменяются сами инстинкты, а эти изменения происходят только в течение многих тысячелетий. Фрейд пошел даже дальше, считая, что вся физическая и психическая деятельность людей обусловлена биологическими факторами, то есть что ее определяют врожденные инстинкты пола и смерти.* Главную роль в психическом развитии индивида играет якобы половой инстинкт – либидо. Фрейдизм рассматривает психическое состояние, склонности, стремления, сдерживающие мотивы и тип личности взрослого человека в целом как производное от полового развития данного индивида.

* Не случайно сходство этой точки зрения с часто встречающимися теориями, якобы на "естественном" основании защищающими капиталистическую систему. Эти две точки зрения выражают одну и ту же идею.

Это означает, что половой вопрос занимает особое, крайне преувеличенное место в теории Фрейда; и фрейдизм правильно критиковали со многих точек зрения как теорию по существу пансексуальную.

Фрейд много писал о любви; фактически развитие либидо, потребность в любви и характер любовных отношений играет доминирующую роль в его теории психического развития личности.

Однако Фрейд не имел представления о любви как о глубокой и искренней привязанности двух людей друг к другу. Рассматривая вопрос о любви, он сводил ее к более "исходным" элементам. Таким образом, по Фрейду, получается, что женщина любит мужчину не потому, что она влюблена в данного мужчину, а потому, что он символизирует собой ее отца, или потому, что у него есть пенис, и, любя данного мужчину, женщина как-то возмещает отсутствие пениса у нее самой². Женщины любят детей не ради самих детей, но потому, что маленькие мальчики имеют пенис, а также потому, что все дети символизируют в бессознательном пенисы. Таким образом, любовь матери к своим детям есть сублимация зависти женщин к мужчинам из-за отсутствия у женщин пениса³.

Дети любят своих родителей потому, что родители удовлетворяют основные животные потребности детей, и еще потому, что у детей с четырехлетнего возраста возникает желание иметь половые сношения с родителем другого пола. Родители любят детей потому, что они "отождествляют" себя с ребенком; любя ребенка, родители любят только себя или свой собственный образ, проецируемый на ребенка.

Мы должны поэтому сделать заключение, что Фрейд рассматривал любовь не как теплое, дружественное отношение, сотрудничество между двумя и более людьми, а низводил ее либо до уровня непосредственной сексуальности, либо до выражения индивидуального эгоцентризма. Такое отрицание любви, вероятно, обусловлено венским империалистическим окружением Фрейда, где "любовь", которую он наблюдал, в большинстве случаев являлась простым выражением физической половой страсти или же тем, что продается и покупается или в открытую, или путем замаскированной коммерческой сделки.

Постулируя принцип удовольствия-страдания, Фрейд усвоил давно устаревшую гедонистическую теорию влечений. Став на точку зрения этой теории, он, по существу, утверждал, что мы все действуем исходя из побуждения получить индивидуальное эгоистическое удовольствие и избежать страдания. Этот индивидуализм был разработан также в его учении о сублимации инстинктов, так что Фрейд рассматривал все виды общественной деятельности взрослых людей как сублимированное выражение животных, асоциальных и эгоцентрических влечений.

Низводя всю общественную и индивидуальную человеческую деятельность до уровня прямого или косвенного проявления животных влечений, фрейдизм не заметил всего того-, что есть в человеке действительно человеческого. Фрейдизм отрицает положительные общественные достоинства личности, совместный труд и тончайшие побуждения человеческой деятельности – все это он сводит к выражению животного эгоизма. По существу Фрейд занимает античеловеческую позицию; он отрицает любовь, порядочность и ответственность, а также сотрудничество, альтруизм и общественные побуждения. *Остаются лишь неизменная агрессивность, эгоцентризм и животное стремление к удовлетворению собственных потребностей как движущие силы человека.* Из этих формулировок легко видеть, что фрейдовский психоанализ выражает определенную, хорошо известную этику. "Человек человеку – волк", "горе неудачникам" и индивидуалистическое свободное предпринимательство – такова мораль, присущая всем аспектам фрейдистской теории.

Мы можем нередко видеть, как эта теория выглядит на практике, если фрейдизм применяется догматически, без всякого корректирования здравым смыслом или собственными, более правильными принципами врача-психоаналитика. Больные, подвергающиеся такому методу лечения, могут стать настоящими циниками. Они теряют представление о своей порядочности и о порядочности любого другого человека, ибо их учат тому, что все их поступки, даже те, которые совершались, несомненно, из духа сотрудничества и самопожертвования, есть только утонченное, сублимированное выражение биологического эгоцентризма. Их вера в положительные качества других людей, их прекраснейшие стремления к сотрудничеству, гуманизму и прогрессу – все "анализируется" как проявления инфантильных половых конфликтов и младенческих мятежей, направленных против

авторитета родителей. Личное стремление "выразить" самого себя и удовлетворить свои эгоистические потребности – вот по существу все, что остается делать этим людям, после того как они в процессе лечения подверглись радикальному воздействию биологической морали.

Против биологической точки зрения Фрейда даже психоаналитики выдвигают немало возражений. Так, д-р Хорни заявила, что инстинкты в действительности не существуют и что личность не может рассматриваться как проявление биологического и полового развития. Благодаря этому она избежала повторения многих из наиболее грубых и очевидных ошибок фрейдовского этического мировоззрения; например, из ее произведений, если их сравнить с произведениями Фрейда, исчезли приписываемая им человеку животная мораль, оправдание войн, открытое оправдание статус-кво, взгляд на женщину, унижающий ее человеческое достоинство. Далее, д-р Хорни всегда верила, в противоположность Фрейду, что люди способны на подлинно добрые поступки и побуждения. Однако она не нашла научно обоснованного, объективно существующего источника доброго начала в людях, и отсюда в ее произведениях обнаруживается постоянная тенденция к мистицизму. Эта тенденция умаляет значение ее утверждения, что люди могут быть порядочными, потому что она не дает для него никакого твердого обоснования. В ее последних произведениях мы находим все большее количество ссылок на труды буддистов, даосов и другие религиозные писания, а также на произведения Кьеркегора, Бергсона и других мистиков.

Помимо этого, однако, из ее позиции вытекают некоторые другие этические выводы. Прежде всего, ее мировоззрение отвечает взглядам средних слоев общества. Это может быть проиллюстрировано следующей цитатой:

"Мы должны были бы считать невротически больной девушку, которая предпочитает оставаться в низах, отказываясь принять повышенную зарплату и не желая, чтобы ее отождествляли с ее хозяевами..."⁴

Взгляды д-ра Хорни, характерные для средних слоев общества, выражаются, далее, в том, что она не дает серьезного анализа общественных проблем нашего времени и не критикует главные недостатки нашего общества. Она явно подходит к человеческим достоинствам не с позиций трудящихся, не с позиций простого

человека. Д-р Хорни может оспаривать это, утверждая, что существует единая мораль для всего нашего общества, но внимательное рассмотрение этого вопроса показывает, что это не так. Есть моральный кодекс, который провозглашает, оправдывает или скрывает эксплуатацию человека человеком; есть совершенно другой моральный кодекс, который борется с эксплуатацией и всем тем, что из нее вытекает. В действительности наш мир представляет собой столкновение двух моральных мировоззрений, и оно раскалывает наше общество сверху донизу.

Есть еще одно существенное сходство мировоззрения Хорни с фрейдистской этикой. Оно не столь очевидно, но все же существует. Ее метод подхода, как говорилось выше, подводит невротика к необходимости искать решения беспокоящих его проблем внутри себя. Невротика заставляют сосредоточивать свое внимание на своих внутренних противоречиях, своих внутренних потребностях, на его мнении о самом себе и на его врожденных потенциальных возможностях роста и развития. Однако ясно, что, обратившись к своему внутреннему состоянию, невротик найдет только индивидуалистическое, но не общественное, не объединенное решение проблем. Таким образом, позиция Хорни логикой своего развития ведет к индивидуалистическому мировоззрению, подобному мировоззрению Фрейда.

Фромм в книге "Человек для себя" прямо заявляет, что проблемы этики нельзя упускать из виду при изучении и лечении невроза, что оценочные суждения влияют на наши действия и что невротические симптомы могут явиться выражением моральных противоречий. Однако эта превосходная в общем позиция запутывается и в конце концов уничтожается той этикой, которую он предлагает. Он признает только два типа этики – "авторитарную" и "гуманную". В основном он принимает человеконенавистническую мораль "западного" капиталистического общества за "гуманную" и ведет продолжительную и резкую полемику против этических установок социализма, которые он характеризует как "авторитарные". Эта неприемлемая позиция ведет его к защите крайнего индивидуализма.

"Несостоятельность современной культуры заключается не в принципе индивидуализма, не в идее, что моральная сила заключается в погоне за личным интересом, а в изменении в худшую сторону значения личных интересов. Дело не в том, что *люди слишком заняты своим личным благополучием, но в том, что они*

недостаточно интересуются своим реальным Я; не в том, что они слишком эгоистичны, а в том, что они не любят самих себя (курсив Фромма)"⁵.

Несмотря на то, что Фромм как будто критикует капиталистический мир, он в качестве средства решения всех наших проблем предлагает только одно – больше любить себя. Другими словами, он выразил индивидуалистическую этику еще ярче, чем Хорни и Фрейд.

Несмотря на путаницу, существующую во всех разновидностях психоаналитической теории, нет больше никакого сомнения в том, что этические вопросы имеют также весьма важное практическое значение для лечения неврозов. Нет никакого сомнения и в том, что психотерапевт не может быть полностью объективным, если он должен помогать своим пациентам, и что его этические понятия оказывают глубокое влияние на пациента.

Наши личные установки и нормы поведения возникают не из биологических потребностей организма. Они возникают прежде всего из общественных отношений и общественных потребностей. Личные установки являются отражением в сознании и поступках индивида этих установок, усваиваемых из общественной практики. Нет личной или общественной морали, которая являлась бы вечной и не относилась бы к определенной эпохе, потому что нет общества, существующего вечно, вне времени, – каждое общество имеет свою мораль, отличную от морали других обществ. Более того, нет морали, которая была бы хорошей для всех людей в классовом обществе. В рабовладельческом обществе существовала одна норма поведения для хозяев и другая – для рабов; в феодальном обществе одна – для феодалов, другая – для крепостных; в нашем современном обществе одна – для эксплуататоров и другая – для эксплуатируемых. Системы этики и морали не являются всеобщими; они всегда отражают потребности определенных общественных классов. Так, при капитализме есть мораль рабочего класса и буржуазная мораль, хотя первая еще не получила широкого распространения. Признанной моралью нашего времени обыкновенно считается мораль, которая оправдывает эксплуатацию и игнорирует бедность, войну и другие общественные проблемы как проблемы, не относящиеся к понятиям добра и зла.

У больного вырабатываются особенно сильные установки, которые отражают отрицательные стороны общественных отношений при капитализме. Так или иначе он привыкает применять их в

неподходящих местах и в неподходящих ситуациях. Одно дело – вести конкурентную борьбу там, где это требуется, и совсем другое дело – заниматься этим в таких ситуациях, где требуется любовь и дружба.

Невротик обычно судит о себе и других людях с точки зрения неприемлемых норм поведения, которые являются обратной стороной его чувства неполноценности и его критического отношения к людям. Его обычно влечет сильное, но неосуществимое честолюбие. Он часто занимает эгоцентрическую и индивидуалистическую позицию в некоторых существенно важных взаимоотношениях. Он часто становится враждебным и озлобленным в ситуации, где в этом нет необходимости, то есть неправильно оценивает эту обстановку. Его зависимость предполагает личную безответственность и эксплуатацию других. За исключением некоторых особых и ограниченных обстоятельств, невротик неспособен к деятельности, достаточно проникнутой духом сотрудничества.

Другими словами, невротик страдает оттого, что он придерживается неправильных и, вероятно, в основе своей буржуазных норм поведения. Для его излечения необходимо вовлекать его во взаимоотношения, проникнутые духом не конкуренции, а сотрудничества; он должен любить и быть любимым; он должен быть в состоянии сотрудничать, если ситуация этого требует, и доверять людям, достойным доверия. Все эти изменения предполагают изменение его мировоззрения, изменение индивидуалистической морали, морали конкурентной борьбы. Если моральные установки у больного не изменяются, его чувства и его деятельность также не изменятся.

Возникает вопрос: какая система моральных установок даст возможность психиатру и его пациентам вести конструктивную и полноценную жизнь?

Любая система моральных установок, которая оправдывает, извиняет, игнорирует или мирится с эксплуатацией человека человеком, неприемлема. Этика общества свободного предпринимательства в ее практическом приложении действительно оправдывает и действительно извиняет эксплуатацию и жестокость. Поэтому, хотя многие люди в нашем обществе фактически следуют такой этике в своей личной жизни, это не основа для хороших взаимоотношений и счастья. Фактически происходит как раз

обратное, и практическое применение такой морали разрушительно действует на все порядочное.

Системы этических учений, содержащиеся в различных религиях, также являются неудовлетворительными по некоторым другим причинам. Десять заповедей и закон Моисея "око за око и зуб за зуб" соответствовали потребностям скотоводческого племени, жившего несколько тысячелетий тому назад, но такая мораль является слишком ограниченной, чтобы удовлетворять значительно более сложные потребности цивилизованных людей, живущих на заре атомного века.

Во-вторых, вся в целом мистическая и религиозная система, которой окружена библейская этика, ведет к ослаблению разумных понятий. Не только религиозные верования сами по себе, но и этическая система, содержащаяся в них, должны приниматься на веру, что является довольно слабым основанием, чтобы строить на нем практическую деятельность. Далее, мистические концепции в системе религии имеют тенденцию делать этические системы также слабыми и мистическими; они говорят о "любви", "братстве", "справедливости" в абстрактной форме, которая на практике малоэффективна.

В-третьих, религиозная и мистическая этика плоха тем, что она сосредоточивает свое внимание на "духе", "спасении", "душе" и тому подобным неуловимым сущностям и в то же время игнорирует реальность человеческих потребностей в достаточном количестве пищи, крове и приличных условиях жизни. Эти системы этических учений поэтому создают непозволительный разрыв между физическим и материальным существованием человека и его психическим, или "духовным", бытием. Такое отделение психической, эстетической или моральной деятельности человека от физического бытия и материальных условий жизни невозможно.

Нам нужна научная этика, основанная на конкретных потребностях, с которыми люди встречаются в определенных условиях нашего сегодняшнего мира. Если бы этика базировалась на конкретных потребностях людей, это была бы полезная этика, ее можно было бы применить на практике. Нам нужна этика, которая увеличивала бы на практике права простого человека на труд, мир, свободу и на хорошую жизнь. Единственно приемлемой моралью является та, которая создает твердое основание для человеческого достоинства,

для творческого сотрудничества, для гармонических взаимоотношений.

Если невротик может овладеть и *применять в своей личной жизни* такую мораль, то он сможет жить в гармоническом сотрудничестве с другими людьми. Он будет иметь достаточное основание для уважения самого себя; он сможет любить и быть любимым; он может быть счастлив в своих интимных отношениях с другими людьми и не будет требовать невозможного для себя. Он не будет больше больным человеком.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Если психотерапевт понимает, что моральные нормы играют важную роль в лечении, это дает ему огромные преимущества в практике. Он сможет более отчетливо сформулировать сущность невротических проблем и более точно увязать их с их подлинными источниками, корнящимися в общественном мире. Далее, отношения между врачом и пациентом могут быть искренними и непосредственными только в том случае, если врач признает необходимость иметь свои собственные суждения и – как человек – интересуется тем, что его пациент делает и о чем думает. Отсюда возникают определенные вопросы, касающиеся как теории, так и методов лечения.

1. Каким должно быть правильное отношение врача к пациенту? Основное решение вопроса заключается в том, что врачу следует благожелательно относиться к своему пациенту во время лечения. Но психотерапевт не должен приступать к лечению пациента до тех пор, пока он не убедится, что его пациент обладает достаточным количеством положительных качеств и возможностей, достаточной конструктивностью и достаточной честностью, за что врач может уважать своего пациента, восхищаться им и любить его *в целом*. Поэтому благожелательное отношение врача к пациенту должно вытекать из того, что сравнение положительных и отрицательных качеств пациента в общем оказывается в пользу пациента, что как человек он обладает достаточным количеством положительных качеств и конструктивных возможностей, из-за чего врач может относиться к нему благожелательно в сложном и деликатном труде психотерапевтического лечения.

Иногда пациент оказывается таким деструктивным индивидом, нормы его морали настолько далеки от возможного сближения с нормами морали психотерапевта, что работа с таким пациентом для данного врача невозможна. Психотерапевт должен избегать ошибочной попытки лечить любого пациента, какими бы ни были его трудности и его мировоззрение.

2. Поскольку психотерапевт имеет определенные моральные установки, как он может работать с пациентом, который имеет другие установки и по-другому оценивает достоинства личности?

Хотя врач должен в основном уважать своего пациента, высоко ценить и любить его, это не значит, что ему следует слепо одобрять

все качества, присущие пациенту, и все то, что он делает. Психотерапевт должен подходить к своему пациенту диалектически, и он изучает соотношение положительного и отрицательного: ведь наличие отрицательных качеств не отвергает ни существования, ни проявления положительных сторон личности пациента. К тому же врач понимает, что пациент не родился с извращенным мировоззрением, что оно в значительной степени обусловлено обстоятельствами, неподвластными пациенту. Врач также понимает, что эмоциональная жизнь пациента проистекает из окружающей его обстановки, как он ее понимает своим разумом, и в зависимости от его моральных установок. Поэтому врач понимает логику этих чувств, и ему становится ясно, что он и сам бы чувствовал и поступал точно так же, если бы судил о вещах таким образом.

Врач понимает, что взгляды пациента и его чувства будут меняться, если он будет правильнее понимать объективную необходимость. Благодаря этому врач увеличивает "кредит" подлинной терпимости к пациенту, кредит, которым пользуется пациент до тех пор, пока не появится возможность измениться. Идеальные отношения врача к своему пациенту можно выразить термином "проникнутая симпатией объективность"; противоречия этого термина отражают те общие противоречия, которые обнаруживаются при психотерапевтическом лечении.

Между "терапевтическими взглядами" врача и тем, что он "реально думает" о своем пациенте, не должно быть различия. Если существует противоречие между тем и другим, то это значит, что врач нечестно относится к своему пациенту, что он лишь маневрирует в отношении пациента. Рано или поздно пациент интуитивно догадается об этом и перестанет доверять тому, что говорит ему врач, а от этого ослабляется и замедляется эффективность действия терапевтического процесса в целом. Пациент также может применять контрманевры и свою тактику, чтобы парировать обман, который он чувствует со стороны врача. Это продлит существование невроза, создавая, даже в пределах лечебного процесса, такую ситуацию, в которой старая практика невротика окажется еще необходимой для него. Поэтому, если у врача возникает и настойчиво сохраняется осуждающее отношение к пациенту, он должен изучить эти явления сам с собой и изменить свое отношение посредством более широкого, преобразованного понимания пациента или же, если он этого не сделает, закончить терапию.

Первейшей потребностью пациента является чувство уверенности в себе, а также ощущение, что он вместе с врачом участвует в проведении серьезного реалистического опыта. Но ни одно из этих чувств не может возникнуть из простого восстановления уверенности в своих силах или преувеличенного "восхваления" ("build-up") его врачом. Недостаточно и неубедительно для пациента знать только свои положительные качества, о которых говорит ему врач, ибо он интуитивно понимает, что врач не может быть о нем полностью хорошего мнения. Он резонно рассуждает, что если врач действительно чувствует что-нибудь в этом роде, то для чего же он принялся его лечить?

У невротика развивается такое всепоглощающее чувство самоунижения и вины, что уверенность в себе у него фактически восстанавливается уже в том случае, если он получит с помощью врача ясное и определенное представление о своих недостатках, то есть о том, что, по мнению врача, следует в нем изменить.*

* Обращаясь к специалисту, читающему эту книгу, можно сказать, что в данном случае требуется определенное время, ибо в любой данный момент пациент может воспринять лишь определенную дозу отрицательных суждений о себе. Степень терпимости пациента в этом отношении обычно много больше, чем представляют себе, особенно если отрицательные суждения высказываются в рамках диалектической оценки пациента как цельного человеческого существа.

Пациенту, который имеет всепоглощающее желание узнать все немедленно и боится, что ему это не удастся, полезно будет объяснить, что врач не является всеведущим и буквально не видит всех проблем. Далее, можно совершенно справедливо сказать, что таким видом знания следует овладевать постепенно; в ходе любого изучения или деятельности простые проблемы следует решать сначала, а уж затем можно увидеть и понять сложные.

Если пациент задает прямой вопрос относительно определенного вида деятельности, то врач не должен давать ложного или уклончивого ответа, если даже он не одобряет эту деятельность, но ответ может быть дан с точки зрения общей оценки настоящей деятельности пациента в целом. Далее, ответ может быть правдиво дан не в осуждающем тоне, потому что, если врач не чувствует уважения к своему пациенту, ему прежде всего не надо было приниматься за его лечение. Если критика действует слишком подавляющим образом на пациента, врач должен признать что это его личное толкование, и поэтому оно может быть неправильным. Наконец, он должен указать пациенту на необходимость научиться действовать в обстановке, по поводу которой существуют различные мнения.

Пройдет много времени, прежде чем пациент поймет, что если врач говорит, что оценивает пациента в общем как хорошего человека или как потенциально хорошего человека, то врач так и думает в

действительности. Пациент упорствует в своем подозрительном недоверии по многим обоснованным причинам. Во-первых, он с подозрением относится к тому, что думают о нем люди, находящиеся с ним в тесных взаимоотношениях; он научился слишком не доверять другим людям. Во-вторых, в поведении пациента и его личных качествах есть такие элементы, которые, как он сам знает, другие люди не могут считать удовлетворительными. В-третьих, у него может проявиться тенденция перенести на психотерапевта значительную долю презрения к самому себе и неуважения себя самого. Наконец, если он принимает положительные оценки врача, он должен будет оправдать эту оценку какими-то новыми действиями и качествами, которых от него будут ждать; невротик же такой перспективы по многим причинам обычно не желает.

3. Если признано, что этические нормы врача играют важную роль при лечении, следует ли из этого, что нормы поведения пациента должны быть весьма сходными или даже идентичными с теми, которых придерживается врач?

Ответ на этот вопрос, несомненно, должен быть отрицательным. Настаивать на том, чтобы пациент усваивал достоинства личности и моральные установки врача, означало бы, что мы придерживаемся произвольной и механистической точки зрения. Хотя моральные установки врача и принимают личную, индивидуальную форму, они являются лишь отражением некоторых основных норм поведения, требуемых для поддержания хороших человеческих взаимоотношений в данное время. Эти установки включают личную честность, ответственность, сотрудничество, гуманность и *применение на практике этих норм* в процессе здоровых взаимоотношений с людьми и какого-то активного участия в здоровых движениях нашего общества. Достоинства личности психиатра также предполагают определенное выступление против эксплуатации, жестокости, дискриминации национальных меньшинств и угнетения женщин. Он – против всех форм лицемерия и эгоизма.

Хотя многие люди абстрактно или теоретически и приняли эти установки, значительно меньшее число людей видит последствия, вытекающие из осуществления их на практике, и очень мало кто действительно применит их в практике своей личной жизни. Невротик часто начинает лечение, отдав словесную дань этим моральным установкам. Лечение же должно показать ему, где, как и почему он не придерживался этих норм поведения. Оно должно

указать невротика как на возможность, так и на необходимость применения на практике этих норм, и в то же время лечение покажет ему цену, какой он платит за то, что их не применяет.

Выработать в себе такие установки, осуществив их в практической деятельности, в повседневной жизни, можно различными способами. Каким образом будут выработаны эти достоинства, определяется темпераментом, привычками, вкусами, образованием, классовым положением, характером занятий и материальными условиями жизни данного индивида. Терапевт должен придерживаться демократических взглядов; он должен уважать право пациента делать свой собственный выбор и поступать соответственно своему разумению и манере делать выбор. Терапевт придерживается таких взглядов, но он знает, что *невротик не сможет излечиться, если он не выработает в себе этих установок и если он постоянно будет связан антидемократическими и реакционными силами нашего общества*. Если невротик предпочитает продаваться "ради общности интересов", то врач должен по крайней мере указать на те последствия, которые вытекают для него из этого. Если невротик понимает, что с ним случится, если он окажется полным банкротом, то имеется множество способов, посредством которых различные индивиды могут выработать в себе положительные установки.

4. Какова ответственность пациента за свои поступки?

Вопрос об ответственности является центральным при рассмотрении невроза, и мы обнаруживаем, что больной человек обычно занимает весьма противоречивую позицию по этому вопросу. С одной стороны, у невротика почти всегда имеется много приемов, чтобы избежать ответственности. С другой стороны – правда, это менее очевидно, – мы видим, что невротик в некоторых случаях чувствует чрезмерную ответственность, упрекая себя из-за чего-то происходящего не по его вине, и что он взваливает на свои плечи неоправданное и непосильное бремя. Мы хотим этим сказать, что невротик действительно не в состоянии понять, где начинается и где кончается его ответственность.

Невротик стремится уклониться от ответственности многими способами. Это уклонение весьма отчетливо выступает, когда невротик во всех случаях обвиняет других в своих неудачах и недостатках или когда пациент говорит: "Я здесь ни при чем, у меня невроз" или: "Что я могу поделать, это порок нашей общественной системы". Беспомощность невротика, колебания и нерешительность,

замешательство, медлительность и зависимость характеризуются малозаметным, но весьма определенным стремлением свалить ответственность на других. Действительно, когда невротик отказывается продумать вопросы до конца, он избегает ответственности, которая вызывается познанием своих собственных проблем. Психоанализ может натолкнуть пациента еще па один вид уклонения от ответственности: его научают приписывать вину за свои отрицательные нормы поведения характеру обращения с ним родителей в детстве. Пациент может также молчаливо признавать, что он болен и его лечат, и это обстоятельство якобы освобождает его от совершения какого-либо действия в данный момент и от ответственности за борьбу в настоящее время.*

* В данном случае мы приступаем к рассмотрению коренного различия между психоанализом и методом научной психотерапии, который мы отстаиваем. При психоанализе пациента предупреждают с самого начала курса лечения, что он не должен принимать важных решений до тех пор, пока не будет закончен психоанализ. При методе научной психотерапии пациента в целом ориентируют, что он может решить свои проблемы и изменить свое извращенное сознание путем борьбы со своими непосредственными трудностями, как они ему теперь представляются. Психоанализ уводит пациента в сторону от борьбы, а метод научной психотерапии помогает и воодушевляет пациента бороться со своими расстройствами самым активным образом.

В менее очевидной форме выступает тот факт, что невротик также обычно чувствует и чрезмерную ответственность. Он часто не понимает, что есть некоторые ситуации и явления, которыми по самой их природе он не в силах управлять, как бы ни старался. Так, объективные материальные условия могут быть совершенно невыносимыми, несмотря на все индивидуальные усилия невротика преодолеть эти трудности. Например, мы обнаруживаем, что многие чувствуют личную ответственность и вину за то, что они безработные, даже в период депрессии.

Женатый невротик обычно неправильно обвиняет себя или свою жену в неурядицах семейной жизни, на самом же деле эти трудности возникают не только от недостатков мужа или жены, но также благодаря весьма реальным противоречиям, присущим браку как экономическому и общественному институту при капитализме.

Кроме того, невротик редко понимает, что он никогда не может полностью управлять деятельностью других людей, как бы он ни старался. Стремясь защитить себя, многие невротики пытаются полностью управлять сложившейся ситуацией или, не достигнув

этого, суметь хотя бы предвидеть, в каком направлении будет развиваться эта ситуация. Однако невротик не понимает, что другие люди – активные индивиды, имеющие свои собственные потребности, свои собственные закономерные побуждения, и что поэтому они будут действовать более или менее независимо от невротика! Кроме того, потребности и поступки других людей в сложившейся ситуации могут расстроить ее или направить ее развитие в неожиданном для невротика направлении, независимо от его деятельности и желаний. Когда это случается, невротик склоняется к тому, чтобы считать себя глупым и полагать, что если бы он более упорно, более разумно добивался своего, то обстановка сложилась бы так, как он этого хотел.

Невротик почти никогда не сознает достаточно отчетливо, что он испытывает несоразмерное, чрезмерное переживание ответственности; он редко понимает, разве только в весьма абстрактной форме, что он не может полностью управлять другими людьми или предвидеть то, что они предпримут. Он не понимает, что невозможно сделать так, чтобы все шло легко и хорошо, сколько бы усилий он ни прилагал для этого. Упрекая себя без разбора и чувствуя вину за все неудачи, не замечая той роли, которую другие люди играют в данной конкретной ситуации, невротик обычно берет на себя значительно большую долю ответственности, чем это реально следовало бы. Когда невротик поступает таким образом, чувство собственной неполноценности и презрение к самому себе увеличиваются, потому что в какой-то мере он требует от себя невозможного и потом упрекает себя, когда события развиваются не так, как он предполагал.

В данном случае мы не обсуждаем ничем не оправданного факта, что некоторые невротики используют принятие на себя ответственности как прием для установления господства над другими людьми и управления ими. В данном случае речь идет о подлинной несостоятельности невротика точно определить, где реально начинается и где кончается его ответственность.

Поэтому врач должен ясно представлять себе, в чем состоит действительная ответственность пациента, и должен уметь убедить в этом пациента в процессе лечения. С этой точки зрения психотерапию можно рассматривать как процесс, направленный на изменение представления о подлинной ответственности больного. С одной стороны, пациент узнает, что он ожидал от себя невозможного,

с другой – он начинает узнавать ситуации, при которых он увиливал от ответственности.

Врач облегчает этот процесс путем изменения своего отношения к пациенту. В начале лечения пациент обычно находится в относительно слабом и беспомощном состоянии, при котором от него вряд ли можно ожидать попыток активно встретить свои трудности и бороться с ними. В процессе лечения врач в определенное время начинает ожидать от пациента, что он будет поступать иначе, и он ставит об этом в известность самого пациента. В конце лечения врач в принципе ожидает от пациента того же, чего он ожидал бы от здорового индивида.

Определять то, ответствен ли человек за совершенные им поступки или в этом виновны сложившиеся обстоятельства, не так-то просто, и мы имеем весьма противоречивые мнения на этот счет. С одной стороны, нам говорят, что мы несем личную ответственность за все то, что с нами происходит. Это якобы наша вина, если мы бедны, не имеем работы, даже в период депрессии, или если нам не удалось "преуспеть" в жизни. Это наша вина, если мы были покалечены или убиты во время несчастного случая на предприятии. "Склонность к несчастным случаям" – психоаналитическое понятие, взваливающее – вину за получение увечий и ранений на предприятии на рабочего, а не на условия работы¹.

Однако в обыденной жизни часто принимается диаметрально противоположная точка зрения. Если люди являются по натуре эгоистичными, они уклоняются от ответственности за совершение эгоистических и антисоциальных поступков, потому что такие поступки "естественны", их обычно рассматривают как неизбежные и универсальные. Такие заявления, как "бизнес есть бизнес" и "политика есть политика", служат примерами уклонения от ответственности, так как может случиться, что какое угодно надувательство будет оправдано на том основании, что такая деятельность является "естественной" и, видимо, соответствует фактам природы.

В основе своей большинство общих представлений об ответственности взваливают на индивида вину за его недостатки и за его трудности, полностью освобождая наше общество от всякой ответственности за создание этих трудностей для индивида. Результатом таких представлений является путаница, свойственная почти каждому индивиду, относительно того, чего он может

надеяться достигнуть с помощью своих собственных усилий. Эта путаница особенно остро проявляется у невротиков; почти все невротики верят в некоторые из этих индивидуалистических представлений о том, что они могут достигнуть всего, если только будут в достаточной мере стараться, и что это их вина, если они потерпят неудачу. Однако невротик обычно не так представляет себе все это: ему все кажется, что он не может ничего добиться по своей глупости и из-за своей непригодности, ибо жизнь слишком тяжела для него.

Для рациональной и научной психотерапии основное представление о личной ответственности заключается в том, что человек не может считаться ответственным за что-то такое, над чем он не властен. Степень ответственности зависит от степени возможного контроля, а последний, очевидно, является непосредственной функцией реальной ситуации, а также нашего знания или понимания ее. Для того чтобы стало ясно, что мы здесь имеем в виду, воспользуемся аналогией из области медицины. Пока врачи не понимали, что такое туберкулез, и пока бедность и условия жизни в трущобах были неизбежными сопутствующими обстоятельствами низкого уровня развития промышленности, не было возможности контролировать заболевание туберкулезом и люди не несли ответственности за это. Но в той степени, в какой туберкулез может быть уничтожен при существующем уровне знаний и достигнутом уровне технического прогресса, общество ответственно за искоренение туберкулеза.

Подобным образом и невротик не родился больным, но стал им в силу тех обстоятельств, которые в значительной степени оказались вне его контроля и понимания в то время, когда они влияли на него. Тем не менее остается справедливым и то соображение, что он не неодушевленный, пассивный объект, а живой, активный человек, способный воспринимать реальность, понимать ее и воздействовать на нее. Поэтому он отвечает за борьбу со своими трудностями и за изменение своей деятельности в той степени, в какой он может сделать это, если попытается. Слабоумный человек не является ответственным ни за свои поступки, ни за изменение своего состояния, но невротик при теперешних обстоятельствах, несомненно, ответствен. Когда мы изучаем жизнь невротика, мы неизменно обнаруживаем, что он обладает значительно большими возможностями для учета обстановки и большими возможностями для нового понимания и новой деятельности, чем он фактически использует. Если бы его внешние действия и его психическая деятельность более точно соответствовали реально существующей

ситуации, чем это имеет место в действительности, то он не был бы невротиком.

5. Если психотерапия включает в себя этические вопросы, то должен ли врач читать нравоучения пациенту?

Ответ должен быть отрицательным: врачу не следует морализировать. Фактически делать это бесполезно, и это даже оскорбительно для больного, так как больному уже известно большинство из этих нравоучений и многие люди поучали его раньше. Каждому невротiku уже говорили: "ты должен взять себя в руки", "ты должен больше заботиться о своей семье", "ты считаешься только с собой", "ты должен быть более волевым". Любой пациент – не психопат (и не аморальный человек) – имеет ряд положительных представлений о моральных установках, которые у него, по крайней мере частично, развиты, но которые он не проявляет на практике по различным причинам. Его материальные обстоятельства могут сложиться так, что они препятствуют практическому проявлению этих представлений о моральных установках; он может сформулировать свои принципы недостаточно четко; может не осознавать полностью все последствия, вытекающие из его деструктивного поведения; он может быть слишком снисходительным к себе, инертным или беспомощным; его искаженные способы мышления могут мешать ему применять на практике свои же собственные принципы. В каждом случае пациент болен именно потому, что он не может проявить на практике свои положительные установки и особенно остро чувствует свою моральную несостоятельность. Грубое морализирование при таких обстоятельствах может только усилить у невротика чувства вины, самоуничужения и беспокойства до невыносимых размеров.

Вместо прямого морализирования психотерапия подходит к этой проблеме другими путями. В подходящий в процессе лечения момент, когда кругозор пациента достаточно расширяется, врач формулирует и указывает на свойства, выявленные поведением пациента и его эмоциями. Так, врач может указать, что раздражительность пациента по отношению к своей жене, помимо других факторов, является показателем моральных законов, унижающих женщин. Пациент мог вовсе не понимать этого раньше; если это указание правильно и пациент способен понять его до конца, он может изменить свое отношение к жене. Врач может указать, что весьма чувствительное отношение пациента к критике выражает, помимо всего прочего, крайне индивидуалистический взгляд: "не

тронь меня". Терапевт не должен бояться в соответствующий момент вскрыть антисоциальный, эксплуататорский, порожденный духом конкуренции характер этических установок, выражающихся в большом честолюбии пациента. Он может указать, что пренебрежительное отношение невротика к другим людям вытекает из морали, проникнутой духом конкуренции. Он может указать, что искаженные мыслительные процессы пациента фактически означают одну из форм нечестности по отношению к самому себе или уклонение от ответственности, от необходимости обдумывать все до конца.

Помимо специального анализа этики, лежащей в основе различных видов деятельности, и субъективных реакций пациента, врач подчеркивает необходимость для пациента формулировать и применять на практике сознательно и во всех случаях жизни систему конструктивных принципов. Когда пациент приближается к более глубокому пониманию этических проблем, то для ускорения этого процесса ему можно рекомендовать некоторый материал для чтения и изучения.

Во-вторых, этические установки изменяются по ходу практической деятельности, когда пациент начинает более широкую и конструктивную деятельность совместно с другими людьми. По мере того как изменяется неправильное мировоззрение пациента, он начинает делать больше и с большим количеством людей, и все это он делает по-новому. Такая деятельность, в свою очередь, оказывает влияние на его мышление, поскольку оценки этических достоинств являются общественными оценками и проистекают из характера деятельности и взаимоотношений людей. Хотя участие пациента в этих более широких и более здоровых сферах деятельности сначала происходит по необходимости неловко, позднее эти процессы становятся более автоматическими и не требуют так много усилий. На заключительных стадиях лечения, когда пациент может более непосредственно решать жизненные вопросы, а врач может более непосредственно вести дело с пациентом, процесс морального изменения может быть в значительной степени ускорен.

Наконец, пациент обязательно окажется под большим влиянием новых оценок этических установок, которые он обнаружит у своего врача, и он может воспринять их. Кроме того, опыт самого лечения как откровенного, честного и конструктивного взаимоотношения между ним и врачом поможет пациенту на практике изменить свои представления о моральных установках. Может быть, впервые в

своей жизни он вступит в столь продолжительные и конструктивные отношения такого рода. В конкретном опыте непосредственных и творческих взаимоотношений с врачом пациент изменяет некоторые из своих заблуждений и развивает более полно свои положительные установки.

Новое мировоззрение, которое принимает пациент, редко, почти никогда не повторяет во всех деталях моральных установок, которых придерживается врач. Действительно, если бы это случилось и пациент практически проявил такие же установки, какие он видел у своего врача, можно было бы заподозрить, что он находится в зависимом положении по отношению к врачу или что он маневрирует, чтобы обмануть врача или заслужить его одобрение. Несмотря на то, что терапевтическое воздействие должно влиять на этические взгляды и практическую деятельность пациента, и несмотря на то, что все это в значительной степени зависит от мировоззрения и практической деятельности врача, все же нет сомнения в том, что пациент должен овладеть и по-своему применить на практике свои новые моральные установки.

ОСМЫСЛЕНИЕ И ИСТОЛКОВАНИЕ НЕВРОТИЧЕСКИХ СИМПТОМОВ

Один из главных терапевтических приемов, применяемых со времени раннего периода работы Фрейда, заключается в том, чтобы дать пациенту возможность "осмыслить" свою психическую деятельность или "самопознать" ее. Хотя определение понятия осмысления до некоторой степени было различным, этот прием использовался представителями всех видов психоанализа.

Уже на ранней стадии своей деятельности Фрейд определил как одну из главных целей психоанализа "перевод бессознательных процессов в сферу сознания". На практике это означало, что пациента поощряли выражать свои эмоции и желания, проистекающие из сферы бессознательного, в то же время пытаюсь развить у пациентов понимание происхождения этих чувств, их взаимосвязи, происхождения и развития невротических симптомов и т.д. Хотя школы "культурных" психоаналитиков подводят пациента к поискам неинстинктивных и неполовых эмоций, их подход по существу ничем не отличается от фрейдовского. Выработка у пациента понимания своей психической деятельности или *концепции врача о психической деятельности пациента* стала считаться процессом, который якобы сам по себе приводит к излечению.

Однако непосредственное наблюдение за невротиками по ходу лечения обнаружило бесполезность и даже несомненный вред многих видов такого осмысления. Интенсивное осмысление происхождения определенного невротического симптома может только отнять время, а также помешать освободиться от этого симптома *до тех пор, пока, не исчезнет также потребность в этом симптоме*. Простое осмысление не обязательно уничтожит невротические потребности.

Осмысление фактически может служить оправданием и предлогом для того, чтобы продолжать вести тот же самый образ жизни, то есть невротик видит и понимает, что он ведет себя агрессивно, но он продолжает действовать в том же самом духе.

Осмысление может также превратиться в процесс самосозерцания, посредством которого внимание невротика сосредоточивается на его внутренних переживаниях и отвлекается от внешнего мира, от

реальных источников испытываемых им трудностей. Этот процесс субъективной интроспекции с необходимостью ведет невротика к еще большей изоляции и индивидуализму.

Самопознание может также поставить невротика в такое положение, что он из-за деревьев не будет видеть леса. Он так много времени и энергии тратит на установление мельчайших деталей психических связей, что может уклониться от решения своих подлинных проблем, создавая в то же время видимость, будто он действительно занят работой над их разрешением.

Некоторые виды такого осмысления не приносят пользы; сказать пациенту, что ему свойственно чувство собственной неполноценности, значит ни на йоту не изменить положение дел. Больше того, слишком большое осмысление чувства неудачи и презрения к самому себе часто может оказаться губительным. Я знаю действительные случаи шизофрении, имевшие место после слишком внезапного познания исключительно болезненных явлений. Один из главных вопросов, которым должен овладеть начинающий психотерапевт, заключается в том, чтобы установить последовательность такого осмысления во времени, выяснить, какой материал представит ценность для процесса лечения и сколько пациент в состоянии воспринять в каждый данный момент лечения. Если при помощи гипноза или какого-нибудь другого процесса мы быстро уничтожим все предохранительное состояние смятения и защитные приемы невротика, так что пациент в одно мгновение поймет свою жизнь, то результатом будет не излечение, а катастрофа. Эффект может быть пагубным и подавляющим для больного; невротик может почувствовать себя утонувшим в море своих проблем.

Психоаналитический прием осмысления пациентом своих внутренних субъективных реакций с необходимостью ведет к ряду практических недостатков, описанных выше. Эти практические ограничения являются логическим выводом из психоаналитической теории с ее механистическим постулированием сферы "бессознательного" как вместительницы всех проблем невротика. Он должен только излить их наружу, для того чтобы вылечиться. Он изливает их якобы путем внутреннего познания этих проблем, но на практике он освобождается от них не таким путем.

Развитие самопознания не является главным процессом или основным элементом лечения. Часто случается, что лечение

психических аномальностей вообще происходит без какого-либо внутреннего осмысления, то есть без всякого познания своих внутренних психических процессов. При некоторых формах руководства развитием ребенка или посредством терапии добиваются изменения установок человека, его побуждений, его представлений об общественной реальности, причем пациент не может даже выразить словами, какие изменения и почему произошли в его понимании. Жизненный опыт нередко коренным образом перевоспитывает человека и создает у него новую жизненную ориентацию, но сам человек не обязательно осознает, как произошло изменение взглядов и его личных установок. Люди постоянно вылечиваются от незначительных или даже больших нервных потрясений и беспокойств в их обыденной жизни, но они полностью не осознают того, что беспокоило их раньше и от чего они почувствовали себя лучше.

Однако мы не должны вместе с грязной водой выплескивать и ребенка. Эмпирический опыт определенно показывает, что психоаналитическая теория действительно получает некоторые выгоды оттого, что человек занимается самопознанием и становится способным выразить словами смутно понятые эмоции, побуждения или другие субъективные состояния. После того как эти явления выражаются в словах, они иногда исчезают сами собой, и между степенью осмысления пациентом мира своих внутренних переживаний и степенью улучшения его состояния мы можем наблюдать известную зависимость. Этот процесс эмпирически использовался в классической психиатрии, хотя я не думаю, чтобы он когда-либо понимался до конца.

Один из способов самопознания, который может действительно принести пользу невротичу, заключается в том, чтобы привлечь его внимание к противоречию между тем, что в действительности представляет собой ситуация, и тем, что думает о ней пациент, или к противоречию между тем, как в действительности ведет себя пациент, и тем, что он сам думает о своем поведении. Например, какому-нибудь пациенту можно указать, что он был раздражителен и его поведение носило защитный характер, хотя он и не признавал этого. Если мы это сделаем правильно, тогда для нас станут ясными некоторые другие явления, касающиеся его понимания ситуации, которых мы могли бы не знать, если бы не обнаружили его раздражительности и его защитной позиции. Таким образом, в противоположность практике психоанализа мы не останавливаемся на том, что открываем новые эмоциональные реакции, как если бы

они были концом процесса лечения. Это только первый шаг к нему; вторым и более важным шагом является раскрытие того, как пациент смотрит на ситуацию, каково его представление о ней. Таким путем мы можем обнаружить, что он не понимает ситуации с самого начала или что он начал неправильно понимать ее в результате алогичного мышления.

Большинство людей продолжает испытывать определенные субъективные реакции и вести себя по-прежнему, не понимая всех последствий этого. Это особенно справедливо по отношению к невротикам, у которых вырабатывается целый ряд приемов, чтобы утаить и скрыть свое поведение. Внимание терапевта будет привлечено к особым реакциям только тогда, когда он лучше изучит основные понятия и суждения пациента о жизни, его мыслительные процессы и его практическую деятельность. При наибольшем "осмыслении" по методу старого психоанализа, при котором внимание пациента обращается на его побуждения и достоинства, а также на поступки и поэтому у него развивается еще большее самопознание, пациент получает возможность понять в смутной форме, что его реакции не являются необходимыми, то есть что они фактически несовместимы с реальной ситуацией. Я думаю, это и объясняет, каким образом было чисто эмпирически обнаружено, что такое самопознание в какой-то степени помогает пациенту. Иногда случается, что благодаря полному пониманию того, что содержится в мыслях и чувствах, а также простого контраста между этими реакциями и реальностью пациент перевоспитывается и исправляет свои ошибочные представления.

Однако этот автоматический процесс бездействует, если расстройства имеют слишком глубокие корни, если невротические реакции обусловлены весьма сильными потребностями или коренятся в твердо установившихся неправильных представлениях. В таких случаях мы слишком часто обнаруживаем, что пациент достигает такого "осмысления", но сам не изменяется. Далее, осмысление источников симптомов является нередко бесполезным и даже вредным, потому что оно дает пациенту возможность избежать своих подлинных проблем, которыми в первую очередь и вызваны эти симптомы. Невротика действительно вылечит не осмысление того, как он чувствует или почему он чувствует таким образом, но более точное понимание внешней необходимости, общественного процесса, своего отношения к нему. Когда это знание будет достигнуто, невротические симптомы часто исчезают, причем их

точное происхождение или их внутренний механизм вовсе не познаются.

Тщательное наблюдение над пациентами в процессе их деятельности обнаруживает другой интересный момент. *Осмысление появляется только после того, как некоторые основные стороны их деятельности и отношений уже начали изменяться.* Человек уже должен чувствовать немного больше уверенности в себе, прежде чем он может понять, сколь тревожно и каким неполноценным он себя чувствовал; человек должен стать менее деспотичным, прежде чем он поймет, каким деспотичным он был раньше. Осмысление структурных особенностей невроза или субъективных реакций является фактически конечным результатом изменений в сознании и общественной практике, которые уже имели место. *Осмысление развивается как результат того, что уже произошло,* и на конечных фазах лечения такое осмысление развивается у пациента более быстрым темпом, чем раньше, однако оно основано на всей предыдущей работе по изменению его представлений и его практической деятельности.

Поэтому "классический" психоаналитик подходит к проблеме в обратном порядке, идя от внутреннего к внешнему. Он пытается лечить пациента, раскрывая ему его внутреннюю психическую деятельность, однако более глубокое осмысление явится результатом лечения, а не его причиной. К тому же он подводит пациента к необходимости заглянуть в свой внутренний психический мир лишь для того, чтобы понять самого себя, а пациент должен понять свои отношения с окружающими его людьми. Для того чтобы познать себя, прежде всего необходимы знания об общественном процессе, так как мы не существуем как люди вне этого процесса. Чтобы понять наш внутренний мир, мы должны исходить из явлений внешнего мира, хотя это может показаться парадоксальным.

Сказанное не означает, будто такая терапия не дает пациенту никаких новых знаний о нем самом и нового познания его реакций. Все это означает, что знание собственных субъективных реакций не обязательно ведет к излечению, пока это знание не укажет путь к изменению неправильных представлений пациента и не научит его поступать более разумно. По мере того как происходят эти два главных изменения, пациент обязательно узнает новое о самом себе и своих прежних психических процессах, даже если это только первый шаг к тому, что необходимо сделать.

Например, врач и пациент могут обнаружить, что в определенной ситуации у пациента появляется сдерживаемая тенденция прийти в ярость. Цель такого обнаружения заключается не в том, чтобы позволить ярости "излиться из сферы бессознательного" после того, как эмоция будет обнаружена. Цель заключается в том, чтобы открыть, что именно в данной ситуации возбуждает его гнев, и затем сопоставить его представление или суждение об этой ситуации и действительные факты.

По ходу лечения пациенту необходимо овладеть многими новыми сведениями. Он должен изучить кое-что относительно тех общественных сил, которые скрываются за его проблемами; он должен изучить кое-что связанное с отношениями между мужчинами и женщинами и причины напряженного состояния отношений между ними; он должен изучить проблемы семейных отношений, положения детей и т.д. Когда пациенту представляется возможность овладеть этими новыми знаниями, всегда оказывается, что он не в состоянии схватить или использовать их достаточно полно, особенно на первых порах. В его познании будут обязательно пробелы, которые соответствуют его разнообразным потребностям, проистекающим из его чувства зависимости, из его невротической защитной позиции, из его особых страхов, презрения к женщине, из тех его свойств, которые порождены духом конкуренции. Указав ему на существование этих пробелов, дав ему возможность осознать самый факт их существования, мы укажем ему путь ознакомления с его объективными трудностями и путь размышления непосредственно о них.

Несмотря на то, что само осмысление внутреннего субъективного мира не обязательно ведет к излечению, и несмотря на то, что развитие такого самопознания не может быть главной целью лечения, при обстоятельствах, описанных выше, это осмысление является потенциальной силой для изменения и расширения понимания пациентом объективной реальности. Осмысление может стимулировать невротика вести более правильную деятельность, указывая на имеющиеся у него трудности; осмысление может облегчить изменение путем более точного описания природы проблем; это может привести к тому, что незначительные трудности исчезнут благодаря непосредственному изменению в понимании действительности, вызванному осмыслением внутреннего мира. Но осмысление внутреннего мира (или самопознание) является главным образом сознательным резюме, представляющим результат тех изменений, которые уже произошли в сознании пациента.

На осмысление пациентом своего внутреннего мира в значительной степени оказывает влияние то, что говорит врач, то есть те объяснения, которые он дает. Однако, хотя теория и практика научной психотерапии постоянно изменяются, они все еще находятся на ранней стадии развития. Мы должны постоянно препятствовать в той или иной форме повторению психоаналитических ошибок. Врачу никогда не следует считать доказанными ни свои объяснения, ни результаты осмысления пациентом своего внутреннего мира. Формулировка того, что происходит, нуждается в постоянной проверке и перепроверке; вероятно, самой распространенной ошибкой является то, что врачи недостаточно тщательно анализируют свои формулировки.

Пациенты быстро обнаруживают, что врач считает важным и что неважным. Они узнают это столько же по тому, чего врач не делает, сколько из его фактических объяснений и советов. Если, например, врач выбирает в основном половой вопрос для обсуждения и советов, пациент вскоре узнает, что врач считает половой вопрос наиболее важным. Пациенты также судят о враче по его внешнему облику и его поведению, по его должности и его окружению и по тому, как он проводит лечение и какие дает объяснения.

Как только пациенты узнают что-нибудь о враче или о том, что врач считает важным, каждый из них стремится использовать это знание по-своему. Зависимые пациенты обнаружат тенденцию повторять, как попугаи, то, что сказал врач, не обязательно веря в это или недостаточно поняв то, что говорит врач. Пациенты с невротическими потребностями контроля используют сказанное врачом для того, чтобы создать видимость понимания и благоразумия, а за этим фасадом будут продолжаться те же самые старые маневры невротика. Невротики, обладающие особой потребностью в том, чтобы ими восхищались и одобряли их, повторяют то, что сказал врач, полностью не понимая или не веря в это. Эти более или менее обязательные маневры станут ценным орудием перевоспитания, если врач будет бдительным и сможет раскрыть их пациенту в соответствующее время.

Сам по себе факт, что пациент соглашается с толкованием врача или осмысливает внутренний мир, никоим образом не доказывает, что оно правильно. В дополнение ко всем возможным основаниям, по которым невротик соглашается с неправильным советом, я убедился путем наблюдения над своими пациентами и пациентами других врачей, что имеющий хорошие намерения и

честный врач может на продолжительный период убедить многих пациентов в правильности любого относительно разумного объяснения. Это заходит настолько далеко, что сам характер снов пациента будет соответствовать характеру психоаналитической теории, с которой пациент столкнулся. Я лично проверил в двух различных случаях, что пациенты, каждый из которых лечился по фрейдистской теории и по разновидностям психоаналитической теории, представленным Юнгом и Хорни, имели коренным образом отличные сновидения соответственно трем различным видам терапии, которым они подверглись.

Таким образом, очевидно, что толкование или осмысление не могут считаться правильным методом лечения только потому, что они кажутся разумными, или потому, что пациент согласен с ними. Важно составить критерий для проверки толкования, при этом очень полезны следующие вопросы:*

* Эти критерии по существу ничем не отличаются от тех, которые должны применяться к студентам для проверки того, насколько они изучили новый предмет. Психотерапия является воспитательным процессом, и при соответствующей скидке на ее специальные приемы в психотерапии применяется тот же самый критерий, как и в любом другом учебном процессе.

1. Происходит ли действительное изменение в поведении пациента и в его деятельности? Это медленная, но наиболее надежная проверка. Если никаких изменений в поведении и мыслях пациента, касающихся определенной проблемы, не произошло, то это означает, что осмысление или понимание этой проблемы было, вероятно, неправильным, и если не полностью неправильным, то во всяком случае недостаточным. Осмысление, которое является правильным и разумно экстенсивным, обязательно изменит поведение пациента в определенной степени.
2. Надежно ли представление пациента или оно только кажется ему разумным и логичным? Если осмысление не ощущается глубоко, следует еще сомневаться в его обоснованности, пока не придет такое время, что пациент действительно будет чувствовать это. Любой пациент, подвергающийся действию лечения,* или любой врач, который испытал на себе успешное действие психотерапии, получил удивительное и приятное переживание внезапного открытия того, что осмысление или толкование невротических симптомов оказались правильными; это знание закрепляется, оно живо и убедительно. Этот же род прочного чувства убежденности может иногда нарастать

довольно медленно, особенно если речь идет о сложном вопросе, который для своего понимания требует не раз и не два заниматься осмыслением.

* Мы говорим здесь о рациональной психотерапии, а не о психоанализе. Я встречал людей, которые по пять лет лечились у психоаналитиков и никогда не были уверены в чем-либо.

3. Способен ли сам пациент выразить на словах свои проблемы или он полностью или главным образом зависит от психотерапевта? Если последнее справедливо и если пациент неспособен объяснить положение дела своими словами, то возможно, что толкование терапевта окажется правильным, но следует подождать более определенного доказательства последнего.
4. Если истолковывается импульс, который якобы испытывает пациент, то исключительно важно знать, может ли пациент при этом переживать и ощущать эту особую эмоцию и состояние. Если пациент никогда не ощущает эмоцию сознательно, то следует сомневаться в ее существовании. Например, нельзя верить тому, что у пациента проявляются половые реакции по отношению к родителю другого пола, если на протяжении всего курса продолжительного лечения пациент никогда не ощущал этих побуждений сознательно. *Весьма вероятно, что импульс, состояние или эмоция никогда не существовали, если пациент неспособен воспроизвести их в самосознании и если единственное "доказательство" состоит в кажущемся логическом выводе, что импульс некогда существовал.*
5. Соответствует ли толкование или осмысление внутреннего мира человека его образу жизни и согласуется ли оно с другими фактами, обнаруженными ранее? Если существует противоречие, то это значит, что или где-то вкралась ошибка, или мы имеем дело с пациентом, обладающим весьма противоречивыми качествами.
6. Вызывает ли у пациента толкование или осмысление его внутреннего мира поток новых мыслей? Когда такой поток мыслей или подтверждающие данные имеют место, то это значит, что толкование было правильным или весьма близким к правильному, и это открывает перед пациентом новые перспективы. Между прочим, здесь можно сказать, что психотерапевт не может обладать способностью читать человеческие мысли, и я полагаю, что терапевт редко может выразить мнение, которое было бы полностью правильным.

Самое большое, чего мы можем ожидать, заключается в приближении к правде, и пациент ответствен за то, чтобы отделить зерно от мякины и более точно применить знания к своим индивидуальным проблемам.

7. Создает ли толкование сильную отрицательную реакцию или противодействие у пациента? Если это так, осмысление может быть правильным даже при страстном отрицании пациента: "Мне кажется, что леди протестует чересчур сильно". Однако также возможно в таких случаях, что осмысление сделано в неподходящее время или что оно абсолютно ошибочно. Пациент может реагировать на то, что он воспринял как нападение, клевету или грубое непонимание со стороны врача.
8. Хорошая память терапевта или его записи служат весьма полезным оружием для контроля достоверности предыдущих толкований и данных осмысления. Всегда случается так, что через некоторое время после того, как пациент начнет лечиться, возникает такая ситуация, которую пациент должен был бы понять, поскольку возникающие вопросы уже были выяснены в процессе предыдущего обсуждения. Если врач спокоен и внимательно наблюдает, он может легко увидеть, когда пациент начнет применять то, что он узнал раньше. Если настоящая ситуация неправильно трактуется пациентом в свете предыдущего обсуждения, тогда или эти вопросы были неправильными, или пациент еще сохранил невротические отношения и иррациональные мысли, которые перемежаются с применением подлинного знания. В любом случае неудачное использование предыдущего понимания служит определенным признаком того, что должна быть проделана еще большая работа по данным проблемам.
9. Часто бывает очень полезным после того, как пациент дал объяснение, спросить его: "Ну хорошо, но почему вы уверены, что это правда?" Можно также спросить: "Это похоже на правду, но почему вы думаете, что это так?" Очень часто такие вопросы обнаруживают, что пациент совсем не уверен в том, что он только что сказал, и что он просто теоретизирует или, как попугай, повторяет те объяснения, которые врач сделал раньше.

Конечно, с самого начала лечения пациента не следует так спрашивать, потому что это может внести новую путаницу в его и без того весьма сложное состояние. Но по мере приближения к заключительным стадиям лечения крайне необходимо, чтобы терапевт использовал все возможные средства, включая непосредственные и тщательные расспросы пациента в

определенные промежутки времени, для того чтобы проверить обоснованность предыдущего осмысления пациентом своего внутреннего мира и толкований. Такая проверка толкования должна иметь критический характер, потому что, по моему мнению, никто не может полностью доверять точности толкования в такой трудной области, как наша, до тех пор, пока эти толкования не будут доказаны до конца.

СВОБОДНЫЕ АССОЦИАЦИИ

С первых лет работы Фрейда использование метода свободных ассоциаций стало одним из главных приемов психоанализа. Прием этот заключается в том, что врач располагается вне поля зрения пациента, чтобы не мешать ему, а пациенту дается указание рассказывать врачу-психоаналитику о всех тех мыслях, которые приходят ему в голову. Ему предлагается ничего не утаивать, как бы ни были незначительны, шаблонны, запутанны и неразумны его мысли.

Метод свободных ассоциаций основан на принципе психологического детерминизма, а именно – на теории, согласно которой мысли строго детерминированы и не приходят случайно. Последовательно анализируя мысли, психоаналитик-фрейдист полагает, что он может обнаружить бессознательные влечения, лежащие в основе психической жизни и регулирующие ее внешние проявления. Скрытая мотивация и бессознательные силы якобы всплывают наружу через связь и развитие мыслей, выраженных в ходе свободного ассоциирования.

Хотя я собираюсь выдвинуть серьезные возражения против этой теории, все же, по-моему, использование метода свободных ассоциаций случайно оказалось плодотворным практическим приемом, особенно на первых порах. Это справедливо исключительно по той причине, что пациенту была предоставлена полная, ничем не ограниченная свобода выражения. Впервые в истории медицины невротики получили возможность подробно говорить о себе, и врач слушал их очень внимательно. Этот прием положил начало глубокому и интенсивному изучению невроза; это был шаг вперед.

С тех пор прошло 65 лет,* и, хотя за это время многое в неврозе было изучено, использование метода свободных ассоциаций все еще остается главным приемом классического психоанализа. Этот прием также используется всеми другими школами психоанализа, хотя постепенно входят в употребление и некоторые другие приемы.

* Книга издана в США в 1954 году. – *Ред.*

Основная теория свободных ассоциаций не обязательно опирается на фрейдовскую теорию бессознательного, хотя она и развивалась в связи с последней. Свободные ассоциации можно использовать

независимо от того, считаем ли мы, что ассоциациями управляют бессознательные силы, на которые ссылается фрейдовская теория, или же силы, описанные Адлером, Юнгом, Хорни и другими. Хотя теория свободных ассоциаций в психоанализе тесно связана с теорией, согласно которой ассоциации проистекают из мистического бессознательного и им регулируются, есть еще другое основание для самой серьезной ее критики. Главная ошибка этой теории заключается в предположении, что каждая мысль строго детерминирована прямой причинной связью, а возможность случайных мыслей отрицается. Это значит, что ни один психический акт не может рассматриваться как случайный и каждая мысль имеет свой скрытый смысл, стоит только обнаружить ее связи с другими мыслями. Каждая мысль всегда рассматривается как выражение тенденций, коренящихся в сфере "бессознательного".

В этом заключается учение психического детерминизма, согласно которому каждая мысль и даже каждый поступок пациента имеет огромное значение, определяемое бессознательной мотивацией и имеющее определенный смысл. Путем логического обобщения этот принцип был применен фрейдистами к психосоматической медицине; они рассматривают язву желудка, прыщи на коже и т.п. не как явления, сопутствующие напряжению, а как преднамеренно мотивированные. Другими словами, язва желудка является выражением бессознательного желания! Этот абсурдный принцип оказывается даже еще более опасным, когда он применяется для объяснения несчастных случаев на производстве. В соответствии с этой теорией психического детерминизма эти несчастные случаи также являются результатом скрытых желаний. "Склонный к несчастным случаям" рабочий желает быть покалеченным; он умышленно причиняет себе вред; фрейдисты игнорируют условия усталости, потогонной системы, неудовлетворительного освещения, чрезмерного шума и пренебрежения техникой безопасности и все объясняют бессознательным желанием рабочего быть искалеченным.

Оставляя временно в стороне вопрос о том, могут ли мотивом каждого поступка и каждой мысли быть достигнуты те результаты, которые фактически получаются, мы остановимся на главной проблеме теории свободных ассоциаций, или теории психического детерминизма, – проблеме причинности явлений. Имеют ли место случайности или все раз и навсегда так строго детерминировано, что может быть предсказано заранее, если только нам известны все факты?

Вопрос о причинности и случайности, конечно, не нов – он занимал философов на протяжении столетий. Были выдвинуты самые различные точки зрения; некоторые зашли настолько далеко, что совершенно отрицали причинность. Другие философы отрицали возможность случайностей. Сознательно или бессознательно, Фрейд занял определенную позицию, отрицающую роль случайности в определении человеческой деятельности.

В действительности случайности имеют место в жизни людей; случайность определяется как неожиданное и непредсказуемое событие, то есть случайное и непредсказуемое с точки зрения законов и направления развития тех особых процессов, которые мы изучаем и прослеживаем в данный момент². Проиллюстрируем это следующим примером: исходя из правил движения железнодорожного транспорта, совершенно невозможно предвидеть, что по данному поезду в определенный день (или любой день) ударит молния. Случайность – это не событие, которое *не имеет причин*, а результат того, что одна линия необходимого развития сталкивается с другой и вступает с ней в конфликт. В указанном примере необходимые процессы, связанные с грозой, перекрещиваются с необходимыми процессами железнодорожного движения, и по поезду ударяет молния. Это событие не было беспричинным, но явилось случайным, если его рассматривать с точки зрения правил железнодорожного движения или с точки зрения процессов жизни паровозной бригады данного поезда.

Распространение этих принципов на область психиатрии означает, что случайные поступки и мысли имеют место, так как индивид постоянно подвергается воздействию различных, часто противоречивых необходимых факторов. Так, если невротик упустил что-то сделать, то из этого не следует, что его забывчивость была строго детерминирована бессознательной мотивацией, нацеленной на получение такого результата. Из этого не обязательно следует, что он и *желал* забыть. Его образ действий может иметь и это значение, но его забывчивость могла быть вызвана и необходимостью заниматься другими, более важными делами, которые вторглись в его жизнь и мысли вследствие действия причин, ничего общего не имеющих с забытым делом, взятым самим по себе. Подобным же образом, когда пациент, лежа на кушетке, "свободно ассоциирует", мы не можем не обратить внимания на то, что случайные возможности могут определить ту или иную мысль, выраженную пациентом. Большой ошибкой является предположение, что все его

мысли обязательно связаны между собой, подобно бисеру, нанизанному на нитке.

На практике самые серьезные ошибки получаются тогда, когда каждый поступок пациента объясняется как важный показатель бессознательной мотивации. Тем самым мы подводим пациента к предположению, что есть предвидящая сфера психики, которая знает заранее результаты каждого поступка, тогда как в действительности невротик всегда желает, чтобы произошло нечто определенное, только для того, чтобы быть удивленным, пораженным и потрясенным противоречивыми и неожиданными результатами, которые получились в действительности. Теория свободных ассоциаций предполагает наличие такой сферы психики, которой все известно, но подобной сферы психики не существует.

Другое практическое следствие применения метода свободных ассоциаций заключается в том, что этот метод подводит невротика к необходимости признать личную ответственность за все то, что он делает и говорит, и, таким образом, за все, что с ним случается. Это естественно следует из того, что каждый поступок его имеет значение как выражение глубоко бессознательного намерения. В действительности же жизнь невротика в значительной степени строится под влиянием общественных сил, находящихся вне его непосредственного личного контроля, и поэтому он не может желать всего того, что случается с ним, и не может быть за это ответственным.

Еще один практический результат метода свободных ассоциаций состоит в том, что пациент не только неправильно понимает и истолковывает все свои поступки, включая самые незначительные и безобидные, но он также начинает чувствовать себя измученным, беспомощным и обвиняемым в том, что он сам, и притом преднамеренно, вызвал все свои несчастья. Кроме того, он начинает себя чувствовать так, как будто он полностью находится во власти таинственных демонических сил, ибо каждый его поступок истолковывается как преднамеренный, а, согласно теории Фрейда, поступки вызываются бессознательными влечениями, которые по своей природе не являются ни общественными, ни рациональными, ни поддающимися управлению. Я часто слышал от пациентов, которых лечили по методу Фрейда, как они выражали глубокое чувство беспомощности перед лицом своего "бессознательного".

Если при лечении пациентов мы следуем принципам психического детерминизма, как они были постулированы Фрейдом, то мы приписываем серьезное значение поступкам и мыслям, которые на самом деле носят совершенно случайный характер и не имеют большого значения. Когда пациент во время беседы с врачом прерывает себя, чтобы чихнуть или высморкаться, то это не является показателем "противодействия" и не имеет какого-либо другого символического значения; это почти всегда является результатом подлинных процессов раздражения, происходящих в носовой полости. Мы можем, очевидно, потерять много времени и энергии, роясь в мелочах и придавая серьезное значение всему без исключения. Возникает путаница, и реальные проблемы затемняются благодаря чрезмерному вниманию, которое уделяется случайным деталям психической жизни.

Из этого также с необходимостью следует, что как психоаналитику, так и пациенту трудно определить, что является более важным и что менее важным, поскольку, по теории свободных ассоциаций, все важно или может привести к чему-нибудь важному. Психоаналитик не видит леса из-за деревьев; его подход по необходимости является недифференцированным.

Таким образом, использование свободных ассоциаций представляет собой огромную потерю времени. Во время ассоциирования пациент иногда поднимает важные проблемы, но если даже врач распознает их и примется за их разрешение, огромное количество времени теряется на общие места и на незначительные детали. Кроме того, использование этого приема часто развивает у психоаналитика своего рода слепоту; он может оказаться неспособным отличить важные проблемы от тех "ассоциационных" пустяков, которыми они окружены.

Есть и другие следствия, вытекающие из веры в действенность свободного ассоциирования. На практике, когда в начале лечения пациента кладут на кушетку и говорят ему, что он должен "свободно ассоциировать", его может одолеть величайшая путаница. Практически в море тревог его пустили без компаса, который мог бы его направлять; ему не дано было никаких указаний, к чему он должен стремиться, как опознать свои проблемы и как взяться за их разрешение, и он должен исходить из слепой веры в то, что врач лучше знает, что делать, и что в конце концов все будет хорошо.

Другое возражение против применения метода свободного ассоциирования заключается в том, что этот прием может привести пациента к бессистемному мышлению и ассоциированию и таким образом уведет его в сторону от изучения его специфических проблем и реального мира на путь фразерства и индивидуалистического копания в деталях субъективного характера. К несчастью, это не остается лишь теоретической возможностью. Я неоднократно видел людей, которые были пациентами у психоаналитиков, наученных думать таким образом.

Далее, вызывающим серьезную критику недостатком этого метода лечения является то, что он сводит роль и деятельность врача почти на нет. Врач должен сидеть спокойно и совершенно пассивно, ведя себя не свойственным человеку, неестественным образом, и говорить как можно меньше, чтобы не мешать ходу свободного ассоциирования пациента. Если он что-нибудь скажет, ему тем самым неизбежно придется прервать процесс, который в следующий момент мог бы привести пациента к нахождению подлинной жемчужины. Один из моих коллег рассказывал мне, что психоаналитик, у которого он лечился, за все время лечения, в течение свыше двух лет по пяти раз в неделю, сделал приблизительно двадцать замечаний.

Неестественное, бесполезное и совершенно не свойственное человеку применение психоаналитиком метода свободного ассоциирования должно вызвать негодование и враждебность у большинства пациентов. Пациент тратит на свое лечение огромное количество времени, энергии, денег, возлагает на него большие надежды, однако взамен получает так мало руководства и помощи. Психоаналитик "объясняет" это негодование тем, что оно якобы составляет часть невроза пациента, или обусловлено "противодействием" пациента, или исходит из "источника агрессии" пациента. Однако он неправ; значительная доля той враждебности и негодования, которые проявляют пациенты психоаналитиков, вызвана самим методом лечения.

Резюмируя, можно сказать, что фактически свободных ассоциаций не существует и не может существовать. Метод этот в целом основан на теории, которая исключает возможность случайного, непреднамеренного и незначительного, и этот метод неразрывно связан с теорией "бессознательного". Согласно последней, сфера "бессознательного" является вместилищем сил, которые управляют свободными ассоциациями; но если "бессознательное" вообще не

существует, что же тогда остается от свободных ассоциаций? Продолжая это занятие, психоаналитики гонятся за неуловимым и используют метод, который, как уже доказано, пагубно влияет на пациента.

Метод свободных ассоциаций имеет так много очевидных недостатков, что приходится удивляться, почему психоаналитики придерживались его все эти годы. Даже "культурные" психоаналитики всерьез не оспаривали этот метод и все еще используют его в качестве главного терапевтического метода.

Я полагаю, что ответ на этот вопрос заключается в том факте, что метод свободных ассоциаций охватывает и выражает почти все главные течения психоанализа. Он включает в себя теорию психического детерминизма и неизбежно связан с теорией "бессознательного". Кроме того, метод свободных ассоциаций естественно вытекает из субъективных в целом взглядов психоанализа, тенденция которого заключается в том, чтобы учить невротика для разрешения своих проблем смотреть внутрь себя, а не изучать внешний мир. Раз мы начали искать разрешения своих проблем внутри себя, мы встаем на путь бесконтрольной фразеологии и бессистемного мышления. Далее, прием свободных ассоциаций выражает самую сущность индивидуализма, который пронизывает психоанализ насквозь, поскольку этот метод включает в себя минимум контакта и сотрудничества между врачом и пациентом. Это имеет место тогда, когда пациент вступает в темные дебри разговоров о самом себе или о чем-то другом по своему выбору – так, как это нравится невротичу и без всякого руководства и контроля со стороны врача.

Наконец, метод свободных ассоциаций является выражением антиинтеллектуалистических течений, которые так полно воплощены в психоанализе. Метод свободных ассоциаций является самой полной противоположностью разумному, контролируемому и научному рассмотрению проблем. Вместо точного и логического подхода к проблеме психоаналитики заставляют пациента пускаться в бессвязные разглагольствования о своем субъективном состоянии, и чем более субъективно и бессодержательно это разглагольствование, тем больше оно нравится психоаналитичу, поскольку тогда оно действительно непосредственно проистекает из неразумного, бессознательного.

Однако из того факта, что мы отрицаем теорию и практику свободных ассоциаций, не должно следовать, что пациент не обязан при психотерапии возможно полнее сообщать врачу о своем субъективном состоянии. На протяжении значительной части лечения, и особенно на начальных стадиях его, пациент может игнорировать или не обращать должного внимания на важные данные. Надо в особенности добиться, чтобы он не пропускал данные, которые ему неприятны и стесняют его; он не должен также скрывать материал на том основании, что тот ему кажется слишком незначительным. Материал может быть вовсе не незначительным; если это так, то врач может прервать пациента и сменить предмет разговора или же попытаться выяснить, почему пациент обращается к таким незначительным вещам. По моим наблюдениям, когда пациент действительно говорит о мелочах, то это часто делается для того, чтобы избежать постановки какой-нибудь существенной проблемы. В таких случаях задача врача заключается в том, чтобы помочь пациенту уяснить себе эту проблему и обеспечить преодоление ее.

Пациенту также не следует избегать материала на том основании, что он повторяется. Почти всегда есть достаточное и не случайное основание, объясняющее, почему вопрос обсуждается неоднократно. Обычно это значит, что налицо нерешенная проблема, то есть что-то такое, чего пациент еще не понимает. Не менее часто пациент рассказывает о старой, знакомой ситуации, ибо ему это приятно, так как такой рассказ является для него линией наименьшего сопротивления. Он предпочитает обсуждать то знакомое, что им же было сделано, чем приняться за работу по разрешению новых проблем.

Цель лечения заключается в том, чтобы наметить специфические проблемы и научить пациента успешно бороться с ними, а это достигается путем изменения и развития сознательного понимания пациентом этих проблем. Это означает, что беседа обычно ведется по возможности специфичнее, что используется метод вопросов и ответов, что врач при определенных обстоятельствах не колеблется говорить свободно и подробно. Эта беседа не может, однако, происходить слишком поверхностно; в противном случае пациент может воздержаться от полного выражения своего состояния, но тогда элементы неразумности в его мышлении и структуре деятельности могут остаться нераскрытыми.

На определенных стадиях терапии беседа должна быть по своей природе бессвязной, перескакивающей с одной темы на другую. Это часто случается перед тем, как окажется возможным установить существование специфической проблемы. Другим примером является такой случай, когда пациент приходит и говорит, что у него нет вопросов для обсуждения, что он чувствует себя прекрасно и ничто не беспокоит его. Поскольку это может случиться на ранних стадиях лечения, когда врач знает, что невроз еще не излечен, что тогда следует делать? Следует ли отослать пациента домой, потому что нечего обсуждать? Конечно, нет. Безмолвие пациента может быть вызвано тем, что произошло что-то, что беспокоит пациента, и он это скрывает, действительно опасаясь думать об этом. Или могло быть так, что во время последнего визита был затронут вопрос, который сильно взволновал пациента, и он не хочет в данный момент возвращаться к нему снова. Если ничего этого не произошло, то молчание пациента может быть признаком его беспомощности и инертности,

В любом случае, если специфические проблемы не могут быть установлены, необходимо начинать разговор во внешне бессвязной манере, пытаясь обнаружить эти проблемы или найти путь творческой работы.

Цель врача во всех случаях должна заключаться в том, чтобы как можно быстрее отойти от бессвязной беседы и подойти к обсуждению определенной ситуации, чтобы работать над разрешением специфических проблем. Однако, поскольку ни пациент, ни врач не могут сказать заранее, в чем заключаются эти проблемы или как подойти к их разрешению, при глубокой терапии обсуждение должно быть иногда беспорядочным и перескакивающим с одного предмета на другой. Когда беседа ведется правильно и упор делается не на сферу бессознательного, а на внешние взаимоотношения пациента и на осознание этих взаимоотношений, это первоначально беспорядочное обсуждение часто вскрывает некоторые неожиданные проблемы и поэтому оказывается полезным.

ПРОБЛЕМА СНОВИДЕНИЙ

Анализ сновидений и толкование их смысла пациенту стало общепризнанным методом в практике психоанализа. Действительно, сновидения рассматриваются психоаналитиками как исключительно важное явление, открывающее прямую дорогу в сферу бессознательного.

Фрейд постулировал еще в ранних своих работах, что сновидения имеют и смысл и цель. Общую цель сновидения как психического явления он видел в том, чтобы охранять сон. Сновидение защищает спящего от внешних и внутренних раздражителей, которые могли бы разбудить его. Это происходит путем превращения беспокоящих внешних раздражителей (таких, как шумы) или внутренних раздражителей (таких, как мысли) в образы сновидений, которые охраняют спокойствие спящего и позволяют ему продолжать спать.

Фрейд проводил четкое разграничение между тем, что человек видит во сне, и подлинным смыслом сна, то есть его скрытым содержанием. Суть каждого сновидения, скрывающаяся за внешним его проявлением, состоит в фантастическом, воображаемом выполнении желания. Тогда как, по общепринятому мнению, в каждом сновидении находит свое отражение материал всех возрастов человеческой жизни, Фрейд полагал, что наиболее важным материалом для сновидений служат желания, которые проистекают от неудовлетворенных половых влечений детского возраста.

Таким образом, сновидение является удовлетворением или фантастическим воплощением подавленных желаний, с детства существующих в бессознательном. Само реальное желание никогда не появляется, даже в сновидении. Оно получает замаскированный или искаженный вид в результате работы цензуры сновидений, объединенной часта "Я" и "сверх-Я". Этот цензор не засыпает, и он искажает внешнее проявление бессознательных желаний так, чтобы во сне не получилось чего-нибудь слишком скандального, что не соответствовало бы принятым и освященным традицией моральным нормам.

По Фрейду, это искажение желаний может происходить различным образом. Предметы, люди и ситуации, которые человек видит во сне, могут действительно относиться к соответствующим явлениям, а также могут служить символами некоторых совершенно других

объектов. Большинство образов сновидений действительно символично по своей природе, и, согласно Фрейду, большая часть символов относится к сексуальности и половым органам. Так, вода является символом рождения; длинные объекты, такие, как змеи, являются символом мужского полового органа; коробки и полые объекты символизируют собой влагалище; огонь – половую страсть и т.д.

Помимо символизации, один короткий сон может заключать в себе несколько значений. Акцентирование важности может быть смещено с одной ситуации или действия на другие. Видимые во сне образы и символы могут фактически означать совершенно обратное и потому иметь противоположное значение; гнев в действительности может означать любовь; прибытие – отъезд; рот может относиться к анальному отверстию и наоборот и т.д. Существует много всевозможных видов искажения сновидений, и здесь были упомянуты лишь наиболее ходовые¹.

В практике психоанализа, когда пациент расскажет свой сон, его просят сообщить те мысли, которые приходят ему в голову в связи с этим сновидением. Эти ассоциации якобы раскрывают скрытый смысл бессознательных, половых желаний человека, который видел сон. Когда эти бессознательные желания делаются сознательными, то определенный запас энергии, который заключен в них, рассеивается и они теряют свою силу, переставая беспокоить пациента и быть причиной невротических симптомов.

Многое можно было бы сказать об этой фрейдовской теории сновидений и их интерпретации, но я полагаю, что ее существенные моменты могут быть представлены в довольно простой форме. Во-первых, читатель уже заметил, что такая форма толкования сновидений таит в себе почти все классические ошибки Фрейда – особый акцент на детском возрасте и на сексуальности, инстинкты, бессознательное, механическое деление ума на "Я", "сверх-Я", цензуру и т.д.

Во-вторых, сам Фрейд, да и другие психоаналитики, приводит слишком мало доказательств, которые подтвердили бы их толкование данного сновидения. В конце концов, если, учитывая лишь наименее непристойные возможности искажения сновидений, смысл сновидения может быть изменен или даже стать противоположным; если сновидение по смыслу может быть насыщено и придавать смысл другим сновидениям, если низ может

быть верхом, а конец – началом; если, далее, вопрос о наличии или отсутствии этих механизмов искажения сновидений решается самим психоаналитиком в соответствии с его личным суждением, тогда становится совершенно очевидным, что врачу предоставляется громадный простор для толкования любого сна буквально любым способом, каким он сочтет нужным. И он сочтет наиболее удобным такое толкование, которое соответствует данной разновидности психоаналитической теории. Ясно, что психоаналитик имеет полную свободу приписать сну именно такой смысл, какой он считает подходящим, независимо от внешнего проявления и обстоятельств сновидения.

В-третьих, если сказанное в предшествующей главе о методе "свободных ассоциаций" является правильным, то инструктирование пациента о "свободном ассоциировании" по поводу его сновидений будет иметь результатом нагромождение одной путаницы на другую.

Но если мы отвергаем фрейдовское толкование сновидений, что мы, как я полагаю, должны сделать, то следует ли отсюда, что сновидения вообще не имеют значения и что они не должны быть учтены или использованы в материалистической психотерапии?

Если мы ответим на этот вопрос положительно, считая, что сновидения не имеют никакого смысла, то, мне кажется, такая точка зрения представляет прямую капитуляцию перед теорией Фрейда. Мы фактически будем придерживаться такой точки зрения, что сновидения или вообще не имеют никакого смысла, или если и имеют, то они могут быть поняты только согласно принципам Фрейда.

Рассмотрение даже нескольких сновидений сразу же покажет абсурдность утверждения, что они не имеют никакого смысла. Сновидения часто бывают высоко организованными, сложными и представляют собой единое целое. Чтобы они определялись простой случайностью и не имели смысла, так же невозможно, как невозможно, чтобы любая другая сложная психическая деятельность полностью определялась случаем и не имела смысла. Мы можем сказать кое-что определенное о сновидениях:

1. Сновидения – один из аспектов проявления сознания; они отражают сознание индивида, находящегося на определенном уровне развития, и подвержены сильному влиянию данного сознания.

2. Сновидения являются видом психической деятельности, которая происходит во время сна. Мы знаем, что мозг функционирует во время сна, иначе человек умер бы. Хотя такое функционирование мозга отличается от его деятельности в период бодрствования, ясно, что человек думает каким-то образом всю ночь. Сновидения являются воспоминаниями о некоторых из тех мыслей, которые приходят во сне.
3. Сновидения – это акт спящего, и поэтому они неизбежно выражают некоторые из его характерных особенностей в действии.
4. На сновидение, поддающееся наблюдению, оказывает влияние изменения в жизненных обстоятельствах и в практической деятельности человека. На них часто в значительной степени влияет ход психотерапевтического лечения. Сновидения одного и того же пациента часто становятся в результате лечения менее путанными и сложными. Их характерные особенности могут полностью измениться, и при этом часто исчезают страшные сновидения и ночные кошмары, а на смену им идут новые виды сновидений.

Я лечил двух пациентов, которые до меня лечились по методу Фрейда и Юнга. В период лечения по методу Фрейда их сновидения были полны сексуальных символов: змей, шестов, полых коробок и т.д. Затем, пройдя определенный курс лечения у Юнга, оба пациента начали видеть во сне сцепленные круги и треугольники – символы, которые считаются сугубо важными и значимыми в мистическом подходе Юнга к проблеме личности. После некоторого периода лечения у меня характерные особенности сновидений вновь изменились и приблизились к тому типу, который я обычно наблюдаю. Они видели во сне обычные ситуации, путешествия, покупки в магазине, старых знакомых и т.д.

По-моему, очевидно, что если человек видит какой-то сон, то этот факт сам по себе не подтверждает теории психоаналитика, правильности его принципов лечения. Через известный промежуток времени сновидения пациента становятся отражением влияния врача. Если пациент, который проходит курс фрейдовской терапии, доходит даже до того, что начинает действительно видеть во сне половое сношение с матерью, то это никоим образом не является доказательством теории Эдипова комплекса вообще или даже того, в частности, факта, что этот пациент желает иметь такое сношение со своей

матерью. Такое сновидение может иметь место как реакция на внушение психоаналитика.

5. Сновидения не могут быть сведены к половым стремлениям или осуществлению желаний вообще, точно так же, как к этому не может быть сведена любая другая сложная психическая деятельность человека.
6. Сновидения включают в себя сохранившиеся в памяти образы – впечатления и явления, о которых индивид узнал и которые испытал в своей предшествовавшей сновидению жизни. Поскольку это так, сновидения детей должны быть отличны от сновидений взрослых. Сновидения неизбежно различны также у различных людей, живущих в различных общественных условиях и обладающих различным жизненным опытом. Наблюдение за детскими сновидениями и изучение материала сновидений, собранного антропологическими экспедициями, подтверждает оба этих положения.
7. Это также доказывает, что сновидения не являются неорганизованной, лишенной смысла и разобщенной психической деятельностью. Если бы они были неорганизованными и лишены смысла, они не изменялись бы с возрастом, не были различными в разных обществах.

Подлинно диссоциированная психическая деятельность, происходящая во сне, то есть лишенный смысла сон, обычно состоит просто из вспышек света, преходящих шумов и подобных же неорганизованных и не имеющих смысла ощущений, испытываемых спящим. В действительности многие сновидения, возможно, большинство их, отличаются связностью и хорошей организованностью. Они часто имеют определенное начало и конец; в них происходит распознаваемое действие, они включают весьма отчетливые образы людей, хорошо известных спящему. Распознаваемый реалистичный образ человека является полной противоположностью бессмысленной, неорганизованной и диссоциированной психической деятельности.

К сказанному о сновидениях мало что определенного можно прибавить. Хотя сновидения представляют собой такой вид психической деятельности, которая нередко является искаженной и фантастической, они не всегда имеют такой характер. Наоборот, некоторые сновидения являются исключительно реалистичными и ясными, ничего не искажающими. Иногда во сне совершается

мыслительный процесс, отличающийся высоким интеллектуальным уровнем; известно несколько знаменитых примеров, когда во сне решались математические задачи или научные проблемы и человек просыпался с готовым ответом на стоящий перед ним вопрос². В моем личном опыте имел место случай, когда пациент нашел во сне ответ на стоящую перед ним проблему, причем решение было правильное, ясное и недвусмысленное.

Мы можем привести данные некоторых других наблюдений, которые вообще справедливы по отношению к сновидениям: например, они часто являются продуктом неглубокого и беспокойного сна и не имеют места, или их нельзя вспомнить в случае глубокого сна. Однако если людей, погруженных в глубокий сон, внезапно разбудить, у них сохранится моментальное и нестойкое воспоминание о том, что им снился какой-то сон, но эта мысль в процессе пробуждения так быстро исчезает, что ее невозможно вспомнить.

По своей природе сновидения часто бывают фантастичными и искаженными, однако во время сна вся картина может казаться весьма реальной, временами внушающей ужас. Обычное чувство реальности во время сна нарушается. (Это нарушение не является полностью функцией сна. Оно, очевидно, обусловлено отсутствием во время сна общественной практики и общественных контактов. Даже те мысли, которые появляются у нас, и те планы, которые мы строим во время случайного ночного бодрствования, искажаются по той же самой причине. Они часто кажутся в значительной степени нереальными и непрактичными, когда мы начинаем холодно рассматривать ИХ на следующее утро).

В снах обычно лишь незначительную роль играют цвет и речь, так что они больше похожи на немое кино, которое человек может смотреть и даже принимать непосредственное участие в происходящих в нем действиях.

Сновидения, будучи психической деятельностью, происходящей во время сна, несомненно, представляют собой мысли или отрывки мыслей о явлениях, которые интересуют человека в данный период его жизни. Искаженно или неискаженно, сновидение отражает мысль о чем-то представляющем интерес для человека. Если данные предметы не интересуют человека или не имеют к нему отношения, то у него нет оснований ни думать о них, ни видеть их во сне.

Сновидение представляет собой цельную психическую деятельность спящего человека. В таком случае оно по необходимости затрагивает некоторые стороны общественной практики этого человека в данное время. Если даже сновидение относится к прошлому и воскрешает картины детства или воссоздает живой и реалистичный образ кого-то давно умершего, все же есть какое-то основание в настоящих условиях его жизни, по которому такие мысли пришли в голову спящему человеку.

Проблема понимания обычного сновидения является чем-то сходным с проблемой понимания картины, музыкальной композиции, пантомимы или другой формы человеческого общения, которая происходит без посредства языка. Именно этот факт заставил столь многих экспериментаторов, включая Фрейда, встать на мистическую точку зрения на сновидения, рассматривая их как иллюстрацию существа художественного творчества, и поэтому сновидение широко провозглашалось как высшая форма искусства. Я считаю, что сновидение не является формой искусства, оно не более и не менее "художественно", чем любой другой вид цельной психической деятельности. Поскольку речь встречается в сновидениях реже, чем непосредственные образы, мы должны объяснять значение этих образов точно так, как мы объясняем пантомиму или картину. В обычном сновидении мысль: "Мне не нравится этот человек" – не будет выражена абстрактно, как в этом предложении. Вместо этого она может быть выражена в виде страшного образа этого человека, или он может представиться с искаженным выражением лица или занятым какой-нибудь постыдной деятельностью.

Я не думаю, чтобы каждое сновидение или даже большинство сновидений имели еще какой-то скрытый смысл. В немалом количестве сновидений, особенно в сновидениях здоровых людей или почти излечившихся невротиков, значение сновидения ясно по его внешнему проявлению.

Однако мы должны рассмотреть сновидения, в которых все естественно, но где разворачивается деятельность, необычная для данного спящего человека или такая, которая, как кажется, не имеет отношения к настоящей жизни спящего. Примером может служить пациентка, которой снится, что она путешествует. Она садится на поезд, который сначала быстро мчится по пустынной сельской местности; затем поезд замедляет ход и, наконец, подходит к узловой станции, где пациентка обнаруживает, что она должна пересесть на

другой поезд. На этой станции большая суматоха, много шума и кругом снуют пассажиры; она обращается за справкой к проводнику, но он говорит на иностранном языке, и развязка такова, что она пропускает свой поезд и пробуждается в беспокойном состоянии.

Поскольку отпуск и путешествие не приходили ей в голову в данный период времени и тогда был не сезон для получения отпуска и не было никакого основания думать о путешествии, мы должны задаться вопросом, почему ей снилось все это. Если мы ответим, что ей приснилось все это потому, что она взглянула на рекламное объявление о путешествии за день до того, как ей приснился этот сон, то мы должны еще объяснить, почему незначительный эпизод (мимолетный взгляд на объявление) имел следствием беспокойное сновидение. Почему ей снилось, что она пропустила второй поезд, и почему она проснулась в тревожном состоянии? Если бы сон был действительно только воспроизведением мысли об объявлении, то ей лишь приснилось бы, что она смотрит на рекламу, или что она поехала к тому месту, которое описано в объявлении, или что она хочет туда поехать.

Нет, было бы слишком просто сказать, что этот сон является лишь мыслью о путешествии. Это было бы равноценно признанию того, что ей снились маловажные вещи и что ее охватило беспокойство из-за мелочного дела. Если это было так, то почему ей приснился именно этот тривиальный предмет, а не многие другие, которые она видела в тот день? В конце концов, она ехала на метро и видела много объявлений, она была на службе и встречалась со многими различными людьми; она была в кино и получила удовольствие от картины и т.д. Впечатления и переживания одного этого дня составили бы материал для тысячи сновидений; ведь это что-то значит, что она увидела во сне и беспокоилась по одному из наименее значительных событий из ее деятельности за день.

Поэтому, поскольку она не собиралась начать путешествие в это время, поскольку у нее не было таких комплексов и проблем, которые включали бы путешествие, и поскольку ее воспоминания о путешествиях были приятными и она никогда в своей жизни не опаздывала на поезд, мы должны задаться вопросом, не выражает ли сон в форме пантомимы какую-то другую мысль, не имеющую непосредственной связи с определенным путешествием.

Мы можем догадаться об этом из краткого обзора сновидения. Суть сновидения заключается в том, что она отправилась куда-то и

сначала ехала быстро; затем движение замедлилось, и она должна была сделать пересадку, но она оказалась теперь в запутанной обстановке и не могла получить помощь от человека, который должен был рассказать ей, куда ехать, потому что она не могла понять его. Хотя этого нельзя утверждать категорически, краткий обзор, видимо, указывает на то, что сон выражает мысль об изменениях, происходящих в ее жизни в результате лечения. Этот сон не есть в действительности сон о путешествии; он комментирует ход лечения. Он выражает некоторое сомнение относительно хода событий и относительно того, будет ли таким же успешным окончание лечения, несмотря на быстрое улучшение, которое произошло в начале лечения. Образ проводника, который говорил на иностранном языке, по всей вероятности, относится к врачу.

Но, спрашивается, если таково подлинное значение сновидения, тогда почему она не думала об этих вещах прямо? Почему ей снится ее лечение таким образом, а не непосредственно? Ответ на этот вопрос заключается в том, что сон выражает мысли, которые она даже во время своих дневных размышлений только лишь начинает смутно и неуверенно формулировать. Другими словами, это – толкование ситуации, которую она сама не понимает ясно и не может отчетливо сформулировать, поэтому сон принимает такую странную форму. Сновидение могло принять такую форму также потому, что она не хотела формулировать проблему слишком определенно; если бы она думала об этом слишком определенно, днем или ночью, тогда немедленно возник бы неприятный вопрос, почему улучшение ее состояния замедлилось и что она должна делать в связи с этим? (В этом подлинном примере пациентке не удавалось разрешить проблему своих трудных отношений с другим человеком). Она не могла ни наладить эти отношения, ни отказаться от них, и дело медленно подвигалось к развязке, которой она еще не нашла удовлетворительного решения. Сновидение выражает сомнение, сможет ли лечение помочь ей достигнуть цели – проводник присутствовал, но она не могла понять указания, которые он ей дал.*

* Такая интерпретация должна заставить врача проверять, так ли он подходит к проблемам лечения. Ясно ли он понимает вопрос; представил ли он его пациентке надлежащим образом; есть ли что-нибудь, чего он не заметил; не ожидает ли он слишком многого от пациентки при таком специфическом развитии ее понимания; не становится ли она слишком зависимой от его советов и т.д.? Таковы те вопросы, которые врачу следует поставить перед собой в подобной ситуации.

Поэтому, пытаясь постигнуть смысл данного сновидения, мы должны изучить настроение, которое этот сон отображает, неприкрашенный краткий обзор событий и ход действия, имеет ли он положительный конец или заканчивается пессимистически и т.д. Необходимо также изучить смысл деятельности, которой занимаются другие личности во сне, и мы должны стремиться опознать этих людей в том случае, если во сне они не выступают как определенные личности, известные пациенту.

Проблема становится значительно труднее, когда мы изучаем сновидения, явно фантастические по своей природе. С самого начала следует сказать, что толкование таких сновидений всегда можно оспаривать и многие из них никогда не могут быть удовлетворительно или полностью объяснены с некоторой приемлемой долей вероятности.

Однако даже здесь мы оказываемся не без некоторых важных моментов, которые направляют нас, налицо постепенно увеличивающееся количество полезных знаний. В данном случае нет ни времени, ни необходимости вдаваться во все подробности. Мы делаем предположение, что фантастическое сновидение не обязательно является бессмысленным и что образы сновидения представляют собой предмет интереса спящего человека. Мы также придерживаемся принципа: идти от менее фантастичного к более фантастичному – и считаем, что правильное толкование даже одного элемента сновидения может пролить свет на остальную часть его.

Рассмотрим сновидение, в котором только один элемент является искаженным. Женщине снится, что она в своей комнате и все вещи находятся на своих местах. Входит медведь, садится, надевает ночные туфли ее мужа, закуривает одну из его трубок, читает одну из его книг и время от времени разговаривает с ней. Разумным будет предположить, что этот медведь олицетворяет собой ее мужа и что если она имеет последующие сновидения о медведях, то они тоже, вероятно, относятся к нему. Если же она видит во сне других животных, мы должны по крайней мере твердо поставить вопрос, имеют ли образы этих животных скрытое отношение к людям.

Другим, и притом простым, ключом к выяснению вопроса о сновидениях является то обстоятельство, что иногда искажение изменяется в том же самом сновидении. Человеку может снится случай, в котором принимает участие карлик. Позднее в том же самом сновидении карлик исчезает, но теперь брат пациента

выполняет ту же самую деятельность. В данном случае опять разумным будет предположить, что карлик и брат представляют одно и то же лицо и что образ карлика содержит намек на брата или замечание о нем.

В более искаженных или фантастических сновидениях может быть только единственный элемент, который содержит упоминание о ком-то. Так, пациентке приснился пожар, в результате которого дом сгорел дотла. Она тревожилась по этому поводу, но ничего не могла сделать. У этого дома имелся своеобразный балкон. Когда она проснулась, то вспомнила, что это был балкон в том самом доме, где жил ее муж до свадьбы. Это сновидение, таким образом, содержит, по всей вероятности, намек на ее мужа. Поскольку в тот период, когда ей приснился этот сон, она пыталась решить вопрос о разводе, становится очевидным, что этот сон объясняет ее отношение к мужу и возможность развода.

Приведем еще один пример того, как искаженный или фантастический сон все же может быть понят. В этом случае незамужней женщине снилось, что она где-то нашла ребенка и очень нежно ухаживала за ним.* Однако ребенок был болезненным и, несмотря на все ее усилия, умер. Ребенок имел только одну особенность: у него что-то было неладно с затылком.

* В ее действительной жизни беременность была совершенно исключена.

В тот период ее действительной жизни она боролась за разрешение вопроса о продолжительных и неудовлетворенных своих отношениях с одним мужчиной. Она очень любила этого человека, но были серьезные трудности, препятствующие их женитьбе. Стало ясно, что дальше их отношения не могут развиваться и что она должна или остановиться на полпути, или решительно их разорвать. За неделю до того, как ей приснился этот сон, ее знакомый поранил себе спину и отправился к врачу за медицинской помощью. Тот факт, что у ребенка было что-то неладно с затылком, создает у меня уверенность в том, что этот сон относился к ее взаимоотношениям с этим мужчиной. Тот факт, что ребенок умер, несмотря на ее нежную заботу о нем, вероятно, означает, что она ожидает разрыва отношений и приняла решение закончить их. Для того чтобы проверить это толкование (которое я держал про себя), я направил беседу на ее отношения с этим мужчиной. И тогда выяснилось, что она после больших страданий приняла сознательное решение положить конец их отношениям.

Я считаю доказанным, что некоторые сновидения действительно имеют значение открытия и что случайное сновидение может быть использовано для понимания и дальнейшего выяснения проблем данного пациента. Однако, если мы даже избежим ошибки рассматривать сновидения как отзвук детских половых переживаний, проникающих из "бессознательного", наиболее распространенными являются ошибки, сводящиеся к тому, что на рассмотрение сновидений тратится слишком много времени и что врач слишком категорически и догматически подходит к их толкованию. Врачу никогда не следует забывать, что как бы проницательны ни были его заключения относительно смысла сновидения, трудно или даже невозможно доказать их, и его толкование всегда должно считаться гипотетическим. Далее, по крайней мере в 50 процентах случаев мы не можем понять сновидения с достаточной уверенностью, чтобы использовать его. Часто также случается, что, если мы действительно понимаем сновидение, оно нам не дает ничего нового. Таким образом, фактически процентное отношение случаев сновидений, которые мы можем реально использовать при лечении, очень незначительно.

Однако случайные сновидения исключительно полезны для открытия такого аспекта в мышлении пациента или в его общественной практике, который мы раньше игнорировали или не замечали. Иногда сновидение указывает путь обнаружения новой проблемы; иногда оно покажет те изменения, которые начали происходить в сознании пациента, в его установках или характере его восприятия объективной действительности. Иногда сновидение выражает такие мысли, которые пациент не осмеливается продумывать, когда он находится в состоянии бодрствования.

Я никогда не забуду пациента, который через месяц после начала лечения почувствовал себя совсем хорошо. Хотя ничего не изменилось в его взаимоотношениях, его работе и его фактическом жизненном устройстве, он чувствовал себя прекрасно; никакие проблемы и расстройства не беспокоили его. Но его сновидения! Каждую ночь его преследовали разбойники или он наблюдал сцены убийства, членовредительства и жестокости. Эти сновидения были ясным показателем того, что его улучшение было совершенно субъективным; сны также указывали на интенсивность некоторых из его трудностей и на степень подавления их проявлений и отказа думать о них днем.

Поэтому рассмотрение сновидений полезно, когда оно указывает врачу на какой-нибудь аспект реальной проблемы пациента, на который раньше не обращали внимания, или когда оно указывает на неправильное представление пациента или на искаженную форму его мышления. Врач может попросту использовать эти сведения для руководства в своих дальнейших беседах с пациентом, или он может сообщить их пациенту с целью углубления знаний о нем и о его понимании определенных проблем.

Я думаю, неправильно тратить много времени на обсуждение с пациентом каждого сновидения. Поскольку многие сновидения являются явно фантастическими и их толкование никогда не может быть достаточно определенным, то подробные беседы о них с пациентом могут повести к отвлечению пациента от разрешения его реальных проблем, толкая его к интроспективному изучению его собственного субъективного состояния. Несмотря на то, что обсуждение сновидений может в определенное время представлять некоторую ценность, длительное обсуждение может увести пациента еще дальше от понимания внешней действительности. Гораздо важнее, чтобы врач, а не пациент понимал смысл сновидения, точно так же, как есть другие известные врачу явления в психической деятельности пациента, о которых врач, однако, не говорит пациенту, потому что в этом нет необходимости. Если пациенту, очевидно, нельзя предложить "свободно ассоциировать" по поводу сновидения, его можно спросить по крайней мере, напомнил ли ему сон о чем-то или о какой-то ситуации, что дало бы возможность установить связь между тем, что произошло во сне, и событиями из его подлинной жизни. Можно обсуждать настроение, в котором приснился сон, или действие, протекавшее во время сна, но, если никаких результатов не предвидится в ближайшее время, обсуждение следует переключить на реальные проблемы. (Это, конечно, не мешает врачу продолжать свои попытки понять, что данное сновидение могло бы сказать о настоящей жизни пациента и его проблемах.)

Итак, я полагаю, что определенные сновидения содержат поддающуюся раскрытию мысль или замечание пациента, касающиеся какого-то аспекта в жизни пациента. Если сновидения могут быть каким-то образом использованы для лечения и обсуждены, то цель здесь будет та же, что и при других беседах, которые проводятся в ходе психотерапевтического лечения, а именно – выяснить реальные проблемы пациента и улучшить его понимание действительности.

ПОВЕДЕНИЕ ПАЦИЕНТА В ПРОЦЕССЕ ПСИХОТЕРАПИИ

Когда психотерапия продолжается в течение короткого периода времени и сводится лишь к нескольким посещениям врача, пациент ведет себя совершенно иначе, чем при длительном лечении. Если курс лечения ограничивается несколькими посещениями, то пациент обычно прилагает все усилия к тому, чтобы сознательно способствовать лечению и полностью сотрудничать с врачом. Его отношение к врачу обычно бывает сдержанным, но доброжелательным, он пытается понять точку зрения врача и стремится мыслить как можно логичнее. Пациент в таком случае легче поддается внушению, чем при более длительном лечении, и обычно относится к лечению с большим доверием.

Во время первых визитов невротик обычно пытается сделать все возможное, чтобы не произвести впечатления серьезно больного или неразумного человека, так как всякий обращающийся к психиатру боится тех выводов, к которым может привести исследование. Однако некоторые невротики, наоборот, стараются даже при кратком лечении подчеркнуть свои худшие стороны. Они стремятся проявить себя деструктивно, односторонне и скрыть или приуменьшить положительные стороны своего поведения. Они делают это или с целью испытать правильность суждений врача и способность его разрешить их проблемы, или же для того, чтобы убедить врача в том, что данный случай является безнадежным и самая решительная борьба с ним бесполезна.

Если лечение будет продолжено на некоторое время, то поведение пациента теряет часть тех особенностей, которые характеризовали его вначале. Оно становится менее напряженным и более обычным для него, и некоторые его невротические особенности и неразумные взгляды начинают применяться также и в его отношении к врачу и к самому лечению.

Лечение представляет собой сложную и трудную задачу для пациента. Оно приводит пациента в тесный контакт с другим лицом, и самый характер этого контакта является для пациента совершенно новым. На поведение последнего оказывает влияние неправильность его установок, неправильное понимание действительности и прочие искажения психической структуры. Иными словами, в его поведении

проявляются многие из тех качеств, которые свойственны невротик, когда он предпринимает что-либо новое и сложное. Кроме того, на его отношении к врачу сказываются также некоторые из характерных для него общественно обусловленных реакций и те свойства его личности, которые ими управляют. Возможная невротическая реакция пациента на лечение усиливается тем, что само лечение влечет за собой возврат к нерешенным проблемам, прошлым неудачам, старым страхам и прочим мучительным реакциям, а также обсуждение этих проблем. Часто пациент действует так, будто он уверен, что явился выслушать свой окончательный приговор. Кроме того, поскольку пациент прибегает к лечению лишь тогда, когда его жизнь оказывается в состоянии глубокого кризиса, он, естественно, относится к лечению с большим беспокойством и страшится того, что оно может оказаться безуспешным. Если бы невротик был в состоянии включиться в лечение и принять в нем участие вполне рациональным образом, то его нельзя было бы назвать невротиком.

В истории встречались как такие психотерапевты, которые игнорировали роль поведения пациента во время лечения или не обращали на него внимания, сводя его значение до минимума, так и такие, которые в беседах с пациентом придавали особое значение его поведению. Психоаналитические формы лечения особо подчеркивают роль поведения пациента. Однако их подход даже к этой проблеме является односторонним. Вместо анализа всего поведения пациента во время лечения они проявляют тенденцию к ограничению анализа поведения пациента сферой его личных взаимоотношений с самим врачом. Иными словами, они сосредоточивают свое внимание на личном поведении пациента, не исследуя его общественных взглядов, простым выражением которых является его поведение. Эта тенденция чрезвычайно четко вырисовывается в психоанализе Фрейда, хотя проявляется она и у всех других психоаналитиков, даже у представителей "культурных" течений психоаналитической теории.

Фрейд, который был одним из великих пионеров, пытавшихся создать научную психотерапию, еще в ранний период своей деятельности начал подчеркивать в своих трудах значение отношений между врачом и пациентом. Действительно, вскоре он пришел к тому, что начал рассматривать это отношение как основной элемент психотерапии, и с тех пор анализ отношения пациента к врачу играл главную роль в психоаналитической теории и практике.

Фрейд подошел к этой проблеме с характерной для него биологической и инстинктивной точки зрения. Отсюда следует, что, по теории Фрейда, самой важной отличительной чертой поведения пациента в период лечения следует считать проявление тех инфантильных половых влечений, которые невротик ощущал, будучи ребенком, по отношению к своим родителям. Эти половые влечения, по теории Фрейда, возникают из неизменных догенитальных, или Эдиповых, фиксаций либидо. В психоанализе эти бессознательные, но очень мощные влечения переносятся на врача-психоаналитика, который как бы замещает родителей. Фрейд был настолько в этом уверен, что он обозначал отношение пациента к врачу термином "перенос". Он полагал, что взаимоотношения между врачом и пациентом в основном базируются на переносе любовно-половых влечений к людям, которых невротик знал в прошлом, на своего врача в настоящем. Таким образом, у пациента создается новый элемент отношений, именуемый Фрейдом "неврозом переноса".

Психоаналитическая теория Фрейда постулирует, что если этот невроз переноса может быть излечен, то и действительный невроз пациента также поддается лечению. Поэтому данная теория концентрируется на анализе "переносных желаний" и "переносного поведения" пациента. Чтобы предоставить этим бессознательным инфантильным половым тенденциям возможность свободно проявляться и чтобы при этом сам пациент мог понять, что они собой представляют, психоаналитик, по предположению Фрейда, должен оставаться незаметным, безразличным и равнодушным. Он не должен проявлять себя как личность, а должен быть лишь пассивным зеркалом, которое благодаря этой пассивности врача позволит пациенту отразить свои бессознательные инфантильные половые тенденции. Поэтому врач не должен входить в ситуацию анализа как личность, чтобы предоставить полную свободу пациенту проецировать свои фантазии, подсознательные желания и образы родителей на аналитика, как бы они ни были по видимости неразумны. Шильдер как-то сказал: "Аналитику не следует реагировать на пациента по-человечески".

Играя такую пассивную роль, аналитик облегчает выявление у пациента непроявившихся половых фиксаций на родителях. Используя врача-аналитика как образ одного из родителей или его замену, невротик делает эти бессознательные фиксации в конечном итоге сознательными. Предполагается, что благодаря этому невротик

постепенно достигает присущей взрослому стадии сексуально-интуитивного развития и невроз исчезает.

Эта теория и вытекающие из нее практические методы лечения неизбежно вызывают много критических замечаний.

1. Понятие переноса предполагает использование учения об инстинктах и "бессознательном" с его многочисленными ошибками. Применение этой доктрины учит невротика тому, что его поведением в основном управляют неразумные и неизменные силы, которые непознаваемы, так как они пребывают в его "бессознательном". Если невротик глубоко уверует в правильность этого, то единственным результатом может быть мистический или беспорядочный подход к стоящим перед ним проблемам с известными элементами примиренности и безнадежности в отношении их фактического разрешения.
2. Фрейдовские понятия переноса неизбежно приводят к чрезмерному выпячиванию полового вопроса. Поэтому пациента прямо или косвенно заставляют уверовать в то, что сексуальность является важнейшим аспектом его прошлой и настоящей жизни. Это заслоняет многие, если не все, стоящие перед ним проблемы, имеющие общественное, а не специфически половое происхождение.
3. Понятие переноса ведет к чрезмерному выпячиванию раннего периода жизни невротика. Внимание как врача, так и пациента постоянно отвлекается от настоящей деятельности и от данных проблем, так как их рассматривают всего лишь как замаскированные повторения прежних проблем, возникших в детстве. Отсюда вытекает, что при анализе переноса основное внимание уделяется не настоящему, а далекому прошлому, и притом прошлому, которое не включает в себя многих существенных факторов, так как учитываются лишь его половые элементы. Так, например, общественные и классовые силы полностью игнорируются теорией Фрейда или опять-таки сводятся к проявлениям вездесущих инстинктов.

Результатом изложенного выше является то, что реальный мир и реальные проблемы невротика растворяются в предположениях об отдаленном половом прошлом, которое, весьма возможно, никогда не существовало.

4. Эта фрейдовская идея переноса существенно ограничивает действительные отношения между врачом и пациентом и искажает их, ограничивая лишь теми элементами в поведении невротика, которые являются по своему существу половыми и неразумными. Это не только свехупрощенное решение вопроса, но и наверняка вредное, потому что особое значение придается лишь тому, что было неправильного и неразумного в прошлой жизни пациента и в его взаимоотношениях с врачом. Это имеет тенденцию повести их взаимоотношения по пути иррациональности, тогда как ясно, что именно сознательные, рациональные элементы, взаимоотношений между врачом и пациентом и являются наиболее важными в процессе лечения.

Другую проблему представляет то, что усиленное подчеркивание переноса сексуальных отношений на врача ведет к внесению во взаимоотношения врача и пациента сексуальных элементов или же усилению тех элементов, которые могут уже существовать. Если у пациента начинает развиваться повышенный интерес к своему врачу и если этот врач тоже мужчина, то подобный интерес, к сожалению, слишком часто "объясняется" ему как проявление бессознательных гомосексуальных тенденций. Результатом подобного толкования является то, что теперь у пациента появляется новый симптом и новая проблема, вызывающие тревогу. Его волнует новое явление – его гомосексуализм! Так, путем упорного труда врач-психоаналитик не только отвлекает внимание пациента от его реальных проблем, но даже создает ему воображаемую проблему. Я наблюдал многочисленные случаи, когда этот "бессознательный гомосексуализм" у женатого человека, который никогда в жизни не испытывал полового влечения к мужчине, становился источником серьезных забот и волнений.

Более того, если врач и пациент – представители различных полов, то это постоянное толкование в духе сексуальности и обсуждение переноса сексуальных элементов на врача приводят пациента к тому, что он "влюбляется" в своего врача. Фактически некоторые аналитики спокойно уведомляют в самом начале лечения своих пациентов или наводят их на мысль о том, что это-то именно и является ожидаемым ходом событий. Наталкивание пациента на этот путь и уверенность врача, что это происходит, часто приводят легко поддающегося внушению и действующего согласованно с врачом пациента к тому, что это действительно происходит или кажется, что происходит. Когда же это случится, возникают новые проблемы и восприимчивый пациент (или пациентка) может

оказаться в очень неудобном и унижительном положении. Именно в положении, подобном этому, может возникнуть, обычно между женщиной-пациенткой и мужчиной-врачом, курс психоаналитического лечения, который продолжается восемь, десять, двенадцать лет или дольше. В практике фрейдистов довольно часто можно слышать о столь длительных курсах лечения.

Поведение пациента в процессе лечения, основанного на теории переноса, серьезно ограничивает лечебную деятельность врача. Внимание последнего концентрируется на мельчайших деталях отношения пациента к нему самому, а не на неврозе, которым страдает пациент. Теория переноса требует от врача пассивности и бездеятельности, мешая ему полностью использовать свои способности и быть разумным помощником в деле изменения сознания пациента. Эти концепции могут также привести к тому – и это случается очень часто, – что психоаналитик рассматривает "инфантильные" стремления и сомнения пациента беспристрастно, "терпимо" и по существу с олимпийским спокойствием, в особенности если они имеют отношение или к нему самому, или к лечению. Это "терпимое", покровительственное отношение может оказать пагубное влияние на веру многих невротиков в себя. В особенности это касается женщин, в прошлом неоднократно испытывавших именно такое отношение, в котором проявлялось мужское превосходство. В подобных случаях поведение психоаналитика усиливает те самые факторы, которые способствовали образованию невроза у пациента *.

* Это оказывается особо важным, если принять во внимание то, что идея мужского превосходства пронизывает фрейдистскую теорию зависти женщин по отношению к мужчинам из-за отсутствия у них пениса, согласно которой предполагается, что женщина никогда не проявляет такой решительности, как мужчина, в отношении своего Эдипова комплекса и поэтому у нее никогда не развиваются высшие психические функции, которые, по общему мнению, свойственны лишь мужчинам, в то время как женщине в основном, по мнению фрейдистов, свойственны "нарциссизм", "мазохизм" и "пассивность".

Конечным итогом многочисленных дефектов теории переноса является то, что психоанализ принимает совершенно нереальную форму, оторванную от всего, что пациент переживает в действительной жизни. Зачастую пациент более или менее полностью запутывается в хитросплетениях борьбы, сомнений, обид, "любовных" реакций, "гомосексуальных конфликтов" и других эмоциональных осложнений, связанных с личностью врача. Некоторые из этих осложнений представляют собой точные реакции

на весьма реальные сложности ситуации психоанализа, а другие создаются неправильными толкованиями поведения пациента. Пациент оказывается вовлеченным в ситуацию, являющуюся фантастической и в сущности бессмысленной с точки зрения его реально существующих проблем и реальных нужд. Таким образом, установление и разрешение его действительных жизненно важных проблем откладывается на неопределенное время или полностью исключается.

В области психиатрии были уже сделаны некоторые шаги в направлении несколько более рационального понимания и практики взаимоотношений между врачом и пациентом.

Хорни предложила определение понятия переноса, свободное от многих очевидных ошибок его в фрейдистском понимании:

"Неврозы в конечном итоге являются выражением нарушений во взаимоотношениях между людьми. Особой формой человеческих взаимоотношений являются взаимоотношения в процессе психоанализа, в которых, как и в других отношениях людей, неизбежно проявляются имеющиеся нарушения. Те особые условия, в которых проводится психоанализ, делают возможным более тщательное изучение нарушений именно в области взаимоотношений, а также дают возможность убедить пациента в том, что эти нарушения существуют, и показать ему роль, которую они играют. Если очистить таким образом понятие переноса от теоретического пристрастия к принудительному повторению прошлого, то он даст в свое время результаты, которые по своей сущности он вполне способен дать".

Читатель, вероятно, заметит, что понятие переноса формулируется здесь без участия инстинктов, сексуальности, биологии, детских фиксаций чувств на родителях, сублимированных бессознательных влечений, Эдиповых реакций и т.п.

Однако эту точку зрения также необходимо подвергнуть критике в некоторых ее пунктах. Во-первых, перенос, или трансфер (как называют взаимоотношения между врачом и пациентом), не является и никогда не может быть зеркалом, в котором отражаются все стоящие перед пациентом проблемы и его отношения. Например, если лечение идет успешно, невротик не может реагировать так деструктивно, безнадежно и безответственно, как он, возможно, реагирует в других своих отношениях. Нельзя сказать, что

взаимоотношения в процессе лечения выражают "существующие нарушения", – это было бы совершенно механистической и свехупрощенной точкой зрения. Это означало бы, что невротик одинаково ведет себя в любых условиях, что с их изменением его отношения и установки не меняются, что нет качественного различия в его понимании различных ситуаций. На деле же лечение – это индивидуальная, искусственно созданная ситуация в отношениях между двумя людьми. Искусственный характер этого построения придает лечению особые качества, которые одновременно являются и благотворными и ограничительными. Результатом этих противоречивых особенностей лечения зачастую является то, что, хотя невротик получает возможность реагировать в процессе этих взаимоотношений более конструктивно, чем в других сферах деятельности, в то же самое время ограничивающий характер ситуации лечения настолько отличен от большей части жизненных ситуаций, что индивидуальные проблемы данного невротика не выявляются достаточно четко. Эта стесняющая трудность в особенности касается того очень пассивного, нереального и фантастического характера ситуации лечения, который превалирует при классическом фрейдистском подходе.

Во-вторых, хотя формулировка д-ра Хорни является, по крайней мере отчасти, правильной как общее определение, она дается в абстрактном плане. Совершенно очевидно, что для понимания ее теории переноса мы должны обратиться к ее теории невроза, а также к той системе оценки достоинств, которая содержится в ее общих взглядах. Ее концепция заключается в том, что невроз – это неправильное разрешение исходного страха, вызывающее развитие у невротика противоречивых черт характера, ложной "системы гордости", идеализированных и уничижительных представлений о себе и т.д. По-видимому, взаимоотношения, возникшие на почве переноса, характеризуются этими противоречивыми чертами и другими явлениями. Здесь д-р Хорни опять-таки не совсем порывает с Фрейдом, что можно видеть хотя бы из того факта, что она сохраняет самый термин "переноса". Реальная проблема пациента в процессе лечения заключается не в его индивидуальных взаимоотношениях с врачом. Она скорее заключается в характерных для него общественных взглядах, в его искаженном разуме и в его нарушенной общественной практике. Если затруднения пациента имеют специфическое отношение к врачу, то все-таки действительно насущную проблему представляет собой отнюдь не его предполагаемое противоречивое отношение к врачу. Она скорее заключается в его неправильном понимании врача и в тех

извращенных установках, на основании которых пациент судит о враче. Это неправильное понимание и эти искаженные установки, которые он применяет к врачу и лечению, сходны с некоторыми установками и неправильным пониманием, которые пациент применяет к иным жизненным ситуациям. Понятия, применяемые в жизни, могут быть и непохожи на установки, применяемые в процессе лечения, ибо они представляют собой ситуацию, отличную от всех тех, с которыми пациенту приходится сталкиваться. Поэтому единственно важным моментом анализа взаимоотношений врача и пациента, или поведения пациента в процессе лечения, является использование этих данных в качестве иллюстрации какого-либо существенного аспекта общественного сознания пациента в целом.

В-третьих, трактовка д-ра Хорни таит в себе совершенно реальную опасность того, что врач вместо анализа невроза пациента и его нарушенных реакций на действительные проблемы будет анализировать отношение пациента к нему, врачу. Эта опасность возникает из ее формулировки, что "существующие нарушения должны проявиться здесь (то есть при переносе) так же, как они проявляются в иных ситуациях"³. Иначе говоря, если перенос является зеркалом невроза, тем более что за ним далеко ходить не надо, то возникает искушение, которое осуществится и на практике, – рассуждать об этом "зеркале" гораздо более широко и часто, чем это рекомендуется. По-моему, нелишне будет повторить, что ситуация лечения вследствие присущей ей специфики никоим образом не может воспроизвести весь невроз пациента в целом, и даже в случае, если бы это когда-нибудь было так, это причинило бы огромный вред пациенту. Более того, это явилось бы неопровержимым доказательством того, что или самому врачу, или методу, им применяемому, свойствен какой-то существенный порок.

Как во фрейдистских, так и в неопрейдистских концепциях переноса содержится много теоретических ошибок, и они вносят в самый процесс лечения много весьма серьезных практических трудностей. Но следует ли из этого, что рациональная психотерапия должна смотреть сквозь пальцы на фактическое поведение пациента в процессе лечения или совершенно его игнорировать? Разве она должна тщательно избегать всякого анализа отношения пациента к врачу? Например, если пациент неискренен и недоверчив или если он относится к лечению отрицательно и без всякой веры в него, разве не следует поговорить с ним об этом?

Отрицать полезность этого было бы неправильно. Невроз пациента обязательно оказывает некоторое влияние на его поведение в процессе лечения и на его отношение к врачу. Утверждать, что эти явления нельзя изучать и использовать в целях оказания практической помощи пациенту, вместе с тем не впадая в ошибки фрейдистов, также означает капитуляцию перед Фрейдом. Фактически это означало бы признание того, что нельзя изучать поведение пациента, не используя фрейдистскую теорию. Даже наиболее механистические критики Фрейда не могут долго отстаивать такую нелепую позицию.

Не только сам невроз пациента, но и многие другие факторы определяют его поведение в процессе лечения, однако в психоаналитических концепциях переноса всегда имелись указания на то, что поведение пациента определяется полностью или главным образом его неврозом. Это является опасным упрощением, так как игнорирует другие элементы, определяющие поведение пациента. Фактически на поведение пациента и на его отношение к врачу оказывают сильное влияние те особые теоретические принципы, которыми руководствуется врач при лечении, а также и сам врач. Действительно, способность лечения оказывать глубокое влияние на пациента является тем фактором, который дает надежду на успех лечения. Если бы сам пациент в процессе лечения был статическим фактором, причем все его поведение управлялось бы присущей именно ему формой невроза, то лечение не могло бы принести ему пользы.

Личность врача оказывает на пациента огромное влияние, то есть подходит ли врач к пациенту конструктивно или, наоборот, подчеркивает деструктивные моменты и критикует его, обладает ли он душевной теплотой и общительностью или же он замкнут и необщителен, завязывает ли с пациентом непосредственные отношения или же предпочитает оставаться в стороне и действовать косвенно, придерживается ли врач индивидуалистической или общественной точки зрения, имеет ли он правильное представление о взаимоотношениях мужчины и женщины и т.д. Нельзя преуменьшать роль того факта, что личные качества врача как человека оказывают значительное влияние на ход лечения. Это является справедливым, так как даже в том случае, если врач использует неверную теорию, но сам по себе является симпатичным человеком, применяющим конструктивные методы, и основывает свои действия на здравом смысле, он все же окажет некоторую помощь пациенту. С другой стороны, психотерапевт деструктивного

типа, даже руководствующийся правильной теорией, может причинить вред пациенту. В первом случае располагающий к себе врач действует правильно, сам того не зная или вопреки своей теории, а во втором – личная антипатичность врача или его буржуазное мировоззрение не позволят ему осуществить на практике его собственные абстрактно правильные принципы.

Тип теории, которой руководствуется врач, также имеет огромное влияние на общий ход лечения и на поведение пациента в процессе этого лечения. Мы уже проследили влияние, которое оказывают на пациента фрейдистская и неофрейдистская разновидности теории. В зависимости от личных взглядов врача и от типа применяемой им теории один и тот же пациент может в одной ситуации лечения развить в себе новые конструктивные качества, в другой – может быть доведен до состояния, в котором он будет чувствовать безнадежность и отчаяние, и, наконец, в третьей – стать угрюмым и антагонистичным. Иногда в процессе лечения пациент может стать положительным человеком, активно осознающим свои связи и свою ответственность по отношению к другим людям и использующим эти знания в своей практической деятельности. В иных же ситуациях тот же самый человек мог бы оказаться под властью цинической, животной морали, стремящимся лишь "выражать" себя и удовлетворять свои индивидуалистические потребности.

Врачебный подход, при котором особое значение придается диалектическому взаимопроникновению положительных и отрицательных качеств невротика, окажет совершенно иное влияние на поведение пациента в процессе лечения и на развитие его личности, чем деструктивный подход, который фиксирует лишь недочеты и нарушения психической деятельности. Этот последний подход способствует созданию нового чувства неполноценности и неизбежно ставит пациента в положение обороняющегося против деструктивной критики, исходящей от психотерапевта. Врач обязан активно стремиться к тому, чтобы понять поведение пациента и его отношение к себе в целом, так как в конечном итоге здоровые аспекты поведения пациента и отношения его к врачу являются гораздо более существенными, чем нездоровые и иррациональные его взгляды. Нельзя усилить и развить здоровые качества, действуя лишь на нездоровые, – это равносильно непрерывной деструктивной критике. Здоровые аспекты поведения пациента и правильные элементы его разума должны выделяться, анализироваться и развиваться на каждом этапе лечения. Это относится вообще ко всей

практической деятельности пациента, а не только к его поведению в процессе лечения.

Согласно материалистической теории, лечение рассматривается как процесс движения, изменения различных понятий действительности и самой структуры мышления пациента. Лечение рассматривается как ряд различных процессов, связанных с мышлением и направленных на изменение сознания и общественной деятельности. Лечение рассматривается как процесс перевоспитания, как постоянная стимуляция мысли и действия, как побуждение к новым формам практической активности.

Поскольку лечение является сложным и многогранным процессом, то и деятельность врача должна быть также сложной и многогранной. Он не может быть пассивным зеркалом, а должен активно включиться в работу по перевоспитанию больного. Функции и деятельность врача в значительной степени изменяются в соответствии с различными этапами лечения и развитием понимания у пациента. Поэтому совершенно очевидно, что пациент реагирует на лечение различным образом и совершенно иначе, чем он реагировал бы на семейную ситуацию и на врача как на образ или замену родителей. Сомнительно, что пациент вообще реагирует когда-нибудь на своего врача, как на одного из родителей. В ситуации лечения он может вести себя таким образом, как научился вести себя в своей семейной обстановке, например неразумно раздражаться на всякую критику. Но говорить, что в таком случае он относится к врачу, как к своим родителям, было бы невероятным упрощением. Ситуация, складывающаяся между пациентом и врачом, никогда не бывает эквивалентна семейной ситуации, причем пациент это всегда сознает и ни сознательно, ни "бессознательно" не превращает врача в родителя.*

* Возможно, что исключением явится искушенный пациент, на которого уже оказала влияние теория Фрейда и который поэтому считает, что он должен реагировать на врача, как на родителя.

Преходящий и изменчивый характер лечебного опыта, изменчивый характер ответственности, ложащейся на пациента, изменчивая деятельность врача, изменчивые проблемы, которые требуют обсуждения, развития понимания у пациента и изменения в его деятельности вне лечебных процессов, – все это содействует созданию ситуации, в которой проявляются многочисленные аспекты мировоззрения пациента и его поведения. В процессе фактического лечения пациент имеет возможность проявить как

некоторые из своих хороших качеств, так и некоторые из своих невротических качеств. Обсуждение любых из этих качеств, даже когда они имеют непосредственное отношение к лечению, имеет мало смысла, если оно не расширит понимание пациентом жизни, не связанной с лечением. Фактически это необходимое понимание гораздо проще вызвать путем обсуждения возникших у пациента проблем, не связанных с терапией. При обсуждении поведения пациента в процессе лечения всегда существует опасность, что мы придем к обсуждению его собственного отношения к врачу, а не его более насущных общественных проблем или недостатков в его общественных взглядах. Фактически неумеренные обсуждения отношения пациента к врачу часто как раз непосредственно действуют на его невротические наклонности. Пациент попытается превратить свое лечение в полностью личную ситуацию, возникшую между ним самим и врачом, и, если ему удастся это сделать, он может успешно избежать или еще более оттянуть изучение стоящих перед ним действительных проблем. Если поведение пациента в процессе лечения или его взаимоотношения с врачом вообще должны обсуждаться, то единственно правильный подход – это рассматривать их как аспекты мировоззрения пациента в более широком плане. Так как легче всего подойти к анализу его мировоззрения путем изучения конкретных проблем из жизни пациента, то следует стремиться поменьше обсуждать поведение его в процессе лечения, не делать на это особого упора. Конечно, иногда случается так, что это отношение следует обсуждать, особенно если пациент настолько занят своими субъективными реакциями в отношении врача, что это отодвигает на задний план его действительные проблемы. Однако подобные ситуации возникают не столь часто, как можно было бы предполагать, в особенности если с самого начала лечения подчеркивается главным образом тот факт, что проблемы невротика в основе своей не являются его личными, или индивидуальными, проблемами, а представляют собой проявления нездоровых понятий о достоинствах его личности, привнесенных в его собственную практику.

Таким образом, лечебный опыт является выражением более широких установок и более широкого мировоззрения – общественного мировоззрения, – даже если этот опыт имеет место в тесных границах одной комнаты. Когда это достигнуто, обсуждения, касающиеся жизни пациентов, приобретают необычный, противоречивый, лично-безличный характер. Результатом этого является то, что реально существующие проблемы не затемняются индивидуалистическими и персонифицированными отношениями или опытом с врачом.

Последний не испытывает искушения особо подчеркивать значение "переноса" и не склонен обсуждать отношение пациента к себе вместо действительно насущных проблем, стоящих перед пациентом. Отношение к нему пациента фактически рассматривается лишь как один, не всегда значительный, аспект более широкого, общественного мировоззрения пациента и его общественной практики.

Глава XXI

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЛЕЧЕНИЯ

При рассмотрении результатов психотерапии или психоанализа мы должны резко разграничить видимость излечения и его сущность.

Видимость излечения заключается в исчезновении одного или более симптомов невроза или в улучшении субъективного состояния невротика при отсутствии решающих изменений в его образе жизни или в его восприятии внешней действительности. *Сущность лечения* заключается в глубоких изменениях, то есть в расширении, сознания пациента, результатом чего является гораздо более правильное понимание процессов общественной жизни, благодаря которому его поведение принимает более конструктивную форму, то есть ту, которая соответствует фактам внешней необходимости. К чести различных методов психоаналитической терапии, следует сказать, что они по крайней мере ставят себе более широкую цель, чем симптоматическое лечение, но их понимание и достижения в области лечения основного дефекта ограничиваются различными существенными недочетами, присущими теории психоанализа.

Бывает, что состояние пациента непрерывно улучшается в полном смысле этого слова в связи с применением различных форм психотерапии. Для того чтобы это улучшение было настоящим, а не субъективным, *в понимании пациентом жизни должно произойти коренное изменение*. Мой опыт говорит о том, что такое улучшение чаще имеет место при использовании "культурного", а не классического, фрейдистского психоанализа, но даже при "культурном" психоанализе улучшение слишком часто происходит как случайный результат лечения. Когда у пациента, подвергающегося фрейдовскому лечению, появляются какие-то признаки реального улучшения, то это всегда происходит независимо от фрейдовской теории.

Поскольку здесь мы встречаемся с очевидным парадоксом, а именно – что ненаучные, неправильные и даже иррациональные методы лечения оказывают на некоторых людей благотворное влияние, и поскольку это благотворное влияние может затем быть использовано для оправдания или "подтверждения" теории, которая переполнена всякого рода ошибками, то необходимо исследовать различные процессы, при помощи которых невроз пациента идет на убыль. Если мы проведем подобное исследование, то обнаружим, что можно

рассматривать различные формы психоанализа как своеобразные виды психотерапии.

Каковы положительные результаты психотерапии в целом, выявляющиеся при исследовании временных, симптоматических и коренных изменений, в совокупности достигнутых в процессе такого лечения? Мы можем установить некоторые общие показатели, присущие всем более или менее успешным формам лечения. Любое лечение, которое хотя бы временно оказывает благотворное влияние на пациента, должно вызвать по крайней мере одно или более из приводимых ниже изменений и использовать один или более из перечисленных ниже путей к их достижению.

1. Изменения, являющиеся результатом внушения. Внушение и гипноз или гипнотическое внушение могут быть мощным рычагом искоренения симптомов и создания у пациента нового поведения и новых взглядов. Результаты чистого внушения или гипноза обычно имеют преходящий характер; с ослаблением влияния врача симптомы появляются вновь или же, если пациент стоит перед новым кризисом, появляются новые симптомы. Хотя имеются методы лечения, концентрирующие свое внимание исключительно на суггестивных изменениях, как например лечение гипнозом, внушение также входит как составная часть и в психоаналитические методы лечения. Оно входит в психоанализ как общий фактор и состоит в том, что пациент глубоко верит в улучшение своего состояния, поскольку он принялся за лечение и стал как-то заниматься стоящими перед ним проблемами. Этот эффект, являющийся следствием внушения, часто вызывает неспецифическое улучшение состояния, которое нередко ощущают многие пациенты сразу после того, как они приступают к лечению, то есть гораздо ранее, чем действительно может наступить коренное разрешение их проблем. Внушение также входит в психоанализ и более специфически, поскольку пациент часто наделяет врача огромным авторитетом и поэтому восприимчив и поддается влиянию врача.
2. Изменения, являющиеся следствием моральной поддержки, то есть знанием того, что кто-то другой интересуется, пытается помочь и, по-видимому, несет какую-то ответственность за решение проблем, беспокоящих пациента. Это знание является до известной степени необходимым, так как оно вызывает доверчивое отношение у пациента, что облегчает доступ к его проблемам, но опасность заключается в том, что эта поддержка

может привести к усилению невротической зависимости и невротической безответственности пациента. Существуют некоторые разновидности поверхностного лечения, которые концентрируют внимание исключительно на том, чтобы оказывать пациенту эту поддержку, но моральная зависимость от врача всегда является элементом психоанализа. Возможно, что она совместно с внушением является причиной неспецифического улучшения состояния пациента, которое происходит в начальных стадиях психоанализа.

3. Возрождение надежд. То, что принимаются какие-то меры для разрешения беспокоящих пациента проблем, может вселить в него новую надежду, позволяя ему предпринимать новые попытки разрешения этих проблем и поощряя его к этому. Если он сколько-нибудь верит в лечение, то он должен ощутить эту надежду уже потому, что он начал лечиться. Преодолеть состояние безнадежности и являющееся следствием его пассивное состояние у многих невротиков – дело первой необходимости, однако очевидно, что надежда, которую вселяет лечение, будет лишь поверхностной и преходящей, если она не будет расти и развиваться на базе глубоко правильного подхода к разрешению проблем. Средняя и конечная стадии многих курсов психоаналитического лечения характеризуются потерей надежды, появившейся вначале, так как пациент начинает все яснее осознавать, что его затруднения не могут быть разрешены. Он "свободно общался" с врачом и выполнял все правила как можно лучше, но коренные недочеты психоаналитической теории препятствовали разрешению проблем пациента. По мере того как пациент начинает это осознавать, он может еще более, чем прежде, впасть в состояние безнадежности.
4. Временное или постоянное ослабление беспокойства, сомнений и страхов. Общим результатом временного уменьшения беспокойства часто является то, что пациент получает возможность сделать передышку. Этот эффект, быть может, не более специфичен, чем результат обычного отдыха, но такой период отдыха может способствовать тому, что пациент соберет силы для нового наступления на собственные трудности. Как только ужасный гнет беспокойства временно облегчится, пациент получит возможность лучше спать, более собранно думать и видеть собственное положение в более реалистическом свете. Таким образом, его здоровые силы и конструктивные побуждения могут восстанавливаться,

позволяя ему с большим успехом справляться со своими проблемами. Если беспокойство уменьшается, то пациент может справиться со своими трудностями почти исключительно собственными силами. Этим объясняются те иногда устойчиво благоприятные результаты, которые являются следствием явно ненаучного лечения, временно угасившего, однако, страхи невротика.

5. Облегчение, связанное с "катарсисом", то есть облегчение, получаемое от возможности высказаться, или "облегчить душу", иногда бывает весьма значительным, в особенности если пациент никогда ранее не поверял другому человеку своего беспокойства. Эффект такого "катарсиса" можно наблюдать при любом методе лечения, когда пациент получает возможность много говорить о себе и о своих болезнях. Одной из причин, объясняющей, почему фрейдовский психоанализ укоренился и вначале давал некоторые результаты, является именно то, что он был одним из первых методов лечения, которые не только позволяли пациенту, но и поощряли его говорить сколько угодно о себе. Позднее, по мере того как Фрейд развивал свои теории сексуальности и инстинктов, темы высказываний пациентов все более ограничивались, под влиянием метода лечения, вопросами раннего периода жизни пациента и его реального или воображаемого полового опыта.

Однако эффект катарсиса является отчасти неспецифическим и также исчезает в свое время, если в понимании пациентом жизни не произойдет существенных изменений. В таком случае он заметит, что "разговор по душам" больше не приносит ему облегчений. Фактически он может даже начать от этого хуже себя чувствовать.

Основное благотворное влияние эффекта "катарсиса" является следствием того, что в процессе подготовки материала для сообщения, а также в процессе фактического его изложения пациент иногда находит новую перспективу и новое понимание проблемы. Таким образом, в его отношении к действительности может произойти ненаправленное изменение, и он может получить знания, которыми он не обладал ранее, даже если то лицо, с которым он говорит, мало или совершенно не способствует развитию такого размышления. Если же выслушивающий его врач может также активно воздействовать на расширение знаний пациента, то пользы будет значительно больше. Этот неспецифический рост знаний благодаря

свободному высказыванию является еще одной причиной того, что психоаналитические методы лечения могут случайно принести пользу пациенту, несмотря на ошибки в области теории.

6. Взаимоотношения с врачом. Если, желая излечиться, пациент обращается к врачу, который оказывается симпатичным и положительным человеком, способным искренне заинтересоваться пациентом, то в понимании пациентом близких, личных отношений могут произойти глубокие изменения. Взаимоотношения с врачом представляют собой существенный элемент в процессе лечения. Этим и объясняется то, что религиозный человек или советчик с ограниченной подготовкой могут оказать известную помощь невротiku, несмотря на отсутствие теоретических знаний, если они обладают достаточно развитым духом гуманности. Благотворность влияния хороших взаимоотношений между врачом и пациентом также помогает понять, почему состояние некоторых больных улучшается в процессе психоаналитического лечения, несмотря на пробелы теории. Этот неспецифический эффект имеет тенденцию чаще встречаться при "культурном" психоанализе, чем при классических фрейдистских разновидностях его, потому что в этих последних настойчивые утверждения врача, что особое отношение к нему пациента является сексуальным, подобным отношению ребенка к родителям, имеют тенденцию подорвать естественно благотворное влияние хороших взаимоотношений, складывающихся в процессе лечения.
7. Повторяющееся подавление чувства раздражения и тенденций к появлению такого чувства. Если посредством убеждений, внушений, бесед и т.п. вселить в пациента надежду на излечение, тогда он сможет игнорировать некоторые вызывающие беспокойство симптомы или они могут у него даже исчезнуть. Иногда это облегчение не имеет прочной основы, но и временное облегчение может быть очень сильным и может помочь пациенту в разрешении его действительных насущных проблем, отвлекая его от полного сосредоточения на симптоматических проявлениях.
8. Выявление и обсуждение действительных проблем пациента, вызывающие изменения в его сознании и поведении. Это основная черта, сущность изменений, ведущих к излечению. И это приносит невротiku устойчивое изменение в той степени, в какой его проблемы выявляются и обсуждаются

соответствующим образом. Несмотря на используемые психотерапией особые приемы, нельзя считать, что вызываемые ею явления коренным образом отличаются от тех, которые возникают в иных формах жизненного опыта. Лечение расширяет сознание и изменяет поведение. Оно служит для больного тем, чем для здорового служит обычный жизненный опыт. Его следует рассматривать как особый тип жизненного опыта, который необходим для изменения тех концепций и особых процессов мышления, которые характерны для невротика. Поэтому лечение в основном является процессом специализированного обучения, и *метод излечения невроза успешен в той степени, в какой любой вид психотерапии приводит искаженное понимание пациентом действительности в наибольшее соответствие с действительными жизненными факторами.* Недостатком классических психоаналитических методов лечения является то, что они выполняют вышеприведенное условие лишь косвенно и случайно, если вообще выполняют его. Фактически путем определения невроза как половых конфликтов, внутренних невротических конфликтов, идеализации образов и т.д. классические методы лечения пытаются завуалировать основные проблемы невротика и в конце концов могут увести его от реального их разрешения.

Мысль, что лечение должно быть обучением особого типа, может показаться общеизвестной истиной, но дело в том, что этот самый основной пункт обычно игнорировался классической психиатрией и психоанализом. Если не забывать об этом, то возможности технических приемов психотерапии сильно расширяются. Более того, эта концепция способствует разъяснению многих односторонних, запутанных и субъективных формулировок, применяемых во врачебной практике, которые преобладают в современной психиатрии. Такое понимание лечения достигается тем, что снимается покров тайны с процесса психотерапии и сводит туманности "эмоционального переноса", "интерпретации", "анализа сопротивления", "интуиции" и т.д. к процессам, которые, поскольку они вообще дают какие-либо положительные результаты, производят известные изменения в понимании невротиком общественной реальности.

Данная концепция расширяет теорию в целом и увеличивает количество практических методов психотерапии до такой степени,

что это вызывает решительный разрыв ее с психоаналитическими традициями. Я считаю, что этот разрыв следует отметить и особо подчеркнуть. Соответственно и метод лечения, который пропагандируется и вкратце излагается в настоящем труде, не следует называть психоанализом. Конечно, ни фрейдисты, ни неофрейдисты не назвали бы его так, и в данном случае, я полагаю, мы вполне согласились бы с ними.

Психоаналитической традиции присущи ошибочные методы, вред, наносимый пациентам, ненаучный подход и порочные социологические взгляды; все это вызывает необходимость полного разрыва с нею. Неправильно утверждать, что мы все еще психоаналитики, но делаем это лучше, чем фрейдисты, – это создало бы впечатление, что установившаяся практика психоанализа все еще имеет оправдание с медицинской и научной точки зрения. Но ее не так легко оправдать. Хотя попытка излечить невротика правильна с любой точки зрения и было бы негуманно и даже реакционно заявлять, что ничего не может или не должно быть сделано для него, мы не можем совершить скачок от этих общих принципов к принятию психоанализа. Необходимость переучивать невротиков никоим образом не оправдывает сохранение и практику психоаналитических теорий, основная цель которых, несмотря на проблески содержащейся в них частичной истины, – усиление слепоты пациента в отношении реальных социальных проблем его существования.

Разногласия между психоанализом и материалистической психотерапией очевидны как в области теории, так и в области действительной лечебной практики.

Основные теоретические концепции рациональной психотерапии резко отличаются от концепций психоанализа. Вспомним и суммарно изложим все вышесказанное: преодоление невроза – это не процесс развития полового чувства или преодоления "фиксаций" или "подавления" половой жизни. Лечение не является процессом высвобождения агрессий, желаний и воспоминаний из "бессознательного", не является оно и процессом принятия "внутренних" импульсов и предоставления им возможности свободно "выявляться". Лечение не является процессом освобождения пациента от его родителей. Оно не является процессом, который заостряет невроз пациента на личности врача и затем излечивает пациента тем, что вызывает новый невроз, порожденный самим процессом лечения. Лечение не является процессом обучения

пациента принимать свою судьбу и примиряться с ней, излечение – это не результат того, что женщину-пациента обучают "примиряться" с ее "завистью к мужчине из-за отсутствия у нее пениса" и с ее "пассивной", "нарциссической" и "мазохистской" натурой. Извлечение не является результатом развития интенсивного осознания деталей процессов психической деятельности человека и все большего осмысления "внутреннего я" с его "идеализированными образами", "системами гордости", "самоотчуждением", конфликтами между "ненавистью и любовью к себе", противоречивыми чертами характера и т.д. В противоположность всем этим целям и принципам психоаналитической терапии материалистическая психотерапия выводит свои цели и практические приемы из положения, что лечение – это процесс обучения и переучивания. Эта цель не может быть представлена как результат одного только технического процесса; она включает несколько элементов, действующих совместно в целях ее осуществления. Эти процессы могут быть представлены следующим образом:

1. Необходимость для невротика изменить свой фактический образ жизни, обратив его на более здоровую и конструктивную социальную практику.
2. Необходимость выправить его неверные представления и его непонимание людей и общественных отношений. В процессе этого выправления невротик узнает много новых фактов и приобретает способность лучше понимать свое собственное место в общественном процессе; таким образом, он также начинает лучше понимать и себя самого.
3. Необходимость для невротика изменить свою деструктивную систему установок на более здоровую, результатом чего явится полное изменение побуждений и эмоций. Говоря более точно, нервнобольной должен видеть недочеты и деструктивные результаты его индивидуалистической, исходящей из идей конкуренции и эксплуатации системы установок. Он должен выработать в себе ряд установок, которые активно включают его в конструктивные силы нашего общества. Он должен применять эти установки в своей конкретной практике, и между его личной жизнью и теми оценками, которые он признает в общественной жизни, не должно быть никакого разрыва.
4. Необходимость преобразовать искаженную структуру процессов мышления пациента так, чтобы он думал точно и правильно и чтобы его умозаключения соответствовали жизненным фактам.

Это означает, что каждый невротик, по крайней мере в какой-то части своей деятельности, должен научиться более точному и логическому методу мышления.

5. Необходимость для пациента выправить все черты незрелости в развитии своей личности.

Однако мы должны тут же добавить, что изменение невротика не может быть осуществлено просто с помощью отдельных советов, рекомендаций и увещаний или указаниями на какие-то не известные ему жизненные факты. Лечение – это процесс, включающий определенные трудности, которых можно не заметить при поверхностном подходе. Хотя нам приходится настаивать на том, что в основном лечение является процессом обучения и переучивания, мы неоднократно обнаруживаем, что простая техника совета или обучения недостаточна. Невротик не изменяется под влиянием простой логики, аргументации или даже повторяющегося жизненного опыта, поскольку это касается его индивидуальных проблем. Фактически это не совсем правильно. Невротик постоянно изменяется, но изменяется настолько медленно или так незначительно, что для практических целей это изменение недостаточно. В других случаях невротик изменяется в сторону дальнейшего ухудшения своего состояния. Он еще более углубляется в свои субъективные манипуляции и запутанные взаимоотношения с миром, который становится все менее и менее ему понятен.

Существует ряд причин, затрудняющих это изменение. Они были подвергнуты обсуждению в другом месте, но стоит вновь упомянуть наиболее значимые из них.

Во-первых, мы никогда не должны забывать тот факт, что невротик все еще живет в том же самом обществе и подвергается влиянию тех же самых сил, под влиянием которых у него когда-то сложилось искаженное мировоззрение. Таким образом, его невроз усиливается повседневным опытом.

Во-вторых, сохранение установившегося образа существования представляет некоторые как материальные, так и психологические преимущества для невротика. Многочисленные причины привели его к данному образу жизни, и изменение этого образа жизни создаст серьезные новые проблемы. Некоторые из этих новых проблем касаются реальных трудностей, связанных с практическим изменением образа жизни. Безусловно, нелегко изменить его род деятельности или основной способ, каким он зарабатывает себе на

жизнь. Могут существовать серьезные экономические или социальные затруднения, которые препятствуют его переезду в лучшую квартиру или какому-либо другому изменению условий его жизни. Если пациент уже женат и имеет семью, ему не так просто выйти из этой ситуации и сделать попытку начать новую жизнь. Он должен разрешить трудную проблему изменения отношений в своей семье, так чтобы осуществлять их на базе большего сотрудничества и равноправия.

В добавление к этим очень серьезным практическим трудностям процессы иррационального мышления пациента создают дополнительное препятствие на пути к осуществлению изменения. Эти способы мышления создают для него известные ограниченные, прагматические выгоды – они позволяют ему нейтрализовать психические страдания или избежать их и дают ему возможность кое-как жить в мире, который ему непонятен и который он считает чрезмерно сложным и опасным для себя. Таким образом, самая структура этих запутанных, беспорядочных и субъективных способов мышления такова, что невротик не приходит в прямое соприкосновение с существенными сторонами социального мира, в котором он живет, или же он совершенно превратно понимает эти стороны. Его процессы мышления препятствуют прямолинейному пониманию некоторых больных вопросов или же объясняют и оправдывают их, приводя правдоподобные аргументы. Вследствие этого прямые методы обучения или приобретения опыта часто не могут обучить невротика тому, чего мы могли бы заранее и с полным основанием от него ожидать.

В-третьих, представления невротика являются очень устойчивыми. Его руководящие концепции сформировались в процессе мучительного опыта, получающего отражение в весьма определенных взглядах. Нельзя рассеять эти убеждения несколькими легковесными демонстрациями "доказательств" противоположного. То, что нам кажется доказательством, не покажется таковым невротичу, в особенности если это касается его страхов. Таким образом, задача его переучивания требует для своего разрешения значительных затрат времени, энергии и неоднократных бесед о некоторых основных моментах. Чем тщательнее построены эти беседы, тем меньше времени уходит на излечение.

Фактическая практика научной психотерапии будет также отличаться от практики психоанализа, несмотря на тот факт, что между ними имеется видимое сходство, поскольку как психотерапия,

так и психоанализ предусматривают процесс обсуждения беспокоящих невротика проблем между пациентом и врачом (однако этим и исчерпывается все сходство).

Основное различие между психоанализом и психотерапией, кратко изложенное в настоящем труде, заключается в характере вопросов, обсуждающихся в процессе лечения. Психотерапия не придает исключительного значения раннему периоду жизни, инстинктам, половым влечениям и половому опыту, фиксациям на образах родителей, идеализации образов, душевным переживаниям, бессознательным мыслям или иным гипотетическим элементам невроза, которые имеются в классической теории психоанализа. Основное содержание обсуждения в процессе лечения должно быть сосредоточено вокруг понимания пациентом проблем внешней реальности и вокруг его умения с ними справляться. Более важно обсуждение проблем, касающихся самой сущности общественной практики, и должна быть сделана попытка обнаружить, разъяснить и изменить его искаженные понятия о реальности и его искаженные методы мышления в соответствии с теорией невроза, изложенной в этом труде. В противоположность классическому психоанализу следует определить систему оценок достоинств пациента, а также ставить и обсуждать моральные вопросы. В этом случае, как и при обсуждениях иного характера, вопросы не должны ставиться и обсуждаться абстрактно. Обсуждение классового характера социальных проблем, связанных с этими моральными вопросами, и отношения их к пациенту является обязательной частью процесса лечения, цель которого – дать пациенту правильное представление о мире, в котором он живет.

Кроме того, в противоположность классическому психоанализу в процессе лечения не должно обсуждаться отношение пациента к врачу, это не должно составлять важной части процесса лечения. Это подлежит обсуждению только в случае, если субъективные реакции пациента по отношению к врачу препятствуют успеху лечения или если эти реакции могут быть использованы как особо ясные и непосредственные примеры поведения пациента в иных случаях. Пациент должен рассказывать свои сны, но не следует подводить его к "свободному ассоциированию" на их базе и не следует затрачивать время и энергию на обучение пациента "интерпретации" своих сновидений. Врач может использовать сновидения главным образом в качестве показателя успешности лечения пациента и иногда – как показатель ранее не известных аспектов проблем, связанных с пациентом в настоящий период его жизни.

Кроме различия типов вопросов, подлежащих обсуждению, и способов их обсуждения, материалистическая психотерапия отличается от классического психоанализа и техникой лечения. Пять встреч в неделю не считаются необходимыми. Для пациента обычного типа требуется лишь два посещения в неделю. В отдельных случаях в течение некоторого времени может быть полезно встречаться трижды в неделю, а в очень серьезных или граничащих с психозом случаях может потребоваться еще больше визитов, но для обычного случая достаточно двух визитов. При психотерапии совершенно не обязательно, чтобы пациент во время посещения лежал, в начале лечения это никогда не практикуется, а для многих пациентов я счел самым лучшим, чтобы они во время посещения сидели, но не лицом к лицу с врачом, непрерывно смотря друг на друга. Конечно, в некоторых случаях, когда нужно создать не напряженную, безличную атмосферу, может все же оказаться полезным держать пациента в лежащем положении.

Кроме этого, материалистические методы лечения не базируются на несуществующей "свободной ассоциации", как сказано выше. Временами обсуждение будет принимать беспорядочный, перескакивающий с одного вопроса на другой характер, и поскольку пациент также вынужден сообщать все спонтанно возникающие мысли и реакции, которые могут появиться во время посещения, то цель врача – выделить специфические проблемы и свести обсуждение именно к ним. Это обсуждение, безусловно, может включать аспекты практической деятельности пациента в настоящее время и различные факты из его прежнего опыта, оно также может включать мотивировки, суждения о социальных оценках и другие аспекты поведения пациента, но все это привносится в обсуждение лишь в том случае, если имеет непосредственное отношение к какой-либо специфической проблеме. В данном случае целью лечения является не выявление фантастического подсознания пациента посредством бесконечных запутанных вербализаций, а выделение специфических проблем для рассмотрения и борьбы с ними.

Таким образом, лечение рассматривается не как академический или пассивный процесс обучения пациента, но как *процесс изменения его сознания посредством активной борьбы*. При помощи обсуждения в процессе лечения пациент получает возможность распознать и понять свои действительные проблемы и втягивается в активную работу над ними, тем самым изменяя самого себя.

Другое коренное различие между классическим психоанализом и материалистической психотерапией заключается в функциях врача. В психотерапии врач играет иную роль, чем в психоанализе. Он не является объективным зеркалом, в котором пациент отражается и наблюдает свои фиксации на образе родителей, не является он и пассивным слушателем, поощряющим "свободные ассоциации" пациента и сообщаящим ему способность осмыслить его субъективные процессы мышления. Врач является активным участником процесса лечения. Он часто вступает в дискуссию, задает вопросы, даже отвечает на них, если нужно, что практически находится под строгим запретом в классическом психоанализе, и он может без колебания давать пациенту фактическую информацию, имеющую непосредственное отношение к обсуждаемым проблемам.

Что врач может сделать в данное время – трудный и сложный вопрос, который нельзя полностью изложить в одной книге. Это отчасти вопрос слишком специальный, чтобы изложение его было интересно читателю непрофессионалу, и оно заняло бы слишком много места. Что врач может или должен делать – или прямо излагается, или подразумевается в каждой главе данной книги, так как врачебная деятельность является непосредственной функцией разума. Наши теории нормальной личности и психического заболевания должны, безусловно, определять нашу практику.

Существует много типов врачебной деятельности. Иногда необходимо воздействовать непосредственно на основные понятия о реальности, сложившиеся у данного пациента, и таким образом устранить особенности его невротического мышления или временно пренебречь ими. Можно дать пациенту осознать истинную сущность его поведения или же можно обсуждать скрытый смысл его поступков. Бывают случаи, когда его установки или влечения требуют глубокого изучения и сравнения с подлинными фактами жизни. Возможно, что наиболее важной задачей на данном отрезке времени будет раскрытие и обсуждение одного из порочных методов его мышления. Иногда врач может встретиться с необходимостью полностью изменить предмет обсуждения и ввести во время данного посещения новые материалы. Иногда следует намеренно вызывать обсуждение прошлого, для того чтобы пролить больше света на изменения, имеющие место в настоящем. Может возникнуть вопрос о полезности обсуждения отношения пациента к врачу и лечению. Иногда также необходимы многие другие виды врачебной деятельности. Врач иной раз вынужден оказывать некоторое давление на пациента, чтобы стимулировать его активность; может

появиться необходимость до некоторой степени успокоить пациента; может даже появиться необходимость задержать появление новых мыслей, чтобы пациент не чувствовал себя подавленным новыми проблемами и тревогами.

Ясно, что врач всегда производит активный выбор из всего того, о чем говорит поведение пациента. Он избирает известные моменты для особо тщательного изучения или обсуждения на данном отрезке времени и игнорирует прочие. Врач делает это для обеспечения правильного подхода к проблемам и разумной согласованности в поведении пациента, так как без этого лечение примет беспорядочное и менее продуктивное направление.

Процесс выправления различных видов неправильного понимания пациентом реальности влечет за собой необходимость усвоения им большого количества новых сведений во время лечения. У пациента развивается более широкое и четкое понимание собственных импульсов, идей, нужд и их специфических источников во внешнем мире. Он переосмысливает многое из своего опыта и понимает его, а следовательно и себя, в новом свете. У него начинает развиваться более глубокое понимание объективных классовых и социальных сил, создавших его самого. В некоторых случаях пациента ставят перед необходимостью переоценить и понять опыт дискриминации или преследований национальных меньшинств, который оказал пагубное влияние на его мировоззрение и повел его по неправильному пути отвержения своего культурного или семейного прошлого. Пациент должен понимать семейную жизнь в более широком и правильном плане. Он должен кое-что узнать относительно противоречий, существующих между мужчиной и женщиной, и не только в той мере, в какой они оказали влияние на его родителей, а потому и на формирование его собственной личности в ранний период его семейной жизни, но и какое влияние они оказывают на его жизнеустройство в настоящем и на его отношение к жене и детям.

Все это может показаться чрезмерно обширным, но лишь на такой основе более тщательного ознакомления с людьми и социальными условиями невротик может преобразовать свое мышление, чувства, достоинства, побуждения и практическое поведение. Даже здоровый человек не всегда понимает все это, хотя его опыт был таков, что мог бы научить его, каким образом видеть вещи более или менее такими, каковы они есть на самом деле. Опыт же невротика дал ему ограниченное, деструктивное представление о человеческих

отношениях. В этом случае психотерапия в основном является процессом переучивания, в ходе которого пациент трудным путем идет к познанию того, что является неоспоримым для здорового человека, познавшего все это в процессе нормального роста.

Эти новые и более точные знания приобретаются различными путями. Во-первых, многое пациент узнает сам, когда он вынуждается под влиянием лечения к тому, чтобы подробно излагать беспокоящие его проблемы и жизненные ситуации. Во-вторых, ошибочные концепции, излагаемые пациентом, врач часто подвергает сомнению или же усиливает собственные сомнения пациента относительно этих концепций. Это стимулирует пациента к дальнейшим размышлениям, проводимым уже по собственной инициативе. В-третьих, бывают известные периоды в процессе лечения, когда вполне допустимо и даже необходимо, чтобы врач говорил с пациентом об объективной сущности семьи, классовых противоречиях или иных ситуациях, с которыми он встретился. В-четвертых, в каждом процессе лечения бывают периоды, когда чрезвычайно ценными являются предложенный врачом материал для чтения, регулярные занятия чем-нибудь или иные типы практической деятельности. Новые идеи и опыт, являющиеся результатом этих новых видов деятельности, могут в дальнейшем обсуждаться с пациентом в целях выправления его ошибочных концепций или искаженных общественных оценок.*

* При рекомендации пациенту новых видов практической деятельности, например изменения личных отношений, переустройства жизни, поступления на работу или перемены работы на лучшую, установления новых взаимоотношений с обществом и т.д., обычной ошибкой бывает то, что в развитии данной личности игнорируется необходимая постепенность. Эта ошибка совершается как врачом, так и людьми, не имеющими отношения к врачебной практике. Они часто рекомендуют пациенту с самого начала такое направление деятельности, какое может прийти лишь в результате длительного развития. Например, пациент может нуждаться в том, чтобы взяться за определенное дело и упорно придерживаться одного типа деятельности, или, может быть, проблема заключается в том, что пациент совершенно не работает. Однако способность выполнить это не всегда появится, если невротика просто порекомендовать: "вам следовало бы найти постоянную работу". Это может прийти лишь в результате длительных изменений, которые должны начаться с внешне незначительных и маловажных фактов. Для моей пациентки одной из важнейших предварительных мер явилось то, что она ложилась спать в одно и то же время, купила будильник и стала вставать в нормальное время, а затем нашла компаньонку по комнате и перестала жить одна, и лишь после всего этого она смогла сделать следующий шаг – получить работу и удержаться на ней. Другая пациентка должна была привести в порядок свой дом и решить некоторые проблемы со своим мужем, прежде чем она смогла получить возможность

поступить на работу. В этом последнем случае поступление на работу было необходимым предварительным шагом к тому, чтобы она смогла заняться каким-либо видом общественно-полезной деятельности. И, наконец, на этой стадии она приобрела достаточно опыта, чтобы завязывать прочные дружеские отношения.

Зачастую пациент уже имеет хорошее общее понимание общества, но не в состоянии применить его к своей личной жизни. Врачу следует указать на этот разрыв и помочь пациенту применить в личной жизни те знания и установки, которые он проявляет в общественной жизни вообще.

Обстоятельства, при которых используются эти приемы, будут варьироваться в зависимости от периода лечения, проблем, которые ставятся, уровня понимания пациентом жизни и стадии, на которой находятся взаимоотношения в процессе лечения. Каждый пациент – это единственная в своем роде личность, и к нему нельзя подходить с готовой меркой. Некоторые пациенты больше нуждаются в поддержке; другим нужно задавать больше вопросов; на иных нужно оказывать большее воздействие; некоторым требуется предоставить свободу действий, чтобы врач не выполнял за них то, что они могут сделать сами. При более активном методе лечения, который рекомендуется в этой книге, врач должен всегда остерегаться того, чтобы не попасть впросак и не удовлетворять вымышленные и являющиеся результатом невроза нужды пациента. Если это имеет место, то основная невротическая характеристика пациента не изменится и мы увидим, что, хотя в процессе лечения пациент и может почувствовать себя хорошо, после окончания его наступит рецидив. Объем и тип врачебной деятельности должен изменяться не только для каждого пациента, но даже – в каждом данном случае – соответственно стадии лечения.

Успешное лечение изменяет и расширяет деятельность и социальные возможности пациента как благодаря самому лечению, так и оттого, что вся ориентация научной психотерапии направлена не на субъективные эмоциональные реакции пациента, а на мир внешней социальной реальности, на взаимоотношения с ним и участие в нем пациента. Это подчеркивание значения внешней реальности создает устойчивое воздействие на невротика, заставляющее его изучать и изменять эту реальность. В ходе этого изучения и изменения пациент изменяется сам, и невроз исчезает.

Воздействие на пациента остается активным в течение всего процесса лечения, но в особенности на средней и конечной его фазах.

Редко случается, что практическая деятельность строго и узкоспецифически предписывается врачом; по мере того как лечение подходит к концу, все более и более подчеркивается тот факт, что "жизнь – твой учитель", и то, что нельзя научиться без труда и борьбы. В конце лечения пациент должен принимать гораздо большее участие в обычных взаимоотношениях и в коллективной деятельности демократического характера. Дефекты и осложнения, являющиеся результатом этого большего участия, дают материал для конечных фаз обсуждения, и в то же самое время положительные черты пациента и его новые, здоровые реакции выделяются и усиливаются.

Если к концу лечения нелогизмы в мышлении пациента преодолены в достаточной степени, если ликвидировались его основные неправильные понятия и если его индивидуалистическая, эгоистическая и искаженная система установок изменилась, приходит время приступить к дальнейшему развитию лучших качеств пациента. Лечение, как вспышка света, указывает процесс конструктивного изменения, который будет продолжаться в течение многих лет, по мере того как бывший пациент растет и учится на основе собственного опыта. Из хаоса и неразберихи прошлого вырастает новая личность. Наблюдать, как это совершается, и самым активным образом участвовать в этом процессе – один из наиболее волнующих и приносящих удовлетворение аспектов медицинской практики.

Однако счастье спасти еще одного человека от путаницы и отчаяния невроза всегда умеряется отрезвляющим сознанием того, что на каждого излечившегося невротика деструктивные условия нашего общества создают тысячи новых. Эта проблема ощущается не только психиатром. Врачи, лечащие туберкулез, венерические болезни, последствия недоедания, несчастные случаи на производстве, увечья, полученные на войне, уже не говоря о прочем, стоят перед той же проблемой. Болезни, которые мы лечим, суть социальные болезни, и они будут успешно искоренены лишь социальными преобразованиями.

Таким образом, основное лекарство для психических и эмоциональных проблем наших соотечественников американцев – это отнюдь не психотерапия для всех. Оно заключается скорее в конструктивных социальных преобразованиях, которые раз и навсегда покончат с нищетой, войной, эксплуатацией, бесчеловечностью, преследованием национальных меньшинств и

всеми подобными обстоятельствами, сопутствующими жизни нашего общества. Когда такие преобразования произойдут – что будет обязательно, – это нанесет сокрушительный удар по психиатрии. Тогда личные проблемы, страдания, психические болезни и сложные методы лечения, вкратце описанные в этом труде, отойдут в далекое и мрачное прошлое, когда люди находились еще в состоянии невежества и полуварварства.